МАТЕРИАЛЫ
XV ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«ПИСЦОВЫЕ КНИГИ И ДРУГИЕ МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ XVI–XX ВЕКОВ»

К столетию со дня рождения
П. А. Колесницкого

Москва
Древнехранилище
2008

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ РАН
СЕВЕРНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Материалы XV Всероссийской научной конференции

«Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков»

К столетию со дня рождения П. А. Колесникова

Москва
«Древлехранилище»
2008

ББК 63.3(2)
П 34

Редколлегия:
Рыженков М. Р. (отв. редактор),
Дмитриева З. В.,
Зенченко М. Ю.,
Иванова Г. А.,
Швейковская Е. Н.

Проведение конференции и издание научных материалов осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 07-01-14048 г)

П 34 Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков». К столетию со дня рождения П. А. Колесникова. М.: «Древлехранилище», 2008. 380 с.

ISBN 978-5-93646-134-7

© Коллектив авторов, 2008
© «Древлехранилище», 2008

В сборнике публикуются материалы докладов и сообщений XV Всероссийской научной конференции **«Писцовые книги и другие массовые источники XVI-XX веков. К столетию со дня рождения П.А. Колесникова».** Конференция состоялась 2-3 июля 2007 г. в Москве в Российском государственном архиве древних актов.

XV конференция была организована совместными усилиями Российского государственного архива древних актов, Археографическай комиссии РАН и Санкт-Петербургским отделением Археографической комиссии. Местом проведения был избран Архив древних актов – основное хранилище массовых источников феодального периода, стены которого давно стали вторым домом для многих участников конференции.

На первом пленарном заседании выступавшие отдали дань памяти Петра Александровича Колесникова (1907–1996) – выдающегося ученого, крупнейшего специалиста по истории Русского Севера, одного из учредителей данного научного форума. С приветствием к участникам обратился председатель оргкомитета конференции, директор РГАДА М.Р. Рыженков. С воспоминаниями о научной деятельности П.А. Колесникова выступили академик РАО, почетный председатель АК С.О. Шмидт и один из старейших сотрудников РГАДА Н.П. Воскобойникова. Они поделились своими воспоминаниями о Колесникове – ученом и человеке, отметили его вклад в науку, выдающиеся заслуги в области изучения и публикации массовых источников.

Основная работа конференции проходила по секциям. Первая – **«Массовые источники XVI–XX вв. в контексте российской истории»** оказалась наиболее представительной (20 докладов). В докладах участников секции отразилась вся типология массовых источников Российского государства XVI–XVIII вв. – от традиционных писцовых и переписных книг до статистических и географических материалов XVIII в. Для участников второй секции – **«Писцовые книги и другие**

историко-географические источники: критика и методы изучения» (15 докладов) – в центре внимания оказались скорее приемы изучения источников. Тематика докладов концентрировалась вокруг трех основных направлений: 1) возможности применения новых технологий для повышения информационной ценности источника; 2) проблемы углубленного изучения текста памятника (кодикология и структура текста); 3) традиционные номиналы документов в свете современного документоведения. На заседаниях третьей секции – **«Монастырская хозяйственная документация XVI–XIX вв.: проблемы изучения и издания»** – было заслушано 17 докладов, в основном посвященных проблемам изучения хозяйства монастырей-вотчинников.

Работа конференции завершилась вторым пленарным заседанием, на котором были подведены итоги работы секций и **Круглым столом**, на котором прозвучали два доклада.

З.В. Дмитриева (СПб ИИ РАН) сообщила собравшимся о перспективах издания массовых источников, вывезенных из России в период шведской окупации нач. XVII в. Значительная часть городских документов из архива Новгородской приказной избы 1611–1617 гг. сохранилась в Государственном архиве Швеции (Riksarkivet). В коллекции отразилась деятельность Дворцового приказа, Поместного приказа, Приказа Большого прихода, Разряда. Кроме того, в архиве содержатся материалы, происходящие из небольших центров Новгородской земли – Тесовского, Ивнинского и Зарецкого острожков, а также часть походной канцелярии Н.В. Вышеславцева за зиму 1611–1612 гг. Сохранилось около трех десятков дозорных описаний новгородских пятин 1611–1616 гг. Лучше всего представлены материалы Водской и Шелонской пятин, а также Старорусского уезда, входившего в состав последней, но подчиненного непосредственно Новгородскому Дворцу. Шведскими учеными Э. Лефстранд и Л. Нордквист подготовлено фундаментальное описание всех документов коллекции «Ockupationsarkivet fren Novgorod» и других дел Государственного архива Швеции и архивохранилищ России, происходящих из Новгородской приказной избы. Ко второму тому описания документов коллекции «Ockupationsarkivet fren Novgorod» Л. Нордквист и Э. Лефстранд планируют приложить копии всех документов на современных электронных носителях. Такое приложение даст возможность ознакомиться с материалами архива широкому кругу российских ученых.

М.Ю. Зенченко (РГАДА) коротко резюмировал опыт работы по изданию «Каталога писцовых книг Русского государства». Объем вовлеченных в описание документов оказался настолько велик, что сам по себе начал порождать вопросы, ранее не вставшие перед исторической наукой. Научное описание подразумевает не источниковедческое, а документоведческое исследование любого памятника, вне

зависимости от его информационной ценности. В результате объектом описания оказались и документы с до сих пор неисследованным формуляром. Для их полноценного описания необходима классификация выявленных формуляров на основании изучения целей и обстоятельств возникновения этих документов. Фактически, речь идет о создании типологии нового класса источников, не являющихся писцовыми и переписными книгами, а лишь использующих содержащуюся в них информацию. С учетом печального состояния документоведческих исследований, практически прекратившихся в последние годы, эта проблема представляется одной из первоочередных.

В работе конференции приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Вологды, Казани, Коломны, Краснодара, Курска, Нижнего Новгорода, Орла, Петрозаводска, Пскова, Твери, Череповца. Всего в мероприятии приняли участие более 60 человек, было заслушано 54 доклада.

Конференция показала, что за годы работы сложился коллектив единомышленников, включающий как постоянных, так и новых участников, заинтересованных в научном общении. На конференции была создана атмосфера сотворчества, что позволило сохранить традиции, заложенные предшественниками, и создать новые направления в изучении массовых источников. Общение известных исследователей и молодых ученых способствовало взаимному обогащению источниковедов, расширило их научный кругозор.

Оргкомитет принял решение опубликовать материалы докладов и сообщений участников конференции. Публикация материалов конференции осуществляется в рамках гранта Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-01-14048г).

В публикуемых источниках были сохранены авторские способы передачи текста. В оформлении научно-справочного аппарата к статьям ответственность за точность и полноту информации несут авторы.

О.А. Абеленцева

К вопросу о подготовке научно-справочного аппарата к изданию массовых источников (на примере предметно-терминологического указателя к изданию приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского монастыря конца XVI – первой трети XVII в.)

В настоящее время в Санкт-Петербургском Институте истории РАН подготавливается публикация монастырских приходо-расходных книг Белозерского края конца XVI – первой трети XVII в.[1] Этот комплекс источников не только предоставляет сведения об экономическом положении земледельческо-промысловых хозяйств Белозерского края в непростой период исторического развития страны, но и позволяет в мельчайших деталях познакомиться с материальной бытовой составляющей жизни монастыря. Приходо-расходные книги дают почти исчерпывающую информацию о том, чем питались братия и служебники, во что одевались, какие предметы, инструменты и материалы использовали в быту и ремесленной деятельности.

В связи с такой особенностью публикуемых источников важной частью научно-справочного аппарата подготавливаемого издания является предметно-терминологический указатель.

Необходимо сказать несколько слов о методических и нормативных подходах к составлению предметных указателей. Со времени появления первых отечественных изданий документов, сопровождавшихся указателями, отечественная археография накопила определенный опыт работы над созданием научно-справочного аппарата изданий, однако, в XX веке представления о принципах составления предметно-терминологического указателя претерпели наиболее существенные изменения, а некоторые подходы остаются дискуссионными. В правилах и методических рекомендациях по изданию исторических документов составлению предметно-терминологического указателя уделялось и уделяется меньше внимания по сравнению с именным или географическим, и многие проблемы, возникающие при работе над указателями, не находят в них отражение. В данной публикации мы хотели бы затронуть лишь некоторые из них.

При составлении предметно-терминологического указателя, прежде всего, встает вопрос о его полноте. Например, в «Правилах издания документов», принятых Научно-издательским совещанием при

Абеленцева Ольга Александровна, к.и.н., научный сотрудник СПбИИ РАН (Санкт-Петербург)

Петроградском отделении Главного управления архивным делом в 1919 г., сказано, что «предварительно должны быть точно определены термины, подлежащие внесению» в указатель, а «распространенные указатели допускаются лишь в исключительных случаях»[2]. В первой половине XX в. утвердился подход, согласно которому «предметные указатели должны составляться применительно к целевой установке издания», и вноситься в них должны «в первую очередь, термины, связанные с основной тематикой данного тома»[3]. А. А. Зимин предлагал вносить в указатель основные социально-экономические термины и обозначения предметов, «названия которых давно уже вышли из употребления»[4].

В конце 1940-х – в 1950-х гг. постепенно возобладал другой подход, при котором фундаментальные издания актов, такие как ДиДГ или АСЭИ составители стали снабжать развернутыми предметно-терминологическими указателями. «Правила издания исторических документов в СССР», (2-е изд. 1990 г.), разработанные совместно разными ведомствами, в том числе Академией наук и Главным архивным управлением, допускают, в зависимости от содержания публикуемых документов, составление указателя «общего, включающего все предметные обозначения, имеющие существенное значение для раскрытия содержания публикации, или специального, включающего один или несколько видов однородных предметных обозначений»[5]. Однако, методические рекомендации для публикации документов раннего периода предлагают вносить в указатель все термины источников, характеризующие материальную и духовную культуру, явления экономической, социальной и политической жизни, выраженные существительными или другими частями речи и словосочетаниями[6]. Такой подход позволяет избежать ситуации, когда составители, руководствуясь собственными представлениями, определяют, какие именно термины и понятия являются существенными для раскрытия содержания публикации.

Все же положение о полноте указателя не следует понимать буквально. Например, в современных изданиях в указатель традиционно не выносятся существительные при числительных, обозначающих год («лета»), день, названия месяцев и некоторые другие. Кроме того, нецелесообразно выносить в указатель некоторые существительные, значения которых раскрывается из определяющих их прилагательных или существительных, например, существительное «цвет» (при упоминании названия ткани и ее цвета). В некоторых случаях, на наш взгляд, решение о внесении в указатель разных значений одного и того же слова (омонима) следует принимать в зависимости от контекста. Например, нет необходимости включать в указатель существительное «имя» при наличии в тексте имени упоминаемого лица, вносимого в

именной указатель. В случае же, когда приходо-расходные книги упоминают о записи имени или нескольких имен в синодик за определенную плату, и этим фиксируют акт, интересный для изучения поминальной практики, слово «имя» включается в указатель с соответствующим пояснением. Можно также привести в качестве примера существительное «труды», которое редко вносится в указатели, но в приходо-расходных книгах оно употребляется синонимично термину «найм» (в словосочетаниях «дано от трудов» «дано от найма») при оплате работы, то есть отражает экономические процессы.

Некоторые понятия, выраженные в тексте источника существительными, являются определениями качеств упомянутого в источнике предмета и, с нашей точки зрения, должны быть представлены не в алфавитном ряде, а в подрубрике определяемого слова. Например, существительное «печать» («Триодь московской печати»):

Книги
Триодь постная
- московской печати
- печатная в тетрадях

В ряде случаев определения (грамматически выраженные существительными в тексте источника) позволяют отнести определяемое существительное к числу подрубрик разных предметно-терминологических единиц. Например, в приходо-расходных книгах имеются сведения о покупке «снастей» для седел, телег и судов. При этом речь идет о совершенно разных предметах, которые было бы неверно механически объединять в одну рубрику «снасти», а следует поместить в подрубрики к соответствующим предметам.

При составлении указателя возникают вопросы о том, какая именно форма слова должна быть в нем представлена в качестве основной – современная литературная или одна из форм его написания в источнике, и как именно давать при ней другие имеющиеся чтения. «Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики»[7] предлагают «все термины включать в указатель в двух формах: в написании источника и в написании составителей»[8]. При этом основным считается наиболее распространенное написание источника, остальные формы приводятся вслед за ним в круглых скобках, а также «включаются в указатель в качестве самостоятельной единицы» с ссылками на основное написание. Практику внесения всех разночтений в указатель можно считать совершенно оправданной при наличии в Литовской метрике форм слов и лексики значительно отличающихся или отсутствующих в современном литературном языке. Однако, на наш взгляд, в этом нет необходимости в тех случаях, когда разночтения несущественны для понимания слова и отдельные формы слова в алфавите указателя будут стоять одна вслед за другой, например «инокиня, (иноконя)», «вожжи,

(возжи)». Можно считать в настоящее время общепринятой практику помещения разночтений слова в круглые скобки, но употребление при оформлении разночтений кавычек отличается в разных изданиях. Так в «Актах Российского государства» кавычки используются, если в круглых скобках приводится трафаретная формула источника, поясняющая значение слова, например, «век («до века»)», «вина («в правде и в вине»)»[9]. В публикации «Россия и греческий мир в XVI веке» в круглых скобках в кавычки заключены варианты написания, например, «обдержник («обдръжник»)», «обещник («обащник»)». В этом случае употребление кавычек кажется не совсем оправданным, во всяком случае, непоследовательным, так как все эти формы слов являются чтениями из источника. Нам представляется правильным употребление кавычек в скобках в указателе к «Актам Российского государства», так как приведенные в них словосочетания – цитаты.

Наиболее дискуссионным является вопрос о структуре предметно-терминологического указателя. Правила определяют предметно-терминологический указатель как систему рубрик, отражающих основные понятия и подрубрик, уточняющих свойства и особенности этих понятий[10], расположенных в алфавитном порядке.

При значительном объеме указателя такая структура не всегда обеспечивает эффективность поиска представленных в указателе групп предметов или понятий. Именно поэтому в алфавитный ряд предметно-терминологических единиц иногда вводятся обобщающие словарные рубрики или «классификационные понятия широкого плана»[11] – «актовая терминология», «списки»[12], «грамоты»[13]. С нашей точки зрения, для большего удобства работы с указателем под рубриками, сформулированными и вводимыми составителем (т. е. отсутствующими как словарные единицы в тексте источника, либо не во всех случаях сопровождающие группируемые под ними предметы или термины) целесообразно объединять и некоторые другие предметно-терминологические единицы. В этом случае рубрики, введенные составителем, предлагается выделять графически. Например, как было сказано ранее, сведения об оплате отдельных видов работ могут быть представлены в указателе трафаретными формулами – «дано от трудов», «дано от найма», кроме того, в публикуемых нами источниках записи об оплате труда содержат словосочетания с отглагольными существительными – «дано от гребли», «дано от косьбы», «дано от копанья» и др. Для адекватного отражения содержания источника выносить в указатель сведения о видах выполнявшихся в монастыре работ следует именно в виде группы трафаретных формул (подрубрик) под обобщающей рубрикой «виды работ, выполнявшихся в монастыре и их оплата». Можно привести еще один пример, под обобщающим понятием «выплаты» у нас представлены специальные праздничные выплаты

монастырским слугам, которые в приходо-расходных книгах называются «великодневскими», «рождественскими» и «успенскими рубахами»[14]. На наш взгляд, введение составительских рубрик оправданно в случаях необходимости объединить под ними термины, выраженные трафаретными формулами и отражающие социально-экономические процессы. Ответ на вопрос о том, возможно ли применить прием введения обобщающих рубрик ко всему материалу указателя или к значительной его части, на наш взгляд, можно дать только в каждом конкретном случае в зависимости от содержания самого материала указателя. Можно привести удачный пример решения такой задачи – предметный указатель к изданию Описей Соловецкого монастыря XVI века[15], в котором большие группы предметов и терминов объединены в рубрики. Например, «камни драгоценные и декоративные», «кожи», «краски», металл», «одежда». Пользоваться таким указателем, безусловно, удобно. Однако, при таком способе подачи материала могут быть высказаны замечания формального характера, так как составительские рубрики графически не выделены, а разделение терминов по группам не проведено до конца. Например, выделена в отдельную рубрику светская одежда, но не выделены богослужебные облачения. В целом такой прием для составления предметно-терминологического указателя мы считаем оправданным не смотря на то, что в этом случае общие классификационные понятия будут иметь разный объем[16], который в «узких» рубриках будет равен предмету (например, под рубрикой «рыба» в подрубрики будут сгруппированы все виды рыбы, приобретавшиеся для монастыря), а в обобщающих рубриках шире понятия о предмете (например, «инструменты» – «игла», «коса», «топор» и др.).

По мнению А.В. Маштафарова, глоссарий предметно-терминологического указателя структурировать не следует, предпочтительно представить предметно-терминологический указатель в виде двух разделов глоссария и структурно выстроенного в алфавитном порядке предметно-терминологического блока (без указания страниц) со ссылками на словарные единицы глоссария. При этом при составлении рубрик предметно-терминологического блока предлагается воспользоваться принципами библиотечной предметизации. С нашей точки зрения, такой прием составления указателя имеет как положительные, так и отрицательные стороны. В каких-то случаях он поможет выявить интересующие исследователя группы предметов или понятий, но на следующем этапе исследователь вновь будет вынужден вернуться к поиску слов со ссылками на страницы публикации по всему глоссарию. Кроме того, как уже было сказано, рубрики будут иметь разный объем понятий, и может возникнуть ситуация, при которой значительное количество предметно терминологических единиц потребуют создания отдельных рубрик, под которыми будет помещены один или два термина,

что значительно увеличит объем указателя. При этом подход к составлению рубрик будет оставаться субъективным, зависящим от «квалификации, эрудиции и интересов предметизатора»[17].

Также в современных изданиях можно встретить разный подход к оформлению ссылочных данных[18] и пояснений к терминам. В ряде изданий ссылки в указателях даются на листы рукописи источника, что позволяет, с одной стороны уменьшить объем просматриваемого в поисках слова текста публикации, а с другой заранее подготовить материал указателя со ссылочными данными. Но эти несомненные преимущества становятся, на практике, не столь очевидны, когда в одном томе опубликована большая группа документов, у каждого из которых своя нумерация листов, то есть читатель, сперва, должен отыскать по оглавлению страницы, на которых опубликован документ, а потом опять найти в указателе нужное слово или выписывать все поисковые данные. Еще затруднительнее становится поиск в том случае, если в оглавлении тома не указаны страницы, на которых напечатаны отдельные документы, а ссылки в указателе даны на листы рукописей, как это произошло в АРГ[19]. На наш взгляд, при публикации в одном томе нескольких документов следует ссылаться на страницы издания.

В изданиях встречаются также разные подходы к оформлению пояснений при терминах. «Правила издания...» предлагают отделять пояснения запятой, как это сделано, например в АСЭИ[20]. В изданиях последних лет можно встретить разные приемы оформления пояснений. В АРГ пояснения составителя не являющиеся цитатами из источника даны в квадратных скобках. В публикации «Россия и греческий мир в XVI веке» пояснения даны курсивом, при этом в некоторых случаях также используются квадратные и круглые скобки. С нашей точки зрения, все перечисленные варианты оформления пояснений могут быть применены, так как одинаково выполняют свое назначение, но если составители путем определенного оформления пояснений хотят донести до исследователя какую-либо дополнительную информацию, то было бы желательно пояснить это, как предлагают методические рекомендации, в Предисловии к указателям[21]..Наиболее удачным нам кажется прием выделения пояснений курсивом, при этом для вводимых поясняющих цитат из текста источника следует использовать кавычки.

Можно подвести некоторые итоги наших наблюдений. Существующие правила, рекомендации и практика создания предметно-терминологических указателей к массовым источникам дают составителю определенную свободу выбора средств для решения стоящих перед ним задач. При этом определяющим должен быть характер издаваемых документов, так как только после выявления всего комплекса предметов и понятий, которые будут представлены в указателе, следует выбирать средства для обеспечения эффективного поиска в нем нужной информации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Руководитель проекта д.и.н. З.В. Дмитриева. Работа ведется при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда, грант № 05-01-01189а.

[2] Правила издания документов (Приняты в засед. Научно-Издат. Совещ. при Петрогр. Отделении Главного Управления Архивным делом 15 сентября 1919 года). С. 4. Пункты 38 – 40.

[3] Правила издания документов XVI – XVII вв. // Проблемы источниковедения. Вып. 2. М.; Л., 1936. С. 330. Пункт 125.

[4] Зимин А. А. Методика издания древнерусских актов. М., 1959. С. 51.

[5] Правила издания исторических документов в СССР (2-е издание). М., 1990 (далее – Правила издания...). С. 158.

[6] См., например: Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики (Составители: А. Л. Хорошкевич, С. М. Каштанов). Вильнюс, 1985. (далее – Методические рекомендации...) С. 83; Каштанов С. М. Актовая археография. М., 1998. С. 229.

[7] Методические рекомендации... С. 84.

[8] Под написанием составителей понимается современная литературная форма слова, например «свидетели см. светки». См. там же. С. 84.

[9] Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов. М., 1998 (далее – АРГ). С. 709.

[10] Правила издания... С. 158.

[11] Каштанов С. М. Актовая археография. С. 229.

[12] АСЭИ. Т. 1. М., 1964. С. 629 – 630.

[13] АРГ. Т. 1. М., 1998. С. 710 – 711.

[14] Следует отметить, что все предметно-терминологические единицы, помещенные под обобщающими составительскими рубриками, обязательно вносятся также и в алфавитный ряд с соответствующими ссылками на рубрику, но без указания страниц.

[15] Описи Соловецкого монастыря XVI века. СПб., 2003. С. 312 – 329.

[16] Предметный каталог. Общая методика предметизации. Организация и ведение каталога. М., 1973. С. 23.

[17] Предметные указатели. М., 1976. С. 5.

[18] «Правила издания...» предлагают «после наименования и пояснения понятия в указателе» ставить страницы издания (См.: Правила... С. 153. Пункт 290. Ссылочные данные).

[19] АРГ. С. 734.

[20] АСЭИ. Т. 1. С. 739 и далее.

[21] Каштанов С.М. Актовая археография. С. 22. Пункт 775; Методические рекомендации... С. 85. Пункт 487.

* * *

К.А. Аверьянов

О времени возникновения писцовых книг

В науке нередко возникают парадоксальные ситуации, когда несколько поколений исследователей занимаются той или иной проблемой, но при этом проходят мимо, казалось бы, самых очевидных и простых вещей. Все это можно отнести к вопросу о времени возникновения писцовых книг. Несмотря на то, что их изучают на протяжении уже более полутора столетий, в центре внимания историков оказывались совершенно иные проблемы – о степени достоверности писцового материала, методы их составления, писцовое делопроизводство, характеристика землевладения по данным писцовых описаний и т.п. Вопрос о том – когда, и самое главное, почему возникли писцовые книги? – всегда оставался где-то в стороне. Между тем без его решения невозможно понять место писцовых книг среди других подобных массовых описаний: переписных книг, ревизий, материалов Генерального межевания, сельскохозяйственных переписей и т.п.

Когда же появился этот вид источников? Н.Ф. Демидова в соответствующей статье в «Советской исторической энциклопедии» по этому поводу пишет: «Писцовые книги – сводные документы хозяйственных описаний, систематически проводившихся в России в XV – XVII вв. Наиболее ранними из сохранившихся являются новгородские писцовые книги конца XV в. Регулярно начали составляться с XVI в., когда появился и сам термин».[1]

Схожей позиции придерживалась Е.И. Колычева, отмечавшая, что рубеж XV – XVI вв. явился важным этапом в истории Русского государства. Княжение Ивана III (1462–1504) стало переломным моментом в создании единого централизованного государства. В 1480 г. было окончательно ликвидировано татаро-монгольское иго. Уходила в прошлое былая феодальная раздробленность – в 1478 г. под власть Москвы переходят огромные земельные владения Великого Новгорода, в 1485 г. уничтожается независимость когда-то могущественного Тверского княжества. К началу XVI в. объединение всех русских земель вокруг Москвы было практически завершено. Формально независимыми оставались лишь Псков и Рязанское княжество, но и они уже со второй половины XV в. прочно вошли в орбиту московского влияния, а окончательно были присоединены уже при сыне Ивана III – Василии III. В этих условиях на первый план выходит необходимость проведения всеобщего «валового» описания земель – с одной стороны государству

Аверьянов Константин Александрович, д.и.н., ст. научный сотрудник ИРИ РАН (Москва).

важно было знать всю совокупность доходов, на которую оно могло рассчитывать, с другой стороны требовалось выработать единый принцип обложения земель, поскольку уровень сбора доходов с определенного количества земли в одном районе мог резко отличаться от других. Все это привело к тому, что на рубеже XV – XVI вв., точнее: в 1497 – 1504 гг. проводится первое генеральное описание Русского государства. По ее данным, за этот период были описаны следующие уезды: Бежецкий, Белозерский, Владимирский, Вологодский, Галичский, Гороховецкий, Дмитровский, Каширский, Коломенский, Костромской, Можайский, Московский, Нижегородский, Переяславль-Залесский, Пошехонский, Ростовский, Радонежский, Суздальский, Угличский, Юрьев-Польский, Ярославский, Вятская земля, а также бывшие владения Новгорода Великого.[2]

Вместе с тем, исследовательница не ответила на вопрос – проводились ли подобные описания в более ранний период ? – хотя и привела свидетельство того, что они существовали. Речь идет о духовной грамоте 1461/62 г. великого князя Василия Темного, который предусматривал: «А как почнут дети мои жити по своим ouделом, и моя княгини, и мои сынъ Иван, и мои сынъ Юрьи, и мои дети пошлют писцев, да ouделы свои писци их опишут по крестному целованью, да по тому письму и обложат по сохам и по людем, да по тому окладу моя княгини и мои дети и в выход оучнут давати сыну моему Ивану съ своих ouделов. А переменит Богъ Орду, и моя княгини и мои дети возмут дань себе съ своих ouделов, а сынъ мои Иванъ в то не въступается».[3]

О том, что в середине XV в. выражения «писец», «письмо» не являлись чем-то новым, свидетельствует наблюдение А.Г. Авдеева, обратившего внимание на житие Паисия Галичского, в котором излагается содержание жалованной грамоты, выданной Паисию великим князем Василием Темным во время его пребывания в Москве, где находим упоминание писцовых книг.[4] Термин «писцы» встречается и в докончании 1447 г. великого князя Василия Темного и князя Михаила Андреевича Верейского. Приведем из него отрывок: «А что мя еси, господине, пожаловал, дал ми еси в вотчину и в вудел половину Заозерья, отчины заозерьских князеи половина, и съ селы, и со всемъ с темъ, как было за отчичи за князми, да к тои половине придал ми еси, господине, исъ своее половины того жо Заозерья сто деревень, а что, господине, Кубена на сеи стороне, и противу, господине, половины Кубены велети ти, господине, мне отписати Заозерьских деревень по пригожу, вместо половины Кубены, исъ своее половины, а отписати ти, господине, велети мне, своему брату, тое отчины своему писцю, а моему, господине, писцю быти с твоимъ писцем, а отписати, господине, твоему писцю мне та сторона, которая пришла к моей отчине к Белуозеру... А коли, господине, князь велики, придет посолъ татарьской в Ярославль,

и мне, господине, с тое отчины з Заозерья давати ярославьским княземъ в выход и во все пошлины, в ординьские проторы, по старине, как давали заозерские князи ярославьским княземъ».[5]

Таким образом из названных источников со всей очевидностью вытекает то, что к середине XV в., судя по всему, традиция проведения писцами хозяйственных описаний насчитывала уже не одно десятилетие. Насколько далеко она уходила в глубь столетий? Определенные указания находим в одной из статей составленного около 1472 г. договора Ивана III с его братом – удельным князем Андреем Васильевичем Углицким: «А коли, господине, князь велики, пошлешь своих писцов...[здесь в источнике лакуна размером около 6 букв, видимо надо: «с моими»] Москвы писати и Московскых станов, а мне, господине, послати своих писцов с твоими вместе, как было при нашом прадеде, и деде, и отцы нашом, великих князеи. А что наши данщики зберут, тому ити в твою казну, великого князя, а тобе, великому князю, давати та дань в выход. А с моего, господине, оудела имати ти оу меня выход по крестному целованью. А ци переменит бог Орду, коли будет с великого княженья выхода не дати, тогды и мне своего оудела не дати».[6]. Прадедом Ивана III и Андрея Васильевича Углицкого, как известно, являлся Дмитрий Донской. Поскольку процитированная ссылка на старину в этом докончании восходит ко второй половине XIV в., можно предположить, что писцовые описания проводились по крайней мере уже с этого времени.

Что же послужило исходным толчком для их составления? Во всех процитированных выше источниках XV в. наше внимание привлекает важное обстоятельство – упоминания писцов идут в одном контексте с ордынским выходом. Любопытным представляется и другое – именно ко времени княжения Дмитрия Донского, к которому восходят наиболее ранние свидетельства о проведении писцовых описаний, относятся данные о раскладках денежных сумм, следовавших великому князю с отдельных волостей и уделов в счет дани, платившейся в Орду.

Так из договора от 25 марта 1389 г. между Дмитрием Донским и князем Владимиром Андреевичем Серпуховским ,узнаем, что последний должен был платить со своих владений 320 рублей в счет общей суммы ордынского выхода в 5000 рублей: «а ординьская тягость, также и проторъ, дати ти мне, брату своему стареишому и отцю, и сыну моему, князю Василью, съ своего оудела и со княгинина оудела Оульянина, съ твое трети, в пять тысячь руб. триста рублевъ и двадцать руб.».[7] Из духовной грамоты князя Владимира Андреевича Серпуховского узнаем, что дань в 5000 рублей собиралась только с одного Московского княжества, а подобные раскладки сумм, платившихся в Орду, существовали и в других княжествах: «А коли выидет дань великого князя ко Орде в пять тысяч рублев, имется дани детем моим и княгини моеи и их

уделом триста рублев и дватцать рублев, оприснь Городца и Углеча поля... а сын, князь Семен, князь Ярослав, возмут дани з Городца и з Городецких волостеи в новогородцкои выход (т.е. Нижнего Новгорода. – Авт.), в полторы тысячи рублев, возмут сто руб. и шестьдесят рублев».[8]

Означает ли это то, что писцовые описания возникли вследствие необходимости уплаты дани в Орду? В литературе высказывались определенные соображения по этому поводу. В частности, исследователи обратили внимание на то, что, судя по сохранившимся писцовым описаниям, земля измерялась в сохах, которые являлись основной окладной единицей для государственных налогов и повинностей. Так, Е.И. Колычева указывала, что древнейшим упоминанием сохи в качестве окладной единицы принято считать приведенное В.Н. Татищевым известие об уплате в 1273 г. дани татарам. Великий князь Василий Ярославич доставил в Орду «дань урочную со всея земли по полугривне с сохи, а в сохе числиша по два мужи работники... И хан... рече: ясак мал есть, а люди многи в земле твоей, почто еси не от всех даеши? Князь же великий отымался числом баскаков прежних. И хан повеле послати новы численники во всю землю Русскую».[9]

В этом сообщении наше внимание привлекает термин «численники». В общерусских летописях он упоминается под 1255 г., когда вскоре после монголо-татарского нашествия власти Золотой Орды решили упорядочить сбор дани с покоренных русских земель и провели первую известную нам перепись податного населения: «Тое же зимы приехаша числениці ис татар и сочтоша всю землю Русскую и поставиша десятники и сотники, толико не чтоша игуменов и попов и черьнцѣв, хто служит святымъ церквам. Се же все бысть на Русской земли грех ради наших».[10]

Означает ли это то, что писцовые описания возникли в середине XIII в. и были связаны с выплатой ордынской дани? Можно было бы согласиться с этим казалось бы логичным выводом, если бы не одно обстоятельство.

Известно, что самой древней и наиболее архаичной формой управления княжеством являлась система полюдья, заключавшаяся в более или менее регулярном объезде князем вместе с дружиной подвластной ему области. Для сбора дани и других доходов, а также отправления правосудия князь объезжал подвластную территорию, останавливаясь из года в год по одному и тому же пути в заранее определенных пунктах, позднее получивших название станов (в смысле – остановка). Станом позднее стала называться и территория вокруг стоянки князя, с которой собирались дань и доходы. Места княжеских остановок иногда находились в каком-либо селе, но очень часто и вне селений, в зависимости от удобств для окрестных жителей и дальнейшего следования княжеской дружины. Княжеские объезды были

приурочены, как правило, к большим церковным праздникам – Рождеству, Пасхе, Петрову дню. Эта система управления не была чисто русской особенностью: ее проявления видим и на западно-европейском материале. При больших размерах малонаселенных княжеств такие регулярные объезды были наиболее целесообразной формой управления, сбора дани, прокормления дружины, суда и управы.

Расцвет этой системы управления приходился на домонгольский период. Имеющиеся в нашем распоряжении грамоты XIV – XV вв. в чистом виде эту систему уже не застают, хотя продолжают фиксировать отдельные ее следы. Об этом говорит духовная грамота московского князя Ивана Красного середины XIV в., когда упоминает о праве князей «ставити коней по станом». К этому добавим упоминание в источниках «путных бояр», изначальной обязанностью которых, очевидно, являлся как раз объезд отдельных территорий, подвластных князю. Из нескольких жалованных грамот середины XV в. становится известным о существовании «проездного суда», когда виновных в тех или иных преступлениях князь судил не в своем стольном городе, а во время остановки на станах. Уставные грамоты XV в. сохранили некоторые черты этой системы управления. Судя по ним, одной из статей княжеских доходов были «кормы». Со времен древнейшей Русской Правды, уставные грамоты, перечисляя доходы в пользу князя всегда указывают хлеб, мясо и др. вместе с сеном и овсом для лошадей. Это свидетельствует о том, что «кормы» были рассчитаны именно на разъезжающего человека.

Следует полагать, что еще до проведения полюдья князю заранее необходимо было знать – какую сумму можно было собрать с той или иной подвластной ему территории. Это же нужно было и непосредственным плательщикам дани. Разумеется, порой у князей и их данщиков возникал соблазн взять больше установленного или просто грабежа того, что плохо лежит. Об этом, к примеру, свидетельствует известный рассказ Начальной летописи о сборе дани с древлян киевским князем Игорем и связанных с этим злоупотреблениях, кончившихся его гибелью, или сообщение под 1187 г. в Первой новгородской летописи о том, что новгородские сборщики дани были перебиты на Печоре, Югре и за Волоком.[11] Но это были исключения. Князья предпочитали иметь стабильный и гарантированный доход. Если это так, то мы вправе допустить, что для определения размеров собираемой дани проводились соответствующие описания.

О том, что они существовали, свидетельствует единственная уцелевшая из всего множества подобных документов уставная грамота 1136 г. смоленского князя Ростислава Мстиславича. Она была составлена в связи с учреждением в Смоленске епископской кафедры, на содержание которой князь обязался выделить одну десятую дани,

собираемой с местного населения. Именно благодаря этому обстоятельству она дошла до нас в списке позднейшего времени. Ее изложение идет по отдельным волостям и населенным пунктам: «А в Торопчи дани четыреста гривен, а епископу с того взяти 40 гривен. А в Жижци дани 130 гривен, а с того епископу взяти 13 гривен. А в Каспли 100 гривен, а ис того епископу взяти 10 гривен... ».[12] Заранее установленные размеры сборов показывают, что для этого предварительно была проведена соответствующая их оценка. К сожалению, у нас нет данных – проводилась ли она специально назначенными писцами, либо же писец и данщик являлись одним и тем же лицом.

Что же служило критерием для установления размеров сумм, собиравшихся в пользу князя? Им являлось количество семей, проживавших на той или иной территории. Судить об этом можно по сохранившейся жалованной данной и тарханной грамоте 1371 г. великого рязанского князя Олега Ивановича Ольгову монастырю на село Аристовское. Для нас важен имеющийся в ней пересказ прежних грамот: «А возрев есмь въ давныи грамоты съ отцемь своимь съ владыкою с Васильемь и съ бояры, коли ставили по первых прадеди наши святую Богородицю, князь великии Инъгварь, князь Олег, князь Юрьи, а с ними бояръ 300, а мужи 600, тогды дали святои Богородици дому 9 земль бортных, а 5 погостов: Песочна, а в неи 300 семии, Холохолна, а в неи полтораста семи, Заячины, а в неи 200 семии, Веприя 200 семии, Заячков 100 и 60 семии; а си вси погосты съ землями с бортными и с поземом, и с озеры, и с бобры, и с перевесьищи, с резанками, и с шестьюдесят, и с винями, и с поличным, и со всеми пошлинами».[13] Самым важным для нас является то, что «старина» этого свидетельства восходит ко времени до нашествия Батыя, поскольку упоминаемые в нем рязанские князья Ингварь (ум. 1252) и его братья Олег (ум. 1258), Юрий (ум. 1237) жили именно в эту эпоху, а основание ими церкви Богородицы относится к 20 – 30-м годам XIII в.

Как долго число семей являлось главным объектом обложения? Когда произошла его замена на количество земли? На этот счет можно высказать лишь общие соображения. Судя по тому, что в духовных и договорных грамотах московских князей рубежа XIV – XV вв. указываются суммы дани, следующие с той или иной волости или удела, следует полагать, что главным критерием для определения размеров доходов, собиравшихся в пользу князя, по-прежнему служило число семей. По многочисленным свидетельствам источников, XV в. стал временем интенсивной распашки пахотных земель на Руси. В условиях существования больших патриархальных семей каждая из них стала обрабатывать больше пространства, а, следовательно, получать больше доходов. Разумеется, это не могло укрыться от княжеской власти, и данное обстоятельство в итоге привело к тому, что в основу налогообложения

вместо прежнего был положен новый принцип – по величине обрабатываемой площади. С большой долей уверенности можно предположить, что этот переход произошел в княжение Ивана III. Завещание его отца Василия Темного 1461/62 гг. еще предусматривало обложение «по сохам и по людем», а в первых дошедших до нас писцовых описаниях рубежа XV – XVI вв. мы уже видим принцип обложения по земле.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Демидова НФ. Писцовые книги // Советская историческая энциклопедия. Т. 11. М., 1968. Стб. 167.

[2] Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 7-12.

[3] ДДГ. № 61. С. 197.

[4] Авдеев А.Г. Галичская земля в XII – XV вв. (по житию преподобного Паисия Галичского). Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2004. С. 14.

[5] ДДГ. № 44. С. 128.

[6] Там же. № 66. С. 215.

[7] Там же. № 11.

[8] Там же. № 17. С. 49.

[9] Татищев В.Н. История Российская. Т. V. М.; Л., 1965. С. 51; Колычева Е.И. Указ. соч. С. 7.

[10] Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 142 – 143.

[11] Там же. Т. III. СПб., 1841. С. 19.

[12] Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. М., 1976. С. 141 – 145.

[13] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III. М., 1964. № 322. С. 351.

* * *

О.Н. Адаменко

Крепостная казна Спасо-Каменного монастыря по описям XVII – XVIII вв.

В рамках Вологодского уезда Спасо-Преображенский Каменный монастырь может быть отнесен к числу крупных обителей, таких как Спасо-Прилуцкий, Павло-Обнорский и Корнильево-Комельский монастыри, в масштабах России XVI – XVII вв. – к числу обителей

Адаменко Ольга Николаевна, научный сотрудник Вологодского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

средних размеров[1] . По переписи 1678 г. в вотчине Спасо-Каменного монастыря числилось 14 сел и селец, 114 деревень, а в них – 458 крестьянских и бобыльских дворов[2]. Одной из основных проблем при изучении истории Спасо-Каменного монастыря является выявление круга источников, характеризующих историю обители в XV – XVI вв. Актуальность изучения отдельно взятого монастырского архива несомненна, но при этом следует учитывать его заведомую неполноту (как и любого феодального архива вообще) и, как правило, низкую степень сохранности раннего актового материала. Освещению проблемы сохранности актов в крепостной казне монастыря в XVII – начале XVIII в. посвящена настоящая статья.

Несмотря на раннюю дату основания Спасо-Каменного монастыря (около 1260 г.), его архив вплоть до середины XV в. не сохранился[3]. За вторую половину XV – XVI вв. не выявлено подлинников: все акты известны нам по спискам в трех копийных книгах середины XVIII в. и первой половины XIX в.[4] При этом особую ценность для определения подлинности копируемых актов имеют «замечания» составителей копийных книг о наличии актовых печатей. Публикация актов Спасо-Каменного монастыря за XV – XVII вв. осуществлялась несколько раз (имели место повторные публикации): в Дополнении к Актам историческим, А.Ф. Бычковым в Летописи занятий Археографической комиссии, Н.И. Суворовым в Вологодских епархиальных ведомостях и в приложении к отдельному описанию монастыря, И. А. Голубцовым в третьем томе АСЭИ[5]. На сегодняшний день по спискам из копийных книг Спасо-Каменного монастыря опубликовано 10 актов XV в., 4 акта XVI в. и 5 актов XVII в.

Нами установлено, что опубликованный к настоящему времени комплекс актов Спасо-Каменного монастыря XV – XVII вв. является неполным: это подтверждается описями монастырского имущества 1628 и 1670 гг. и переписной книгой 1701-03 гг[6]. Наличие в них подробных описаний крепостной казны позволяет определить структуру архива, состав недошедших до нашего времени документов, специфику и принципы комплектования, хранения и описания крепостной казны (т. е. «практику архивного дела» в XVII – начале XVIII в.), степень преемственности «формуляра» от одной описи к другой, динамику пополнения крепостной казны новыми документами в 1670 и 1701 гг. и другие вопросы.

Опись Спасо-Каменного монастыря 1628 г. была опубликована А. В. Лаврентьевым и А. А. Туриловым в 1985 г. по подлиннику из ОПИ ГИМа[7]. Издателями было отмечено её большое значение для реконструкции монастырского архива. Опись 1670 г. и переписная книга 1701/03 гг. до сих пор не изданы. Материалы описи 1670 г. частично введены в научный оборот Н. И. Суворовым и М. С. Черкасовой[8] . Большое

значение для реконструкции архива Спасо-Каменного монастыря имеет опись 1701 г., где приведена датировка большинства (81,6 %) актов[9]. Но в целом это описание крепостной казны Спасо-Каменного монастыря было менее подробным по сравнению, например, с описанием крепостной казны Спасо-Прилуцкого монастыря того же года, где тщательно фиксировались наличие печатей, имена дьяков, формат документа и его сохранность[10].

Таким образом, наличие трех описаний крепостной казны Спасо-Каменного монастыря, составленных с интервалом 42 и 31 год соответственно, позволяет нам провести сравнительный анализ актового состава монастырской казны.

Место хранения крепостной казны Спасо-Каменного монастыря на протяжении XVII в. не изменяется – документы хранятся в каменной казенной палате (уточнение 1628 г. – «в сундуке»)[11]. В 1701 г. указано расположение казенной палаты – около надвратной церкви Иоанна Предтечи, описан сундук – «окован железом, с нутряным замком»[12]. Подобное хранение способствовало сохранению монастырской документации во время опустошительного пожара 1703 г.: казначей монах Пафнутий отметил после пожара, что «жаловалные великого государя грамоты и вкладные и иные всякие вотчинные крепости и зделочные писма все в целости»[13]. Таким образом, подлинные акты Спасо-Каменного монастыря (по крайней мере, с середины XV в.), к счастью, не пострадали во время пожаров XVII и начала XVIII в., на что ссылались исследователи конца XIX – начала XX в.[14]

Проследить преемственность описаний крепостной казны возможно по таким показателям как повтор формулировок перечисляемых актов, их последовательность. В описи 1670 г. дано общее название документов, хранящихся в крепостной казне – «великих князей и государские царьские жалованные грамоты тарханые и даные вотчинные и всякие крепости»[15], в переписной книге 1701 г. – «великих государей жалованные грамоты и иные монастырские всякие крепости»[16]. Идентичные заголовки актов во всех трех описях встречаются крайне редко, что позволяет сделать вывод о независимых от предшествующих описаниях крепостной казны Спасо-Каменного монастыря. В описях крепостной казны документам даны заголовки, принятые и сегодня при классификации актового материала XV – XVII вв.: жалованные, данные, меновные, тарханные, оброчные, сотные, купчие, правые грамоты, а также заголовки, которых не утвердились в современных классификациях – «розмежные», «вотчинные» грамоты. Наряду с оригиналами документов, в описях в двух случаях учтены списки актов XV в. В описи 1628 г. указана сохранность документа и работы по его реставрации: тарханная грамота князя Андрея Васильевича Меньшого 1479 г. «ветха добре, наклеена на харатью», «а з головы у нее вырезано четыре строки»[17].

Формуляр описания грамоты в основном состоит из следующих элементов: название грамоты, источник пожалования, географические ориентиры (например, «грамота даная княгини Аграпены з детми на Заболоцкие пустоши»[18]). Названия некоторых документов опускались, приводились только обобщающие заголовки типа «всякие крепости», «тотемские крепости» (1628 г.), «тотомские списки с крепостей» (1670 г.), «старинные выписки письма давных лет и крестьянские челобитные ветхие» и «ветхие за 70 за 80 (лет. – *О. А.*) давные кабалы» (1701 г.). Последние хранились менее бережно («в восьми коробьях и лукошках»), причина этого обоснована в тексте описи: в 1701 г. «тех заимщиков и детей их, и родственников в лицах нет, вымершие, и взять по тем кабалам ... не на ком»[19].

Издатели описи 1628 г. отмечали, что она является неполной, т. к. не включает известные им по копийным книгам XVIII в. грамоты Спасо-Каменного монастыря XV – начала XVII в. Ими было высказано предположение о хранении этих грамот на монастырском подворье в г. Москве[20]. Неполноту описания крепостной казны, т. е. отсутствие в ней некоторых актов, имеющихся в наличии, или актов-упоминаний, следует отметить и для описей 1670 и 1701 гг.

В составе крепостной казны не отражены предыдущие описные книги Спасо-Каменного монастыря и разнообразная хозяйственная документация (хлебные, засевные, приходо-расходные книги). В описях крепостной казны не зафиксированы также шесть иммунитетных грамот, выявленных С.М. Каштановым и Д.А. Тебекиным по актам-упоминаниям и включенным актам Спасо-Каменного монастыря[21]. В то же время, в описании 1701 г. наряду с «официальной» документацией отмечена вкладная книга («книга записная подаяник вкладов») и Уложение (1649 г. – *О. А.*), хотя в описи 1628 г. такие книги как синодик и Судебник были перечислены в составе монастырской библиотеки[22].

В описях крепостной казны Спасо-Каменного монастыря не прослеживается группировки актов по хронологическому принципу, однако грамоты XV в. в них все же тяготеют к началу описаний, а документация, близкая к дате составления описи (1628, 1670 или 1701 гг.), перечислена в конце описаний. Целостной группой в описях 1628 и 1670 гг. выступают поземельные акты XV в. ярославских князей Пенковых; в описании 1701 г. они, напротив, разрозненны на протяжении всей фиксации крепостной казны (два случая объединения по два и четыре акта и 4 единичных грамоты). В описи 1701 г. относительно точно хронологически выстроена только вторая половина архива (45 актов, начиная с 1650 г.), внутри которой вычленяются отдельные «тематические» группы (грамоты о конных людях, записи на крестьян).

Динамику пополнения крепостной казны Спасо-Каменного монастыря можно определить при детальном сопоставлении актов за периоды,

ограниченные датами составления описей. В период с 1628 по 1670 г. крепостная казна пополнилась незначительно – всего девятью актами (при подсчете по описи 1701 г., как наиболее полной для этого периода, что подтверждается наличием дошедших до нашего времени списков документов, отмеченных в ней; в описи 1670 г. указано только 3 акта). С 1671 по 1701 гг. крепостная казна увеличилась на 41 документ (40 % от общего числа документов в описи 1701 г.), причем большинство из них составили частно-правовые акты.

При сопоставлении текстуально сохранившейся совокупности актов с перечнями, отраженными в описях крепостной казны 1628, 1670 и 1701 гг., выявляется заметный процент утраченных или пока еще не обнаруженных источников по истории Спасо-Каменного монастыря XV – XVII вв. (до 70 %). Предварительные результаты такого сопоставления представлены в приложении (таблицы 1 – 3). Зачастую по заголовку, приведенному в описи крепостной казны, невозможно достоверно определить вид акта, поэтому в таблицах 2 и 3 для более детального отражения содержания актов в ряде случаев даны названия, используемые в описях. Затруднения вызвала датировка некоторых грамот в описи 1628 г. (1 жалованная грамота без указания источника пожалования и 13 розмежных грамот) и в описи 1701 г. (3 грамоты без указания даты и источника пожалования). При количественных совпадениях отдельных видов актов за столетие не всегда идентичны их заголовки по описям.

В целом, сохранность актового материала Спасо-Каменного монастыря за XV – XVII в. составляет 30 – 35 %. В рамках Вологодского уезда для периода XV – XVI вв. такой показатель сохранности архива следует считать незначительным по сравнению с представительностью корпуса актовых источников Спасо-Прилуцкого, Павло-Обнорского и Корнилиево-Комельского монастырей (70 – 90 %)[23]. Но при этом важно заметить, что ранний состав актов Спасо-Каменного монастыря (за XV в.) сохранился полнее (63 – 72 %), чем более поздний.

Поисковая работа в центральных архивах на настоящий момент также дала некоторые результаты. Во-первых, были выявлены 4 грамоты XVI в., ранее не опубликованные из копийных книг; 3 из них отмечены в описи 1670 г. Во-вторых, в фонде 281 (Грамоты коллегии экономии по Вологде) РГАДА нами было выявлено 14 актов XVII в. (3 публично-правовых акта, 6 выписей из поземельной документации, 5 записей с крестьянами)[24]. С учетом этих актов состав архива Спасо-Каменного монастыря к началу XVIII в. выглядит более полным (32 %), чем с учетом опубликованных источников (около 10 %).

Важность максимально точного по возможности восстановления вотчинных архивов монастырей определяется задачами углубленного изучения социально-экономической и политической истории Вологодс-

кого уезда в XV – XVII вв. Привлечение для нашего исследования описаний крепостной казны Спасо-Каменного монастыря позволяет рассмотреть некоторые вопросы практики архивного дела среднего по масштабу северорусского монастыря в XVII – начале XVIII в. и более подробно восстановить картину формирования монастырской вотчины, прояснить внутренние хозяйственные связи населения и обители и другие сюжеты, не нашедшие отражения в тех немногочисленных актах, текстуально дошедших до нашего времени.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблицы 1 – 3 составлены по источникам: ППМВО. Ч. I. Вып. 2. Вологда, 1987. С. 407 – 417; ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Кн. 44; РГАДА. Оп. 1. Ф. 237. Кн. 37.

Прочерк в ячейках таблиц 1 – 3 означает отсутствие данного вида актов в архиве монастыря.

Таблица 1

Актовый состав крепостной казны Спасо-Каменного монастыря XV в.

Виды актов (с уточнениями заголовков по описи)	Всего известно актов	Упомянуто в описях крепостной казны (кол-во)		
		1628 г.	1670 г.	1701 г.
Акты ярославских князей Пенковых:				
жалованные	1	1	2	1
данные	1	3	3	3
меновные	4	5	5	4
Акты кн. Андрея Васильевича Вологодского:				
жалованные	1	1	1	1
меновные	1	1	1	1
Акты великих князей московских:				
данные	1	-	1	1
указные	1	1	1	1
Неатрибутируемые акты XV в.:				
данные	-	-	1	-
меновные	-	-	-	1
купчие	-	1	1	1
Вид акта не определен	-	1	-	-
Всего актов XV в.:	10	14	16	14

Таблица 2

Актовый состав крепостной казны Спасо-Каменного монастыря XVI в.

Виды актов (с уточнениями заголовков по описи)	Всего известно актов	Упомянуто в описях крепостной казны (кол-во)		
		1628 г.	1670 г.	1701 г.
жалованные общие	1	1	-	2
жалованные меновные	1	1	1	1
жалованные льготные	1	-	-	-
жалованные несудимые	1	1	2	1
жалованные проезжие	2	-	3	4
жалованные (ярославских князей)	-	-	-	1
о белом корму	-	1	1	1
правые, судные списки	-	3	4	3
сотные	-	2	2	2
оброчные	1	7	5	4
о тамге	-	-	1	1
о сборе пятна	1	-	2	-
купчие	-	-	-	1
о сроках ставиться в Москву	-	-	-	1
меновные с крестьянами	-	-	-	1
Вид акта не определен	-	1	2	3
Всего актов XVI в.:	8	17	23	26

Таблица 3

Актовый состав крепостной казны Спасо-Каменного монастыря XVII в.

Виды актов (с уточнениями заголовков по описи)	Всего известно актов	Упомянуто в описях крепостной казны (кол-во)		
		1628 г.	1670 г.	1701 г.
Акты с 1600 до 1628 г.:				
жалованные	1	1	2	2
послушные	-	1	1	1
меновные	-	1	1	1
сотные	1	2	2	2
размежные, отхожие	-	1	2	2

1	2	3	4	5
Вид акта не определен	-	-	-	2
Всего актов с 1600 по 1628 г.:	2	6	8	10
Акты с 1629 до 1670 г.:				
жалованные	1	-	2	3
сотные	1	-	1	1
памяти	-	-	-	1
размежные, отхожие, межевые	2	-	-	2
духовные и закладные кабалы	-	-	-	1
Вид акта не определен	-	-	-	1
Всего актов с 1629 по 1670 г.:	4	-	3	9
Акты с 1671 по 1700 г.:				
жалованные	4	-	-	6
царские о ямских деньгах, стрелецком хлебе	-	-	-	4
памяти	1	-	-	1
оброчные	-	-	-	1
о конных людях	-	-	-	4
выписи из писцовых книг	3	-	-	1
правые выписи	-	-	-	1
купчие	-	-	-	1
записи на крестьян	5	-	-	21
челобитные крестьян	-	-	-	1
Всего актов с 1671 по 1700 г.:	13	-	-	41
Всего актов XVII в.:	19	6	11	60

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Водарский Я. Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII в. // Историческая география России: XII – начало XX в. М., 1975. С. 76, 81; Румянцева В. С. Монастыри и монашество в XVII веке // Монашество и монастыри в России. XI – XX века. М., 2005. С. 173 – 174; Суворов Н. И. Описание Спасокаменного, что на Кубенском озере, монастыря. Вологда, 1893.

[2] Переписная книга Спасо-Каменного монастыря 1678 г. // РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Кн. 14733. Л. 263 об.

[3] Сказание о Спасо-Каменном монастыре / Публ. Н. Н. Малининой // Памятники письменности в музеях Вологодской области (далее – ППМВО). Ч. I. Вып. 2. Вологда, 1987. С. 407 – 417; Суворов Н. И. Описание Спасокаменного, что на Кубенском озере, монастыря... С. 44 – 45.

[4] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 238 (колл. Н. П. Лихачева). № 102/1; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 115 (собр. рукописных книг). № 60; ОР РНБ. F 1. № 788.

[5] Дополнения к Актам историческим. Т.1. СПб., 1846. С. 9 – 18; Акты Спасо-Каменного монастыря / Публ. А. Ф. Бычкова // ЛЗАК 1864 г. Вып. 3. СПб, 1865. С. 23 – 46; Вологодские епархиальные ведомости. 1871. Прибавления к № 3.; Суворов Н. Описание Спасокаменного, что на Кубенском озере, монастыря. Изд. 2. Вологда, 1893. С. 11 – 12, 56 – 84; АСЭИ. Т. 3. М., 1964. №№ 263 – 272а.

[6] Опись Спасо-Каменного монастыря 1628 года // ППМВО. Ч. 4. Вып. I. Вологда, 1985. С. 163 – 209.; Опись Спасо-Каменного монастыря 1670 г. // ГАВО. Ф. 883 (Суворовы). Оп. 1. Кн. 44. Л. 50; Переписная книга Спасо-Каменного монастыря 1701/03 гг. // РГАДА. Оп. 1. Ф. 237 (Монастырский приказ). Кн. 37.

[7] Опись Спасо-Каменного монастыря 1628 года ... (Публ. А. В. Лаврентьева и А. А. Турилова по: ОПИ ГИМ. Ф. 226. Д. 37).

[8] ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Кн. 44; Суворов Н. Описание Спасокаменнаго, что на Кубенском озере, монастыря...; Черкасова М. С. Монастырские описи XVII в. как источник по истории народонаселения // Историческое краеведение и архивы. Вып. 10. Вологда, 2004. С. 65 – 78; Черкасова М. С. Корпус актовых источников по Вологодскому уезду XV – XVI веков // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса. Вологда, 2005. С. 64 – 74.

[9] Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977. Приложение. С. 316, 324; РГАДА. Оп. 1. Ф. 237. Кн. 37.

[10] Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 481 – 484.

[11] Опись Спасо-Каменного монастыря 1628 года... С. 194; ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Кн. 44. Л. 50.

[12] РГАДА. Оп. 1. Ф. 237. Кн. 37. Л. 34, 35.

[13] Там же. Л. 199 – 199 об.

[14] Суворов Н. Описание Спасокаменного, что на Кубенском озере, монастыря... С. 4.

[15] ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Кн. 44. Л. 50.

[16] РГАДА. Оп. 1. Ф. 237. Кн. 37. Л. 35.

[17] Опись Спасо-Каменного монастыря 1628 года... С. 194.

[18] РГАДА. Оп. 1. Ф. 237. Кн. 37. Л. 37 об.

[19] Там же. Л. 43 об.

[20] Опись Спасо-Каменного монастыря 1628 года... С. 163 – 164.

[21] Каштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. Часть 1 // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. №№ 19, 31; Тебекин Д. А. Перечень иммунитетных грамот 1584 – 1610 г. Часть 1 // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. № 28; Тебекин Д. А. Перечень иммунитетных грамот 1584 – 1610 гг. Часть вторая // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981. №№ 610 – 612.

[22] РГАДА. Оп. 1. Ф. 237. Кн. 37. Л. 43 об.; Опись Спасо-Каменного монастыря 1628 года... С. 193.

[23] Черкасова М.С. Корпус актовых источников по Вологодскому уезду XV – XVI веков... С. 64 – 74.

[24] РГАДА. Ф. 281 (Грамоты коллегии экономии по Вологде). №№ 2686, 2724, 2727, 2732, 2857, 2939, 2955, 3012, 3046, 3052, 3058, 3059, 3061, 3080.

* * *

С.А. Алексеев

Служилые люди Белозерского уезда по писцовой книге 1626-1627 гг.

Смутное время нанесло сильный удар по светскому феодальному землевладению и по «городам» – корпорациям служилых людей, особенно западных уездов. Руководство силами ополчения и правительство Михаила Романова пошло на раздачу черных и дворцовых земель для восстановления военной служебной годности и поддержания минимального жизненного уровня дворян и детей боярских.

Белозерский уезд в первой четверти XVII века стал одним из мест массового испомещения служилых людей. Проблемы светского землевладения в Белозерском крае привлекли в своё время внимание Веселовского, Копанева, Новосильского, Станиславского.[1]

Важным источником по истории служилого землевладения является, писцовая книга кн. Никиты Шеховского и подьячего Максима Козлова 1626-1627 гг., которая храниться в РГАДА.[2] Другим источником для сравнительного анализа послужила платежница письма и дозора Микиты Матвеевича Беклемишева и Третьяка Копнина 1615-1616 гг., с указанием сошного письма в вотчинах и поместьях, которая не имеет окончания.[3] Она охватывает все 3 стана (Надпорожский, Судский, Заозерский) и, наверно, содержит полный список служилых людей.

Копанев, ссылаясь на столбцы Поместного приказа, сообщает, что массовые раздачи земель проходили с февраля 1613 г. по ноябрь 1614 г. и продолжились в 1615 г.[4] Белозерский воевода Степан Чепчугов сообщал с некоторой обидой кн. Дмитрию Пожарскому, что ещё 28 декабря 1612 г. в дворцовой Озатцкой волости смоляне начали делить деревни, не ставя его в известность.[5] В 1613 г. было испомещено 230 смолян. Затем сюда прибыли волочане, клиняне, можаитяне, звенигородцы, новгородцы. Земли получили казаки, черкасы, иноземцы.[6]

Всего в платежнице 1615-1616 гг. упомянуто 540 человек. Причем у Афонасея Шимова, который сидел в тюрьме, поместье было отписано

Алексеев Сергей Александрович, сотрудник кафедры истории Череповецкого государственного университета (Череповец)

на государя. Двое стряпчих Андреи и Петр Волынские у разделу не были, но по словам крестьян их люди приезжали в Заозерскии стан и «оброки с них помещиковы емлют». Их жеребий тоже был отписан на государя.[7]

Поразительно мало данных о городовой принадлежности служилых людей. Упомянуто 4 города: Можайск (7 чел.), Ржева (1 чел.), Волок Ламский (1 чел.), Руза (1 чел.).

В группу титулованной знати вошло 12 человек. Потомки Белозерских князей состояли из 1 кн. Шеховской, 1 кн. Андомский, 2 кн. Вадбольских. Последние единственные владели вотчинами.[8] Новосельский А.А. в одной из статей приводит пример восстановления доопричных вотчин на территории Белозерского уезда, когда старице Марьяне Медведевой с братом Богданом и снохою по предъявлению документов, была возвращена родовая вотчина с. Никольское, отданная в поместье кн. Ивану Вяземскому. Получается, что Вадбольские кн. Михаил Матвеевич и кн. Борис Иванович первыми вернули в 1615-1616 гг. родовые вотчины в Судцком стане в Вадбольской волости. В той же волости имели общее поместье кн. Иван и кн. Осип Андреевичи Львовы. Кроме того, мы находим кн. Ивана Андреевича Дашкова, кн. Луку Осиповича Щербатой и вдову кн. Овдотью жену кн. Дмитрия Щербатого.[9]

Поместьями владеют 8 вдов, в том числе кн. Щербатого и литовка Крестина с дочерью Анюткой. В платежнице ещё не назван ни один недоросль.

Самую значительную группу представляют иноземцы – 70 чел., среди них 21 немчин, 19 литвинов, 1 волошенин, 1 поляк, 1 угренин, 2 черкашена, ешё 20 чел. названы просто иноземцами, без указания их происхождения. Судя по фамилиям и званию в эту группу входят 6 чел. командного состава: 2 прапорщика, 2 поручика, 1 ротмистр и 1 капитан Яков Иванов. Среди них в волости Игнатовской получил поместье мурза кн. Кузьма Маментян Темиров.

Ещё в одну группу входили 4 дворовых и 3 стремянных конюха, возглавлял которую подьячий Конюшего приказа Матвей Пересветов. Из казаков упомянут лишь казачий атаман Яков Иванович Шетырев.

Писцовая книга 1626 -1627 гг.[10] учитывает 639 чел. Из них городовую принадлежность можно определить у 40 чел.: Можайск (21 чел.), Руза (6 чел.), Новгород (4 чел.), Смоленск (4 чел.), Белая (2 чел), Звенигород (2 чел.), Волок Ламский (1 чел.).

Титулованную знать представляют 12 чел. Среди знакомых фамилий появляются кн. Иван Засекин и кн. Иван Вяземский.

Группа иноземцев уменьшилась до 56 чел. Но в книге зафиксированы также 1 новокрещен и 2 мурзы. Характерно, что количество вдов увеличилось до 13 (вместе с 3 вдовами иноземцев). Появились недоросли (14 чел.), владевшие землями своих отцов совместно и отдельно, с указанием возраста и без.

Увеличилась группа дворовых людей (11 чел.): подклюшники, сытники, задворные и стремянные конюхи, сокольники, охотники.

В Белозерском уезде к 1626 - 1627 гг. появились новые люди, получавшие земли разными путями, которые отсутствуют в платежнице: стольник Федор Григорьевич Плещеев, жильцы Осип Васильевич Кафтырев и Василий Васильевич Копнин, дьяки Федор Степанов и Шестой Копнин, а также 3 подьячих, из 4 стрелецких сотников, только Осип Семенович Пустынников владел поместьем в 1615 -1616 гг.

Сравнительный анализ показывает, что число землевладельцев увеличилось. Более того, по писцовой книге можно фиксировать 300 случаев, когда владения оказались в «порозжих землях», были проданы, обменяны, перешли к вдовам и детям, переданы новым владельцам. Учитывая, что дворцовые и черные земли в массовом количестве раздавались с 1613 г., то за 10 лет в Белозерском уезде произошли серьезные изменения, повлекшие за собой развитие светского феодального землевладения. Увеличилось не только количество пожалованных вотчин, данных правительством Михаила Романова за «царя Васильев осадное сидение», « за московское осадное сидение королевича приходу»[11] но и количество земель перешедших от новых Белозерских землевладельцев их детям и родственникам. Территория отдаленного уезда, не полностью разоренного Смутой, как видим, привлекла внимание столичных чинов, обладавших возможностью поправить своё благосостояние за счет новых поместий и вотчин. Эта ситуация не могла ни беспокоить дворян и детей боярских разных служилых городов, испомещенных здесь. Тем более, что на территории уезда находились владения Кирилло-Белозерского, Череповецкого Воскресенского, Кирилло-Новозерского и других монастырей. Уход крестьян на монастырские земли, земельные споры, просто стычки со старцами делали жизнь служилых людей проблематичной.[12]

Писцовая книга 1626-1627 гг. способствовала постепенному слиянию и взаимопониманию служилых людей, владевших землями и вотчинами в Белозерском уезде. В июле 1630 г. помещики и вотчинники, «стольники и стряпчие и дворяне московские и жилцы и из городов дворяне и дети боярские и дворовые люди и Литва и немцы и атаманы и казаки» выбрали своего челобитчика Григория Афанасьевича Рыкунова для посылки в Москву, с просьбой «доходы имать» по писцовой книге 1626 – 1627 гг. так как в платежнице, составленной на основе дозора М.Беклемишева, в живущий оклад положено «тежелою статею» от чего « крестьянишки одолжали и обнищали». Вместе с монастырскими властями было собрано 50 рублей, которые были переданы Григорию на «городцкое наше опчие дело для поспешеня».[13]

Это был первый шаг от «фиктивной» Белозерской корпорации, состоящей из казаков и владевших землями в других уездах,[14] к

настоящей, где служилые люди были связаны общим, а в данный момент – финансовым, интересом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Веселовский С.Б. Белозерский край в первые годы после Смуты // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 276-296., Копанев А.И. История землевладения Белозерского края в XV – XVI вв. М., 1951, Новосильский А.А. Служилое общество и землевладение на Белоозере после Смуты // Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 139-62.,Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.

[2] РГАДА. Ф.1209. кн. 591, 592.

[3] РГАДА. Ф.1107. Оп.1. Д. 115.

[4] Копанев А.И. Указ.соч. С.73.

[5] РГАДА. Ф.1107. Оп.1. Д.13.

[6] Новосильский А.А. Отголоски опричнины в документах XVII в. // Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 136 -139.

[7] РГАДА. Ф.1107. Оп.1. Д.115. Л. 48об.

[8] Там же, Л. 84.

[9] Кн. И.А.Дашков был в 1613 г. стольником, кн. Л.О.Щербатой назван большим дворянином. (Докладная выпись 1613 г. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. 1895. Кн.1. С.10,12).

[10] Алексеев С.А. Белозерская писцовая книга 1626-1627 гг. как источник по истории служилых людей // Тезисы докладов XIV Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI-XX вв. СПб., 2004. С.10-11.

[11] Ларионов Григорий Андреевич имел пожалованную вотчину за два осадных сидения в Надпорожском стане в Андожской волости. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн.591. Л. 253 об.-254).

[12] В 1614 г. смолянин Неупокои Корсаков бил челом на строителя Кирилло-Новозерского монастыря Саватея в том, что он переманивал крестьян на монастырские земли. В том же году строитель Благовещенского Ворбоземского монастыря Зосима бил челом на Силу Яковлевича Вельяминова в том, что тот разграбил монастырскую деревню. (РГАДА. Ф.1107. Оп.1. Д.160, 59).

[13] РГАДА. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 520.

[14] Станиславский А.Л. Указ.соч. С.224 -225.

* * *

О.А. Алексеева

Источники по истории торговли и промыслов Псковского края в XVIII в. (1725 – 1800 гг.)

Основными источниками по истории промыслов и торговли Псковского края XVIII в. являются окладные и таможенные книги, ведомости и таксы цен. Степень их изученности не одинакова. Наиболее изученными являются таможенные книги, ведомости и таксы цен. В то же время окладные книги важны не только для изучения промысловой деятельности населения, но и для истории торговли. Примером такого сочетания окладных и таможенных книг является исследование торговли г. Курска в XVII в. А. И. Раздорского[1].

Источники по истории торговли Псковского края сохранились в составе фондов РГАДА и местных архивов: ГАПО[2], Древлехранилище ПИАИХМЗ[3], ГАВЛ[4]. В ГАПО сохранилось 20 дел, содержащих окладные книги, ведомости и доношения за 1724 – 1764 гг. и 50 таможенных книг за 1727 – 1754 гг. 9 таможенных книг за 1744 – 1754 гг. содержит фонд Псковской таможни Древлехранилища ПГИАХМЗ. Таможенные книги в РГАДА находятся в составе фондов 829 (Таможни и кружечные дворы) и 1600 (Псковская Большая таможня). В ГАВЛ содержатся ведомости и таксы цен за последнюю треть XVIII в.

Эти источники можно разделить на 3 группы: фискально-отчетные, справочные и нормативные. К первой группе относятся окладные и таможенные книги, ко второй – разнообразные ведомости, а к третьей – таксы цен.

Система налогообложения России XVIII в. была сложной: помимо прямого налога – подушной подати, введенной в 1724 г., существовало большое количество косвенных налогов – канцелярских сборов, которых в 1724 г. было более 40 видов[5]. Канцелярские сборы поступали от обложения мелкой крестьянской промышленности и промыслов (сборы с мельниц, мостов, бань, рыбных ловель и т.д.), а также в виде пошлин с разных сделок[6]. В основном, эта группа налогов возникла в 1703 г., когда в казну были взяты частные рыбные ловли, бани, установлен сбор с мельниц, постоялых дворов. Для их взимания были созданы особые канцелярии, что и определило название налогов. Население зачастую не могло выплатить полную сумму годового оклада, что вело к накоплению недоимок. Текущее поступление налогов и недоимки фиксировались окладными книгами - одним из основных финансово-отчетных документов государства.

Алексеева Оксана Алексеевна, аспирант Псковского Государственного Педагогического Университета

Сведения окладных книг, отражающих текущее поступление налогов с населения, представлены в виде статей, содержащих перечень налогов и сведения о налогоплательщике (социальный статус, место жительства). В ряде случаев указывался и прежний плательщик. Сведения об окладных налогах так же представлены ведомостями. Они составлялись на основе доношений непосредственных плательщиков в Псковскую Провинциальную канцелярию. Но в отличии от окладных книг, данные о поступлениях налогов и недоимках фиксировались отдельно. Относительно недоимок указывались причины их возникновения.

Отдельно фиксировался сбор пошлин с мостов, перевозов, найма извозчиков и сплавных судов. В этих книгах представлены сведения о найме извозчиков и судовладельцев для перевозки товара псковскими купцами, обозначались имя, статус нанимателя и подрядчика, число нанимаемого транспорта и стоимость услуг, а так же сведения о пункте отправки и объеме товара в отправляемой партии.

На протяжении 1720-30-х гг. сведения о взимании налогов с населения часто объединяли с данными о взимании торговых пошлин. В этом случае, окладные ведомости объединялись с ведомостями о сборе таможенных пошлин, в которых были представлены общие цифры сборов таможен Псковской земли.

В ГАПО за изучаемый период сохранилось 20 окладных книг и ведомостей. Эти источники практически не использовались для исследования истории торговли и промыслов. И.О. Колосова уточняя топографию г. Пскова использовала окладную книгу 1760 г.[7] , а Л.Н. Макеенко по книге 1737 г. исследовала окладные сборы с бань г. Пскова[8], но источниковедческий анализ ею не был произведен.

Таможенные книги, так же как и окладные, носят фискально-отчетный характер. Они так же являются наиболее информативным источником по истории торговли XVI – XVIII вв. Их систематическое изучение началось с 30-х гг. XX в. Наибольшее количество таможенных книг сохранилось за XVII в. Б.Б. Кафенгауз, анализируя процесс формирования внутреннего рынка России в первой половине XVIII в.[9], показал информативные возможности таможенных книг для исследования социально-экономической истории России и охарактеризовал условия законодательного регулирования деятельности внутренних таможен. Источниковедческая и лингвистическая характеристика таможенных книг XVIII в. как особого типа источника, их классификация представлена в работах И.А. Малышевой[10]. В отличии книг XVII в., когда были представлены черновые и беловые книги[11], для XVIII в. она выделяет книги черновые, рабочие и беловые. Изученная ею в филологическом отношении псковская таможенная книга 1749 г. была классифицирована как рабочая[12] .

В качестве источника по истории торговли Псковского края в XVII в. таможенные книги привлекались А.В. Юрасовым[13] и Е.В. Чистяковой[14]. А.В. Юрасов также опубликовал несколько великолукских таможенных книг конца XVII в.[15]. Широко использовали таможенные книги для исследования предпринимательства и торговли на рубеже XVII – первой четверти XVIII вв. М. Я. Волков и А. В. Демкин[16]. В сборнике документов, опубликованном М. Я. Волковым, представлены сведения, извлеченные из таможенных книг, хранящихся в РГАДА, о количестве и месте расположения таможен в Псковском крае в первой четверти XVIII в., размере среднегодового отпуска таможни г. Пскова, охарактеризованы типов торговли на Псковщине этого периода[17]. В очерке по истории Псковской таможни с XVI – XVIII вв. и статьях о внутренней торговле Пскова середины XVIII в., Л.В. Макеенко использовала таможенные книги 1744 – 1754 гг., хранящиеся в Древлехранилище ПГОИХАМЗ[18].

Как было установлено М.Я. Волковым, в первой половине XVIII в. в Псковской провинции действовали внутренние таможни в Пскове (Большая и Рыбная), Гдове, Кобылье, Изборске, Красном городище, Велье, Вреве, Вороноче, во Володимере и Дубкове (одна таможня), Вышгороде, Выборе, Острове, Опочке, Заволочье и урочище Дворцы; в Великолукской провинции – таможни в Великих Луках и Торопце, а в Новгородской провинции – в Порхове[19]. Крупные таможни Псковского края в XVIII в. находились на откупе, а мелкие – на вере.

Так как большинство таможенных книг сохранились для Псковского уезда, налицо неравномерность территориального охвата сохранившихся источников. Кроме того, большинство их относится к 1740 – х гг.

Псковские таможенные книги называются «книги записи». Информация в них сгруппирована в статьи – ежедневные записи о торговле и предпринимательской деятельности. Обычно статья фиксировала 1 сделку купли-продажи. Но в ряде книг[20] встречаются отступления от принятой практики: здесь статьи отражают все сделки, совершенные в определенный день. В статьях обязательно содержались сведения о продавце и покупателе (имя, статус, место жительства); о виде товара, месте его закупки (таможня из которой он отпущен), размере партии, ее оценке, цене за единицу товара («закупочной» и «продажной»), а так же виде и размере взимаемых пошлин. Отмечалось также, куда был направлен товар для реализации. Обычно книги составлялись за хозяйственный год, но сохранились книги за периоды от полугода до нескольких дней. Это связано с отчетными периодами работы таможен, сроками передачи собранных денег в местную администрацию, с особенностями деятельности самой таможни.

В небольших по объему таможенных книгах, или в книгах мелких таможен сведения группируются в несколько разделов. Раздел «явка

товаров или денег» фиксировал стоимость партии привезенного купцом товара или сумму денег для «товарной закупки». Во втором разделе регистрировались рыночные операции. В нем кроме «торговых» цен отмечался состав (количественный и социальный) участников торговли, экономические связи центров торговли, объем торгов. В третьем разделе - «отпуск товара» - фиксировалось дальнейшее его продвижение. Эти информационные составляющие таможенных книг обусловлены взиманием пошлин на всех этапах торговых операций. В самостоятельный документ могли выделяться отпускные свидетельства, так как они подавались после фиксации сделки в данной таможне. Источники такого типа сохранились в фондах Древлехранилища ПГИАХМЗ и РГАДА[21]. В отчетных документах крупных таможен (например, Псковской Большой таможни) строгого деления на эти разделы не придерживались. В большинстве случаев это - черновые и рабочие таможенные книги.

В таможенных книгах представлены сведения, касающиеся базарной и рыночной торговли, есть данные и о лавочной торговле. Так, в книге 1749 г. отражена деятельность Святогорской ярмарки Велейского уезда[22].

В ряде документов зафиксированы суммарные сведения о взятии пошлин с «мелочной торговли», собиравшиеся «в ящик»[23]. Отчеты об этих сборах представлялись как ежемесячно, так и за годовые трети.

Торговля рыбой, лесом[24] и лошадьми фиксировалась в самостоятельную документацию. Сведения о торговле рыбой сохранились в 3-х книгах. При этом, если рыба привезенная из–за пределов Псковского края учитывалась вместе с остальной частью партии товара, то рыба местного лова регистрировалась в Рыбной таможне. Книг конских таможен Псковского края всего 9. Они сохранились в составе фондов ГАПО[25].

Основным справочным источником являлись ведомости. В них нашли отражение практически все стороны общественно-экономической жизни, на что влиял справочный характер источника.

Обращение к ведомостям о ценах на съестные припасы и таксам цен на них позволяет рассмотреть уровень цен и их динамику, а так же вопросы ценообразования во второй половине XVIII в.

Ведомости и таксы, хранящиеся в ГАПО, представляют собой таблицы, в которых приводятся данные о ценах за календарный год. После отмены внутренних таможен ведомости становятся основным справочным документом.

Составлялись ведомости городничими и уездными городовыми магистратами для псковского Наместнического правления. При их составлении могли использоваться разные источники. Так, в зависимости от назначения ведомости, ее источниками могли быть как

отчетная документация местных органов власти (в первой половине XVIII в. составлялись на основе таможенных книг[26]), так и опросы местного населения.

На протяжении XVIII в. отсутствовала единая форма ведомостей. Например, в ведомостях цен на зерно представлены различные по своему характеру цены: годовые, месячные, недельные и торговые. В большинстве случаев источники фиксировали базарные цены, но присутствуют и лавочные. В ряде случаев в источниках отражена зависимость цен от качества продаваемых товаров, объем проданных товаров, употребляемые меры веса, сведения о базарных днях и местах реализации товаров (для ведомостей о ценах на лен).

В «ведомостях» нашла отражение не только торговля зерном, но и другими продуктами питания: рыбой, мясом, мукой, сеном[27] , а так же льном и пенькой. Так, в «Ведомостях цен на лен и пеньку»[28] за 1784 г. содержатся средние годовые цены по городам Псковского Наместничества, размеры и направления вывоза льна из уездов.

Помимо цен, в источнике могут быть представлены дополнительные сведения о различных формах торговли в Псковском крае. В таких источниках собраны данные о днях и местах проведения ярмарок и базаров на Псковщине[29] .

В ведомостях о состоянии производства Псковского края нашли отражение специализация «заводов», состав их владельцев, характеристика производства (описательная или о размерах среднегодового производства), состав производимых товаров, их стоимость, источники сырья и трудовых ресурсов. В ведомостях о состоянии кожевенного дела великолукских купцов и мещан приведены сведения о размерах участка под уже существовавшими предприятиями и имена их владельцев.

В этом виде документов содержится информация о количестве торгово-промышленного населения Псковского края. В зависимости от своего назначения ведомости могли содержать как общие сведения о составе населения[30] , так и более подробные[31], когда помимо данных об общем количестве торгово-промышленного населения по городам Псковской губернии, сообщается о «главнейшем торге» и «промыслах» населения уездов, направлениях сбыта товаров и формах расчета (кредит или наличные), дается оценка размеров их торгов. Помимо общих показателей учета состава торгово-промышленного населения мог использоваться и посемейный учет с указанием кратких сведений об основных занятиях[32] .

К нормативным источникам относятся таксы цен, которые являются важным источником по истории торговли 90-х гг. XVIII в. Первые сведения о них в Псковской губернии относится к 1797 г. Основанием для этого стал «Указ Сената об установлении цен на съестные припасы». По предложению Сената было определено назначить таксы только по

городам и для живущих в них, но «и то лишь на мясо, печёный хлеб и те припасы, которые суть припасы того уезда или города»[33]. В таксах приводятся цены по городу и по уезду (округе).

В уездных таксах содержатся данные о торговле в уезде как за один месяц, так и за несколько. Фиксировались средние цены в торговле «на месте, у себя в селении» и торговле «с отвозом на торги». Но последняя графа заполнялась очень редко.

Таксы уездных городов составлялись городскими думами. Цены в городских таксах даются по следующему принципу: средняя цена в уездном городе, «минимальная» и «максимальная», иногда средняя цена в уезде, фиксируется отсутствие в торговле какого – либо продукта.

Наряду с документами, содержащими статистические материалы, для изучения промыслов имеет значение сочинение псковского купца М. Вихмана «Рассуждение о встречаемых злоупотреблениях при обрабатывании льна во Псковской, Новгородской и Санкт-Петербургской губерниях о происходящем из оных ущербе и о способе как к отвращению оных так и добавлению пользы поселянину» (1802 г.)[34]. Рукопись содержит важные сведения по технологии выращивания льна, указания на недостатки на всех стадиях выращивания и обработки, их причины и последствия для вырабатываемого волокна.

Сохранившиеся источники позволяют дать достаточно цельную характеристику развития промысловой и торговой деятельности населения Псковского края в XVIII в. Окладные книги существовали в неизменном виде на протяжении XVIII в., в то время как торговая документация меняется. Таможенные книги являлись основным отчетным документом в первой половине XVIII в. Для Псковского края они сохранились в основном за 1740-1750-е гг. 20-30-е гг. XVIII в. в псковской традиции представлены ведомостями о сборе таможенных пошлин, которые подшивались в одну книгу вместе с другими окладными документами (ведомостями и доношениями). Таможенные книги сосуществуют с ведомостями, как кратким справочным источником информации о торговле. Во второй половине XVIII в. значение ведомостей как источника, отражающего состояние торговли, увеличивается. К концу века появляются таксы цен.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Раздорский А. И. Торговля Курска в XVII в. М., 2004.

[2] ГАПО – Государственный архив Псковской области

[3] ПИАИХМЗ – Псковский историко-архитектурный и художественный музей заповедник

[4] ГАВЛ – Государственный архив Великих Лук

[5] Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. СПб. 2004. С. 383.

[6] Спасский И. Г., Юхт А. И. Финансы. Денежное обращение.// Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 2. М., 1987. С. 121.

[7] Колосова И. О. Улицы Пскова: Средневековье и раннее Новое время.//Труды IV Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. М., 1997.

[8] Макеенко Л. Н. Из истории окладных сборов г. Пскова в первой четверти XVIII в. Окладные сборы с бань//Земля Псковска древняя и современная. Материалы научн.-практ. конф. Псков, 2004.

[9] Кафенгауз Б. Б. Очерки истории внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1957; Он же. Таможенные книги XVIII в.//Археографический ежегодник за 1957г. М., 1958.

[10] Малышева И. А. Материалы таможенного делопроизводства XVIII в. как объект лингвистического источниковедения. Автореф. на соиск. учен. степ. д. и. н. М., 1997; она же. Памятники деловой письменности XVIII в. как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск, 1997.; она же. Псковская таможенная книга 1749 г. как лингвистический источник//Псков в Российской и Европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). Т. 2. М., 2003.

[11] Меерзон А. Ц. Таможенные книги XVII в. М., 1957.

[12] РГАДА. Ф. 1600. Д. 7.

[13] Юрасов А. В. Внешняя торговля Пскова в XVII в. Автореф. дис. на соиск. учен. степени к.и.н. М., 1998.; он же. Таможенные пошлины во внешней торговле Пскова в XVII в.//Древности Пскова: археология, история, архитектура. Псков, 1999.

[14] Чистякова Е. В. Псковский торг в середине XVII в. //Исторические записки. Т. 34. М., 1950.

[15] Таможенные книги г. Великие Луки 1669 – 1676 гг. /Под. Ред. А. Л. Хорошкевич. М., 1999.

[16] Волков М. Я. Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России первой четверти XVIII в. М., 1994.; Демкан А. В. Русское купечество XVII – XVIII вв. М., 1990.

[17] Центры торговли Европейской России в первой четверти XVIII в./Сост. М. Я. Волков. М., 1986.

[18] Макеенко Л. В. Внутренняя торговля и таможенные сборы в Пскове в 1748. / / Земля Псковская, древняя и современная. Псков, 1999.; она же. Внутренняя торговля в Пскове в сер. XVIII в. // Псков. 1999. -№ 10.; она же. Внутренняя торговля в Пскове в сер. XVIII в. // Псков. 1999. -№ 11.; она же. История Псковской таможни. Псков, 2000.

[19] Центры торговли Европейской России... С. 23 – 26, 28.

[20] ПГИАХМЗ Древлехранилище. Ф. 580. Д. 2.

[21] ПГИАХМЗ Древлехранилище. Ф. 580. Д. 1.; РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 371.

[22] ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 514.

[23] ПГИАХМЗ Древлехранилище.. Ф. 580. Д. 2, 8.

[24] ПГИАХМЗ Древлехранилище. Ф. 580. Д. 4.

[25] ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 457, 471, 516, 519, 521, 570, 609, 610, 1001.
[26] ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 62.
[27] ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 18; Д. 19.
[28] ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 210.
[29] ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 88.
[30] ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3.
[31] ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 48.
[32] ГАВЛ. Ф. 414. Оп. 4. Д. 84.
[33] Такса// Энциклопедический словарь. Брокгауз, Ефрон. Т. XXXII. СПб. 1901.
[34] ПГИАХМЗ Древлехранилище. Ф. 126. Д. 2.

* * *

В.А. Аракчеев

Писцовые наказы как источник по истории закрепощения

Утрата приказной документации XVI в., пожалуй, наиболее остро ощущается в исследованиях по истории закрепощения. В этих условиях решающее значение приобретают ретроспективно изученные материалы XVII века, в том числе писцовые наказы. Собранные и опубликованные С.Б. Веселовским еще в начале XX в., наказы не были исследованы как источник по истории закрепощения вплоть до 1995 г., времени выхода новаторской статьи Е.И. Колычевой[1]. Она изучила четыре наказа дозорщикам 1617–1619 гг. и писцовый наказ 1622 г., что вполне соответствовало задачам ее работы. Одновременно наказы 1620-х гг. были исследованы Е.Н. Швейковской как источник по истории крестьянской собственности[2].

Два года спустя после выхода статьи Е.И. Колычевой А.В. Антоновым был опубликован древнейший из известных в науке писцовый наказ 1585 г. Он был изучен нами наряду с писцовыми наказами 1620-х гг., что дало возможность придти к следующим выводам: 1) В 1580–1620-х гг. правительство осуществляло прикрепление крестьян к тяглу двумя способами. Сыск и возвращение беглых дворцовых и черносошных крестьян должны были осуществлять писцы в административном порядке, а частновладельческих – их владельцы по суду. 2) Отмеченным обстоятельством была обусловлена особенность писцовых наказов, правовые нормы которых действовали однонаправлено: они обязывали

Аракчеев Владимир Анатольевич, к.и.н., Псковский государственный педагогический университет

осуществлять сыск черных тяглецов «где ни буди», в том числе и на частновладельческих землях, но не предполагали сыск частновладельческих крестьян на посадах и в черных волостях. 4) Под выражением «где ни буди» следует понимать, главным образом, монастырские земли, что свидетельствует о жестком разграничении в положении сельского тяглого населения, правовой статус разных категорий которого существенно различался[3]. Задачей настоящего доклада является ознакомление с результатами исследования 15 писцовых наказов, датируемых 1585–1629 гг. и относящихся к землям разного статуса в посадах и уездах Северо-Запада и Замосковного края. Изученные наказы отнесены нами к четырем вариантам в зависимости от наличия или отсутствия в них правовой нормы, трактовавшей способы сыска и возвращения беглых крестьян.

К варианту «А» отнесен нами наказ писцам трех уездов Галицкой земли 1585 г.; к рассмотрению постановлений этого документа о сыске беглых мы переходим[4]. Наказ писцам Галичского, Чухломского и Соли-галичского уездов Ю.И. Нелединскому и Л. Сафонову был дан 30 июня 1585 г., его формуляр идентичен формуляру писцовых наказов 1620–х гг. Документ состоит из двух разделов, в первом из которых содержаться положения о параметрах описания в посадах, а во втором разделе – в уездах, станах и волостях. Распоряжение о сыске беглых посадских людей приводится в наказе дважды: в первом и втором разделах. Резолюция первого раздела предписывает: «а которые будет люди с черных мест розошлися жити по слободам или по иным городом или по деревням за кого ни буде, и тех людей сыскивая, возити их на старые их дворы»[5]. Очевидны серьезные изменения в положении посадских людей, произошедшие после принятия Судебника 1550 г. Под слободами следует понимать, главным образом, монастырские слободы, и, прежде всего, в самих городах, подвергшихся описанию. Эта норма явно заимствована из Судебника. Однако своз тяглецов предусмотрен также из других городов и из деревень «из за кого ни буде». В данном случае имеются в виду все категории владельцев: служилые люди, монастыри, Дворец. Таким образом, есть основания полагать, что в писцовых наказах, составлявшихся в царствование Федора, декларировалось прикрепление посадских людей к своим тяглым общинам.

Второй раздел наказа посвящен сыску посадских людей и волостных крестьян в сельской местности. «А которые галичские и чюхломские и Галицкие Соли посадцкие люди и волостные крестьяне розбежались тех же городов в уезды в ыные волости и в ыные городы и в уезды, не хотя государевых податей платити или от посланников, и Юрью Ивановичю и подьячим, взяв с собою в Галиче и на Чюхломе и у Соли на посадах посадцких людей и в околних волостех около тех городов волостных крестьян, сколко человек пригоже, да с теми людми тех городов

посадцких людей и волостных крестьян беглых з женами и з детми и со всеми их животы по сыску имая, приводити в Галич на посад и в галицкие пригороды да тех посадцких людей и сажати на посаде в старые их дворы, а волостных крестьян таково ж в своей волости в старые ж их деревни и дворы, где хто наперед сего жил».

Наказ предусматривал возможность и единоличного сыска беглых писцами. «А однолично Юрью Ивановичю и Леонтью тех городов посацких беглых людей и волостных крестьян сыскав где-нибуди, вывести назад, посадцких людей на посад, а волостных крестьян в волости, и записи по них поручные поимати, чтоб им жить по прежнему в старых своих дворех и государевы подати платить по своим жеребьям по сошному писму ровно, и вон не выходити без государева указу ни за кого...»[6]. Это наиболее раннее известное нам распоряжение о полном запрете крестьянских переходов. Как известно, первое упоминание о «заповидных летах» содержится в отдельной грамоте новгородскому помещику Б. Сомову от 12 июля 1585 г.[7]

Важнейший вопрос, возникающий при анализе распоряжения, – какие категории крестьян имел в виду писцовый наказ? Ряд косвенных указаний на это содержится в самом тексте документа. Во-первых, в преамбуле, которая, как и в позднейших наказах содержит распоряжение писцам «ехать», «писать» и «дозирать», имеется ценнейшее указание. Писцам предписывается взять в городах с подлинных писцовых книг и с платежниц противни, а у «черных старост и целовальников» – сотные. Таким образом, в преамбуле писцового наказа игнорируются земли служилых людей. Сами крестьяне в тексте наказа именуются волостными. Крестьян сажают «в своей волости в старые ж их деревни и дворы», выводят в волости «и записи по них поручные» «имают». Никаких следов их зависимости от землевладельца (кроме государства) не видно, что позволяет определить, что в наказе речь идет о черносошных крестьянах.

В.И. Корецкий, проведший огромную работу по сбору сведений о письме 80-х – 90-х годов XVI в., нашел упоминания о двух описаниях галицких уездов. Ему были известны книги Галицкого уезда Василия Симонова «с товарищи» 7089 (1580/81) г., и писцовые книги Соли Галицкой (черных волостей) письма и дозора Ю. Нелединского «с товарищи» 7093 (1585) г. Описание Соли Галицкой писцом и дозорщиком Ю. Нелединским «с товарищи» 7093 (1585 г.) было известно В.И. Корецкому по упоминанию в грамоте 1608 г[8]. Сам Корецкий никак не прокомментировал факт повторного описания галицких земель в середине 1580-х годов, глухо сославшись на одновременное письму других уездов описание Солигаличского уезда[9]. Ни писцовые книги 1580/81 г. В. Симонова, ни книги 1585 г. Ю. Нелединского до сих пор не разысканы и, скорее всего, не сохранились до

нашего времени. Но не будет слишком смелым предположить, что В. Симонов в 1580/81 г. описывал частновладельческие земли (служилых людей и монастырей), а Ю. Нелединский в 1585 и, видимо, в 1586 г. описывал посады и черные волости.

К подобному выводу приводит и сравнительное исследование наказа 1585 г. и писцовых наказов 1620-х годов. Мы проанализируем только самые ранние из сохранившихся наказов (1617–1627 гг.), которые можно разделить на две группы – наказы дозорщикам и наказы писцам, последние, в свою очередь, подразделяются на два варианта. К варианту «Б» мы отнесли два писцовых наказа, в которых отсутствовала правовая норма, трактующая вопросы сыска беглых крестьян писцами. Это – наказы писцам Московского уезда Ф. Пушкину и А. Строеву от 15 июня 1626 г. и писцам уездов Суздаля и Луха М. Трусову и Ф. Витовтову от июня 1627 г.[10] В их задачи входило описание всех категорий частновладельческих земель: поместных, вотчинных, патриарших, митрополичьих, владычних, монастырских, за исключением дворцовых. Норма о сыске и вывозе беглых крестьян в этих наказах отсутствует, что невозможно объяснить случайными причинами, например, утратами фрагментов их текстов.

В наказе писцам уездов Суздаля и Луха сформулированы предписания по широчайшему кругу вопросов: перераспределение угодий и пашенных земель между деревнями и помещиками с одновременным размежеванием, обложение оброком бортных и других угодий, проверка владельческих прав вотчинников и законности наследования вотчин, определение норм сошного письма. По логике вещей, находящей себе опору в сопоставлении рассматриваемых документов с наказами писцам дворцовых и черносошных земель, следует сделать вывод, что перед писцами частновладельческих земель задача сыска беглых и вывезенных крестьян не ставилась. Частновладельческие крестьяне находились в сфере действия другой отрасли законодательства, порожденной указами о заповедных и урочных летах, которые предоставляли сыск и возвращение беглых крестьян частной инициативе землевладельцев. Предложенный вывод также влечет за собой подтверждение нашего прежнего наблюдения о том, что наказ 1585 г. предполагал описание посадов и черносошных волостей Галицкого, Чухломского и Солигалицкого уездов и не предусматривал описания частновладельческих земель.

Третья группа наказов – собственно писцовые наказы, сохранившиеся с 1622 г., времени начала валового описания и объединенные нами в вариант «В». Наказ писцам посадов Великого Новгорода и Старой Руссы с уездом А. Чоглокову и Д. Семенову от июня 1622 г. состоит, так же, как и наказ 1585 г., из двух разделов. В первом разделе содержится предписание о сыске и вывозе на старые места посадских

людей Великого Новгорода: «Да будет которые посадские люди, не хотя быти в тягле с мирскими людьми, а льготя себе и покиня свои дворы, вышли за митрополита, или за монастыри и за всяких чинов людей после смутных лет, и про тех посадцких людей сыскав, где хто за кем живет, да тех людей по государеву указу до 128-го году за 10 лет из-за тех людей вывозить и посажати их на старые места...». Второй раздел наказа содержит распоряжение о мерах по возвращению посадских людей и крестьян Старорусского уезда: «А вывозити им старорусских посадских людей и старорусских черных волостей крестьян за государя, которые довелися по государеву указу, до 128-го году за 10 лет, сыскивая про то накрепко...»[11].

К документам этой группы относятся также наказы писцам Пскова 1623 г., писцам Вятских уездов и Заонежских погостов 1628 г., писцам Устретцкой волости 1629 г.[12] В наказах 1622–1629 гг. важно подчеркнуть главное: несмотря на то, что писцы должны были описывать все земли, в том числе монастырей и служилых землевладельцев, их сыску подлежали только посадские люди и черносошные или дворцовые крестьяне. Данное положение варьировалось в зависимости от того, существовали ли в данном уезде черносошные или иные «государевы» земли. В Псковской земле в 1620-х годах не было черносошных крестьян, но имелись дворцовые волости, и, соответственно, изменялись формулировки наказа. Писцам посада и уезда Пскова в наказе от 22 июля 1623 г. предписывалось: «а вывозити им псковских пригородов посадцких людей и дворцовых волостей крестьян за государя тех, которые довелись по государеву указу, до 128 году за 10 лет, сыскивая про то накрепко...»[13]. Таким образом, согласно писцовому наказу, в Псковской земле сыску и вывозу подлежали только посадские люди и дворцовые крестьяне, несмотря на то, что описаны были все категории земель[14].

До нас дошли и указные грамоты с аналогичными предписаниями. В 1621 г. воеводе Чердыни было предписано осуществить сыск беглых: «а беглых людей велели б естя сыскивати до нынешнего 129 году и велели их свозити на старые места, где кто жил наперед сего, и вперед того велели беречи накрепко, чтоб крестьяне вперед не бегали; а тех людей, за кем они живут в податях велели подавать на крепкие поруки с записьми до нашего указу, чтоб им вперед неповадно было воровать, наших крестьян за себя приимать»[15]. Очевидно, что распоряжение чердынскому воеводе касается крестьян черных волостей и ни в коей мере не относится к частновладельческим крестьянам.

Переходим к рассмотрения наказов дозорщикам и писцам, объединенных нами в вариант «Г». Дозоры, как известно, осуществлялись на территориях, подвергшихся опустошению, и фиксировали убыль населения и масштабы разорения. Дозоры первого послесмутного де-

сятилетия были поспешными, и перед дозорщиками, как правило, не ставилась задача сыска тяглых людей. Но в одном наказе 6 июля 1619 г. дозорщикам дворцовой Устрецкой волости 1617–1619 гг. содержатся постановления о сыске и свозе посадских людей и крестьян. Предписаниям о сыске беглых этого документа свойственны две хронологические грани. Беглых дворцовых крестьян предписывалось искать со 117-го (1608/09) и после 119-го (1610/11) года[16]. Аналогичные положения содержатся в наказе писцам Устюга и Устюжского уезда от 22 мая 1623 г. и в грамоте из Устюжской чети к писцам Соли Вычегодской от 11 сентября 1625 г.[17]

Грамота 1625 г. была отправлена для решения казуса, связанного с уходом из Усольского уезда в Сибирь шести тяглецов, которые на новом месте жительства стали пашенными крестьянами. Дьяки Устюжской четверти предписали писцам выяснить прежний статус крестьян, и если окажется, что они бывшие тяглые посадские люди или волостные крестьяне, их предписывалось вернуть. Грамота интересна еще и тем, что в ней в сокращенном виде изложено «уложение» Михаила Федоровича, изданное, скорее всего, на Земском соборе 1619 (127) г.: «Да и потому их из Сибири взяти на старину, что по нашему уложенью изо всех городов сошлых посадцких людей и из наших дворцовых сел и черных волостей крестьян велено вывозить за нас на старые их жеребьи, посадцких людей по 127-й год за 10 лет, а уездных людей вывозить, которые вышли до московского разоренья с 117-го году и после московского разоренья с 119-го году по нынешней 134-й год»[18].

Интерпретация изложенных предписаний о сроках сыска дворцовых и черносошных крестьян крайне затруднительна; в свое время от объяснения этой нормы уклонились П.П. Смирнов и К.Н. Сербина[19]. Е.И. Колычева возводила два срока сыска беглых к известным постановлениям начала XVII в.: 117-й год к окончанию срока сыска беглых по Уложению 9 марта 1607 г., а 119-й год к русско-польскому договору 17 августа 1610 г. Исследовательница попыталась также объяснить факт одновременного бытования трех сроков сыска дворцовых и черносошных крестьян тем, что «все вышеназванные законы известны из делопроизводственной практики разных приказов, отсюда неточность в датировке»[20]. Заметим, что неточностью в датировке можно назвать разницу в конечной точке отсчета десятилетнего срока сыска – «по 127 год лет за 10» или «до 128 году за 10 лет» – но не принципиально разные сроки. К тому же, данная версия не объясняет, почему крестьян одной и той же Устретцкой волости Новгородского уезда по наказу 1619 г. должны были искать с 1608/09 г. и с 1610/11 г., а по наказу 1629 г. – «не больши десяти лет»[21].

Объяснение эволюции норм писцовых наказов возможно на иных путях и с привлечением всего дошедшего до нас комплекса законода-

тельных материалов по истории закрепощения. Второй сохранившийся от царствования Федора документ с известием о сыске беглых посадских людей – список с царской грамоты к Соли Галицкой воеводе И. Ильину от 30 июля 1596 г. Этот документ содержит предписание о сыске и вывозе на посад беглых тяглецов: «вышедших сыскать всех с женами и з детьми и со всеми их животы и вывезти на посад в старые их тяглые дворы, где хто наперед того жил и на поруки их з записьми подавать в том, что им всякие наши подати платити с посадцкими людьми ровно и с посаду вон ни за кого не выходить и в закладчиках ни за кем не жити»[22] . Грамота к воеводе Соли Галицкой 1596 г. интересна еще и тем, что ее формулировки дословно повторяют определения наказа писцам Соли Галицкой 1585 г. Значит, спустя 11 лет после начала описания на галицких посадах действовали нормы, заложенные в писцовом наказе, и, прежде всего, бессрочный сыск тяглецов.

Беглые дворцовые крестьяне в это время также подлежали сыску и свозу на прежние места жительства, о чем свидетельствует наказ городовому приказчику Ю. Лобанову от 28 ноября 1596 г. В наказе говорится, что «в прошлом де в 104-м году прислан в Арзамас Парфен Нефимонов, а велено ему сыскивати государевых ... арзамасских дворцовых сел беглых крестьян и вывозить в государевы ... дворцовые села». Кроме того, упомянутый сыщик правил на помещике Я. Миленине за беглого крестьянина «на прошлые годы на десять лет денежных доходов и посопного хлеба»[23]. Уже публикатор этого документа С.Б. Веселовский разъяснил коллизию ситуации, когда помещик утверждал, что крестьянин прожил в его имении 21 год, а сыщик Нефимонов полагал, что крестьянин вышел из дворцового села позже, возможно, всего 10 лет назад, не ранее 1586 г.[24] Веселовский связывал запрет на переход с введением заповедных лет в 1581 г., но такой вывод из документов не следует. При существующей источниковой базе наиболее вероятным будет заключение о том, что в арзамасском наказе отразилась норма о лишении дворцовых и черносошных крестьян права выхода особым постановлением в 7093 (1584/85) г., к моменту издания наказа от 28 ноября 1596 г. сыск дворцовых крестьян оставался бессрочным.

Первый общегосударственный закон, в котором фигурирует норма о прикреплении дворцовых крестьян, наряду с черносошными, к тяглу был издан 28 ноября 1601 г. Это знаменитый указ Бориса Годунова, разрешавший вывоз крестьян служилыми людьми, на условиях Судебника 1550 г. (в сроки Юрьева дня и с выплатой пожилого). Указ неоднократно комментировался в литературе[25]. Для нас наибольший интерес представляет перечень тех категорий землевладельцев, на которых указ не распространялся. «А *в дворцовые села, и в черные волости,* (здесь и далее курсив мой – *В.А.*) и за потриарха, и за митрополиты, и за архиепискупы, и за владыки, и за монастыри, и за

бояр, и за околничих, и за дворян болших, и за приказных людей, и за дияков, и за столников, и за стряпчих, и за голов стрелетцких, *и из-за них* в нынешнем во 110-м году крестьян возити не велети»[26]. Данное положение комментировалось главным образом в той его части, которая касается крупных землевладельцев-феодалов. Так, В.И. Корецкий заметил, что «крупные ... землевладельцы, представители администрации черных и дворцовых волостей были исключены из процесса вывоза, так как могли подавить мелких и средних помещиков»[27]. Понятно, что замечание исследователя относится скорее к крупным землевладельцам, нежели к дворцовым и черносошным волостям, которые чаще становились жертвой стяжательства помещиков.

Очевидно лишь то, что дворцовые крестьяне наряду с черносошными к 1601 г. считались прикрепленными к тяглу. В следующем 1602 г. указ был повторен, причем дворцовые и черносошные крестьяне в нем не были упомянуты, но содержалось категорическое постановление о том, чтобы «возили б крестьян промеж себя те все люди, которым велено возити во 110-м году»[28]. Логично заключить, что и по указу 24 ноября 1602 г. отмеченные категории крестьян не пользовались правом выхода. С.Б. Веселовский считал, «что и в следующем 112-м году в третий раз дан был указ о выходах», не сохранившийся[29]. У нас нет оснований считать, что третий указ должен был отличаться от двух предыдущих. Таким образом, факт прикрепления к тяглу дворцовых и черносошных крестьян в начале XVII в. можно считать бесспорным, равно как и сохранявшийся в то время бессрочный сыск беглых из их среды.

Появление нормы о вывозе писцами дворцовых и черносошных крестьян с 1608/09 г. и с 1610/11 г. следует связывать с указной практикой времени правления В. Шуйского. Косвенно наше предположение может быть подтверждено осуществленным нами в отдельной работе исследованием так называемого «Соборного уложения» 9 марта 1607 г. По нашему мнению, «Уложение» являлось плодом «реконструкции» Татищева, осуществленной на основе дефектного подлинника или списка указной грамоты в Чердынь. Грамота предписывала осуществить сыск и вернуть на старые места посадских людей, а также дворцовых и черносошных крестьян[30]. Если предположить, что подобные указные грамоты рассылались правительством Василия Шуйского весной 1607 г. и по другим поморским городам (Соль Вычегодская, Устюг), то генезис этой нормы становится очевидным – она была утверждена летом 1619 г. на основе существовавшей ранее указной практики.

Существо провозглашенного в наказах дозорщикам нововведения заключалось в том, что оно решительно противоречило практике сыска частновладельческих крестьян в течение 5 (или 9 – 11 для Троице-Сергиева монастыря) урочных лет, устанавливая увеличивающийся срок сыска. Эта норма была утверждена и применялась при описаниях

уездов или волостей с однородным по статусу населением – посадским, дворцовым, черносошным. Однако она оказалась непригодна для уездов с чересполосно расположенными землями разного правового статуса, в силу чего не позднее июня 1622 г. для дворцовых и черносошных крестьян, живущих в соседних с частновладельческими крестьянами волостях на территории одного уезда, был установлен десятилетний срок сыска, аналогичный «урочным годам». По свойственной приказной практике инерции прежняя норма (с возраставшими сроками сыска) была применена в наказе писцам Устюжского уезда и в указной грамоте в Соль Вычегодскую, но вышла из употребления после 1625 г.

Проанализированный нами материал показывает, сколь сложными путями шло создание крепостнического законодательства. Правительство с большой неохотой отказывалось от сложившейся административной практики, которая оказывала определяющее влияние на способы и сроки сыска беглых. Приказных дельцов не смущали существенные различия в правовом положении отдельных разрядов крестьян, что доказывается длительным сосуществованием разных вариантов писцовых наказов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Колычева Е.И. Мероприятия правительства по восстановлению аграрного производства в экстремальных условиях (70-е гг. XVI в. – 20-е гг. XVII в.) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование (XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы). М., 1995. С. 24–36.

[2] Собственность в России: Средневековье и раннее новое время. М., 2001. С. 160–164.

[3] Аракчеев В.А. 1) Из истории закрепощения в России: прикрепление к тяглу во второй половине XVI – начале XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 5. М., 2001. С. 39–69; 2) Заповедные годы на Северо-Западе России: историография, источники, методы исследования // Отечественная история. 2004. № 3. С. 128–140.

[4] Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т.1. М., 1997. № 190. С. 156-158.

[5] Акты служилых землевладельцев... С. 156.

[6] Акты служилых землевладельцев... С. 158.

[7] Самоквасов Д.Я. Архивный материал. Т.2. М., 1909. С. 499-500.

[8] Акты Археографической экспедиции. Т. 2. СПб., 1836. № 85; Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 308.

[9] Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 120, 304, 308.

[10] Акты писцового дела. Т.1. М., 1913. № 215. С. 423-438; Т. 2. М., 1917. № 1. С. 1–19.

[11] Акты писцового дела. Т.1. М., 1913. № 104. С. 177-186.

[12] Акты писцового дела. Т.1. М., 1913. № 120. С. 230–238; Т. 2. М., 1917. № 28. С. 62. № 29. С. 78; № 55. С. 115.

[13] Акты писцового дела. Т.1. М., 1913. № 120. С. 238.

[14] Масленникова Н.Н. Писцовые и переписные книги XVII в. – основной источник по истории псковских крестьян // ВИД. Т.XXI. Л., 1990. С. 202.

[15] Акты исторические. СПб, 1841. Т. 3. № 286.

[16] Акты писцового дела. Т.1. М., 1913. № 84.

[17] Акты писцового дела. Т.1. М., 1913. № 115. С. 212; № 202. С. 401.

[18] Там же. № 202. С. 401; Законодательные акты Русского государства второй половин XVI – первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. № 143. С. 124.

[19] Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М., 1947. Т. 1. С. 387; Законодательные акты Русского государства второй половин XVI – первой половины XVII в. Комментарии. Л., 1987. С. 154.

[20] Колычева Е.И. Мероприятия правительства... С. 31.

[21] Акты писцового дела. Т.1. М., 1913. № 84; Т. 2. М., 1917. № 55. С. 119.

[22] Цит. по: Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч.1. Киев, 1913. С. 139.

[23] Арзамасские поместные акты (1578-1618 гг.) М., 1915. № 112. С. 129.

[24] Веселовский С.Б. Труды по источниковедению... М., 1978. С. 43.

[25] ЗАРГ. Комментарии. № 50, 51. С. 90-95.

[26] ЗАРГ. Тексты. № 50. С 70.

[27] Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 165.

[28] ЗАРГ. Тексты. № 51. С 71.

[29] Веселовский С.Б. Труды по источниковедению... М., 1978. С. 43.

[30] Аракчеев В.А. Соборное уложение 9 марта 1607 г. // Российское государство в XV–XVII вв. СПб., 2002. С. 112–114.

* * *

А.В. Барсукова

Коломенский рынок середины XVI в. – 20-х гг. XVII века: динамика развития по материалам массовых источников

Когда мы слышим слово «рынок», в нашем воображении мгновенно возникает современный образ конкретного торгового пространства с множеством скученных киосков, палаток, ларьков. Но если мы отв-

Барсукова Анжелика Владимировна, аспирант Коломенского государственного педагогического института

лечемся от привычных ассоциаций, то увидим, что рынок – это сложный механизм, динамично развивающийся в территориально-организационном, сословно-профессиональном и государственно-фискальном планах. Развитие системы взаимосвязанных рыночных элементов - это длительный процесс, сопровождающий человеческое общество на протяжении многих столетий. В подтверждение сказанному обратимся к рынку подмосковной Коломны середины XVI в. - первых десятилетий XVII века, проследим динамику его развития по материалам таких массовых источников, как писцовые книги 1577/1578 г. и 1623/1624 г. Мы остановимся на следующих аспектах:

- анализ изменений состава торговых рядов в указанный период, и определение видов товарной продукции, представленных на коломенском рынке;
- характеристика типов торговых заведений;
- выделение сословных групп торгового населения коломенского рынка;
- обзор изменений размера оброчных окладов с городских торговых заведений на протяжении рассматриваемого периода.

Используя данные коломенской писцовой книги 1577/1578 г. мы учитывали, что она отражает состояние рынка середины XVI в. по общему числу торговых заведений. Число «живущих» торговых мест, зафиксированное источником в момент составления описи, это показатель упадка социально-экономической жизни в последнее десятилетие царствования Ивана Грозного[1] . Коломенские таможенные книги XVII в. не сохранились до наших дней, поэтому трудно переоценить значение писцовой книги 1623/1624 г., запечатлевшей состояние города после «смутного лихолетья». Сравнение сведений о коломенском рынке по этим двум писцовым книгам было продиктовано соблюдением принципа хронологической последовательности в создании источников и фактической идентичностью формуляров в описании торговых заведений города. Писцы зафиксировали названия торговых рядов, их расположение по отношению друг к другу или городским топографическим ориентирам, типы торговых заведений, владельцев с указанием сословно- и/или профессиональной принадлежности, их мест проживания. Кроме того, они отмечали пустые торговые помещения, в редких случаях с объяснением причины запустения. Указание размера оброчных окладов в сравниваемых источниках различно. В книге 1577/1578 г. оброк записывался общей суммой для «живущих» торговых заведений каждого ряда, писцы же 1623/1624 г. обозначали два размера оброка для каждого торгового заведения: один, взимавшийся до описи, и второй – назначенный вновь по результатам ее проведения. В связи с этим обстоятельством источник 20-х гг. XVII в. содержит данные измерений каждого торгового заведения

«в длину и поперек» в саженях. По-разному подводятся итоги по общему числу торговых заведений: писцовая книга 1577/1578 г. содержит промежуточные данные по каждому ряду, а писцовая книга 1623/1624 г. представляет только общий результат по всему торгу.

Рынок середины XVI - XVII вв. территориально сосредотачивался в торговых рядах, которые являлись непременной чертой подмосковной Коломны. В середине XVI в. он насчитывал 29[2] торговых рядов. Больше всего торговых заведений было связанно с продажей товаров, ориентированных на кожевенное производство (Овчинный, Сапожный) и суконное мастерство (Чупрунный (чупрун – женский кафтан), Сермяжный (сермяга – это верхняя крестьянская одежда из грубого некрашеного сукна бурого или серого цвета), Льняной, Рогожный), а также домашний пошив одежды (13 рядов – 44, 8 %, 299 торговых заведений – 40,4 %). В связи с этим особым спросом на коломенском рынке пользовался «щепетильный» товар (щепетинье, отсюда щепетинный) - мелочный товар: нитки, иголки, булавки, наперстки, пуговицы, бисер и т. д.), о чем свидетельствует наличие Большого и Малого Щепетинного ряда. Второе место закрепилось за рядами, специализировавшимися на торговле продовольственными товарами, богатый ассортимент которых хорошо прослеживается, например, в названиях таких рядов, как Рыбный, Овощной, Мясной, Хлебный и Калачный, Житный и Солодяной (солод – продукт проращивания зерен злаков: ячменя, ржи, пшеницы, овса), применяется в производстве пива, кваса, спиртных напитков, дрожжей), Масленый и др. (всего 9 рядов – 31 %, 258 торговых заведений – 34,9 %). Большое количество торговых мест источник зафиксировал в Железном и Старом Горшечном ряду (по 42 торговых заведения – 5,7%). Кроме того, ассортимент товаров был отражением потребностей православного человека XVI-XVII вв., что дает логичное объяснение наличию на коломенском рынке Иконного ряда. Напротив, названия таких рядов, как Скамейный и Шалашной, были связаны не с товарной специализацией, а с типом торговых заведений, по которому они объединялись. Пока имеющиеся у нас сведения не позволяют ясно определить состав продукции Старого Рогожного, Старого Калачного и Старого Горшечного ряда, но очевидно, что их названия – это «память» коломенского рынка о переменах в его организационно-территориальной структуре.

К 70-м гг. XVI в. происходит сокращение торговых заведений в большинстве рядов, за исключением Сермяжного, Старого Рогожного, Льняного, Масленого, Ветошного, Сапожного Ветошного, Шалашного и ряда для торговли золою. В связи с этим наблюдаются изменения в соотношении видов товарной продукции. Число торговых заведений, связанных с крупной торговлей сукном, кожами, готовыми изделиями, уменьшается до 253, т.е. составляет теперь 45 % от общего количества

«живущих» мест. Подобный процесс сказался и на самом крупном ряду середины XVI в. - Сапожном, опустевшем на 39 торговых мест. Также почти в два раза сократился Хлебный и Калачный ряд, а в целом в девяти продовольственных рядах осталось 194 «живущих» торговых заведения, т.е. 34,6 %. При этом максимальное уменьшение торговых заведений произошло в Старом Горшечном ряду и отразилось сокращением в 10 раз. Приведенные цифры показывают, что изменения в развитии коломенского рынка, произошедшие за несколько десятилетий второй половины XVI в., привели к сокращению торговых заведений в 1,3 раза, что сказалось в запустении 179 торговых мест при сохранении состава рядов середины XVI века.

Коломенская рыночная инфраструктура, претерпевшая значительные перемены к 70-м гг. XVI в., продолжала оставаться составной частью единого процесса социально-экономического развития всего Русского государства. Об этом свидетельствует писцовая книга торговых рядов, кузниц и оброчных объектов 1623/1624 г., показывая, какой был нанесен урон городскому рынку в ходе бурных событий Смутного времени. Количество торговых рядов уменьшилось с 29 до 19: уже не называются такие ряды (занимавшие весомое место (30 и более торговых заведений) в структуре коломенского рынка середины – 70-х гг. XVI в.), как Большой Суконный, Рогожный, Большой Щепетинный, Железный. Произошли значительные изменения в характере товарной специализации. После лихолетья на основе 10 рядов из 13, ориентированных на продажу сукна, готовой одежды, предметов шитья, бижутерии, возник один – Женский[3], а Сырейный слился с Сапожным. Рынок развивался под влиянием потребностей городского общества, оказавшегося в условиях экономической разрухи, порожденной Смутой. Во многом именно этим обстоятельством было продиктовано снижение числа торговых заведений по продаже обуви, одежды, материалов для их изготовления, не соответствующей низкой покупательной способности обедневшего населения. С другой стороны, эта причина легла в основу процентного роста по сравнению с данными второй половиной XVI в. торговых мест в рядах, связанных с продовольственными товарами. Кроме того, этот процесс выразился в формировании новых рядов. Появление Житного и Солодяного ряда свидетельствовало о расширении объемов хлебной розничной торговли, которая на протяжении XVII в. получала все большее распространение в российских городах[4]. Подобная тенденция наблюдалась и в торговле солью, отразившейся в Коломне еще одним специализированным рядом – Соляным «новоприбылым». Перемена к увеличению по сравнению с 70-ми гг. XVI в. в общем количестве торговых заведений произошла в Мясном и Рыбном рядах, что связано с постоянным спросом на про-дукты питания. Об этом говорит и наличие на торгу в

20-е гг. XVII в. Харчевного ряда. Новыми для этого времени стали Тележный и Рогожный, Масленый и Дегтярный, Масленый и Судовой ряды, вероятно, подобное объединение было результатом соседства двух рядов друг с другом. В составе коломенского рынка и в XVII в. сохранялись ряды, в названиях которых содержалось слово «старый». Например, наличие Старого Москотильного ряда (46 торговых заведений около 10% от общего числа всех мест) позволяет предположить, что он функционировал в Коломне уже в конце прошлого столетия. Однако при описании дворов подьячие называют «молодчего человека Олешку Баженова сына Ветошникова», который «торгует в москотильном ряду»[5] (москотильный товар - аптечные припасы и химический товар: краски, клей, деготь и др. снадобья), и здесь слово «старый» не употребляется. Пока неясная ситуация складывается и со Старым Соляным рядом, который по числу торговых заведений был наиболее крупным на городском торгу (60 «живущих» торговых заведений – 13,3%). Мы предполагаем, что он находился на месте бывшего Большого Соляного ряда, в котором прослеживалась ярко выраженная тенденция к расширению. К такому же выводу приводят и промежуточные сведения об общем числе торговых мест в Рыбном ряду (52 торговых заведения – 11,5%).

Таким образом, сравнение составов торговых рядов середины 70-х гг. XVI в. и 20-х гг. XVII в. показывает наличие у городского рынка гибкого механизма реагирования на изменение потребностей коломенцев, связанное с особенностями того исторического времени, современниками которого они являлись.

Отличались многообразием и типы торговых заведений коломенского рынка: в середине XVI в. – их число равнялось 15, а в 20-е гг. XVII в. – 11. С одной стороны, подобное сокращение служит явным показателем экономического разорения Смутного времени, с другой – это результат процесса укрупнения лавок и дробления лавочных мест. Неслучайно, в писцовой книге 1623/1624 г. как отдельный тип не называются мелкие составные части – треть и четь лавки. К 20-м гг. XVII в. исчезает вид «кладовой»[6] лавки, предназначенной для хранения товаров. Причем некоторые лавки без прямого соотнесения с этим типом также использовались как кладовые, в которых находился «овес и хлеб государев»[7]. В источнике нет упоминания о таможенном дворе, где во второй половине XVI в. было несколько лавок. Сопоставление числовых показателей говорит об уменьшении количества всех типов торговых заведений: с середины XVI в. по 20-е гг. XVII в. в 1,6 раза. Писцы XVI в. среди причин запустения торговых заведений называли следующие: «вымерли, роду не осталось», «умер, роду и племени нет», «взят к Москве в веденцах»[8]. В 20-е гг. XVII в. этот перечень сменяется такими объяснениями, как – «умер в лихолетье» или «сшел безвесно»[9]. О резком

сокращении мужского населения в городе свидетельствует увеличение в составе владельцев торговых заведений вдов в 1,7 раза по сравнению с данными 70-х гг. XVI в.. Сравнив процентные показатели от общего числа торговых заведений по каждому типу, мы получили ранжированную картину организационной стороны коломенского рынка. На протяжении рассматриваемого периода в общем количестве торговых заведений наблюдается процентный рост лавок как основного типа. В середине XVI в. на втором месте по числу упоминаний находятся лавочные места, запустение которых в 70-е гг. XVI в. приводит к тому, что этот тип по степени распространенности на коломенском рынке становится третьим, уступая место полулавкам, которые практически исчезают из торговых рядов в 20-е г. XVII в. Среди часто встречающихся торговых заведений следует назвать полки и скамьи. В отличие от писцовой книги 1577/1578 г. в описании 1623/1624 г. как тип торгового места не называются шалаши, полочные места, прилавки, сенные места («трушники» - торговцы сеном). Зато появляются новые типы торговых заведений - харчевня и изба блинная.

Важным показателем развития городского рынка являлось наличие гостиного двора, расположенного за торгом у Москвы-реки. В 1577/1578 г. рядом с гостиным двором находился «онбар соляной кладовой Семейки Оникеева сына Строганова да племянника его Максима»[10]. В 1623/1624 г. подьячие зафиксировали уже на самом гостином дворе амбар Ивана и Максима детей Максимовых Строгановых, и «плетенои» амбар Андрея и Петра детей Семеновых Строгановых – преемников владельцев 70-х гг. XVI в.

Таким образом, в организации коломенского рынка происходили постоянные изменения по следующим параметрам: число и состав торговых рядов, тип торговых заведений.

В 70-е гг. XVI в. – 20 – е гг. XVII в. «Коломна в силу некоторых временных причин была представлена преимущественно беломестным населением»[11], что естественным образом отразилось и на сословном составе торгующих. В рассматриваемый период определяющее место на рынке сохранялось за такими группами беломестного населения, как владычные крестьяне, закладчики и дворники бояр, дворян и монастырей, служилые люди (стрельцы, пушкари, воротники, затинщики), казенные мастера (кузнецы, струговые плотники, каменщики, кирпичники, гончары), ямщики (ямские гонебные охотники), посадское духовенство, гости. К 20-м XVII в. по причине общего сокращения городского населения наблюдается уменьшение в каждой категории. При этом в процентах происходит увеличение числа «владычных людей», казенных мастеров, посадского духовенства и наблюдается сокращение закладчиков и дворников, а также ямщиков. По подсчету М.Б. Булгакова, «в 1623/1624 г. 37 % всех торговых помещений на

коломенском торгу принадлежало беломестцам всех групп населения. В них торговало 40% всех участников торга»[12]. Кроме беломестцев торговыми помещениями владели уездные крестьяне и посадские люди. Пестрый сословный состав торговцев показывает связь городского рынка с социальными особенностями населения г. Коломны этого периода. Превращение Коломны в первой четверти XVI в. в оборонительную крепость сказалось на ее хозяйственной деятельности. В торговые обороты коренных горожан, обживясь и войдя в условия существования города, начали втягиваться служилые люди: например, в Большом Суконном ряду находилась «лавка Милована Иванова сына замочника затинщика»[13], а в Рогожном ряду – «лавка Григорья Гаврилова пушкаря»[14]. Процессу включения служилых людей в занятия торговлей также способствовало соседствующее расположение Затинщиковой (Затинной) слободы за торгом[15]. По данным, которые приводятся в книге И.М. Кулишера, на 1625 г. в Коломне ратным людям принадлежало 1/3 всех торговых заведений, что вполне объяснимо той ролью, которую играли служилые люди для города еще в первой четверти XVII столетия[16]. Кроме четкого закрепления торговых заведений за представителями определенных групп населения, наблюдались случаи совместного владения, межсословного и родственного характера.

Писцовая книга 1577/1578 г. насчитывает 11 оброчных окладов для торговых заведений от минимального в 2 ден. до максимального в 5 алт., т.е. первый был меньше второго в 15 раз. Но этот итог во многом условен, так как он не учитывает особенность оброчного обложения, определявшегося типом торгового заведения. Для лавок оброк колебался бт 5 алт. до 3 ден., среди этих случаев самый распространенный составил 1 алт. Источник зафиксировал по два случая оброчного оклада для скамьи– 3 ден. и 2 ден., для прилавка – 6 ден. и 2 ден., по одному случаю – для полки – 5 ден., амбара – 8 ден., шалаша в 4 ден. и сенного места – 2 ден. Оброчная ставка не называется по отдельности для лавок и амбара таможенного двора, указывая только общую сумму в 12 ден. Открытым остается вопрос о взимании оброка с «живущих» лавочных мест. Источник только единожды называет размер в 2 ден. поэтому нам предстоит еще выяснить: это косвенный показатель запустения данного типа торговых заведений или это отражение определенного порядка оброчного обложения. В отличие от 70-х гг. XVI в., когда размер оброчных окладов зависел от типа торговых заведений, в 20-е гг. XVII в. действовал другой принцип фискального обложения, зависящий от размера торговых заведений. По писцовой книге 1623/1624 г. оброчных окладов, наложенных до описи, насчитывается 10 видов от 4 ден. до 5 алт., среди которых самым распространенным оброком были 2 алт. и 3 алт. Расчет нового оброка привел к увеличению оброчных окладов до 28 случаев от 4 ден. до 10 алт. 4 ден. По степени распространенности к двум вышеука-

занным случаям добавился еще оброк в 3 алт. 2 ден. (1 гривна). Таким образом, оброчные суммы на 1624 г. составили диапазон от 2 алт. до 13 алт. 2 ден., из числа которых самой часто фиксируемой была сумма в 5 алт.

Таким образом, сравнение данных с середины XVI в. по 20-е гг. XVII в. показывает процесс развития коломенского рынка по различным параметрам от состава торговых рядов до оброчных окладов, подчеркивает роль рынка в жизни города, его взаимосвязь с экономическим упадком Русского государства, в целом, и с особенностями социального развития города-крепости, в частности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. / А.Б. Мазуров. М., 2001. С. 26-27.

[2] В статье рассмотрены только те торговые ряды, которым писцовая книга 1577/1578 г. дает полное описание, но отметим, что есть и косвенное упоминание еще одного ряда – Седельного. (Писцовая книга г. Коломны 1577/1578 гг. // Города России XVI в.: материалы писцовых описаний / отв. ред. М.Я. Волков, З.В. Дмитриева М., 2002. С.43.)

[3] РГАДА.Ф.1209.Поместный приказ.Оп. 1. Ч. 1. № 201. Л. 294. 1623/1624 г. [Коломна] Писцовая книга торговых рядов, кузниц и оброчных объектов в городе писцов Галицкой четверти А.Л.Ушакова и подьячего Д.Брянцева.

[4] По данным писцовой книги 1577/1578 г. организация этого ряда на коломенском рынке была не в новинку, а обращением к традиции, так как в составе Хмелевого источник зафиксировал лавки Старого Солодяного ряда. (Писцовая книга г. Коломны... С.54.)

[5] РГАДА.Ф.1209. Поместный приказ.Оп. 1. Ч.1. № 201. Л.7. 1623/1624 г. [Коломна]. Писцовая книга писцов Галицкой четверти А.Л.Ушакова и подьячего Д.Брянцева.

[6] Писцовая книга г. Коломны... С.45.

[7] Там же. С. 44, 53.

[8] Там же. С. 39, 40, 53.

[9] РГАДА.Ф.1209.Поместный приказ. Оп. 1. Ч. 1. № 201. Л. 188-188 об. 1623/1624 г. [Коломна].Писцовая книга торговых рядов...

[10] Писцовая книга г. Коломны... С. 55.

[11] Булгаков М.Б. Структура и динамика населения г. Коломны в первой половине XVII в. // Русский город. Москва и Подмосковье. Вып. 4. – М., 1981. С. 142.

[12] Там же. С. 152-153.

[13] Писцовая книга г. Коломны... С.39.

[14] Там же. С.50.

[15] Там же. С.37.

[16] Кулишер И.М. Очерк истории русской торговли. СПб., 1923. С. 155.

* * *

Н.В. Башнин

Обзор описей Дионисиево-Глушицкого монастыря XVII – начала XX в.

В современном источниковедении и археографии уделяется много внимания изучению описных монастырских книг.[1] Значение этого источника для исследования многих сторон повседневной жизни русского средневековья и раннего нового времени трудно переоценить.[2] В новейшей научной литературе, справедливо признаётся, что до сих пор описные книги вологодских монастырей XVI – XVII вв. в полном объёме еще не выявлены,[3] считаем, что это утверждение остаётся справедливым и для более позднего времени.

Подчеркнём, что большинство описей Глушицкого монастыря,[4] выявленных нами в архивах, впервые вводятся в научный оборот. Памятники, хранящиеся в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеке (далее – ОР РНБ) до сих пор лишь упоминались в «Каталоге собрания рукописей П. И. Савваитова[5]», составленном И. А. Бычковым.[6] Это описи 1683 г. и 1775 г.[7] Значительный комплекс описей Глушицкого монастыря синодального периода хранится в фондах Государственного архива Вологодской области (далее – ГАВО). Это рукописи 1782 г., 1799 г., 1804/5 г., 1842 г., 1854 г., 1884 г., 1887 г., 1915 г.[8] Из них только одна опись (1782 г.) частично была использована А. П. Анишиной.[9]

Сохранившаяся в подлиннике духовная грамота Дионисия Глушицкого составленная перед 11 января 1436 г. является ценным источником по ранней истории Глушицкой обители.[10] Г. В. Семенченко верно замечал, что эта духовная грамота построена по образцу светских завещаний Северо-Восточной Руси и отличается от аналогичных документов Новгорода и Пскова. Грамот, подобных этой, на данный момент больше не известно и вряд ли подобные документы были широко распространены. По мнению учёного, причиной составления этой грамоты не был «отход из сего света», возможно, это была первая опись монастыря, затребованная ростовским епископом Ефремом,[11] которому была подведомственна обитель. Это подтверждает «явка» ему этой грамоты.[12]

В 1655 г. при ревизии книг в русских монастырях по указу патриарха Никона, были сделаны выписки и о составе библиотеки Глушицкого монастыря.[13] Писцом были «выписаны из отписных[14] книг 147 году», сведения о книгах, возможно, нуждавшихся в замене или подлежащих изъятию. Следовательно, это даёт нам основание говорить о том, что

Башнин Никита Викторович, студент 5-го курса исторического факультета ВГПУ (Вологда)

когда-то существовала монастырская опись 1638/39 г. В книге вологодского краеведа Н.И. Суворова, о Дионисиево-Глушицком монастыре была использована опись 1679 г.[15] В.К. Лебедев, изучая иконописное наследие Дионисия Глушицкого, в написанной в канун 500-летия Глушицких монастырей статье, ссылался на опись Сосновецкого монастыря 1670 г. Краеведу также была известна опись другого – Покровского монастыря – 1679 г., ссылается он и ещё на одну более позднюю – Сосновецкого монастыря – 1818 г.[16] В описи Глушицкого монастыря 1804/05 г. есть указание на предшествующий ей учетный документ, составленный в 1795 г.[17] Обнаружить эти описи нам пока не удалось, но приведенные выше упоминания необходимо учитывать для максимально полной реконструкции их состава в XVII – XIX вв. Наконец, заметим, что опись 1816 г., значащаяся в описании фонда Дионисиево-Глушицкого монастыря в ГАВО (Ф. 523) под № 8, согласно архивной пометке «выбыла»,[18] т. е. утраты описей происходили уже и в середине XX в. из архива.

Таким образом, для работы нам доступны 10 описей Дионисиево-Глушицкого монастыря и имеются сведения ещё о 5-ти аналогичных документах. Поиск последних, а, возможно и других, до сих пор неизвестных, считаем своей будущей задачей.

Предваряя обзор описей Дионисиево-Глушицкого монастыря, укажем на выясненные в источниковедении причины появления такого рода источников вообще. *Во-первых*, это была смена монастырских настоятелей[19] либо лиц, отвечающих за определённое ведомство в обители (денежную, крепостную, плательную и т. п. казну). *Во-вторых*, это были регулярно проводимые церковно-государственные учёты, ревизии монастырского имущества, строений, вотчин, населения. Общий порядок церковно-государственной отчётности, как известно, был установлен в России Стоглавым собором 1551 г.[20]

Перейдем к краткой характеристике памятников. Наиболее ранняя выявленная опись 1683 г., форматом в четверть листа, в переплёте конца XIX в. (сделанном на момент её поступления в Императорскую библиотеку), хорошей сохранности. Рукопись выполнена чёткой скорописью XVII в. объёмом 55 листов. Составлена опись «по указу великого преосвященного Симона архиепископа Вологодского и Белозерского»,[21] при смене игумена Пахомия Иосифом. В рукописном сборнике материалов по истории Вологодской епархии XIX-го века об этом говорится более подробно (чередование игуменств Пахомия и Иосифа).[22] По-видимому, эти события и отразились в изучаемой описи. Подлинность её доказывается скрепой, идущей в верхнем и нижнем углах по всем листам. Вверху: *«К-с-и-м-п-е-р-е-п-и-с-н-ы-м к-н-и-г-а-м и-г-у-м-е-н И-о-с-и-ф р-у-к-у-п-р-и-л-о-ж-и-л п-р-и-ло-жи-ли»*. Внизу: *«Кси-м пе-ре-пи-сны-м-кни-га-м-пе-ре-пи-щи-к-сы-н-бо-яр-ской-*

Ани-си-м-Са-мой-ло-в-сы-н-Жда-но-в-пе-ре-смо-тря-все-на-ли-цо-и-овё-л-и-гу-ме-ну-Ио-си-фу-и-ру-ку-при-ло».[23] Из этого можно сделать вывод, что игумен Иосиф пришёл на смену Пахомию и принял по описи всё монастырское имущество. Со стороны церковных властей (вологодского архиерея Симона) присутствовал Анисим Самойлов – это владычный сын боярский, призванный контролировать акт передачи монастырской собственности.

Опись 1683 г. содержит разнообразные сведения о состоянии Дионисиево-Глушицкого монастыря. Структура её следующая. Она начинается с преамбулы, в которой указана программа описания. В этой части рукописи говорится о том, что в монастырской казне у казначея, старца Варфоломея, хранились прежние «*переписные* книги». При проведении этой описи (1683 г.) они были использованы.[24] В целом в преамбуле раскрывается последующий принцип описания: «писано в сеях книгах подробно, по статьям».[25]

Далее в описи 1683 г. мы находим сведения о церквях и хозяйственных постройках, иконах, интерьере, богослужебных одеждах, книгах. Наиболее важным являются следующие строки: «подголовок, а в нём преподобного Дионисия духовная грамота, да в нём же жалованная грамота царя...(далее перечислены актовые источники и другие документы. – *Н.Б.*)».[26] Таким образом, в обители существовал свой «архив» (*крепостная казна*), в которой хранилась документация, в том числе и подлинная.

Следующая часть описи содержит ценную информацию о вотчине. Здесь упоминаются 5 сёл. Первое, Покровское – ему дано самое подробное описание, видимо, связанное с его хозяйственной значимостью. Сначала фиксируются церковные постройки, потом хозяйственно значимые строения (мельница, толчея). При описании следующих сёл схема описи такая же. Перечислим их в порядке упоминания: Горка, Иванково, Козьмодемьянское рядом с р. Фофангой, на реке, на Нодиме Тиреньтьево.[27] Отметим, что сёла Покровское и Иванково локализуются на современной карте Сокольского района Вологодской области, в ближайших окрестностях монастыря.[28] Далее подводится итог описания монастыря и его угодий. Всего в монастырской вотчине было 159 дворов крестьянских и бобыльских по «*новым* переписным книгам» (значит, были и другие, предшествующие этой описи), «да в монастыре и по сёлам братии и слуг, и служащих 63 человека», а также указывается количество скота: 121 голова тяглого и 202 головы продуктивного (176 – крупного рогатого, 26 мелкого рогатого).[29]

Вторая выявленная нами опись составлена в конце XVIII в. Рукопись форматом F^0, заключена в переплёт конца XIX в. (также сделанный на момент её поступления в Императорскую библиотеку), хорошей сохранности. Опись выполнена чёткой скорописью XVIII в. объёмом

32 листа. В отличие от описи 1683 г. структура описания 1775 г. более чёткая, представлена в табличной форме. В ней каждой вещи или группе вещей присвоен порядковый номер. Опись была составлена в 1775 году 23 сентября по «воле данной Вологодской духовной консистории»,[30] при игумене Марко.[31] Смены должностных лиц, скорее всего, в этот момент не происходило, поэтому делаем вывод о том, что опись произведена в целях контроля со стороны церковных властей за хозяйственным состоянием монастыря. Подлинность подтверждается скрепой на последнем листе, где находится подпись игумена и ещё 7-ми человек.[32]

Опись 1775 г. содержит разнообразные сведения о Дионисиево-Глушицком монастыре. Её структура следующая. Небольшая преамбула, где сообщается точная дата (23 сентября 1775 г.) создания документа, и цель – «кое число отмется в Глушицком Вологодском монастыре ризничых, олтарях в церковях вещей токоихь и всякого монастырского и конюшенного имущества. О том значит ниже сего».[33] На первом листе это верхние строчки, написаны над таблицей.

Покровский Глушицкий монастырь именуется «старым» и в нём проводится подробная опись материальных ценностей.[34] Содержатся указания на библиотеку, книги определены по формату: «в десть, в полдесть, в осмуху».[35] Особо ценно для нас следующее краткое замечание: «подголовок окован железом, в нём имеется с жалованных грамот и с разных крепостей копии, тут же и *духовная* преподобного Дионисия Глушицкого чудотворца».[36] Оно подтверждает данные описи XVII в. о монастырской казне (духовной преподобного и других грамотах), хранившейся в монастыре в течение длительного времени. Как видим, теперь (в 1775 г.) это не вызывает интереса переписчика. Скорее всего, это обусловлено изменившимися общими историческими условиями жизни монастырей после секуляризации.

В том же 1775 г., одновременно была составлена опись «большого Глушицкого монастыря именуемом Сосновец, где мощи преподобных старцев Дионисия и Амфилохия Глушицких чудотворцев».[37] Книги в библиотеке также были определены по формату: «в десть», «в осмуху».[38] Из скотины упоминаются уже только 6 меринов.[39]

Следующая по хронологии опись относится к 1782 г. У рукописи нет корочек как таковых, она форматом в лист, хорошей сохранности. Опись выполнена четкой скорописью XVIII в., объёмом 26 листов. Внизу по всем листам идёт скрепа: *«По сей-описи-вышеявствующия-алтарныя-церковныя-ризничии-вещи-тако же-и всякое-монастырское-казённое-и конюшенное-имущество-в оное-ведомство-Глушицкого-монастыря-в нове-произведённая-игумене-Августе Алексий принял».*[40] Из этого следует, что игумен Алексей пришёл на смену Августу и принял по описи всё монастырское имущество. В преамбуле же говориться: «опись,

учинённая 178 года в силе данного из Вологодской духовной консистории указа»,[41] хотя в архиве он числится за 1762 годом, мы считаем, что документ составлен в 1782 г. Это было установлено по водяным знакам: вверху и внизу посередине многих листов на просвет видны цифры «1782»,[42] думается, что не ранее этого года и была составлена опись, подтверждением этому является вышеупомянутая часть преамбулы. Целью составления описи является контроль за хозяйственным состоянием монастыря со стороны Вологодской духовной консистории.

Структура её следующая: преамбула и основная часть, которую можно разделить на две составляющие (по описаниям монастырей), составлена она в табличной форме. В описи 1782 г. каждой вещи или группе вещей писцом присвоен порядковый номер, нумерация общая для Покровского и Сосновецкого монастырей.

В первом разделе основной части, описывающей «Большой Глушицкий монастырь именуемый Сосновец». Детально была описана ризница. И вот что интересно: рядом с записью о медном «котлике», деревянных ковшика и чашке сделана пометка другим почерком (по всей описи есть исправления этим почерком, более светлыми чернилами) о том, что они *«называются* преподобного Дионисия».[43]

Во второй составляющей основной части описывается «Старый Покровский Глушицкий монастырь».[44] Рукопись прерывается и несколько листов утрачено.

Следующая рассматриваемая нами опись была составлена в 1799 г.[45] Форматом в лист, написана чёткой скорописью XVIII в. Хорошей сохранности, на голубой плотной бумаге в кожаном переплёте. Объёмом 47 листов. Произведена она была по приказу Вологодской духовной консистории, при вступлении в должность игумена Сифа. Структура её следующая: на лл. 1 – 39 об. описывается Сосновецкий монастырь, описных единиц 563, далее на лл. 40 – 47 об. часть посвящённая Покровскому монастырю, нумерация продолжается и заканчивается № 674, иначе говоря, здесь 111 переписных единиц (за этими понятием подразумевается постройка, вещь или группа вещей, которым писец присваивал порядковый номер).

Ещё одна опись, составленная в 1804/05 гг., имеет следующие особенности.[46] Она написана скорописью XIX в., объёмом 52 листа, форматом в лист, без переплёта. Отметим, что её сопровождает ряд других документов, а именно: рапорты и переписка по поводу смерти игумена Сифа, прошение его племянника о получении дядиного наследства и др.

Учинена опись самим, вновь вступающим в должность игуменом Платоном, после смерти предшествующего настоятеля Сифа. Структура следующая: сначала идут различные документы,[47] потом опись

Сосновца48 и Покровского монастырей.[49] Далее находиться реестр вновь прибывших вещей, составленный тоже по указу Платона и указание на опись 1795 г. Потом опись ветхих вещей, уже не включаемых в основную опись, составлена тоже по указу нового игумена. И дело заканчивается разными документами в Вологодскую духовную консисторию.[50]

Еще одна опись была составлена в 1842 г.[51] Она написана чёткой скорописью XIX в. Рукопись значительна по объему – 129 листов, форматом в лист, без переплёта. Этот документ является заверенной игуменом Ионой копией с подлинника. Кроме описи, в деле находятся следующие документы: рапорты, перечневые ведомости о движении дел, таблицы, все они связаны с Вологодской духовной консисторией и её деятельностью. То есть опись находится в составе сопутствующего делопроизводственного комплекса. Опись удостоверяет скрепа, идущая внизу: *«Вологодской-епархии-Кадниковского-уезда-Дионисиево-Глушицкого-третьекласного-монастыря-настоятель-игумен-Иона»*, далее она повторяется на протяжении всей описи.

Отличительной чертой этого документа является оглавление, нумерация листов, содержащих его, самостоятельна.[52] Далее следующая структура: листы описи нумеруются заново, и сначала описывается Сосновец, а потом Покровский монастырь, потом до конца дела идут различные вкладные листы.[53]

В 1854 г. по указу Св. Синода и Вологодской духовной консистории была составлена «Главная опись» Глушицкого монастыря. До нас дошла заверенная копия этого же года и исправленный вариант 1884 г.[54] Рукопись 1854 г. форматом F0, объемом 112 листов с красной печатью Вологодской духовной консистории, написана понятным гражданским почерком. Есть оглавление. Весьма интересно замечание о том, что при раке Глушицких чудотворцев хранится «часть жезла Преподобного Дионисия в стеклянном футляре».[55]

В 1884 г. был сделан «список Главной описи», в который были внесены произошедшие изменения в хозяйственном состоянии монастыря. Эта рукопись форматом F0, объемом 89 листов, написанная разборчивым гражданским почерком. Примечательно, что была установлена новая металлическая рака, а часть «чудотворцева жезла» была перенесена в ризницу.[56]

Через три года (в 1887 г.) была составлена «Главная опись» приписного к Сосновецкому Покровского монастыря.[57] Рукопись дошла до нас в оригинальном переплете с кожаным корешком, форматом F0, объемом 56 листов с красной печатью Вологодской духовной консистории. По этой описи 7 ноября 1913 г. принял имущество настоятель игумен Феодосий и казначей иеромонах Никита (впоследствии он был последним Глушицким игуменом).[58]

Наконец, последняя по хронологии, из известных нам описей составлена в 1915 г. Это «Главная опись», форматом F0, в оригинальном твердом бумажном переплете с корешком из ткани, объемом 182 листа, написанная гражданским почерком с красной печатью Вологодской духовной консистории.[59] Этот документ составлен уже на листах готовой «формы № 53», имеющих таблицу и нумерацию листов. Вызывает интерес упоминание резного деревянного креста, который был «сделан преподобным Дионисием Глушицким».[60]

В целом можно сказать о том, что в XIX в. включение текущих документов в описи всё более придаёт им делопроизводственный характер. Тогда как до этого он был контрольно-учётным. Необходимо учитывать то, что монастырь был общежительным и игумен (или др. должностное лицо) несли ответственность за все братское имущество.

Состав описательных статей в описях Дионисиево-Глушицкого монастыря XVII – XIX вв.[61]

Описательные статьи	1683	1775	1782	1799	1804/05	1842	1854	1884	1887	1915
Преамбула	+	+	+	+	+	+	+	+	–	–
Оглавление	–	–	–	–	–	+	+	–	–	+
Скрепа	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Церковные строения	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Хозяйств.постройки	+	+	+	+	+	+	–	–	+	+
Имущество:										
• Иконы	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
• Облачения	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
• Утварь	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Библиотека										
• рукописные книги	+	+	+	+	+	+	+	+	–	+
• старопечатные кн.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
• нотные книги	–	–	+	+	+	+	+	+	+	–
Казна (Архив)	+	+	–	–	–	–	–	–	–	–
Хозяйственная документация	–	–	–	–	–	+	+	+	+	+
Численность братии	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Вотчина										
• Сёла	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–
• Крестьянские и бобыльские дворы	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–
• Скот	+	+	–	–	–	–	–	–	–	–
Промыслы										
• Рыбные ловли	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Учитывая, что комплекс описей создавался в течение длительного времени, их содержание целесообразно сопоставить в таблице. Подобная форма сопоставительного анализа была применена ранее А.В. Екимовой для описей Лопотова монастыря.[62]

Итак, сравнение проводится внутри однородного вида источников, это позволяет нам выявить состав описательных статей одного плана, краткий перечень которых представлен в таблице. По ней можно проследить динамику социально-экономического и культурного развития Дионисиево-Глушицкого монастыря за 232 года. Вкратце можно отметить, что к 1775 г. произошли следующие перемены. Во-первых, смена ролей между монастырями: «большим» теперь становится Сосновецкий, а Покровский именуется «старым», а в 1782 г. изменился и порядок описания. С этого времени Сосновец описывается первым, что остается неизменным и впоследствии. Во-вторых, фиксируется прибавление книг, но вотчина уже не описывается т. к. монастырь её теряет во время секуляризации. В последующих описаниях монастырские земли тоже не значатся, лишь с середины XIX в. появляются упоминания о хозяйственной документации (среди прочих документов был план на «земельную дачу», однако объем владений был незначительным – около 15 дес.). В-третьих, на основании преамбул и скреп можно выяснить причины, по которым составлялись описания монастыря. Пять описей составлены при смене игумена (1683, 1782, 1799, 1804/05, 1854), причем одна из них произведена по инициативе самого настоятеля (1804/05), а в остальные – по приказу Вологодской духовной консистории. Другие пять описей произведены не при смене настоятеля, а по каким-либо другим неизвестным нам причинам (1775, 1842, 1884, 1887, 1915), одна из них появилась по инициативе игумена Ионы (1842), а остальные – по указу из Вологодской духовной консистории.

Таким образом, монастырские описи – это очень содержательный, многоплановый источник, из них мы можем почерпнуть информацию о различных сторонах жизни Дионисиево-Глушицкой обители. Рассматривать эти документы мы предполагаем в комплексе – друг с другом и на фоне всей совокупности документов из архива изучаемого монастыря. Это позволит проследить за поэтапными изменениями, происходившими в культурной жизни обители и в монастырском хозяйстве.

В заключении подчеркнем, что информационные резервы региональных архивов (в данном случае – ГАВО) при изучении этого вида источников ещё далеко не исчерпаны, а многие монастырские описи не учтены и не выявлены.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Монастырские описи в последнее время плодотворно изучаются и издаются. Источниковедческий анализ отдельных описей дан при их публикации во введениях. См.: Описи имущества Новгородского Софийского

собора XVIII – начала XIX в. / Сост. Э. А. Гордиенко, Г. К. Маркина. М.; Л. 1988; Описи Саввина-Сторожевского монастыря XVII / Сост. С. Н. Кистерев и Л. А. Тимошина. М., 1994; Отписная книга Троицкого Усть-Шехонского монастыря 1660 г. (Публ. Ю. С. Васильева) // Белозерье. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 261 – 287; Отписная книга Введенского Корнильева Комельского монастыря 1657 г. (Публ. Ю. С. Васильева) // Городок на Московской дороге. Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1994. С. 130 – 169; Отписная книга Воскресенского Горицкого девичьего монастыря отписчиков Кириллова монастыря чёрного попа Матвея и старца Герасима Новгородца игуменье Марфе Товарищевых (Публ. Ю. С. Васильева) // Кириллов: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 261 – 287; Отписная книга Усть-Шехонского монастыря 1660 г. (публикация Ю. С. Васильева) // Белозерье. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 261 – 287; Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. Коммент. изд. / Сост. З. В. Дмитриева и М. Н. Шаромазов. СПб., 1998; Опись строений и имущества Кирилло-Новоезерского монастыря 1657 г. (Публ. Т. В. Сазоновой) // Белозерье. Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1998. С. 130 – 165; Описи Соловецкого монастыря XVI в. / Сост. З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, М. И. Мильчик. СПб., 2003; Абеленцева О. А. О преамбулах к описям имущества Тихвинского Богородичного Успенского монастыря XVII в. // Тезисы докладов XIV Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI – XX вв.», посвящённой 70-летию Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета / Под ред. А. Ю. Дворниченко и др. СПб., 2004. С. 7 – 9; Екимова А. В. Обзор описей Вологодского Лопотова Григорьево-Пельшемского монастыря XVII в. // Там же. С. 34 – 35; Полякова Е. А. Обзор описей Вологодского Сямского Богородице-Рождественского монастыря XVIII в. // Там же. С. 46.

[2] О значении описи как источника см.: Черкасова М. С. Монастырские описи XVII в. как источник по истории народонаселения // Историческое краеведение и архивы: материалы межрегиональной научной конференции. 20 марта 2003 г. Вып. 10. Вологда, 2004. С. 65 – 78; Дмитриева З. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI – XVII вв. СПб., 2003. С. 4, 55 – 139; Васильев Ю. С. Предисловие к публикации описи Воскресенского Горицкого девичьего монастыря 1661 г. // Кириллов: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 261 – 262.

[3] Черкасова М. С. Монастырские описи... С. 66.

[4] Глушицкую духовную корпорацию составляли три монастыря: во-первых, основанный в 1400 г. во Имя Покрова Пресвятой Богородицы («лавра»); во-вторых, Иоанно-Предтеченский Сосновецкий (пустынь), основанный в 1420 г. в нескольких верстах от Покровского; в-третьих, женский во Имя Леонтия Ростовского чудотворца (о нём сведения крайне скудные, основан приблизительно в 1420-х гг.). Все три обители были устроены преподобным Дионисием Глушицким. Первые два монастыря существовали вплоть до 1920-х гг. и были закрыты по указу специальной комиссии, а третий «запустел» ещё до синодального периода. С XV в. Покровская и Сосновецкая обители

были неразрывно связаны между собой, у них был один настоятель, поэтому в данной статье говорится о Глушицком монастыре как об одном целом, но где это необходимо уточняется о какой конкретно обители идёт речь.

[5] Павел Иванович родился в Вологде 15 февраля 1815 г. в семье священника. Учился, жил и работал в Санкт-Петербурге, скончался 12 июля 1895 г. Ученый оставил после себя значительную коллекцию древних рукописей (1315 актов по истории Вологодской земли XVI-XVIII вв. им были переданы в Археографическую комиссию), часть из которых содержится сейчас в ОР РНБ. Что интересно, Николай Иванович Суворов приходился ему зятем, мужем младшей сестры, учёного. Они поддерживали контакты, но, по видимому, Н. И. Суворову не было известно об описи Глушицкого монастыря 1683 г., или же он воспользовался в своей книге более ранней описью 1679 г., как более информативной (см. прим. 15). Более подр. см.: Сапожников А. И. Книжное и рукописное собрания П.И. Савваитова (по материалам Российской Национальной библиотеки) // Глагол времени: Исследования и материалы. Статьи и сообщения межрегиональной научной конференции «Прокопиевские чтения» / Под ред. А. В. Камкина. Вологда, 2005. С. 102- 114.

[6] Каталог собрания рукописей П. И. Савваитова, ныне принадлежащих Императорской Публичной Библиотеке / Сост. И. А. Бычков. СПб, 1900.

[7] Соответственно: ОР РНБ. Ф. 550. Q. II. № 392; Там же. Ф. 550. F. II. № 744.

[8] Соответственно: ГАВО. Ф. 523 (Дионисиево-Глушицкий монастырь). Оп. 1. Д. 1; Там же. Ф. 496 (Вологодская духовная консистория). Оп. 1. Д. 4704; Там же. Ф. 496. Оп. 1. Д. 5370; Там же. Ф. 496. Оп. 1. Д. 10655; Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 58 «А»; Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 55; Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 125; Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 200.

[9] Анишина А.П. Глушицкие Покровский и Иоанно-Предтеченский монастыри // Житие Корнилия Комельского. Приложение: Из истории Вологодских монастырей. СПб., 2004. С. 202 – 216.

[10] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III. М., 1964. № 252.

[11] Епископ Ефрем II на Ростовской кафедре с 13 апреля 1427 г., архиепископом стал с декабря 1448 г.; † 29 марта 1454 г.

[12] Более подр. см.: Семенченко Г. В. Завещания церковных иерархов XV в. как исторический источник // Источниковедение отечественной истории. Сб. ст. 1984. М., 1986. С. 154 – 162.

[13] Опись книгам, в степенных монастырях находившимся, составленная в XVII в. (Публ. Н. Ундольского) // ЧОИДР. М., 1848. №6. С. 43 – 44.

[14] «Переписные книги», «отписные книги» – так называли их сами составители. Например: «у казначея старца Варфоломея прежняя переписная книга на тот монастырь (Дионисиево-Глушицкий. – Н. Б.)», «и по тем отписным книгам...». ОР РНБ. Ф. 550. Q. II. № 392. Л.1.

[15] Суворов Н.И. Глушицкий монастырь Вологодской епархии. Вологда, 1876. С. 25.

[16] Лебедев В.К. Иконописные труды преподобного Дионисия Глушицкого, Вологодского чудотворца: к 500 – летию Дионисиево-Глушицких обителей // Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. 1900. № 6. С. 146.

[17] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 5370. Л. 46.

[18] Там же. Ф. 523. Оп. 1. С. 1.

[19] Забегая вперед, отметим, что ярким примером этой ситуации является опись Дионисиево-Глушицкого монастыря за 1804/05 г. (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 5370), а, вернее сказать, комплекс документов. В деле кроме самой описи присутствует ряд бумаг «в» и «из» Вологодской духовной консистории, свидетельствующих о смерти настоятеля и вступлении в права нового и перепетиях связанных с этим.

[20] Более подр. См.: Черкасова М. С. Монастырские описи... С. 65.

[21] ОР РНБ. Ф. 550. Q. II. № 392. Л.1.

[22] Там же. Ф. 550. F. I. № 787. Л. 29 об.

[23] Там же. Ф. 550. Q. II. № 392.

[24] Там же. Л.1.

[25] Там же. Л. 2.

[26] Там же. Л. 25 об.–26.

[27] Там же Л. 52.

[28] Атлас Вологодской области. М., 1998. С. 70–71.

[29] ОР РНБ. Ф. 550. Q. II. № 392. Л. 53, Л. 55.

[30] Там же. Ф. 550. F. II. № 744. Л.1.

[31] Там же. Ф. 550. F. I. № 787. Л. 30.

[32] Там же. Ф. 550. F. II. № 744. Л 32.

[33] Там же. Л.1.

[34] Упоминаются даже такие вещи как: «чемодан кожаной, бердышь, шпага, рог турецкой, 2 заступа, 2 лопаты». Там же. Л. 19 об.

[35] Там же. Л. 13–14.

[36] Там же. Л. 15.

[37] Там же. Л. 21.

[38] Там же. Л. 29 –29 об.

[39] Там же. Л. 32 об.

[40] ГАВО. Ф. 523. Оп. 1. Кн. 1. Л.1 – 21.

[41] Там же. Л. 1 «А».

[42] Там же. Л. 5.

[43] Там же. Л. 17.

[44] Там же. Л. 21 об. – 26 об.

[45] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4704.

[46] Там же. Оп. 1. Кн. 5370.

[47] Там же. Л. 1 – 13.

[48] Там же. Л. 14 – 31 об.

[49] Там же. Л. 31 об. – 36 об.

[50] Там же. Л. 46 – 52.

[51] Там же. Оп. 1. Кн. 10655.

[52] Там же. Л. 1 – 4 об.

[53] Там же. Л. 70 – 129.

[54] Соответственно: ГАВО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 58 «А», Д. 55.

[55] Там же. Оп. 1. Д. 58 «А». Л. 6 об.

[56] Там же. Оп. 1. Д. 55. Л. 5 об.

[57] Там же. Оп. 1. Д. 125.

[58] Там же. Л. 49 – 50.

[59] Там же. Оп. 1. Д. 200.

[60] Там же. Л. 99.

[61] Источник: ОР РНБ. Ф. 550. Q. II. № 392, F. II. № 744; ГАВО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 1, Ф. 496. Оп. 1. Д. 4704, Ф. 496. Оп. 1. Д. 5370, Ф. 496. Оп. 1. Д. 10655, Ф. 523. Оп. 1. Д. 58 «А», Ф. 523. Оп. 1. Д. 55, Ф. 523. Оп. 1. Д. 125, Ф. 523. Оп. 1. Д. 200.

[62] Екимова А.В. Обзор описей Вологодского Лопотова Григорьево-Пельшемского монастыря XVIII в. // Тезисы докладов XIV Всероссийской конференции... С. 35.

* * *

Н.Ю. Болотина

История нижегородского села Лыскова в первой четверти XVIII в. по материалам ревизий и ландратских описаний[1]

Одно из древнейших и крупнейших поселений Нижегородского Поволжья, со временем выросшее в крупный ремесленно-торговый центр село Лысково с деревнями в 1645 г. было пожаловано боярину Б.И. Морозову «из государевых земель».[2] Спустя 10 лет оно вошло в состав дворцовых владений и стало личной вотчиной царя Алексея Михайловича.[3] В 1700 г. Лысково вновь изменило статус, и из дворцовых перешло в частновладельческие. Оно было пожаловано царем Петром I своему сподвижнику имеретинскому царевичу Александру Арчиловичу и его отцу царю Арчилу Вахтанговичу.[4]

Личность нового владельца Лыскова довольно примечательна. Волею судеб Арчил Вахтангович, князь Имеретии, сын картмитского царя Вахтанга V (Шанхаваза I) обосновался в России. В 1663 г. он был возведен отцом на престол, но теснимый персами, турками и родным братом Георгием в 1681 г. обратился к царю Алексею Михайловичу с

Болотина Наталия Юрьевна, к.и.н., доцент Российской академии государственной службы при Президенте РФ, научный сотрудник РГАДА (Москва)

просьбой принять его под покровительство России. В наказной памяти астраханскому воеводе М.С. Пушкину, которой открывается «Дело о вступлении имеретинского царя Арчила в российское подданство», сказано: «В нынешнем во 7189-м (1681) году к нам, великому государю, присылал меретинский Арчил царь архимандрита Макария и дворян, чтоб мы, великий государь, пожаловали, указали ево принять под нашу царского величества высокодержавную руку».[5]

В 1684 г. Арчил Вахтангович переехал в Москву, но не оставил надежды вернуть себе престол. В 1691 г. он овладел Кутаисом и царствовал около 13 месяцев, но потом был изгнан турками. В 1699 г. Арчил окончательно поселился в Москве. Скончался он в 1713 г., и был погребен в Донском монастыре. С его именем связан процесс становления грузинской колонии в Москве. В истории Грузии Арчил известен не только как царь, но и как талантливый поэт, литератор и историк.

Сын имеретинского царя и совладелец богатейшего нижегородского села Лысково царевич Александр Арчилович (1674-1710) воспитывался с 1684 г. в Москве под главным смотрением князя Федула Волконского и дьяка Ивана Казаринова. Ровесник царя Петра, он участвовал в его военных играх и снискал расположение монарха, вступил в русскую службу. В 1697 г. Александр Арчилович сопровождал Петра I в Великом посольстве за границу, где изучал артиллерийское дело (в Гааге) и по возвращении был назначен судьей Пушкарского приказа с титулом генерал-фельдцехмейстера. В Северной войне с Швецией под начальством имеретинского царевича находилась вся артиллерия (145 пушек и 28 гаубиц), плененная вместе с ее начальником при осаде Нарвы. Александр Арчилович был отправлен в Стокгольм, где содержался до самой кончины, несмотря на старания Петра I выкупить его или обменять. Даже тело царского любимца не было выдано России.[6]

Существует обширная историография, посвященная истории Лыскова как крупного торгово-промышленного центра Среднего Поволжья XVII в.,[7] много внимания уделяется изучению материалов писцовых и переписных книги XVI-XVII вв. по Нижегородскому уезду, и, в частности, Лыскову с деревнями. К настоящему времени изданы источники, отражающие дворцовый период истории села: писцовая книга 1672 г. и опись Хлебного приказа 1679 г., включающая итоговые данные кадастра населения Лыскова и его угодий 1674-1676 гг.[8] В то же время материалы ландратского описания и ревизий XVIII в., в том числе относящиеся ко времени петровских преобразований, используются исследователями истории села еще не в должной мере. В тоже время в историографии имеются работы, раскрывающие информативное богатство таких источников в общероссийском и региональном масштабе.[9]

Подворная перепись начала XVIII в., порученная в 1715 г. ландратам,

зафиксировала, что число дворов по сравнению с переписью 1678 г. не увеличилось, следовательно, невозможно было повысить доходы от прямого налогообложения для обеспечения возросших потребностей в условия прежней подворной системы. Указом от 26 ноября 1718 г. в России был введен ревизский учет населения, и после опубликования указа Сената «Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок и о взыскании за утайку душ» от 22 января 1719 г. началась первая ревизия. Как известно, податная реформа Петра I представляла собой смену систем прямого налогообложения, переход от подворного к подушному обложению.[10] В результате произошла замена прежней счетной единицы «двор» на новую «душу м.п.», и соответственно вводился единый подушный налог взамен десятков мелких подворных налогов. В переписные сказки должны были быть внесены все мужчины, «не обходя от старого до самого последнего младенца», с указанием имени и возраста каждого. Вся ответственность за подачу сказок о помещичьих крестьянах и изложенную в них информацию возлагалась на владельцев и их прикащиков.

В РГАДА хранится ландратская книга 1716-1717 гг., а также материалы первой переписи по Лысковской волости Закудемского стана Нижегородского уезда.[11] Сведения ревизии представлены в нескольких архивных делах: отдельно выделены сказки и переписная книга о помещичьих, монастырских и церковных крестьянах, а также переписные книги, содержащие сведения о новорожденных и убылых за 1722-1727гг.

Книга ландратской переписи организована по принципу подворного описания 1678 г., но материал в ней более четко расположен и оформлен. В ландратской книге Лысково значится первоначально как вотчина «царя Арчила Вахтанговича и сына ево царевича Александра Арчиловича Меретинских»; при описании 1717 г. как владелица называется единственная наследница царица Екатерина Давыдовна Имеритинская.[12] По сведениям, представленным старостой и выборными крестьянами в селе с деревнями на время владения царем Арчилом Вахтанговичем насчитывалось 652 крестьянских и бобыльских двора. Формуляр ландратского описания включал в себя сведения и предшествующих переписных книг. В преамбуле указано, что по переписи 1678 г. крестьяне платили налог с 650 дворов, в 1709 г. в Лысково и волости «за церковными причетники и за монастыри крестьянских шестьсот пятьдесят семь дворов да двести шестьдесят четыре дворишка да четырнатцать избенок вдов бездетных»; перепись 1710 г. зафиксировала 664 крестьянских и 314 вдовьих и нищих «дворишков избенков», людей 1474 человека м.п., 1652 ж.п. и 91 нищих.

Ландратская книга сохранила для нас имена священнослужителей церквей села Лысково: в Преображенской соборной церкви служили протопоп Федор Степанов 46 лет, потерявший в 1717 г. маленького сына,

погребенного «у соборной церкви» и попы Гаврило Иванов 38 лет и Иван Алексеев 32 лет, в Троицкой – Павел Васильев 33 лет, Яков Васильев 35 и Алексей Афонасьев 45 лет; в Покровской церкви – Григорий Петров 30 и Иван Ларионов 50 лет; в церкви Рязанские Богородицы – Кузьма Гаврилов 40, Дмитрий Осипов 39 и Петр Кондратьев 32 лет; в церкви Введения Богородицы – Андрон Тимофеев 40 лет. Ландратское описание зафиксировало не только полный корпус священнослужителей Лыскова, включая дьяконов, дьячков, пономарей, но и состав их семей.

Как видно из ландратской книги, в селе Лыскове было 4 харчевни. Одну из них содержала вдова Мавра Иванова дочь 51 года. Муж ее Михаил умер в том же 1717 году, и был погребен у соборной церкви попом Иваном Алексеевым. У них было три дочери: Матрена, Авдотья и Анна. Старшая Матрена 20 лет уже замужем за Григорием Семеновым 25 лет, и они жили с матерью. В семье еще был приемыш Степан, которого отдали в солдаты, а жена его Мария Данилова дочь была вынуждена покинуть чужую семью, и, как записано в книге, «бродит в мире». Судьба владельца еще одной харчевни сложилась трагически. Ее хозяин Василий Исаев сын Рогозниников в 1714 г., через год после смерти супруги Настасьи Борисовой, похороненной у церкви Успения Пресвятой Богородицы попом Василием Ивановым, ушел в Керженскую пустынь, а в оставленной харчевне поселился другой лысковец Гаврило Семенов сын Маслов 50 лет со своим семейством.

В материалах переписи имеются данные о приказных людях, живущих в селе. В одном из дворов зафиксирован бывший подьячий приказной избы Федор Иванов 70 лет, его жена Окулина Прокофьева дочь 50 лет, их сыновья Василий 35 и Иван 24 с женами. У подьячего были работные крепостные люди Роман Прокофьев с женой и Алексей Кузьмин, которые в1712 г. бежали. Во дворе также жил «сирота вольной Антип Тимофеев осмнатцети лет».[13]

Прозвища (фамилии) жителей Лыскова лишний раз подтверждают ремесленно-торговое развитие села. Здесь жили Иван Савельев сын Соляник, Дмитрий Борисов сын Хлебников, Петр Тимофеев сын Мясник, Андрей и Алексей Семеновы дети Сыромятниковы, Филипп Матвеев сын Хомутников, Дементей Яковлев сын Мельник, Малафей Михайлов сын Колесов, Иван Степанов сын Рыбников, Петр Лукьянов сын Сапожников, Григорий Савельев сын Прядильщик и многие другие.

Краткая информация формуляра ландратской книги, которую с полным правом можно отнести к массовым источникам, раскрывает человеческие судьбы жителей села. Так, в одном из дворов жил Иван Сидоров сын Шлеин 50 лет с женой Матреной, сыном и племянниками Алексеем и Марией. Их отец в 1712 г. утонул в Волге, а его жена спустя год вышла замуж в подмонастырную слободу. И.С. Шлеин оставил в семье племянников, но его мать вдова Татьяна Матвеева дочь в

преклонном возрасте была вынуждена поселиться в монастыре и «кормиться Христовым именем».[14] В другом дворе села Лыскова жила вдова Мария Иванова 29 лет с сыном Сергеем 7 и дочерью Анной 10 лет. В 1714 г. она умерла и была погребена у соборной церкви протопопом Федором Степановым. Свекор Марии Иван Кузьмин сын Татаринов в 1716 г. постригся в Макарьевский монастырь, а муж Иван Иванов «убит и огнем созжен до смерти в селе Юркине в 1717 году от прикащика боярина Петра Матвеевича Апраксина, которой ехал ис Казани».[15] Остается только догадываться, как сложилась судьба детей, оставшихся сиротами. Каждая такая небольшая, но очень информативная, запись ландрата – история отдельной семьи.

В формуляр статьи вносились сведения обо всем составе семьи и посторонних, живущих во дворе (например, нищие), включая женщин, причем отдельно указывалось, если сын отделился и поселился отдельно, а дочь вышла замуж. Согласно переписи многие дворы принадлежали вдовам, и можно предположить, что это тем или иным образом связано с потерей кормильцев в годы Северной войны. В пользу этого предположения свидетельствует запись ландрата: «Во дворе Яков Иванов сын Воробьев, был в полону и после переписи 1710-го году пришел в Лысково, и он пятидесяти лет, у него жена Анна Григорьева дочь сорока лет».[16] Отдельно в ландратской книге отмечено несколько дворов «старых солдат Шепелева полку и салдацких жен, которые прибыли сверх переписи 1710 году».[17]

По результатам переписи в селе Лыскове было зафиксировано 337 крестьянских и 2 подьяческих двора, в том числе прибылых 58 дворов, включая 11 дворов отделившихся от отцов детей и братьев от братьев, 17 дворов вернувшихся из бегов или пришлых крестьян, 20 дворов беглых людей. Соответствующим образом было отмечено количество убылых и пустых дворов после смерти жителей или ставших вдовьими, а также переход семей в другие дворы после пожаров. Кто-то из лысковцев «вышел и скитается в мире» или «пропал безвестно», кто-то после пожара перебрался в другое место, как, например, Кирилла Авдеев сын Лаптя с женой «съехал» в Астрахань. Отдельно приводится список жителей, бежавших из села до переписи 1709 г., с указанием количества лет, прошедших с момента их побега.

В ходе ландратского описания были зафиксированы церковные и монастырские владения в селе Лыскове. Протопопу соборной Преображенской церкви Федору Степанову с братией принадлежало 10 бобыльских дворов, в которых проживало 28 человек, кроме этого насчитали еще 15 «дворишков и избенок» вдовых и бездетных с 19 жителями. Часть села представляло собой владение монастыря Казанской Богородцы, но в сложное время начала XVIII в. почти все дворы опустели: жители бежали, были отданы в солдаты, умерли,

обнищали.[18] Несколько дворов в Лыскове принадлежало и Владимирскому девичьему монастырю: 16 бобыльских с 39 жителями, 29 нищенских и вдовьих «дворишек и избенок», в которых жили 33 человека.

Материалы ландратского описания представляют нам жизнь жителей Лыскова в эпоху грандиозных преобразований первой четверти XVIII в. Из них мы узнаем, кто служил в пяти церквях крупного села, у кого могли обедать приезжающие на ярмарку в Лысково, какие семьи жили в многочисленных дворах, принадлежащих имеритинской царице, церквям и монастырям, кто бежал из села, а кто, наоборот, переселился туда и устроил свою жизнь на новом месте, чей дом пострадал в «пожарное время» и хозяин был вынужден строиться заново или искать другое жилье. Особый интерес вызывают сведения о месте погребения жителей и имени священника, который совершал обряд, что не часто встречается в материалах описаний.

Ревизские сказки от имени владелицы царевны Дарьи Арчиловны Имеритинской в июле 1719 г. подали староста села Василий Алексеев и выборные люди от всех деревень. Следуя утвержденной формуле, они «безо всякия утайки, не взирая ни на какие старые и новые о дворовом числе и поголовной росписи, но учиня сами переписку правдивую сказали под страхом смерти». Все представленные сведения каждый подтвердил личным рукоприкладством по нижнему полю сказки.

Начинается ревизская сказка с «Росписи крестьян села Лыскова, которые имеют свою пашню, а на вотчинницу нашу, государыню царевну, не пашут».[19] В отличие от ландратского описания, здесь приводятся менее подробные сведения о жителях села Лыскова: учитывается только мужское население, в формуляре присутствуют имя, возраст, наличие детей, их имя и возраст. Всего староста и выборные указали 1417 человек м.п.; из сводных данных о возрастных категориях жителей видно, что в селе было много работоспособного населения: до 30 лет – 332, до 40 лет – 188, а также большое количество детей – только до пяти лет 333 человека.

Вторая часть ревизской сказки представляет собой список беспахотных крестьян, «которые не имеют свою пашню за старостию и за дряхлостию и кормятца по силе своей работою и патаютца от свойственников своих».[20] Всего таких крестьян немногим более 180 человек. Таким образом, в ревизской сказке зафиксировано 1660 человек м.п. В переписной книге первой ревизии, составленной на основе поданной от старосты и выборных сказки указываются несколько иные цифры: пахотных крестьян 1418 м.п. и безпашенных – 202 человека.[21] Различие в данных небольшое, и, возможно, было связано с уточнением данных после подачи сказки. Учитывая выводы исследователей о количестве уклонившихся от подушной переписи (25%),[22] то можно говорить о том, что село в первой четверти XVIII в. было очень большим и в нем проживало более 2000 жителей м.п.

В 1722-1727 гг. при ревизии переписи 1719 г. в селе Лыскове были учтены дети, родившиеся после нее, и внесены в специальную переписную книгу новорожденных. В списке значит только отец, имя младенца и его возраст. Всего за этот период родилось 144 мальчика.[23]

В отдельной «Переписной книге церковных и монастырских бобылей села Лысково» были учтены лысковцы, проживающие в слободе соборной Преображенской церкви (117 чел. м.п.), принадлежащие Владимирскому девичьему монастырю (204 чел. м.п.) и Казанскому мужскому монастырю (131 чел. м.п.).[24] Заслуживает внимания записи о выявлении утаенных от ревизии, а также сведения о некоторых новых жителях села: «причислены того монастыря (Казанского мужского – Н.Б.) во крестьянство недействительные церковники сверх сказок утаенныя Тимофей Афонасьев 25, Григорей Лукоянов 45, у него сын Иван 2 лет, да по ведомости из Казани о струговых работниках и по скаске старосты Ивана Иванова причислен того монастыря крепостной крестьянин Степан Козмин 20 лет».[25]

Таким образом, даже в результате краткого обзора материалов ландратского описания и первой ревизии по селу Лысково становится ясно, что они представляют собой богатейший материал для изучения крестьянского мира в его развитии, особенно изменений в социальной структуре и жизни населения в эпоху петровских преобразований. Новейшие исследования свидетельствуют о значительном повышении интереса к повседневной жизни различных категорий населения, и в частности именно в условиях реформ начала XVIII столетия.[26] Источниковедческий потенциал материалов можно использовать и в сравнительном анализе с описаниями Лыскова XVII вв. – писцовыми и переписными книгами, и в результате составить не только родословную села, но и реконструировать жизнь жителей на большом временном отрезке. Этому будут способствовать несомненные достоинства ландратского описания, которое, в отличие от более ранних переписей и первой ревизии, учитывает женское население, представляет более полные сведения о возрасте всех жителей, местах захоронения умерших, лицах брачного возраста, еще не вступивших в брак (сын-«холост», дочь-«девка»), крестьянах, которые по тем или иным причинам покинули село с указанием, куда они отправились (бежали, взяты в солдаты и т.д.). К материалам описаний первой четверти XVIII в. крупного ремесленно-торгового центра Лысково вполне применим тезис исследовательницы Е.Н. Баклановой о том, что книги 1717 г., наряду с переписными книгами 1678 г., являются для своего времени «одним из основных при выяснении структуры и численности крестьянской семьи..., позволяет выявить работоспособных жителей двора и дать демографическую характеристику населения».[27] Можно лишь добавить, что описания, составленные по единому формуляру, в нескольких строчках раскрывают

различные судьбы жителей Лыскова, представляют нам живые страницы прошлого в решительное для всей России время и обогащают наше представление об этом старинном селе, со временем выросшем в город.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Исследование проведено в рамках работы по проекту РГНФ № 06-01-00255а.

[2] См.: Петрикеев Д.И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л., 1967. С. 221.

[3] См.: Заозерский А.И. Царская вотчина XVII в. Т.1. М., 1937. С. 28-29, 43.

[4] См.: РГАДА. Ф. 1321. Оп. 1. Д. 1074. Л. 231.

[5] РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. 1681 г. Д. 1.

[6] См.: Хмыров М.Д. Первый генерал-фельдцехмейстер А.А. Имеретинский// Артиллерийский Журнал, 1865, № 1.

[7] См.: Забелин И. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве (XVII в.)// Вестник Европы. 1871. Ч.1; Петрикеев Д.И. Указ. соч.; Филатов Н.Ф. Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII в. М., 1988 и др.

[8] См.: Копанев А.И., Петрикеев Д.И. Хозяйство крепостного крестьянина XVII века. Ч. 1-2. М-Л., 1982; Водарский Я.Е. Опись владений Хлебного приказа как источник по социально-экономической истории и исторической географии России второй половины XVII в.//Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 140, 142

[9] См.: Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на русском Севере.; Водарский Я.Е. Население России в конце XVII- начале XVIII века. М., 1977 и др.

[10] См.: Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л., 1982. С. 21.

[11] См.: РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 276; Оп. 2. Д. 1949, 2027, 2042, 2050.

[12] Там же. Оп.1. Д. 276. Л. 393.

[13] Там же. Л. 396 об.

[14] Там же. Л. 404-405об.

[15] Там же. Л. 439 об.

[16] Там же. Л. 402.

[17] Там же. Л. 462 об.

[18] Там же. Л. 474-475.

[19] Там же. Оп. 2. Д. 1949. Л. 127-140.

[20] Там же. Л. 140-141 об.

[21] Там же. Оп. 2. Д. 2047. Л. 48, 54.

[22] См.: Водарский Я.Е. Население России в конце XVII- начале XVIII века. М., 1977. С. 52.

[23] См.: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2027.

[24] Там же. Д. 2042. Л. 102-103 об., 104-106 об., 107-109.

[25] Там же. Л. 109.

[26] См., например, новейшее издание: Каменский А.Б. Повседневность русских

городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006.

[27] Бакланова Е.Н. Указ. соч. С. 15.

* * *

Н.Д. Борщик

Опись новопостроенного города Суджи (1664 г.) как исторический источник [1]

Переписные книги, составлявшиеся в Московском государстве в середине XVII – начале XVIII вв., могут служить ценным источником, позволяющим воссоздать социальный, половозрастной и национальный состав населения средневекового города и уезда. Публикация писцовых материалов является делом очень трудоемким для исследователя, вызванным, отчасти, плохой сохранностью источника, несоответствием цифровых данных, путаницей в именах и пр. Кроме того, возникают и чисто технические сложности при подготовке подобных источников к публикации, не все исследователи едины во мнении о степени достоверности данных писцовых и переписных книг. Видимо, указанные обстоятельства привели к тому, что переписные книги Курского края практически никогда не становились самостоятельным объектом для изучения, их публикация не предпринималась до недавнего времени[2].

Исключение составила «Описная книга новопостроенного города Суджи, учиненная стольником Герасимом Рогозиным в 1664 году». В отличие от многих других курских писцовых и переписных книг, данная «Опись» неоднократно публиковалась, правда, в сокращенном виде. Впервые была опубликованы выдержки из этого документа в «Курских губернских ведомостях» в 1853 г. местным краеведом А. Дмитрюковым.

В «Памятной книжке Курской губернии» за 1894 г. была опубликована статья секретаря Курского губернского статистического комитета Т.И. Вержбицкого «Исторические заметки о Судже и его уезде», где автор намеревался выяснить «отдаленное прошлое» этих мест [3]. В качестве приложений к своей статье Т.И. Вержбицкий поместил «Опись новопостроенного города Суджи». Аналогичная статья отдельным изданием вышла в 1894 г. в авторстве суджанского краеведа, священника А.И. Терлецкого, где также помещались выдержки из «Отказной книги...», но там прилагались 2 плана города и городской округи. В неполном виде документ был опубликован и в «Материалах для истории

Борщик Наталья Дмитриевна, к.и.н., зам. декана факультета экономики и менеджмента КурГУ (Курск)

колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVI–XVIII столетиях» Д.И. Багалея. Кроме того, существовали многочисленные списки данной книги.

Такое обилие публикаций и копий привело к некоторой путанице в названиях. В трудах местных историков и краеведов встречаются следующие – «Опись новопостроенного города Суджи», «Отказная книга города Суджи». Документ, хранящийся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), носит название «Описная книга нового города Суджи и переписная судженских украинцев»[4]. При сличении текстов удалось выяснить, что расхождения незначительны, можно с уверенностью говорить о том, что все перечисленные списки являются материалами одной переписи.

Несмотря на неоднократные издания данного источника, никто из исследователей не подвергал его научному анализу, не исследовал на предмет достоверности содержащихся в нем данных. Настоящая статья является первой попыткой охарактеризовать как сам источник, так и обстоятельства его составления. Научное значение рассматриваемого источника состоит в том, что в нем представлены интересные сведения о заселяемой территории, о жителях и переселенцах, дается описание самого города и сельской округи, что может восполнить наши представления об одном из «украинных городов» курского порубежья. Тем более, что сведений о Судже нет в сводном каталоге «Описания городов Европейской части России XVI – XVII вв.»[5]. В результате исследования удалось установить, что Суджа не является типичным «украинным городом» по многим основаниям.

Попытаемся воссоздать конкретную историческую обстановку, в которой проходила данная перепись. Территория, в настоящее время занимаемая Суджанским районом Курской области, начала активно заселяться в середине XVII века. Для Московского правительства эти местности были практически неизвестны и считались «диким полем».

В рамках государственной политики по укреплению южных и юго-западных российских рубежей здесь строилась грандиозная оборонительная линия – Белгородская черта. Сюда переселялись, прежде всего, служилые люди. В их обязанности входило несение «государевой» службы, в основном, по охране границ[6]. Значительную часть пришлого населения на территориях «порубежья» составляли украинцы, называемые «черкасами». Украинцы-черкасы спасались здесь от гнета польских и литовских феодалов, многие бежали от преследования за участие в восстаниях против национального угнетения[7].

Воеводам «украинных крепостей» предписывалось, чтобы они не только не допускали каких-либо «стеснительных мер» по отношению к переселенцам-украинцам, но даже зазывали их на поселение, так как в

государственных интересах было гораздо выгоднее «иметь на границах селения малороссийские, чем пустынные места, дававшие простор для татарских набегов». В правительственных указах специально оговаривалось, что местные власти были обязаны отслеживать состав переселенцев – предпочтительнее были семьи, а не «голытьба и люди бессемейные»[8].

В отечественной историографии прочно утвердилась мысль, что огромные пространства «дикого поля» представляли собой пустынные незаселенные места. Дискуссия в настоящее время ведется о соотношении колонизационных потоков – при заселении доминировала ли правительственная или «вольная» колонизация района Белгородской черты. Описывая колонизационные потоки, практически никто не упоминает о возможном проживании здесь автохтонного населения. Между тем, еще Д.И. Багалей отмечал, что «прежнее население нынешней Курской губернии не исчезло после монгольского нашествия ... поредело, продвинулось к северу, попряталось из степных мест в лесные, но далеко не исчезло окончательно»[9]. Встречались нам упоминания о «каком-то народе» в окрестностях Суджи, который был вытеснен переселенцами-черкасами[10] . Этот сюжет требует отдельного исследования, но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что территория современного Суджанского района была заселена задолго до того, как Суджа официально получила статус города.

Необычным является и само название – Суджа, явно неславянского происхождения. У самого Рогозина есть упоминание о том, что «город Суджа построен на реке Суджа на татарской сакме». У местных краеведов существует несколько версий происхождения этого названия, самой правдоподобной из которых, на наш взгляд, служит дословный перевод «су» и «джа» – «вода» и «земля», то есть «грязь», «болото». Действительно, и до сих пор в окрестностях Суджи есть Гусиново болото, упомянутое и в исследуемом нами источнике.

В краеведческой литературе есть упоминания о Судже начала XVII века как о «сотенном местечке Сумского слободского казачьего полка». Сохранились сведения о грандиозном пожаре в Судже в 1661 г., в результате которого выгорела большая часть городских деревянных построек, которые были отстроены вновь[11].

Когда в этих краях было основано несколько поселений, то центральные власти пытались придать некоторым из них статус городов. В 1664 году к царю Алексею Михайловичу явились «уполномоченные от новозаселенной слободы Суджи». В результате беседы было высочайшее повеление переименовать слободу Суджу в город, «обстроить и укрепить его по образцу других городов, долженствовавших быть населенными пунктами». Первым суджанским стольником и воеводой был назначен Герасим Рогозин. Современники Рогозина считали, что «казацкое устройство» города нарушено не было, но «рядом

с властью казацких начальников была поставлена власть воеводы как органа центральной правительственной власти»[12].

Ему было поручено произвести тщательное описание местности Суджанского края: «Сколько в суджанском крае имеется лесу, пахотной земли и непаханной..., сообщить также о количестве населения города как великорусского, так и черкасского, сообщить, сколько в городе заселенных дворов, переписать всех жителей поименно «с отцы и с прозвищи, и что у них детей, и братьи., и племянников и всяких свойственных людей, которые в возрасте и недорослей и у переписи тех черкас допрашивать, из которых они черкасских городов на Суджу пришли... и тому всему учинить описные книги и чертеж»[13].

Результатом деятельности стала «Отказная книга городу Суджа, учиненная стольником Герасимом Рогозиным в 1664 году».

Данный документ очень информативен и состоит из трех больших разделов: описание Суджанского у., подробное описание самого города и переписная книга «первоначального» населения. Вначале Рогозин планировал заняться межеванием Суджанского у.

Так как Суджанский у. граничил с Обоянским, Рыльским и Путивльским у., то Рогозин послал приглашения воеводам: путивльскому Михаилу Волынскому, рыльскому Михаилу Савину и обоянскому Дмитрию Танкову с приглашением прибыть вместе «со старожилами» на пограничные межи для уточнения владений. Но на встречу явился только воевода обоянский, другие не приехали по неизвестным причинам («дворян и старожильцев на межи не прислали»). Суджанские черкасы повздорили с обоянскими старожилами, в результате чего межевание так и не состоялось («у судженских черкас о межах с обоянцы учинился спор и межей положить и о порожжей земле розыскать не с кем»). В остальном наказ московских властей Рогозин выполнил достаточно добросовестно.

Согласно подробному описанию Г. Рогозина, Суджа состояла из двух частей: так называемый Малый город, который был окружен Большим городом. Малый город был незначителен по размеру – периметр составлял от 120 до 140 саженей, имел форму правильного четырехугольника, включал 1 проезжую башню, ведущую к казенному погребу, воеводский двор и караульную избу. Он был обнесен рвом в 1 сажень глубиной и обставлен «ильмовым острогом» (остороконечными бревнами). Большой город был хорошо укреплен, вокруг него был глубокий и широкий ров, вал, на котором была городская стена (длина ее 625 саженей). Здесь было 260 жилых и 20 шинковых дворов, 3 церкви.

К городской стене примыкали 4 слободы. В «Описи ...» они никак не названы, но в последующих описях втречаются упоминания о слободах Гончарная (Гончаровка), Замостье (Махновка), Подол и Заолешенка. Каждая из слобод была довольно большой, в среднем около 100 жилых

дворов каждая, в них имелись 2 церкви и 2 шинковых двора. Всего в городе вместе со слободами было 782 двора, некоторые из которых только стоились, о чем в «Описи...» сказано – «в иных дворех еще люди не живут, строены вновь»[14].

Из материалов переписи населения города Суджи и пригородных слобод известно, что «взрослых казаков было 62 человека, детей их, и братьев, и племянников и всяких свойственных людей 63 человека», «всего мещан 105 человек, детей и родственников их 114 человек», «всего пашенных мужиков 533 человека, детей их, братьи и свойственников 510 человек»[15]. Другими словами, из 1387 человек, населявших в 1664 году город-крепость Суджу (в материалах переписи суджанского населения указаны только лица мужского пола, о количестве женщин не сообщается. – *Авт.*), 1043 человека были «пашенные мужики» и их родственники, то есть земледельцы. Это соотношение тоже является нетипичным для населения крепости, так как принято считать, что основную часть населения украинных городов составляли служилые люди[16].

Из материалов переписи можно сделать вывод о том, что население постоянно прибывало в новый город: в первых строках описи говорится о челобитной атамана Иова Федорова и 1100 человек «сотоварищи» с просьбой придать слободе Суджа статус города; в конце переписной книги, где сделан общий подсчет населения, речь идет уже о 1387 чел. Так как описываемые события относятся к одному году – 1664 (и челобитная, и произведенная перепись), то можно предположить, что за год население увеличилось на 287 чел.

В том месте «Отказной книги...», где речь идет о переписи городских жителей, относительно малоросов говорится: «У переписи тех черкас допрашивать накрепко: из которых они черкасских городов на Судже пришли». При анализе этих данных выяснилось, что самый большой процент новоселов прибыли в Суджу из городов: Прилуки – 228 чел., Нежин – 152 чел., Конотоп – 77 чел., Глухов – 18 чел. Были переселенцы из Гадяча, Смоленска, Белой Церкви, Миргорода, Гомеля и др.

Для всех вновь прибывших в малозаселенном крае земля была единственным средством к существованию, тем более что черноземы Курского края исключительно плодородны. Возможно, что слухи о плодородии почв были одной из причин массового притока населения на территории «слободских полков».

Слово «слобода» – скорее всего, видоизмененное «свобода»; «жители слободских полков» – другими словами, «жители свободных полков», расквартированных на территории городов Белгородской черты. Действие царских грамот распространялось не только на военных (стрельцов, пушкарей и пр.), но и на окрестных жителей. Считалось, что на территориях «слободских полков» существовали «разного рода вольности и привилегии, отсутствовали притеснения и насилия со стороны панов и лиц высшего сословия и где крепостному праву нет места»[17].

Этому предположению есть подтверждение и в «Описи...» суджанского воеводы Рогозина. Рогозин упоминает только о трех сословиях – казаках, мещанах и «пашенных мужиках» (под мещанами он подразумевал «разного рода ремесленников и мелких торговцев». – *Авт.*), но указывал, что все они – «лица свободных прав и состояний». О наличии представителей дворянского сословия среди жителей Суджанской округи нет даже упоминаний.

Так как данная «Опись...» очень подробна, содержит много статистических сведений, то отсутствие данных о дворянах (владеющих помимо земли еще крестьянами) позволяет предположить, что в первые годы заселения уезда в Суджанском крае их еще не было. Причем о существовании дворян как отдельного сословия в соседних уездах есть сведения у самого Рогозина: «а на Обоянь послать Белгородскую же память, чтобы он (обоянский воевода. – *Авт.*) с обоянскими старожильцы был сам, а как из Путивля и из Рыльска дворяне и старожильцы присланы будут»[18].

Г. Рогозин упоминает о возникновении в Суджанской округе новых починков (или поселков. – *Авт.*), основанных как русскими, так и украинскими переселенцами. Например, «у Плехова озера, в реке Пслу, новый починок Плехово, от Суджи в 4-х верстах, в этом починке строются из разных городов русские прихожие люди», «на речке Вдова (Удова) в 8-ми верстах от города Суджи, строются в том новом починке черкасы», «на реке Ворожбе строиться начинают русские прихожие люди из разных городов в четырех местах по 10 дворов» и др.

В «Описи...» Рогозина есть сведения и о том, что в Суджанском уезде были поселения и в других местах, но это были одиночные строения, стоящие особняком и довольно далеко друг от друга: «на речке Локна рыбная ловля да волоковые плеса да мельница Овдокима Житникова», «на речке Рыбица рыбныя ловли, да волоковые плеса да шесть пасек», «в урочищах по реке Пслу десять пасек», «на реке Псле мельница суджанского черкашенина Мишки Босова» и пр.[19] Существование мельниц, «рыбных ловель» и пасек предполагало проживание поселян вблизи своих промыслов.

Можно предположить, что поместья «детей боярских» в Суджанском уезде были не очень большими, так как первоначально поместьем именовался участок в 40 четвертей земли, который был самой распространенной и общепринятой мерой; об этом свидетельствует масса челобитных о размежевании земель в Суджанском и соседнем Миропольском уездах[20].

Но сохранились сведения и о многоземельных поместьях. Например, полковник Сумского полка Андрей Герасимович Кондратьев и ротмистр Белгородского полка Семен Иванович Кнова получили в награду «за верность и службу» от правительства огромные земельные участки в

Суджанском и Миропольском уездах «вместо государева денежного жалованья». Значительные территории оба передали в собственность церкви. Чуть позднее на этих землях были основаны Суджанская Предтечева пустынь (находилась в пригородной слободе Махновке. – *Авт.*) и Белогорский Свято-Николаевский монастырь (в 20-ти км от Суджи, на границе Суджанского и Миропольского уездов).

Переселенцы вначале занимали и обрабатывали любой «заимок» (свободный участок земли. – *Авт.*), пользуясь негласным разрешением московских властей селиться на окраинах государства. Поселение на пустынных, никому не принадлежащих землях, и их обработка считались в то время законным способом приобретения недвижимости в собственность. Московские власти не препятствовали такому способу заселения окраинных земель. В грамотах жителям «слободских полков» указывалось, что эти земли давались вместо «государева денежного и хлебного жалованья» за то, чтобы «государеву полковую службу служить по черкасской обыкности»[21]. Таким образом, земельные участки первых поселенцев Суджанского уезда считались землями «староизаимочными», на вотчинных правах, не подлежащей обложению оброчной или податной поземельной повинностями.

Владельцы больших поместий привлекали на свои земли безземельных или малоземельных крестьян – бобылей или бобыльских крестьян. Правительство поощряло подобные инициативы. Курским краеведам XIX века была известна царская грамота, выданная духовенству трех суджанских церквей – Преображенской, Вознесенской и Михайловской: «тою землей, да диким полем и степные покосы и всякие угодьи в тех урочищах владеть, пашни распахивать, и дворами, и гумнами строиться и крестьянами изсаживать». Воспользовавшись этим правом, священнослужители «населили подданными черкасами местечко, называемое Поповкой»[22]. Все эти документы («дело о Поповке») хранились в архиве суджанского Успенско-Архангельского собора, уничтоженного в первые десятилетия Советской власти.

Кроме добровольного переселения безземельных черкасов и великороссов в поместья землевладельцев, есть сведения и о том, что в крестьяне отдавались по принуждению. Например, в Суджанском уезде было поместье в 30 четвертей, принадлежащее Еремею Телятникову. Когда владелец поместья, «состоя на службе», был убит в 1683 году, то жена его и малолетний сын Наумка «были отданы в крестьянство курченину Петру Каменеву, а старший сын Савка «в бегах или от крестьянства укрывается»[23].

Жители Суджанской округи, как малороссияне, так и русские «пашенные мужики», на первых порах пользовались различными льготами и привилегиями. Каждый переселившийся занимал столько земли, сколько мог обрабатывать и заводил на своих территориях «и

ставок, и млынок, и вышневынький садок»[24]. Действительно, «ставки с млынами» (пруды с мельницами. – *Авт.*) были повсеместно, но с увеличением количества переселенцев ценность земельных угодий повышалась, становилось неразумным занимать плодородные почвы водоемами. Но Рогозин в своей «Описи...» упоминает об 11 водяных мельницах, стоявших в семи местах. В качестве дополнительного источника доходов жителей уезда можно отметить «рыбные ловли» и «волоковые плеса». По свидетельству Рогозина, промысел этот в Суджанской округе процветал.

Значительное место среди промыслов местных жителей занимало пчеловодство. Рогозин отмечал, что широкому распространению этого промысла способствовала лесистая местность уезда, где леса были «бортные», в которых «пчелы удобно водились», а по реке Пслу и по Судже были «бортные ухожья». В Суджанском уезде существовали еще пасеки («дупляночное пчеловодство»). Их по реке Рыбице было 6, по реке Судже – 9, по реке Псел – 10.

Самой важной привилегией жителей слободских полков было вольное винокурение. Интересно, что на 1387 суджан мужского пола было 22 шинковых двора, то есть на 1 шинковый двор приходилось в среднем 63 чел. (включая и детей), но при этом не было ни одной тюрьмы. Объяснения этому факту пока не найдено. В воеводских «Описях» других украинных городов есть упоминания о тюрьмах и их заключенных. Согласно «Росписи городов, которые ведомы в Розряде», в 186 году (1678 г.) в Путивле было «в тюрьме сидельцов 31 чел.,в том числе в разбое и в татьбах 29 чел., в смертельном убивстве 2 чел.», в Обояни «в тюрьме сидельцов нет», в Воронеже «тюремных сидельцов 20 чел.»[25].

В заключение отметим, что кроме описи города Суджи, сделанной Г. Рогозиным, существует несколько описаний южных территорий Курского края, относящихся ко второй половине XVII века. Эти описания составлялись каждым новым воеводой и отправлялись в Разрядный приказ. Наиболее полные описи Суджанского уезда сделали воеводы В.С. Бочечкаров (1678 г.), К.Б. Борисов (1687 г.) и В.Е. Сибилев (1698 г.). Представляется, что сравнительный анализ этих документов может дать интересные данные для изучения численности и социального состава жителей одной из «украинных крепостей», возможно проследить динамику процесса заселения Курщины в течение практически всего XVII столетия; выяснить демографические характеристики населения, его основные занятия и промыслы. Изучение материалов поземельных и подворных описаний, проводившихся в Курском крае, можно использовать для выяснения материального благосостояния населения «польской Украйны», его платежеспособности, количестве и ставке существующих налогов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 07–01–72105 а/Ц

[2] Переписная книга Курска 1678 г. / Изд. подгот. Н.Д. Борщик, А.И. Раздорский. Курск, 2007. 150 с.

[3] Вержбицкий Т.И. Исторические заметки о Судже и его уезде / Памятная книжка Курской губернии. Курск, 1894. С. 74–153.

[4] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 77. Л. 401 – 482.

[5] Описания городов Европейской части России XVI – XVII вв.: Указатель по материалам писцовых и переписных книг / Сост. Т.Б. Соловьева, Л.А. Тимошина. М., 2005. 307 с.

[6] Иванов П.В., Травина А.С. Курский край в XVII веке / Курский край: история и современность. Курск, 1995. С. 46–59.

[7] Загоровский В.П. Историко-географические и историко-демографические последствия Ливонской войны для территории современного Центрального Черноземья / Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья: Сб. науч. докладов IV Межвузовской конференции. Курск, 1994. С. 35–41.

[8] Иванов П.В., Травина А.С. Курский край ... С. 81.

[9] Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации степной украйны Московского государства. М., 1887. С. 63.

[10] Государственный архив Курской области (ГАКурО). Вестник Суджанского земства. № 5. 1887. С. 27.

[11] Краткий очерк Курской губернии. Суджа / Памятная книжка Курской губернии за 1892 г. Курск, 1892. С. 39 – 42.

[12] Петров Н.И. К истории колонизации Слободской Украины // Курские епархиальные ведомости. 1890. № 34. С. 508 – 511.

[13] Багалей Д.И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVI–XVIII столетиях. Харьков, 1886. С. С. 50–53.

[14] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч.1. Кн. 77. Л. 387.

[15] Там же. Л. 411.

[16] Александров В.А. Стрелецкое население южных городов России в XVII веке/ Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 235–250.

[17] Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южных окраин XVII века. М., 1894. С. 61.

[18] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч.1. Кн. 77. Л. 401– 482.

[19] Там же.

[20] ГАКурО. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–2 об.

[21] Новосельский А.А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII веке // Ист. записки. № 4. 1938. С. 21–40.

[22] Вержбицкий Т.И. Указ соч. С. 50.

[23] ГАКурО. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

[24] Вержбицкий Т.И. Указ соч. С. 88.

[25] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IX. СПб., 1875. С. 257, 261, 283.

* * *

М.Б. Булгаков

Переписные книги городских оброчных статей конца XVII в.

Известно, что в городских писцовых книгах второй половины XVI – первой трети XVII в. описания оброчных статей (лавок, полков, амбаров, кузниц, омшенников, дворовых мест и т.д.) помещались после перечня беломестных и тяглых дворов. Они выполнялись теми же писцами, которые производили описания уезда и посада.

По валовой переписи 1646 г. описания оброчных статей в городах не производились, а в переписных книгах 1678 г. они присутствовали далеко не в каждой переписи посадов.

Поэтому с середины XVII в. практиковались отдельные описания городских оброчных статей. Этим стали заниматься специальные переписчики из приказных людей: местные воеводы, сыщики, которые возвращали на посады беглых тяглецов и подьячие центральных приказов. Это было вызвано тем, что в городах после валового описания 20-х гг. XVII в. и переписей 1646 и 1678 гг. появлялись новые лавки, амбары, кузницы и т.д., которые надо было окладывать оброком и переоброчивать старые и контролировать поступление в казну оброчных денег.

Кроме того, после финансовой реформы 1679-1681 гг., когда для сбора прямых податей посошное обложение было заменено дворовым, правительство для увеличения денежных поступлений и от оброчных городских статей с 90-х гг. XVII в. стало вводить некоторые новшества. Они, например, проявились в переписях городских оброчных статей Каширы[1] и Коломны[2] 1696 г. Если данные о каширской переписи уже введены в научный оборот,[3] то коломенская переписная книга ждет еще статистической обработки.

Первым новшеством при переписях оброчных статей этих городов было взимание «пустового» оброка с «живущих» торговых заведений. Владельцы лавок, амбаров, лавочных мест и т.д. стали выплачивать этот

Булгаков Михаил Борисович, к.и.н., старший научный сотрудник ИРИ РАН (Москва)

оброк чтобы у казны не терялся годовой доход. Величина дополнительного «пустового» оброка зависела от размера оброка с торгового «живущего» заведения. С владельца лавки, амбара и т.д. стали брать «пустовое» из расчета с алтына по 2 деньги. Например если годовой оброк с заведения составлял 2 алт., то дополнительный оклад за «пустовое» составлял 4 ден., если 6 алт., то 2 алт., и т. д. Пустых торговых заведений в Кашире было 14, а в Коломне – 95. До этого выплаты за пустые заведения ложились на посадское земство, что для него было связано с известными затруднениями: отсутствие денег в мирской казне, задержки с выплатой в срок и накопление недоимок.

Второе новшество заключалось в том, что по государеву указу от 1694 г. стала применяться для меры земли под торговыми оброчными заведениями специальная лавочная сажень, которая составляла 2,5 аршина по длиннику и 2 аршина по поперечнику[4].

Если после измерения переписчиком под лавкой или лавочным местом, амбаром и т.д. оказывалась лишняя земля по сравнению с данными писцовой книги или с «крепостной» документации, то за нее стал браться дополнительный оброк. Об этом был государев указ, о котором говорилось в наказе переписчику оброчных статей в Кашире и о котором упоминалось в тексте коломенской переписи.

Интересно, что за лишнюю землю под торговым заведением его владелец выплачивал дополнительный оклад исходя не из размера лишней земли, а из состоятельности владельца заведения. Минимальный размер этого дополнительного оклада в Кашире и Коломне составлял 2 ден., а максимальный – в Кашире – 10 ден., а в Коломне – 13 алт.

Отметим, что еще раньше – с середине XVII в. в городах Галичской четверти, ведавшей Каширой и Коломной, большинство владельцев торговых заведений стало выплачивать двойной годовой оброк – в Галичскую четверть и в приказ Большой казны (сначала владельцы выплачивали оброк только в приказ Большой казны). Оброк в Галичскую четверть никогда не превышал величины оброка в приказ Большой казны.

Все это вело к увеличению учетных показателей для каждого торгово-промыслового заведения. Если по старым писцовым описаниям в набор сведений входило иногда до 10 показателей, то по переписям 1696 г. этот набор показателей увеличился более чем вдвое. Приведем перечень этих показателей для торговых объектов Каширы и Коломны.

1.В каком ряду находилось торговое заведение.

2. Сословный статус владельца заведения.

3. Имя, отчество, прозвище владельца заведения.

4. Указание на целостность или дробность заведения.

5. Указание на единоличное или совместное владение объектом (1/2, 1/3 и т. д.).

6. Размер объекта по длиннику и поперечнику в саженях по обмеру переписчика.

7. Характеристика объекта (обычно у лавок с указанием деталей: сколько затворов, с навесом, с ящиком и т.д.).

8. По какому крепостному документу (по старой писцовой книге, по купчей, данной, раздельной, поступной, духовной записям) оброчник владеет объектом.

9. С какого года владеет (или сколько лет).

10.Размер объекта в саженях по крепостной документации.

11. Величина годового оброка, выплачиваемого владельцем в Галичской приказ до переписи 1696 г.

12. Величина годового оброка, выплачиваемого владельцем в приказ Большой Казны до переписи 1696 г.

13. Размер лишней земли в саженях или в долях сажени под объектом по сравнению со старой мерой.

14. Величина дополнительного оклада за лишнюю землю.

15. Величина дополнительного оклада – «пустового» оброка.

16. Указание на прежнего владельца объекта по старой писцовой книге.

17. Указание на размер объекта в саженях по старой писцовой книге.

18. Величина годового оброка с объекта по старой писцовой книге.

19. Величина годового объекта, выплачиваемого владельцем в Галичский приказ или в приказ Большой Казны по переписи 1696 г.

20. Указание на наличие у владельца объекта отписей в платеже оброка за прошлые годы.

21. Отметка о выплате владельцем объекта оброка за 1696 г. (на год переписи).

Чтобы получить все эти необходимые сведения, согласно наказу из Галичской четверти (приказа), переписчики Коломны и Каширы собирали «скаски» у владельцев торговых объектов и посадских земских старост. Владельцы объектов должны были также отдать им списки с крепостной документации, подтверждающей их права владения.

Кроме того, переписчики из Галичского приказа снабжались списками с «приправочной» документации: писцовыми книгами 20-х гг. XVII в. и сборными платежными книгами за некоторые годы до переписей. По этим документам переписчики проверяли «скаски» владельцев оброчных заведений.

Сначала переписчик делал черновые книги, а потом после сверки и уточнений переписывал их набело. В процессе работы у него накапливался большой архив, который он пересылал в Галичский приказ.

Скорость составления переписи оброчных статей коломенским переписчиком подьячим Василием Алексеевым – он приехал в город в феврале (день не указан), а 9 марта он уже прислал в приказ беловые книги, заставляет предположить, что ему помогали работать, возможно,

два молодых подьячих, как это было обычно при проведении писцовых переписей уездов и городов. Также отметим, что переписчику выделялись в помощь посадские тяглецы – сторожильцы, которые сами были владельцами торгово-промысловых заведений и знали ситуацию на местном рынке.

Закончив перепись в Коломне и отчитавшись об этом в приказе Василий Алексеев в мае 1696 г. был послан для такой же работы в Каширу. Однако, по государеву указу 30 мая, ему на смену приехал другой подьячий – Кузьма Журавлев, которому по наказу поручалось взять у В. Алексеева «каширского посаду оброчным статьям черные переписные книги, которые он, Василий, будучи на Кашире переписывал, и лавочных владельцев скаски и с крепостей и с отписей списки и чего он, Василий, против наказу не довершил и то все довершить». Таким образом, переписи оброчных статей в Кашире делали два переписчика.

Эта робота была сложной и как оказалось не все данные по наказам переписчики могли собрать. Например, старые торговые и промысловые оброчные заведения передавались по наследству, завещались, продавались и т.д., и последние владельцы объектов не могли сказать за кем их лавка была по писцовой книге, какова была величина старого оброка и т.д. Такие сведения находили сами переписчики, но не всегда, т.к. их они не могли «сыскать» в писцовых книгах. Некоторые владельцы не могли представить переписчику «крепости» на право владения, а также отписи в платеже оброка. Они говорили, что крепости и отписки утерялись или сгорели в пожарное время (для Коломны и Каширы оно было в 1682 г.). У многих купчих, по спискам представленные переписчикам, «мера» объектов в саженях не указывалась, а некоторые владельцы не выплачивали оброк за год переписи, т.к. они на Коломне и на Кашире «не сысканы».

Что касается промысловых заведений, то для них не приводилось таких сведений как для торговых. Так для кузниц в Коломне не приводился размер в саженях и с этих объектов не брался «пустовой» оброк ни в Коломне, ни в Кашире.

Для солодяных омшенников в Коломне и в Кашире указывался их размер в круглых саженях, т.е. в квадратных саженях, когда длинник равен поперечнику, из расчета выплаты оброка по 6 алт. 4 ден. за одну круглую сажень. В Коломне за лишнюю землю брался дополнительный оброк, но «пустовой» оброк не брался. В Кашире же «пустовой» оброк с омшенников взимался, а за лишнюю землю дополнительный оброк не брался.

Для оброчных дворовых мест в Коломне не указывался размер в саженях и дополнительные оброки с владельцев не взимались. В Кашире также были оброчные дворовых места, но т. к. у источника недостает двух последних листов, то ничего про эти места неизвестно.

Важно отметить, что переписчики 1696 г. отмечали только факт выплаты оброка владельцем заведения в Галичский приказ, а выплатил ли владелец оброк в приказ Большой Казны (при двойном оброке) в год описания их не интересовало. Если же владелец выплачивал оброк только в приказ Большой Казны, то переписчик не делал отметки, что оброк за 1696 г. взят. В этом сказалось разобщенность центральных приказов, когда работа переписчиков приводилась и контролировалась одним Галичским приказом и их работа не согласовывалась с другим приказом.

Возможно, Галичский приказ провел такую работу в качестве эксперимента. Однако, сложность проведения переписи по намеченной программе (невозможность собрать полные данные для торговых объектов и специфичность данных по промысловым заведениям) не позволили взять ее за образец для других городов.

Тем не менее, основываясь на имевшихся сведениях переписи 1696 г. по двум городам, можно получить объективную картину их экономического состояния в канун петровских реформ. Например, в Кашире насчитывалось 7 торговых рядов и 236 торговых и промысловых заведений, которыми владели 118 человек – «людей разных чинов»[5]. За все свои оброчные обьекты каширяне выплачивали в год около 45 р. В Коломне насчитывалось 25 торговых рядов и 742 таких заведений (370 владельцев)[6]. Годовая величина оброка с коломенцев составляла почти 209 р.

Некоторые оброчники владели по нескольку заведениями (в Кашире до 8, и в Коломне до 10), что свидетельствовало о нарастающем процессе имущественного и социального расселения среди местного городского населения.

Преобладание купчих записей на право владения оброчными заведениями (до 85% от всех разновидностей «крепость» в этих городах) говорило о том, что городская недвижимость – земля под лавками, амбарами, кузницами стала предметом торговли, как и иные товары.

Кроме того, переписи городских оброчных статей городов Каширы и Коломны 1696 г. дают информацию о развитии арендных отношений, об использовании наемного труда, о генеалогии местного купечества, о торговых связях городов с крупнейшим центром торговли страны – Москвой и т.д. Эти переписи являются очень ценным источником и заслуживают пристального внимания историков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] РГАДА. Ф. 137. Оп.1. Боярские и городовые книги. Гор. Коломна. Кн.2. Л. 677-827.

[2] Там же. Л.1-645 об.

[4] Булгаков М.Б. Торгово-промысловое развитие г. Каширы в XVII в. // II научно-практическая конференция «Города Центральной России в истории предпринимательства и культуры». Серпухов, 2005. С. 5-14.

[4] РГАДА. Ф. 159. Оп. 4. Приказные дела новой разборки. № 690. Л. 1.

[5] Булгаков М.Б. Торгово-промысловое развитие г. Каширы ... С. 13-14.

[6] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Л. 641.

* * *

А.С. Власов

« С ямы на яму, а в ней каменья» (практика межевания светских поместий и вотчин в Угличском уезде в 1630 годы, по материалам писцовой книги 1631/32 – 1632/33 гг.)

Писцовая книга письма и меры С.А. Давыдова и подьячего О. Трофимова Угличского уезда 1631(32)-1632(33) гг. (далее УПК) была издана в 1886-1887 гг.[1]

Помимо прочей информации книга содержит межевые записи уездныхз емлевладельцев. Во время процедуры межевания инициатива определения ориентиров принадлежала местным жителям, привлеченным к этому делу, вот типичная межевая запись: «... от реки от Улеймы на виловатую березу, а на ней грань, а от березы на камень, а от камени на камень же, а от камени на яму, а в ней уголье, а от ямы на бред, а на нем грани, а от бреда на осину...». Участники межевания воспринимали природу неизменной, для них ивовый куст или зарубка на дереве являлись надежными маркерами. Участники межевания являются неотъемлемым его элементом, т.к. без них,только по тексту восстановить в последствии межу будет невозможно (кроме случаев, когда межой объявлялась речка или дорога). В тех редких случаях, когда ориентиром могла послужить местная достопримечательность, межевщики непременно пользовались такой возможностью. Около с. Чурьяково ориентиром послужила некая «говейная сосна», а в другом месте «красная сосна».

Межа представляла собой условную ломанную линию, каждый отрезок которой определялся лишь по конечным точкам-ориентирам: деревьям, крупным камням, ямам, которые межевщики заполняли камнями или углем. Большинство ям выкапывалось непосредственно при межевании, изредка используются «старые ямы», если таковых оказывалось несколько подряд, то участок межи именовался «старым

Власов Александр Сергеевич, аспирант СПб ИИ РАН (СПб)

межником». Представляется, что при внесении в УПК сведений о меже, писцы, как правило, присутствовали при разметке межи. В тексте УПК есть свидетельство того, как писцам пришлось взять на себя несвойственную им функцию разметчиков межи. Текст межевания с. Клементьево, вотчины Троице-Сергиева монастыря, разительно отличается от прочих примеров.[2] Отделяющая вотчину от «порозжих государевых земель» межа была привязана не столько к ориентирам на местности, сколько к сторонам света: она поворачивает «на летний запад» (т.е. юго-запад), «на ночь» (север), «зимний восток» и «летний восток» (северо-восток и юго-восток). Такое «астрономическое» межевание связано, видимо, с тем, что представительствовать «порозжие» земли было некому, и эту обязанность взяли на себя сами писцы, но они не были знакомы с местностью и были вынуждены оперировать сторонами горизонта.

В некоторых случаях писцы особо помечали, что землевладельцы (или их крестьяне) «разводили тое межу сами промеж собою полюбовно». В УПК таких случаев 8 (размежевались 19 владельцев). Если учесть, что всего имеют межи 109 землевладельцев, полюбовный раздел осуществлялся только примерно в одном из пяти случаев, в прочих четырех привлекались писцы. Необычная полюбовная запись сопровождает сведения о с. Вески (совместном владении семерых помещиков и вотчинников): «а тое вотчинная земля ... не межевана по их полюбовному челобитью».

Неясно, почему владельцам села пришлось особо оговаривать свое нежелание межеваться, ведь в уезде доминируют не размежеванные владения и никто не понуждает их хозяев заниматься маркировкой границ. Возможно ситуация с границами владений семерых хозяев действительно была запутанной и писцы навязывали свои услуги. Это косвенно подтверждает предположение о том, что процесс межевания требовал затрат, от которых владельцы села Вески решили уклониться

В этой работе не будут рассмотрены межи монастырских вотчин и двух посадов (Углича и Мологи) уезда.

Всего в уезде было 265 поместий, 342 порожжих поместья, 62 старые вотчины, 51 выслуженная вотчина, 62 порожжие вотчины, 27 монастырских вотчин. Реальная картина земельных владений в уезде была более пестрой, так как нередко крупные владения внутри станов были разбросаны несколькими кусками «дачами»[3], но писцами учитывались как единое владение. Самих же землевладельцев было меньше, так как многие владели землями в нескольких станах. Отмежеванные светские землевладения находятся в явном меньшинстве (к отмежеванным отнесены все владения, имеющие хотя бы одну межу с владением другого светского землевладельца). Отмежевано 66 поместий (24,9 %). Старых вотчин, пожалованных до составления приправочных книг письма и меры 1595(96)-1596(97) годов, отмежевано 10 (16,1 %). Выслуженных

вотчин, полученных за «Московское царя Васильево осадное сидение» (службу царю Шуйскому) и за «осадное сидение королевичева приходу» (службу 1618 года), отмежевано 31 (60,8 %). В качестве такой выслуженной вотчины жаловалось 1/5 оклада[1]. А так как реальные дачи нередко были много меньше оклада помещика, то в вотчину могло быть переведено всё или практически всё поместье. Так, у дьяка В. Юдина после перевода 150 четвертей пашни в вотчину на поместном праве осталось всего 6,25 четвертей заросших лесом.

Отсутствие фиксированных межевых границ у большинства поместий и вотчин может объясняться несколькими причинами:

1) местная традиция и без письменной фиксации маркировала границы участков, потому владельцам не было необходимости обращаться к официальной помощи московских писцов;

2) в большинстве владений обрабатывались лишь небольшие участки земли, точное определение границ необрабатываемых участков было не нужно и достаточно было иметь самые приблизительные представления о пределах владений;

3) Пространство уезда не было сплошь заселенным, какие-то владения могли вообще ни с кем не граничить. Велика была доля порожжих поместий, отмежевываться от которых не было смысла, так как территориальных претензий с их стороны выдвинуть никто не мог. Но в УПК немало свидетельств того, что владения соседствуют, но не размежеваны (пустошь или населенный пункт находятся в совладении или межа двух владельцев начинается от земли третьего), а именно таких: 250 поместных дач, 18 старых вотчин, 26 выслуженных вотчин и 5 монастырских. То есть и между вплотную примыкающими друг к другу землевладениями чаще межа отсутствовала.

4) Межевание осуществлялось в присутствии массы окрестных жителей, что должно было быть весьма многолюдным по уездным меркам сборищем. От инициаторов межевания, вполне возможно, требовалось не только как-то поощрить писцов, но и уважить всех участников межевания. То есть на организацию межевания владелец шел не по капризу и не просто по случаю приезда писцов, а тогда, когда это было действительно нужно.

Склонность к межеванию владений можно было бы объяснить характером землевладельца - перессорился с соседями, вот и межуется. Однако из статистики видно, что это не так: из 14 владельцев имеющих земли в двух станах, только у 6 межевые границы есть в обоих станах. Из 5 владельцев земель в трех станах только один отмежевался сразу во всех. Наконец двое владельцев земель сразу в четырех станах отмежевались только в двух станах. Сводить причину межевания к особенностям характера владельца не приходится, необходимо искать объективные причины появления межей.

Наличие межей прямо зависит от хозяйственной активности землевладельцев. Если у имеющих дворы помещиков (вотчинников) владения межеваны в 40%, то у не имеющих дворы только в 9 %. Нет ни одного случая размежевания земель двух владельцев, не имеющих дворов в уезде. Само наличие господского двора еще не свидетельство постоянного проживания в уезде его хозяина. Знатные московские лица могли иметь дворы сразу во многих вотчинах и посещать их лишь изредка, так князь. А.Ф. Литвинов-Мосальский владел землями еще в 8 уездах кроме Угличского[5]. И наоборот, отсутствие двора землевладельца не всегда свидетельство отсутствия и его хозяина; он мог жить на посаде, или на дворе близкого родственника. Из 85 поместий и вотчин без дворов владельцев лишь в 21 зависимые люди пашут землю. То есть в 3/4 случаев отсутствие владельческого двора означает, что и хозяйство пребывает в запустении. В 1620 г. угличские окладчики заявляли, что «углечане ж дети боярские служат в боярских дворех и в монастырских служках, а иные сошли безвесно»[6], какая-то часть незаселенных поместий уезда принадлежали именно этим владельцам.

На фоне схожих данных поместий и старых вотчин, резко выделяются выслуженные вотчины. Если среди первых отмежеваны лишь около 1/3 (из имеющих дворы в уезде отмежеваны 35,3 % поместий и 30,8 % старых вотчин), то практически 4/5 (79,0 %) выслуженных вотчин имеют межевые границы. Хотя общее число выслуженных вотчин в уезде в пять раз меньше чем поместий, количество межей отделяющих поместья от выслуженных вотчин практически равно числу межей между поместьями (58/59). Налицо желание новых вотчинников закрепить за собой полученные владения, представлявшие для них весомую ценность. Старые же вотчинники, отмежевали свои владения лишь в 1/5 случаев. Кроме того, новые вотчинники ведут в своих владениях активное хозяйствование: если старые вотчинники имеют дворы в уезде в 53,3 % случаев, помещики в 64,8 %, то новые вотчинники уже в 84,6 %.

Можно проследить зависимость межевания от времени пожалования поместий. Установить время пожалования каждого поместья в отдельности трудно. Для большинства поместий в УПК назван год выдачи документа, подтверждающего право на владение, но это мог быть документ лишь подтверждающий землевладельческое право, полученное за много лет до того. Тем не менее, для части владений указано, что это бывшее «отца поместье» или оно числится за владельцем еще со времен составления приправочных книг 1595-1596 гг. Можно предположить, что лица, обладающие таковыми, в массе владеют поместьями с XVI в. или с первых лет XVII в (всего 125 поместий). Прочие же получили поместья позже и не по родственной линии (всего 259 поместий). Старые поместья имеют межи несколько чаще (в 25,6 % случаев), чем новые

(17,4 %). Возможно нахождение поместья в одних руках долгий период, давало и больше возможностей для возникновения ситуации требующей размежевание.

Хотя «новых» поместий в два раза больше чем «старых», между собой они межуются реже (всего 11 раз). «Старые» поместья отмежеваны друг от друга в 14 случаях, но чаще всего межи отделяют «старые» поместья от «новых», таких случаев 16. Это косвенно указывает на деление уездного дворянства на круг «старых» помещиков и тех, кто получил поместье уже при царе Романове. То, что межи чаще проходили между землями представителей этих двух групп, чем внутри них указывает, что в целом «старые» помещики больше доверяли друг другу, чем «новым» помещикам, и наоборот.

Если разбить поместья на три группы: мелкие, средние и крупные, то результаты получаются предсказуемые – чем больше поместье, тем скорее оно будет иметь межу. Среди мелких поместий (менее 100 четвертей «доброй земли») доля отмежеванных составляет 20%, среди средних (от 100 до 200 четвертей) 29%, среди относительно крупных (от 200 до 300 четвертей) 35%. Из 5 самых крупных поместий отмежеваны 3. Причина такой динамики ясна – чем больше площадь владения, тем больше и его периметр, а стало быть – выше шанс возникновения спорной межевой ситуации.

Ситуация со старыми вотчинами схожа с тем, что мы наблюдали и в случае с поместьями. Маленькие старые вотчины отмежеваны только в 12 % случаев, средние в 20 %, а крупные в 30 %. Старые вотчинники межуют земли заметно слабее, чем их соседи помещики (частично потому, что значительную часть межеваний происходила в Моложском стану, где старых вотчин на момент составления УПК нет). Зато картина межеваний выслуженных вотчин резко отличается. Владельцы мелких выслуженных вотчин отмежевывают свои земли в 61 % случаев, это даже больше, чем отмежеванных средних выслуженных вотчин – 50 %. Такая особая активность мелких владельцев проистекает из того, что мелкие вотчины – это, как правило, доли села или деревни, где нередко проживает сам владелец.

Прослеживается зависимость межевания и от того, принадлежал владелец земли к столичной элите или нет. Столичные владельцы межуются в целом чаще[7]. Может быть им легче было склонить столичных же писцов к фиксации межевания, кроме того, сами землевладельцы большую часть времени проводили в Москве и потому опасались поползновений со стороны провинциальных дворян домоседов. Возможно, степень «бюрократизации» сознания столичных чинов, полагавших необходимым подробно регистрировать собственность, была выше, чем у «отсталых» провинциалов.

Старые вотчинники из уездных чинов практику межеваний практи-

чески игнорируют: отмежевана лишь 1 из 24 таких вотчин (4%), и то, скорее всего, по инициативе соседа. Старые вотчинники из московских чинов отмежева-ли уже 8 из 38 вотчин (21%). Уездные помещики отмежевали 37 (19%) дач, а московские 20 (35,7%). С владельцами выслуженных вотчин ситуация обратная: отмежевывают владения они заметно чаще чем прочие, но «рекорд ставят» не московские (отмежевано 19 вотчин, т.е. 54,3 %), а уездные чины (11 вотчин, т.е. 78,6 %).

Такое активное, на фоне своих столичных «коллег», межевание уездных дворян, получивших вотчины за службу, может быть объяснено тем, что для провинциального служаки, ограниченного в карьерных возможностях, такая награда была приобретением весьма ценным. Не только источником относительного благополучия, но и официальным признанием особых заслуг перед государством, выделявших их владельца из массы уездных служилых людей. Уездные владельцы выслуженных вотчин в пяти случаях даже отмежевали их от собственных поместных дач, подчеркивая тем значительную качественную разницу между двумя своими владениями. Московские чины так же в 6 случаях отмежевались от собственных поместий, но нельзя забывать, что у них таких вотчин было в 2,5 раза больше чем у уездных дворян. Из таблицу № 12 видно, что реже всего межуются между собой уездные чины – лишь 24 (20 %) случаях. Межа отделяет владения московского чина от уездного в 32 (44 %) случаях. Московские чины межуются меж собой в 17 (47 %) случаях. Если предположить, что наличие межи свидетельствует о «недоверии» и стремлении владельцев свести отношения к официальным, то получается, что московские чины «не доверяли» друг другу практически в той же степени, что и чинам уездным. Уездные же чины, межуясь меж собой более чем вдвое реже столичных, демонстрируют тем заметно больший уровень корпоративной сплоченности.

Таким образом, фиксирование межевых границ в писцовой книге чаще затрагивало новообразованные землевладения, особенно такую их новую форму, как выслуженные в начале XVII века вотчины, и наоборот мало практиковалось в отношении устоявшихся землевладений, таких как старые вотчины оформившиеся еще в XVI веке. Период Смуты начала XVII века привел не только к упадку и запустению поместий и вотчин, но и произвел серьезные изменения в составе уездной служилой корпорации. Новые владельцы (особенно те, кому достались пожалованные вотчины) отмежевывали свои земли с фиксацией межей в писцовой книге особенно часто. То есть, активное межевание владений является признаком динамических изменений в характере и структуре провинциального служилого землевладения. И наоборот отсутствие фиксируемых в писцовой книге межей, говорит о устойчивости земельных пожалований, чье появление, как правило, относится еще к XVI веку.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вестник Демидовского лицея. Ярославль, 1886. кн. 41; 1887, кн. 42-46.

[2] В публикации УПК статья № 305

[3] Такая дробность была обычной практикой в уездах Московского государства, см. напр.: Аракчеев В.А. Псковский край в XV-XVII веках. Общество и государство. – СПб., 2003. С. 286.

[4] Алексеев Ю.Г. Копанев А.И. Развитие поместной системы в XVI веке. в кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. М., 1975. С. 60

[5] Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве в XVI в. СПб., 1897. С. 228-229.

[6] Липинский М.А. Город Углич в XVII веке (подборка документов). в кн.: Временник Демидовского лицея, Ярославль, 1890, кн. 54 и 1891, кн. 56 - 57, док. № 86.

[7] Приношу сердечную благодарность своему научному руководителю А.П. Павлову, оказавшему существенную помощь в составлении списка угличских землевладельцев, входивших в Государев Двор. При составлении УПК писцы не упоминали принадлежность ряда землевладельцев к московским дворянам.

* * *

Н.П. Воскобойникова

К истории составления писцовой книги Усольского (Сольвычегодского) уезда 1623 – 1626 гг.

Данная публикация является продолжением издания фрагментов черновой писцовой книги Усольского уезда 1623–1626 гг. Описание уезда начато было летом 1623 г. писцами Парфением Никифоровичем Мансуровым и подьячим Василием Архиповым; после смерти П.Н. Мансурова в июле 1624 г. описание было продолжено с августа того же года писцом Иваном Благово. В архиве РГАДА в 80-х годах XX века были обнаружены фрагменты чернового описания писцов И. Благово и В.Архипова. Это отрывки книги на 32 листах (Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 268/91). Сравнение черновых тетрадей описания (Ф. 1209. Оп. 1. Кн 446) показывает что на начальном этапе описания писцы заносили в тетради сведения, не вошедшие в текст беловика. При редактировании черновиков писцами зачеркивались как явные допущенные ими ошибки, так и ряд других сведений (упоминания о ряде актов, подтверждающих права крестьян на владения, сравнения пашни паханой по приправочным

Воскобойникова Наталия Петровна, к.и.н. (Москва)

книгам и по новому письму, сведения о пустых вытях и завытной пашнии некоторые другие). Таким образом, беловая книга потеряла ряд интересных сведений о социально-экономическом состоянии уезда в начале первой четверти XVII века.

Черновые тетради до нас дошли в очень ветхом состоянии. Особенно плохо сохранились записи писцов на полях. Тетради написаны малоразборчивым убористым почерком, имеют записи над текстом и вычеркивания отдельных слов, фраз и абзацев. Каждый лист черновика имеет наверху запись «справлено» и скрепу по листам Ивана Благово и Василия Архипова.

Публикация книги (по частям) нами была начата в 2003 г. В сборнике «Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI-XIX вв.» были напечатаны описания двух деревень: 1) Маурина, 2) Тоболина (Леонтьевская тож).[1] В сборнике «Тезисы докладов XIV Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI-XX вв.» приведены описания деревень Насадина (Королева тож), Колодинской, Софроновской, Першинской, Головиной Горы и Дреставяна.[2] В данном издании публикуются следующие страницы рукописи (лл. 4-10). Зачеркнутый писцами текст приводится полужирным шрифтом.

ТЕКСТ

Л. 4.

Справлено.

Деревня Щербининская, Попова Гора тож на речке Домьяне, а в ней крестьян: в. **Васка** Богданов Богдашко Васильев сын Попов **вла** з братом с Самсонком владеют по меновной 131 году; в. Петрушка Костентинов владеет по меновной 131 году да по купчей 132 году; в. Самко Меншиков владеет по купчим 129 да 131 году; дв. пуст Карпика Плюскина, владеет тем двором и пашню пашет Самсонко Меншиков по тем же купчим; в. Овдейко Павлов, владеет по купчей 129 году; дв. пуст Сергейка Рудакова, а Сергейко сшел на Вятку. Пашню того двора пашет Петрушка Костентинов по тем же купчим; в. Савка Осипов, владеет по купчей 115 году; в. Пашко Олексеев по купчей 85 да 100 году; дв. пуст бобыльской Филько Иванова. Пашни у того двора не было.

Пашни паханые **по приправочным книгам** середние земли **семнатцать чети с осминою. А по новому письму и мере пашни паханой примерено пять чети без четверика, четырнатцать чети в поле, а в дву потому ж** семнатцать чети с осминою в поле, а в дву потому ж. Да перелогом пять чети без полосмины. Сена сорок копен. В живущем выть с четью **да завытные пашни восемь чети с осминою и с четвериком,**

пять чети без четверика. Да в пусте четь и полполчети и полполполчети выти. Оброку восемь алтын з деньгою, **а з дву поль тринатцать алтын пять денег.** Поскотины семь десятин. Лесу и болота восемь десятин. У тое ж деревни и сена около поль и по заполью по логом сена **пятьсот пять копен** четыреста десять копен. Оброку дватцать три алтына. Отпись есть в двух алтынах, а досталь донять.

Л. 5.

Деревня Кочнева Гора на реке на Виляди, а в ней крестьян: в. Ивашко Иванов, владеет по мирской данной 131 году; в. Филька Шураков с сыном Ефимком, владеет по купчим **80 да** 82 году; в. Тимошка Гришин, владеет по старине.

Пашни паханой по **приправочным** книгам **середние земли четырнатцать чети** девять чети без полуосмины. **А по новому письму и мере пашни** паханой девять без четверти да **перелогом четыре чети с полуосминою** и с четвериком семь чети в поле, а в дву потому ж. Да перелогом четь бес четверика **четыре чети с полуосминою** и с **четвериком** в поле, а в дву потому ж. Сена дватцать пять копен на пожне Побережде. В живущем полвыти **и полчети выти**. А в пусте полполполчети выти. **А в пусте четь и полполполчети выти и полтора четверика. Да завытные пашни** две четверти и с четвериком да с получетвериком. **З дву поль оброку четыре алтына две деньги.** Поскотины шесть десятин. Лесу и болота восемь десятин.

Л. 5 об.

Справлено.

Деревня Терино на реке на Виляди, а в ней крестьян: в. Дениско Вертипрахов, владеет по купчей 127 году; в. Нестерко Мальцов, владеет по купчей 133 году; в. Томилко Родионов, владеет по **купчей** старине, **а купчие згорели по ево сказке**; в. Олешка Мальцов, владеет по купчей 128 году; в. вдова Федорка Мальцова дочь, владеет по меновной 133 году; в. Тимошко Мальцов з детьми с Ермолкой да с Пашкою, владеет по купчей 120 году, **а это написано**, а что написано в тое же деревне двор Максимка Кузмина и того двора не бывало, а жил Максимко с Олешкою Мальцевым в одном дворе и продал тому Олешке.

Пашни паханой **по приправочным книгам** середние земли четырнатцать чети, **а по новому письму и мере пашни паханой четырнатцать чети** без полуосмины да перелогом полосмины в поле, а в дву потому ж. Сена сорок копен. В живущем выть без полосмины. Поскотины десять десятин. Лесу и болота одинатцать десятин. У тое ж деревни под двором куръя озерко, где шла старая река Вилядь вдоль полверсты, а поперег дватцать сажен. Оброку алтын. Отписи нет.

Л. 6.

Деревня Самино на реке на Виляди, а в ней крестьян: в. Тимошка

Семенов сын Чювашев да Ортемко Степанов, владеет Тимошка по купчей 95 году да 105 году, да Ортюшко по купчей 130 году; в. Пятко Микитин с племянником с Ывашком да с Петрушкою, владеет по купчей **99 году да 104 году, 109 году да** 125 году; в. Калинка Иванов сын Непеин, владеет по меновной 131 году; в. Петрушка Иванов, владеет по мирской данной 130 году.

Пашни паханной **по приправочным книгам середние земли пять чети с полуосминою, а по новому письму и мере пашни паханной примерено восемь чети с полуосминою и с четвериком** середние земли **девять четей без полуосмины** двенатцать чети с полуосминою. Да перелогом четь с полуосминою и с полчетвериком. **Сена пятнатцать копен** Сена дватцать пять копен. В живущем **полвыти** выть без полчетивыти. А в пусте выть без полполчети и полполполчети выти.

Пашни четыре чети без четверика с четвериком, з дву поль оброку шесть алтын три деньги два алтына без деньги. Поскотины семь десятин. Лесу шесть десятин.

Тое ж деревни сена на исаде девяносто копен **сто двацать копен**, владеет [Пятко Микитин] с товарищы. Оброку полпяты алтына.

Л. 6 об.

Деревня Клобуковская на реке на Виляди, а в ней: в.Томилка Иванова сына Ушакова, а он живет **в деревне Гришинской** в Княжесельской деревне Гришинской, а в Клобуковской деревне ставится ново, а старый двор згорел, владеет по старине; да м. дворовое Федьки Иванова сына Непеина из деревни Первушинской, пашет наездом. Владеют **з деревней** деревни Клобуковское другой крестьян по одной купчей **лета 7032** 32 году. Да в той же деревне жеребей деревни другие Клобуковские крестьянину Михалку Дмитриеву сыну, владеет по той же купчей.

Пашни паханой **по приправочным книгам середние земли семь чети, да по новому письму и мере пашни паханой примерено две чети с осминою и с четвериком середние** земли семь чети. **Перелогом две чети с осминою и с четвериком в поле,** а в дву потому ж. Сена дватцать пять копен. В живущем полвыти. **А в пусте полчети и полполчети выти. Да завытной пашни две чети с осминою и с четвериком з дву поль. Оброку четыре алтына с копейкою.** Поскотины [пять] десятины. Лесу четыре десятины.

Л. 7.

Деревня Клобуковская Другая на Виляди, а в ней: в. Ондрютко Иванов з детьми с Онкудинком да з Баженком; в. Мишка Микитин, владеет по купчей 132 года; в. Ондрюшка Микитин; в. Ярко, владеет по купчей 95 года; в. Ярко Иванов, владеет по закладной 133 году.

Пашни паханой по **приправочным книгам середние земли семь чети, а по новому восемь четей без четверика.А по новому письму и мере пашни** паханой шесть чети. Да перелогом две чети без четверика

середния земли шесть чети с четвериком **пять чети с осьминою и полтора четверика.** Да перелогом две чети без четверика в поле, а в дву потому ж. Сена дватцать пять копен. В живущем четь и полчети и полполчети выти. Да в пусте полчети выти и четверик. Перелогу. Да **завытной пашни осмина без четверика. Оброку з дву поль четыре деньги с полуденьгою.** Поскотины семь десятин. Лесу четыре десятины.

Л. 7 об.

Справлено

Деревня Сорова на реке Виляди, а в ней крестьян: в. Истомка Федоров сын Попков да сын его Сенька, владеет по духовной 114 году; в. брат ево Пашко Федоров з детьми з Гришкою да с Шестачком да с Девятком, владеет по той же духовной.

Пашни паханой **по приправочным книгам середине земли семь чети.** А по новому письму и мере пашни паханой четыре чети без полуосьмины. Да перелогом три чети с полосминою середние земля **четыре чети без полуосьмины** три чети с осьминою. Да перелогом три чети с полуосьминою в поле, а в дву потому ж. Да перелогом осьмина. Сена дватцать копен. В живущем четь выти, а в пусте четь ж выти без полуосьмины пашни. А в пусте полполчети выти. **Да завытной пашни** полосьмины. Оброку з дву поль полтрети деньги пять денег. Поскотины семь десятин. Лесу и болота шесть десятин.

И по реке по Виляди сена **пятьдесят** тритцать копен.Оброку девять денег.

Л. 8.

Справлено.

Деревня Колодинская на реке на Виляди, а в ней крестьян: в. Гаврилко Ефтифеев с сыном с Микиткого, владеет по купчей 131 году; в. Ивашко **Иванов** Афонасьев сын Попов с сыном Ваською, владеет по купчей 125 году; в. половник Тимошки Лубягина из деревни Маурина Нечайко Васильев, владеет Тимошко по закладной 126 году; в. Фетко да брат ево Дениско Таскаевы, Федько з детьми с Пашком да с Ылейкою, владеют по старине **да по духовной 116 году**.

Пашни паханой по приправочным книгам середние земли. Пашни паханой середние земли шестьнадцать чети с осминою и с четвериком **и с припашью десять чети с осминою**. В живущем выть с получетью и с полполчетью в поле, а в дву потому ж. **А по новому письму и мере примерено пашни паханой шесть чети в поле, а в дву потому ж**. Сена пятьдесят копен. В живущем выть с получетью и с полполчетью.

По приправочным книгам середние земли четырнатцать чети. А по новому письму и мере пашни примерено две чети с осьминою в поле, а в дву потому ж. Сена сорок копен. В живущем выть. Да завытной пашни две чети с осминою. З дву поль оброку четыре алтына з деньгою.

Поскотины десять десятин. Лесу и болота девять десятин.

Под тое ж деревнею озеро в длину на версту, а поперег сажен сорок.

Л. 8 об.

Деревня Слободка Жабья на реке на Виляди, а в ней крестьяне: в. Ивашко Парфеньев сын Косачев; в. Олешка сын Косачев з детьми с Ромашком да с Лучкою да с Ваською, **владеют по куп**; в. сын ж ево Лазарко владеет по купчей 115 году **да по другой купчей без лет, да по третей купчей 127 году;** в. Ивашко Иванов Белков, владеет по мирской данной 131 году; **д. пуст** д. пуст же Ивашки и Оле[шки].

Пашни паханой **по приправочным книгам** середние земли восемь чети без четверика. **А по новому письму и мере пашни примерено осьмина с четвериком** середния земли восемь чети без четверика в поле, а в дву потому ж. Сена дватцать копен. Да перелогом осьмина без полчетверика. В живущем полвыти и полполчети выти. Да в пусте полполполчети выти. **Да завытной пашни осмина с четвериком.** З дву поль оброку шесть денег. Поскотины семь десятин. Лесу шесть десятин.

Л. 10.[3]

Справлено.

Деревня Тимофеевская на Виляди, а в ней крестьян: в. Фролко Федоров сын Хухров с племянником з Дениском, владеют по старине, **а крепости у братьи** их Меншичко Федотов Квятки; д. пуст Ивашка Савельева, а он съехал на Вятку во 129 году, а сенными покосы владеет Поспелко Томилов, а **сенными покосы владеет Поспелко Томилов; д. пуст Меншичка Федотова, а он съехал на Вятку в 129 году. А он Осипко Ошмарина тот жеребей отдал ему, Осипку, на льготу на три годы со 134 году Поспелку Томилову с Покрова святые Богородицы дб лета 137 году, а как льгота отойдет и ему всякие подати с полполчети выти.** А отдан тот жеребей ему для того, что он владел сенными покосы Поспелку **у Ивашкова жеребья владел сенными покосы**; д. пуст Баженка Оникина, а он Баженко сшол в мир кормится, **а теи** а того жеребья владел сенными покосы Осипко Ошмарин, **а тот Баженко жеребей отдал на льготу на три годы ему Осипку. А того Ивашкова жеребья с сенными покосы владел Поспелко Томилов, а тот ж жеребей отдал ему, Поспелку, на льготу на три ж годы.**

Да в той же земле жеребей в пустой половине Ивашку Олексееву из деревни **Тимофеевской** и Жабьи Слободки да Ивашке Белкову ис тое ж деревни, а льготы им дано на те на три годы с Поспелком да с Осипком.

Пашни паханой **по приправочным книгам** середние земли семь чети в поле, а по новому письму и мере две полосмины. Да перелогом пять чети в полосминою в поле, а в дву потому ж. Сена дватцать копен. В живущем полчети выти, а в пусте четь и полчети выти, а та полполчети и полчети выти на три годы от лета 134 году. **А льготы во 137 году с Покрова святые Богородицы до Покрова ж Святые богородицы.** Поскотины пять десятин. Лесу оторва десятин.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI-XIX вв. Вологда, 2003. С. 74-83.

[2] Тезисы докладов XIV Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI-XX вв. СПб., 2004. С. 18-20.

[3] Листы 9-9 об. чистые.

* * *

В.Н. Глазьев

Материалы переписи дворов 1648 г. в Воронежском уезде: проблема достоверности

Документы переписи Воронежского уезда 1648 г., хранящиеся в Государственном архиве Воронежской области, сгруппированы в пять единиц хранения, включающих описание четырех станов, города Воронежа и пригородных слобод[1]. В каждом деле содержатся памяти детям боярским, направленным в уезд для сбора денег, от воеводы В.Т. Грязного. В памятях излагаются обстоятельства, вызвавшие проведение переписи.

В 1648 г. воеводе была подана коллективная челобитная воронежцев - духовенства, служилых и посадских людей. В ней сообщалось, что от всего города и уезда в Москву были направлены просители - 5 человек во главе с Т. Михневым "государю бить челом о городовом деле, и о таможенных недоборных деньгах, и о всякой городской нужи и скудости". Для челобитчиков "на московские харчи" и "на городское дело" у воронежца П. Прибыткова всем городом и уездом было взято взаймы 100 рублей.

В челобитной, поданной воеводе, содержалась просьба переписать в городе и уезде дворы священников, служилых, посадских людей, крестьян и бобылей; собрать с них 400 руб. "на городовое и на московское дело, и челобитчикам на московские харчи" оставить эти деньги в распоряжении жителей города и уезда.

По указанию из Москвы в станы Воронежского уезда и в городские слободы были направлены воронежские дети боярские, стрельцы и казаки. Им поручалось переписать все дворы в городе и уезде "без

Глазьев Владимир Николаевич, д.и.н., профессор, декан исторического факультета ВГУ (Воронеж)

обходно, чей кто ни будь". Росписи дворов подавались в съезжую избу, там произвели подсчет, разделив 400 руб. на число дворов. На каждый двор пришлось по 3 алтына 3 деньги.

После этого дети боярские опять посылались в уезд с памятями и с росписями дворов для того, чтобы собрать деньги. К "ослушникам", отказавшимся платить, надлежало посылать стрельцов "из хоженого" для правежа. В то же время сборщики предупреждались от злоупотреблений, "чтоб в лишних сборных деньгах" к ним не предъявлялись иски. Направленным в уезд детям боярским жители предоставляли подводы.

Город и пригородные слободы описывали дети боярские В. Столповский и В. Прокофьев с посадскими людьми, собирали деньги - В. Прокофьев, стрелец Т. Роздымалов, полковой казак Т. Реутов. В Борщевском стане собирали деньги дети боярские П. Митрофанов, В. Медведев, стрелец А. Михайлов. Перепись Чертовицкого стана осуществляли дети боярские сотник С. Горожанкин и Б. Лугин, собирали деньги - Б. Лугин и С. Обрамов. В Усманском стане переписывал дворы сын боярский Г. Смагин, а собирали деньги сын боярский В. Пареного и усманский атаман К. Попов. В Карачунский стан для сбора денег направлялись дети боярские стрелецкий сотник А. Горожанкин и С. Корчагин в сопровождении стрельца Д. Осипова.

В росписях отмечались только хозяева дворов без членов семьи[2]. Каждое лицо обозначалось только именем и отчеством или именем и прозвищем. Перепись 1648 г. обладает важной отличительной особенностью - в нее попали не только тяглые люди, помещики, вотчинники и священники, но и довольно многочисленная категория служилых людей "по прибору": стрельцы, полковые казаки, пушкари и затинщики.

Насколько точно росписи дворов 1648 г. передают реальное состояние? Вполне допустимо, что переписчики умышленно или нечаянно пропустили какие-либо дворы. Но, на мой взгляд, пропуски не могли быть крупными, ибо чем полнее опишут уезд проверяющие, тем меньшая сумма придется на двор. В этом было заинтересовано все население, в том числе сами переписчики, которые были уездными помещиками и обязывались платить со своих и крестьянских дворов наравне с другими. В станы, как правило, направлялись дети боярские, в них проживающие. Поэтому недостаточное знание местных условий исключается.

Достоверность переписи 1648 г. проверяется путем сопоставления ее с переписной книгой Воронежского уезда 1646 г. Методика сопоставления переписей 1646 г. и 1648 г. состоит в следующем. Все хозяева дворов и их родственники из одного населенного пункта, упомянутые в переписной книге 1646 г., записываются в столбик. В другом столбике отмечаются хозяева дворов по переписи 1648 г, при этом одни и те же лица ставятся друг против друга. Тождество лиц

устанавливается в том случае, если совпадают два его наименования, например:

д. Круглая

1646 г.	**1648 г.**
Двор помещика Родиона Дементьева сына Чичинского, на его жеребье бобыльских дворов: во дворе Гришка Иванов сын Мещеряк.	Двор помещика Родиона Чичинского, за ним: во дворе Гришка Мещеряк.

Иногда члены семьи 1646 г. в 1648 г. показаны хозяевами двора. В этом случае речь идет об одном и том же дворе, поэтому мы устанавливаем их тождество. Если совпадает лишь одно наименование лица, тождество можно установить лишь для малых жеребьев, например:

д. Малинина

1646 г.	**1648 г.**
Двор помещицы вдовы Ефимии жены Никиты Искрина с сыном с Сенькой, на ее жеребье бобыльских дворов: во дворе Радка Исаев, во дворе Митька Наумов.	Двор помещика Семена Бутрина, за ним: во дворе Радка Клочек, во дворе Митька Наумов.

В приведенном примере тождество лиц устанавливается по следующим соображениям. Деревня Малинина небольшая - 15 дворов по переписной книге 1646 г. и 20 - по переписи 1648 г. Из них 10 дворов без сомнения упомянуты в той и иной переписях. Среди оставшихся найти одних и тех же лиц, названных в 1646 г. и 1648 г., не составляет большого труда. Бобыль Радка Исаев и Радка Клочек - одно и то же лицо, поименнованное в 1646 г. по отчеству, а в 1648 г. - с прозвищем. Сын вдовы Ефимии Семен в 1648 г. показан владельцем поместья. Несовпадение фамилий его - Бутрин и мужа Ефимии - Искрин может объясняться тем, что Семен поименован по деду, так как у некоторых служилых людей юга России в XVII в. фамилия еще не сложилась.

Для крупных владений и населенных пунктов тождество лиц, у которых в 1646 г. и в 1648 г. совпало одно наименование, устанавливается предположительно. В ряде случаев между хозяевами дворов в 1646 г. и в 1648 гг. возможно родство, например, в бобыльском дворе из поместья сына боярского Ф. Труфанова записаны родственники:

с. Курино

1646 г.	**1648 г.**
Во дворе Федька Кондратьев сын Росихин.	Во дворе Исайка Росихин.

Другой пример. В поместье сына боярского из того же села В. Зенина в качестве хозяина бобыльского двора в 1646 г. указан сын, а в 1648 г., вероятно, его отец.

1646 г.	1648 г.
Во дворе Анкиндинка Семенов сын Пономарев.	Во дворе Семен Пономарев.

Следует заметить, что полное до буквы совпадение наименований встречается не всегда. Одно и то же лицо могло быть названо: Сухорук или Сухорукий, Пустовал или Пустовалов, Уразов или Юразов, Лысый или Лысиков, Стромоус или Стромоусов, Рыбкин или Рыбка, Луста или Леста, Суховиховалов или Суховил, Щербаков или Щербатый, Кривошея или Кривошейка. Побирахин или Побираха, Жеребило или Жеребец, Бабин или Бабкин и т. п. Любопытны именования одного и того же лица: Волков или Бирюков, Рак или Брык, Донской или Волжский. Совпадение между этими лицами устанавливается благодаря сужению масштабов изучения до отдельных населенных пунктов и поместий[3].

Отождествлению лиц помогает одно обстоятельство. Переписчики в некоторых случаях фиксировали дворы в том порядке, как они стояли на улице. При этом в 1646 г. описание производилось в направлении с юга на север, а в 1648 г. - наоборот. Поэтому в 1648 г. в некоторых селах и деревнях дворы перечисляются в обратном порядке по отношению к переписной книге 1646 г., в других пунктах порядок перечисления дворов в 1646 г. и в 1648 г. одинаков. Однако строгое совпадение порядка перечисления дворов в переписях 1646 г. и 1648 г. - не повсеместное явления и служить средством "опознания" одних и тех же лиц может далеко не всегда.

Результаты сравнения наименований лиц по переписям 1646 г. и 1648 г. по одному из станов Воронежского уезда - Карачунскому - сведены в таблицу 1[4].

Таблица 1. Дворы Карачунского стана Воронежского уезда по переписям 1646 и 1648 годов

населенные пункты	число дворов 1646 г.	число дворов 1648 г.	дворы упом. в 1646 и 1648 гг.	дворы предположительно упом. в 1646 и 1648 гг.	Родственники, упом. и в 1646 и в 1648 гг.	дворы, упомян. только в 1646 г.	дворы, упом. только в 1648 г.
Карачунский монастырь	24	29	11	6	1	6	11
д. Пекшева	23	21	13	2	1	7	5
с. Глушицы	41	40	31	1	2	7	6
д.Ситная (Остапова)	27	24	18	-	-	9	6

д. Непорина	29	25	19	1	-	9	5
д. Синдякина	52	50	33	8	-	11	9
с. Манино	41	41	29	6	1	5	5
д. Подгорная	38	32	23	3	2	10	4
с. Курино	66	66	43	7	4	12	12
д.Гремячья	34	29	17	3	-	14	9
д. Мечек	30	25	11	2	2	15	10
д. Малинина	15	20	10	2	-	3	8
д. Круглая	22	16	9	3	1	9	3
с.Вербилово	122	114	69	9	1	43	35
с.Двуречки	19	7	6	-	-	13	1
с.Хлевное	42	37	22	3	4	13	8
Всего	721	663	442	62	21	225	157

Число дворов Карачунского стана по переписи 1648 г. уменьшилось по сравнению с переписной книгой 1646 г. с 721 до 663 (подсчет автора) или до 692 (подсчеты в документе). Эти цифры отражают реальное явление: активное строительство городов по Белгородской черте вызвало приток в них населения, в том числе из уездов, образовавшихся в конце XVI - начале XVII в., как Воронежский.

Нам удалось обнаружить 442 человека, упомянутых и в переписной книге 1646 г., и в переписи 1648 г.; 62 человека отождествляются предположительно; в 21 случае прослеживаются родственные связи между хозяевами дворов в 1646 г. и 1648 г. Таким образом, с большой долей уверенности можно утверждать, что 505 дворов зафиксировано и в той, и в другой переписи. Это составляет 70 % для 1646 г. и 76 (73) % для 1648 г.

Сопоставим полученные результаты с данными по Борщевскому стану Воронежского уезда[5].

Таблица 2. Дворы Борщевского стана Воронежского уезда по переписям 1646 г. и 1648 г.

насел. пункт	число дворов в 1646 г.	число дворов в 1648 г.	дворы, упом. в 1646 и в 1648 гг.	дворы предпол. упом. в 1646 и в 1648 гг.	дворы, упом. только в 1646 г.	дворы, упом. только в 1648 г.
с. Устье и д. Нижн. Малышева	59	52	34	11	14	7
д. Верхн. Малышева	19	12	8	-	11	4

д. Шилова	4	2	1	1	2	-
д. Монастырища	4	4	2	-	2	2
д. М. Терновое	27	19	16	-	11	3
д. Б. Гвоздевка	39	44	29	3	7	12
с. Губарево	57	52	39	1	17	12
д. М. Гвоздевка	24	23	8	11	5	4
Костенские драгуны	117	98	76	15	26	8
Костенские черкасы	22	24	9	1	12	14
Борщев монаст.	145	143	96	21	28	26
Всего	517	473	318	66	135	92

Число дворов, названных и в переписной книге 1646 г., и в материалах переписи 1648 г. составляет 384 (из них 66 отождествляются предположительно). Это составляет 74 % от суммы дворов Борщевского стана в 1646 г. или 81 % от итога 1648 г. Результат выявления одних и тех же дворов по двум переписям в Борщевском стане резко не контрастирует с аналогичными показателями по Карачунскому стану.

Чем объяснить наличие лиц, названных только в одной переписи? Тому было несколько причин. 1) Об одной из них уже говорилось - переселения в новые города или бегство на нижний Дон. Лица, отмеченные в переписной книге 1646 г., затем ушли в другие места и в перепись 1648 г. уже не попали. С другой стороны, лица, обозначенные только в переписи 1648 г., могли быть новыми жителями Воронежского уезда. 2) Хозяева дворов проживали в данном населенном пункте и в 1646 г., и в 1648 г. но по каким-либо причинам попали лишь в одну из переписей. 3) Двор зафиксирован обеими переписями, но в качестве хозяина названы разные лица - родственники, установить родство которых в настоящее время не удается. 4) Одно и то же лицо - хозяин двора - поименовано по-разному в переписях 1646 и 1648 гг. Это было вполне возможно. Бобыль с. Глушиц из поместья И.Г. Плетнева в 1646 г. был назван: " Лучка прозвище Ломака Тимофеев сын Ломакин", а в 1648 г. он же: "Ломака Подвернихин". Но в 1646 г. могли обозначить:"Лучка Тимофеев", и тогда его тождество по двум документам установить было бы невозможно. Крестьянин Карачунского монастыря в 1646 г. назван: "Сидорка прозвище Другаков", а в 1648 г. - "Другак Кусов", но его могли в 1646 г. поименовать с отчеством. Бобыль из с. Хлевного "Гаврила Клейменов сын Ребой" (1646 г.) и "Ребыко Новик" (1648 г.) один и тот же человек. Приведенные примеры показывают, что расхождения в показаниях переписей происходят иногда по антропонимическим причинам.

В целом материалы переписи 1648 г. представляют собой достаточно достоверный источник, характеризующий социально-демографическую ситуация в Воронежском уезде. Как минимум 70 % дворов, отмеченных в ней по Карачунскому и Борщевскому стану, зафиксировано в переписи проводившейся двумя годами раньше.

Перепись 1648 г. содержит важные сведения о поместном, вотчинном, монастырском дворовладении, в ней отмечены не только владельцы крестьян и бобылей, но и однодворцы (именно этот термин употреблен в росписи дворов 1648 г. по Усманскому стану)[6]. Перепись 1648 г. - один из редких источников, включающих достаточно полный перечень крестьян, бобылей и их родственников. Она дает представление о церквях, монастырях, духовенстве Воронежского уезда, посадских людях и служилых людях г. Воронежа. В материалах переписи содержатся ценные данные по генеалогии и антропонимии, известия о передвижении населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ГАВО. Ф. И-182. Оп. 6. Д. 77, 78, 79, 80; Оп. 5. Д. 10.

[2] Под "хозяином" понимается тот крестьянин, бобыль, сын боярский, на чье имя двор записан в документах. Под "владельцем" понимается помещик, вотчинник, монастырь, на чьей земле дворы располагались.

[3] Об особенностях антропонимии Воронежского уезда в XVII в. см.: Глазьев В.Н. Воронежская антропонимия XVII века как исторический источник// Исторические записки. Научные труды исторического факультета. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. Вып. 1. С. 13-18.

[4] В таблицу не включены данные по с. Белый колодезь, переведенному по указу от 24 апреля 1648 г. из Воронежского в Сокольский уезд.

[5] В переписи 1648 г. не приведен перечень дворов в Выселке Тавровском и с. Избыльском.

[6] ГАВО. Ф. И-182. Оп. 5. Д. 10. Л. 2, 3.

* * *

А.Л. Грязнов

Картографирование территории Белозерского, Вологодского и Пошехонского уездов по материалам писцовых описаний XVI – XVII вв.

Пространственная локализация изучаемых объектов неотъемлемая черта большинства исторических исследований. Многие исследователи с разной степенью успешности используют картографический материал

Грязнов Анатолий Леонидович (Вологда)

в своих исследованиях, чаще всего в качестве иллюстративного материала. Опубликованные исторические карты в своем большинстве помещаются на 1-2 книжных страницы и, следовательно, имеют крайне маленький масштаб, что на порядок снижает их информативность. Ошибки и погрешности в таких картах, на первый взгляд незаметные, на самом деле могут внести изрядную путаницу в рассуждения исследователей. Наиболее оправданным способом преодоления подобных трудностей является составление и введение в научный оборот максимально подробной исторической карты всей Северо-Восточной Руси.

На сегодняшний день не существует подробных[1] карт территории Северо-Восточной Руси ни XVII, ни XVI, ни тем более XV в. Наиболее подробные карты этого региона с обозначением границ уездов и приблизительной локализацией волостей на конец XVII в. имеются в монографиях Ю.В. Готье[2] и Я.Е. Водарского[3]. Достоинства этих карт очевидны, но имеется в них и ряд недостатков. В первую очередь изъяны связаны с низкой детализацией карт, когда расположение волостей помечается цифрами, а обозначение их границ практически невозможно[4]. Более подробные карты, как правило, охватывают отдельный регион или уезд. Наиболее показательны в этом плане карты по землевладению на Белоозере составленные А.И. Копаневым[5] и исторический атлас Деревской пятины, составленный А.А. Фроловым и Н.В. Пиотух по материалам писцовых описаний XV-XVII вв.[6]

Методика составления исторических карт опробованная этими исследователями может быть перенесена и на другие регионы Руси. Применение подробных карт позволит решить множество проблем, связанных с историей феодального землевладения, административного деления Русского государства, но не ограничивается этим.

Сложность составления карт обусловлена рядом причин. В первую очередь только несколько последних лет техника рядового пользователя может обрабатывать объем информации необходимый для составления подробной карты всей Северо-Восточной Руси. Во вторых, выявленные и опубликованные источники XV-XVI вв. не равномерно покрывают картографируемую территорию и, поэтому, в результате возникает необходимость привлечения источников более позднего времени (наиболее оправданным является использование документов XVII в.). В третьих, только незначительная часть писцовых и переписных книг XVII в. была опубликована. В настоящее время ситуация коренным образом изменилась. Значительное число документов XVI и XVII вв. уже опубликовано и публикаторская работа продолжается. Кроме того, писцовые описания XVII в. вводятся в научный оборот в табличной форме (в том числе и в электронном виде) с сохранением всей важной для картографирования информации.

Именно это, а самое главное, выявление множества неточностей в имеющихся исторических картах послужило отправной точкой для начала работ по составлению подробной карты Северо-Восточной Руси XVI-XVII вв. В качестве полигона для апробации методики был выбран Вологодско-Белозерский регион. Имеющиеся источники позволяют детально картографировать этот обширный район. Значительная часть Вологды и Белозерья (включая территории, выделенные позднее в Пошехонский уезд) обеспечена актами XV-XVII вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря. Другие местные монастыри, обладая несравненно меньшим, чем Кирилов архивами, тем не менее, также сохранили важнейшую владельческую документацию XV-XVII вв. В ходе работы картографируемый район был расширен, в него были включены Ярославский, Ростовский и Суздальский уезды[7] .

При картографировании приоритет отдается наиболее полным и ранним сохранившимся описаниям. Для большинства территорий это описания начала XVII в.[8] Они позволяют с большей уверенностью соотнести их данные с актами XVI в. На основе которых уже становиться возможным составить вполне достоверную карту XVI в. опираясь на которую, в свою очередь, можно будет нанести на карту данные XV в. Именно такую методику использовал А.И. Копанев. Продуктивность этого подхода позволяет перенести его на более широкую территорию и попытаться составить подробную карту на территорию всей Северо-Восточной Руси, причем составить несколько карт на разные даты.

В качестве топоосновы составляемой карты используются современные топографические карты масштаба 1:200000 (в 1 см. – 2 км.) и результаты съемок со спутников. Для уточнения и детализации используются более подробные карты XVIII-XX вв. (например карты первой половины-середины XX в. масштаба 1:100000 и 1:25000 дают на порядок больше информации, чем современные карты масштаба 1:200000, карты Генерального межевания несут в себе еще больший массив информации) и списки населенных мест Российской империи середины XIX в.

Большим подспорьем в работе стали три карты по истории землевладения на Белоозере составленных А.И. Копаневым. Для работы им использовались документы XV-XVII вв. Это позволило добиться весьма серьезных успехов в картографировании, а на основе составленных карт сделать ряд обоснованных выводов. Ученым были локализованы вотчины многих светских и духовных феодалов, черные и дворцовые волости. К числу недостатков составленных А.И Копаневым карт можно отнести следующее. Поскольку в качестве топоосновы была выбрана карта XIX в. расположение деревень и озер, русла рек во многих случаях не соответствует их расположению на современной карте[9]. Хотя ученым были обозначены границы Белозерского уезда в XVI в., границы

волостей, например, остались не намеченными, а часть наблюдений сделанных исследователем не была отражена на картах из-за их мелкого масштаба.

Составление подробной карты может помочь выявить древнейшие поселения на территории региона, степень освоенности и направления колонизации. Так же становиться возможным определить границы волостей, а, установив их на XVII в. можно в ряде случаев выяснить, изменялись ли они ранее. Немаловажно, что установив номенклатуру волостей и количество поселений в них можно более уверенно судить о репрезентативности источников XV-XVI вв. Только осуществив географическую привязку волостей можно проследить динамику их развития и изменения в границах уездов, тогда как ранее картина чаще всего представлялась статичной. Карта помогает определить распространение и соотношение черносошного, монастырского, светского и дворцового землевладения. Там где они существовали – нанести границы латифундий (монастырей или светских землевладельцев) и проследить их историю с любой степенью детализации (как пространственной, так и временной).

Из результатов полученных в ходе исследования можно выделить следующее.

Картографированы смежные территории Белозерья. Вологды и Пошехонья: центральная, и восточная части Белозерья, запад Вологодского уезда («Первая половина» – по писцовым описаниям XVII в., часть Заозерской половины) и северо-восток Пошехонского уезда. Локализовано более 1300 населенных пунктов (сел, деревень, пустошей) и определено примерное расположение нескольких десятков поселений, исчезнувших к началу XIX в. (т.е. не зафиксированных ни на каких картах). Благодаря этому удалось обозначить расположение и наметить границы более 60 волостей и крупных владений (уделов белозерских князей, вотчин Монастыревых и других крупных землевладельцев, в том числе и местных монастырей). Анализ письменных источников и соотнесение их данных с составленной картой позволил достоверно определить границу между Белозерским, Пошехонским и Вологодским уездами в XVII в. Удалось установить, что граница между Вологодским и Белозерским уездами не была постоянной. В XV в., в период существования Белозерского княжества в его состав входили такие волости как Юг, Угла, Раменье, Водога, но на рубеже XV-XVI вв., в период образования Белозерского и Вологодского уездов эти волости вошли в состав Вологодского уезда. В результате граница Вологодского уезда проходила всего в нескольких километрах от основной белозерской водной артерии – Шексны.

При дальнейшем анализе стало возможным определить границы территории тянувшей к Вологде в XIII-XV вв. Исключив волости,

присоединенные к Вологодскому уезду в начале XVI в. получаем пять волостей и две слободки[10], которые, скорее всего, и составляли территорию Вологды периода новгородского владычества. Конфигурация вологодской волости указывает на причину и цель существования этого новгородского анклава – контроль над водными путями из Новгорода на Двину (по рекам Маслене, Вологде, Тошне и Кубенскому озеру). Сам город Вологда оказывается на восточной окраине этой группы волостей, причем на окраине граничащей с еще не освоенными территориями. К позднейшему Городскому стану примыкали обе известные на Вологде слободки (на юго-западе – Брюховская, а на северо-востоке – Оларева)[11]. Таким образом, подтверждается вывод археологов о периферийном по отношению к территории вологодской волости, расположению самого города Вологды. Географическим же центром новгородских владений в районе Вологды была Тошня[12] (позднее Тошенская волость), не потерявшая своего значения и в XV в., например именно на Тошне располагался мыт, а в близи впадения Тошни в Вологду (в черте современной Вологды) выявлено средневековое укрепленное поселение.

Общая карта дает возможность соотнесения данных по конкретному объекту или владению с другими подобными объектами. Например, один из уделов белозерских князей – Кема превосходил по своим размерам целое Юрьевское княжество. Картографирование позволяет опровергнуть тезис А.И. Копанева о том, что в руки Кирилло-Белозерского монастыря попали почти все вотчины Кемских. На самом деле в монастырь перешло мене 1/6 ее части, тогда как большая часть Кемы была конфискована во время опричнины, затем переведена в разряд черных земель, а в начале XVII в. роздана помещикам. Анализ землевладения белозерских вотчинников Монастыревых показывает, что их владения, а точнее вотчина основателя рода Александра Монастыря появилась еще в то время, когда на Белоозере не сформировалось волостное деление, а актуальным было деление территории княжества всего на три стана[13]. Дело в том, что вотчина Александра Монастыря не только в несколько раз превосходила все соседние волости по своим размерам, но и не имела внутри себя более мелких территорий с особыми названиями (которые позднее могли бы обособиться в отдельные волости)[14]. Не исключено, что Александру Монастырю (или его отцу Юрию) белозерскими князьями были проданы (или пожалованы) наименее заселенные из ближайших к стольному городу территорий[15] и поэтому значительный размер вотчины компенсировался ее слабой заселенностью.

Другой крупной вотчиной на Белоозере были владения Лихаревых. Они тянулись от левого берега Шексны до вотчин Монастыревых и охватывали несколько позднейших Белозерских волостей. Названия

двух из них (Романова Слободка и Долгая Слободка) указывают на то, что этот район осваивался в конце XIV – начале XV вв. когда жил владевший этими землями Роман Иванович Лихарев[16]. Картографирование других волостей, освоение территории которых началось на рубеже XIV-XV вв. показывает, что между вологодской волостью Сяма и землями Белозерского княжества находилась значительная неосвоенная территория. Это территории позднейших волостей Рукина Слободка[17] и Колкач[18].

В целом, при внимательной работе с подробной картой каждый исследователь сможет внести в нее что-то новое, выделить, оценить или наглядно продемонстрировать явления, ранее ускользавшие из поля зрения. Наглядность, точность и бульшая достоверность позволят избавиться от чрезмерных допущений и придти к более выверенным выводам.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Под подробными картами я подразумеваю карты масштаба не менее 1:200000 (в 1 см. – 2 км.).

[2] Готье Ю.В. Замосковный край в XVII в. М., 1937

[3] Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 247-263

[4] При проверке карт Ю.В. Готье и Я.Е. Водарского выясняется, что в некоторых случаях расположение волостей указано не совсем точно, а границы уездов ближе к границам XVIII, а не XVII в. (например Белозерского, Вологодского и Пошехонского.

[5] Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV – XVI вв. М.;Л., 1951.

[6] Фролов А.А., Пиотух Н.В. Исторический атлас Деревской пятины по писцовым книгам письма 1495 –1496 гг. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. №3. С. 50-60.

[7] В ближайшее время будут картографированы уезды Устюжны Железопольской, Дмитрова и Твери.

[8] Дозорная книга по Вологодскому уезду 1617 г. обработана и предоставлена Д.Е.Гневашевым, Писцовая книга 1629 г. по Ростовскому у. предоставлена С.В. Стрельниковым, Писцовая книга 1629 г. по Суздальскому у. предоставлена Д.А. Черненко.

[9] На самом деле ученый стал заложником всеобщей секретности, в том числе и в области картографирования, когда доступ к подробным картам был закрыт, а публикация подобных материалов считалась недопустимой. Не исключено, что искажения в карту были внесены сознательно.

[10] Волости Тошня, Маслена, Сяма, Янгосар, Городской стан (Пуркаловское окологородье), слободки Брюховская и Оларева.

[11] Брюховская слободка граничила уже с землями Белозерья (Водога) и Костромы (Комела), а Оларева слободка – с землями Заозерского и Бохтюжского княжеств. Время возникновения этих слободок скорее сего относится к концу XIV – началу XV в.

[12] Именно Тошня, а не Вологда упомянута среди новгородских погостов в уставной грамоте 1136/37 г. князя Святослава Ольговича.

[13] Александр Монастырь жил примерно 20-60-х гг. XIV в., следовательно, еще в первой половине XIV в. волости на Белоозере не стали основной административной единицей, тогда как в завещании Дмитрия Донского (1389 г.) говориться о владении им отдельных белозерских волостей.

[14] Например, вотчина, а первоначально один из уделов белозерских князей Кема разделялась на более мелкие территориальные единицы: Индоман, Коркуч, Норья, Холуй и др., из Согорзы в XV в. выделились Ухтома, Шелешпал, Белое село, Дябрино, Углеца ставшие в XVI-XVII вв. особыми волостями. Волости же возникшие к концу XVI в. на территориях, ранее принадлежавших Монастыревым, получали названия по именам своих прежних владельцев (Еларово Раменье, Иванов Борок и др.), а значит, не имели более ранней топонимической традиции. Волость Ерга получила название по своему центру – селу Ерга Воскресенское.

[15] Колонизация сопредельных территорий продолжалась и позднее (в конце XIV – начале XV вв.) уже Лихаревыми (Романова Слободка и Долгая Слободка).

[16] Роман Иванович вероятно был сыном Ивана Лихаря, упомянутого в 1395 г. Значительная часть вотчин Лихаревых уже к началу XV в. перешла во владение монастырей: Романова Слободка – Кириллова, а Едома – Симонова монастыря.

[17] Иван Рука и его брат Ошомок были послухами в актах еще при Кирилле (АСЭИ. Т. II . №33, 34, 41).

[18] Осваивать территорию Колкача, тянувшего первоначально к Милобудью, начал Есип Иванович Пикин (сначала был тиуном у князя Юрия Васильевича Согорского, а затем служил непосредственно удельному Белозерскому князю Андрею Дмитриевичу Можайскому. См.: АСЭИ. Т. II . №290. С. 244-245).

* * *

М.М. Дадыкина

Таможенные книги Тихвинского монастыря в Государственном архиве Стокгольма (Riksarkivet).[1]

Так называемый Тихвинский архив, находящийся на хранении в Государственном архиве г. Стокгольма был передан священником

Дадыкина Маргарита Михайловна, доцент каф. Истории и философии С-Петербургского государственного университета растительных полимеров.

православной Преображенской церкви в Стокгольме в 1997 г. Русская православная церковь получила его от прихожанки Екатерины Кране, вдовы норвежского дипломата Эйнара Кране (1883-1958). Каким образом документы попали к ней – остается неясным. Из дневников тихвинского краеведа Исаака Петровича Мордвинова (1871-1925) известно о том, что некоторые рукописи из монастырского архива брал на дом еще один местный историк-краевед – Евгений Сорокодумов для составления описи. В 1919 г. в упраздненном Тихвинском монастыре организуют коммуну и следы взятых им рукописей теряются. Можно предположить, что в Швецию в дальнейшем попала именно эта часть архива: на некоторых документах из Riksarkivet поставлена его подпись и помета «смотрено» тем же почерком.[2]

Архив состоит из четырех картонов, включающих рукописи с 1624 по 1702 гг. Первый картон содержит несколько хозяйственных книг, в числе которых 4 таможенные книги 1625/26, 1632/33, 1637/38 и 1658/59 гг. Основной массив тихвинских таможенных книг с 1623/24 по 1703 г. составляет часть обширного фонда Тихвинского Большого Богородицкого монастыря архива Санкт-Петербургского института истории (ф. 132 , оп. 2). В то же время ценность книг, отложившихся в архиве Стокгольма, состоит в том, что они позволяют дополнить имеющиеся материалы из фонда Тихвинского монастыря в СПб ИИ. Сопоставим таможенные книги из двух архивохранилищ:

Таблица 1

Годы	**Riksarkivet. Tichv. arch. Vol. 1**	**Bok, №**	**СПИИ. Ф. 132. Тихвинский монастырь. Оп. 2.**	**№ дела**
1625/26	Таможенная книга таможенных голов Никиты Минина и Тимофея Пономарева новгородцам и псковичам. 44 л. Черновая.	5		
1625/26			Таможенная книга таможенных голов Никиты Минина и Тимофея Пономарева московским людям и их товарам. 29 л. Черновая	1261
1625/26			Таможенная книга таможенных голов Никиты Минина и Тимофея Пономарева торговым людям тихвинского посада. 56 л. Черновая.	1262

1625/26			Таможенная книга «конская». 51 л. Черновая.	1263
1632/33	Таможенная книга целовальников Семена Прокопьева и Третьяка Некрасова тихвинцам и их товарам (и иным городам). 78 л. Черновая.	6	Таможенная книга целовальников Семена Прокопьева и Третьяка Некрасова тихвинцам и их товарам. 67 л. Беловая.	1286
1632/33			Таможенная книга заонежским торговым людям. 43 л. Черновая.	1287
1632/33			Таможенная книга московским торговым людям. 22 л. Беловая.	1289
1632/33			Выписные книги таможенной избы таможенных голов Ивана Никитина сына Минина и Максима Харлампиева проезжим людям и непроданным товарам. 10 л. Черновая.	1288
1632/33			Таможенная книга «конская». 27 л. Беловая.	1285
1637/38	Таможенные книги таможенных голов Ивана Никитина сына Минина и Степана Сазонова сына Чернятина (московские, новгородские и псковские, зарубежные и заонежские). 63 л. Беловая.	7		
1637/38			Таможенные книги таможенных голов Ивана Никитина сына Минина и Степана Сазонова сына Чернятина московским людям и их товарам. 20 л. Черновая.	1293

1637/38			Таможенная книга Тихвинского монастыря. (Записка новгородцам и псковичам; заонежцам, олончанам и зарубежцам). 52 л. Черновая.	1294
1637/38			Книги таможенной избы, а в них записка тихвинцам торговым людям и их товарам и конские книги. 53 л. Черновые.	1295
1658/59			Таможенные книги тихвинцам и их товарам. 56 л.	1312
1658/59			Таможенные книги заонежцам и их товарам. 39 л. Черновая?	1313
1658/59			Таможенные книги московских городов торговым людям. 36 л.	1314
1658, 25 февр.-1 марта.			Таможенные книги олончаном, заонежцом всяким товаром и соляником. 25 л. Беловая.	1315
1658/59			Таможенные книги новгородцам и ладожанам. 32 л.	1317
1658/59	Таможенная «конская» книга. 60 л. Черновая.	8	Таможенная «конская» книга. 72 л. Беловая.	1316

Все эти книги представляют собой рукописи в 4^0, сшитые из нескольких тетрадей по 8 листов (в некоторых случаях остававшиеся чистыми 2-3 лл. могут быть отрезаны по линии сшивки). Внизу на 1 л. оставлена помета, кратко характеризующая содержание книги: «московские», «новгородцкие», «конская». Кроме того, на книгах имеется печать архива Тихвинского монастыря, относящаяся к нач. XX в. (ок. 1915 г. в монастыре была произведена ревизия всего архива). Тихвинские таможенные книги были исследованы К.Н. Сербиной в ее работе, посвященной Тихвинскому посаду, где она использует их как источник по истории торговли Тихвина, не останавливаясь подробно на таких вопросах как практика функционирования самой таможни и характер ведения учета[1].

Из росписи монастырских служб 1681-87 гг. известно о разделении таможенной службы на 6 вытей (а их – на доли). В каждую выть назначалось по 4-5 слуг в «померье», а кроме того – 2-3 стряпчих на всю таможню – «в писчее» (в первую половину писчего и во вторую) для ведения документации. Таможню возглавляли целовальники или верные головы. В «наказе» слугам особо указывалось не пить «до великого пьянства» и выполнять всю работу, иначе им от монастыря «будет отказано» и назначат других. Работа в таможне явно считалась самой престижной из монастырских служб – сохранились материалы о рассмотрении челобитных претендентов на освобождавшиеся (в силу болезни, смерти или пьянства) места. Процедура назначения слуг происходила в конце марта – начале апреля[4]. Соответственно, все тихвинские таможенные книги начинаются с 23 (24) апреля и ведутся в течение года.

За каждый год составлялось несколько таможенных книг:

1. книги московским торговым людям и товарам;
2. книги новгородским и псковским торговым людям и их товарам;
3. книги заонежским и олонецким людям;
4. книги торговым людям тихвинского посада;
5. книги продажи и покупки лошадей (так называемые, «конские» книги).

К. Н. Сербина выделяла также 6-ю категорию – «зарубежские», но для первой половины XVII в. это неверно, поскольку «зарубежцы» (выходцы с территорий, переданных после Смуты Швеции) записывались в заонежские или новгородско-псковские книги. По-видимому, также составлялись и отдельные выписные книги, куда вносили явки транзитных товаров и тех, которые, после явки на продажу в Тихвине, были частично или полностью по причине неудавшейся торговли, вывезены далее в другие города. О таких книгах есть упоминания в текстах черновых таможенных книг, сохранились и несколько черновиков самих выписных книг или тетрадей.

Учет таможенных пошлин и составление таможенных книг имело несколько этапов. На первом составлялись черновые книги, которые являлись документами текущего делопроизводства[5]. Черновые книги, как правило, велись отдельными тетрадями (среди перечисленных выше исключение составляет только Книга 1637/38 гг. по новгородцам и псковичам, переплетенная и ведшаяся сразу вместе Книгой по заонежцам, олончанам и «зарубежцам», что, возможно, связано с назначением в этом году одних и тех же слуг на две выти).

Беловые книги являлись итогом работы таможни за истекший год. При составлении белового варианта происходило объединение московских, новгородских, заонежских и выписных книг в одну. Позднее, во второй половине XVII в., по-видимому, составляли беловик по каждой

категории отдельной книгой. Книга, фиксировавшая пошлины посадских людей самого Тихвина имела собственный беловой вариант. Отдельная беловая книга составлялась и для конской торговли. Таким образом, комплект книг за 1 год работы Тихвинской таможни первоначально состоял из 5-6 черновых книг и 3 беловых.

Поскольку, благодаря стокгольмским материалам, для 1632/33 есть беловик и черновик для тихвинцев, мы имеем возможность сопоставления записей. Аналогично можно провести сравнение двух «конских» книг 1658/59 гг. Особую ценность имеет беловая книга из архива Стокгольма за 1637/38 гг., т. к. позволяет исследовать процесс сведения записей из трех черновых вариантов книг в одну общую по москвичам, новгородцам и псковичам, заонежцам и олончанам.

Обратимся теперь к практике составления таможенных книг. Каждая книга текущего учета (т. е. черновая) открывалась преамбулой, например: «Лета 7145-го году апреля з 23-го числа книги Пречистыя Богородицы Тифина монастыря таможенной избы при таможенных головах (*вар.* – целовальниках – *М.Д.*) при Иване Никитине сыне Минина да при Степане Сазонове сынее Чернятине с товарыщы, а в них записка торговым людям москвичам и иных городов»[6]. При сведении нескольких книг в одну беловую каждая последующая книга также начиналась со своей преамбулы. При этом на первом листе всей книги внизу делали помету о том, книги каких категорий в ней объединены.

Даты явок оформлялись следующим образом. Начало нового месяца выносили в заголовок отдельной строкой, иногда – начинали новый лист. Для всех явок одного дня, сколько бы их ни было, день обозначался один раз, далее лишь указывали, и то не всегда, что явка была «того же дни». Дата в черновике могла стоять на полях, но в беловом варианте ее вносят в текст.

Исследование почерка и характера записей явок позволяет говорить о том, что сами записи в черновых книгах велись в несколько приемов:

1) первоначально в книгу вносили запись о явке товара по следующему формуляру: явил такой-то (место жительства, имя) указывался вид и количество товара;

2) позднее (др. чернила, иногда – др. почерк) делали запись о взятой пошлине;

3) дополнительная запись в случае, если товар не был продан – «отъявил», иногда с указанием того, куда отъявленная часть была увезена – «повез в Новгород».

Сбоку от основного текста записи каждой явки проставлялось (видимо, не одновременно с записью самой явки) место, где стоял торговый человек в Тихвине. Из этих помет выясняется, во-первых, что торговцы, прибывшие из одного города, например, Ярославля, обычно останавливались в одном дворе, во-вторых, круг лиц, предоставлявших

свои дворы на постой, ограничивался немногими повторяющимися именами тихвинцев. Так, например, в 1632/33 гг. многие заонежцы стояли у Барасовых, Степана и Филиппа. Такие записи не вносились затем в беловую книгу, поскольку нужны были только для текущего учета и соответствовали требованиям, предъявляемым к работе верных таможенных голов со стороны монастыря. В «памяти» монастырских властей верным головам указано: «а покамест таможенные целовальники товаров не осмотрят, в книги не напишут, отнюдь к себе во дворы ни с каким товаром не пускать...и кто у ково будет на подворьи стоять по тому же для расплаты пошлин приводить в таможенную избу, а не расплатясь, безпошлинно отнюдь з дворов своих не спущать», если кто-то съезжал тайно – правили пени на хозяевах подворий[7]. Взята или не взята была явка (и писчее – пошлина за запись в книгу) указывали также на полях в сокращенном виде: «яв[ка] и пис[чее] не в[зяты]», или «взято». В некоторых случаях здесь же, сбоку, делали пространную помету о цене явленного товара. Все эти текущие пометы и приписки в итоговую беловую книгу не вносятся, а текст подвергается некоторому обобщению.

Поскольку черновые записи отражали текущее делопроизводство, они гораздо подробнее – отсюда ценность именно черновых книг, позволяющих исследовать процесс работы Тихвинской таможни в деталях, что будет показано ниже на нескольких примерах.

Сравним записи мая 1637 г.:

Таможенные книги таможенных голов Ивана Никитина сына Минина и Степана Сазонова сына Чернятина московским людям и их товарам. Черновая. 1637/38// СПб ИИ, ф. 132, оп. 2, д. 1293.	**Таможенные книги таможенных голов Ивана Никитина сына Минина и Степана Сазонова сына Чернятина (московские, новгородские и псковские, зарубежные и заонежские). Беловая. 1637/38// Riksarkivet. Tichv. arch., vol. 1, bok.7.**
Явил углечанин Иван Елесеев сын товару 5 зенденей черленых, 4 выбойки, 12 колпаков, цена 8 рублев, взято явки 4 денги. [1-]Приявил денег сорок рублев, взято пошлины с продажи и с купли с сорока с осми рублев 40 алтын[-1]. (л. 2)	Явил углечанин же Иван Елесеев сын товару 5 зенденей черленых, 4 выбойки, 12 колпаков, денег сорок рублев, цена колпакам 8 рублев, взято пошлины с продажи и с купли с сорока с осми рублев денег рубль 6 алтын 4 денги, явки 4 денги. (л. 2)
[1-1] *приписано др. чернилами позже.*	

Черновая записка проезжей пошлины// Таможенная книга Тихвинского монастыря. (Записка новгородцам и посковичам; заонежцам, олончанам и зарубежцам). Черновая. 1637/38// СПб ИИ, ф. 132, оп. 2, д. 1294.	**Записка (выписная книга) проезжей пошлины//Таможенные книги таможенных голов Ивана Никитина сына Минина и Степана Сазонова сына Чернятина (московские, новгородские и псковские, зарубежные и заонежские). Беловая. 1637/38// Riksarkivet. Tichv. arch., vol. 1, bok.7.**
Явил углечанин Иван Елесеев товару 5 зенденей черленых, 4 выбойки, 12 колпаков в проезде на дву телигах, взято проезжей пошлины 8 денег. (л. 48)	Явил углечанин Иван Елесеев в проезде товару на дву телегах, взято проезду 8 денег. (л. 60).

Т. е., деньги, записанные в беловом варианте вслед за товаром, в действительности были «приявлены» позже. Кроме того, здесь видна разница в способе записи денежных сумм: в черновике это 40 алтын, тогда как в беловой книге сумма расписана на рубли, алтыны и деньги. В итоговой Выписной книге в записях не перечислен провозимый товар, указано толко имеющее прямое отношение к величине пошлины количество телег.

17 октября 1632/33 г в Тихвинской таможне была зарегистрирована крупная партия дорогих товаров. К. Н. Сербина отмечала в своей работе, что такого рода товары чаще всего шли затем «в отвоз», поскольку не находили сбыта на Тихвинском рынке. Сопоставив первоначальную запись, сделанную в черновой книге с «беловой» итоговой, мы можем выявить ту партию, которая пошла «в отвоз»:

Таможенная книга целовальников Семена Прокопьева и Третьяка Некрасова тихвинцам и их товарам. Л. 67. Беловая. 1632/33// СПб ИИ, ф. 132, оп. 2, д. 1286.	**Таможенная книга целовальников Семена Прокопьева и Третьяка Некрасова тихвинцам и их товарам (и иным городам). Черновая. 1632/33// Riksarkivet. Tichv. arch., vol. 1, bok 6.**
Явил в 17 день Олексей Чернятин да Василей Гробников 2 половинки лятшины, бумзию гвоздичной цвет, косяк мухояру зеленого, косяк черленого, 20 губок обресков камчатых и отласных на рубль, суконных обрисков всякими	Явил Василей Гробников да Олексей Чернятин товару 3 половинки лящины, бобр, бумзия гвоздичной цвет, друга черная, 2 косяка мухояру двоеличного, 2 косяка мухояру // зеленого, 2 косяка мухояру черленого, косяк черного, 10 аршин настрафилю черленого одинцу, 10 голов сахару леденцу, 20 губок

цветы на рубль, 3 зеркала немецких, 10-ры ножницы, 20 ножей с костми, 5 маток, 3 дюжины замков, 20 стклянниц, 20 гребешков рыбех, 10 колпаков, 2 пищали плохих. Взято с улову пошлины со 16 рублев, а иной товар отъявил в отвоз. (л. 21 об.)	обресков камчатых и бархатных, и отласных на 2 рубли, суконных обресков всякими цветами на пол-2 рубли, 3 зеркала немецких, 20-ры ножницы, 70 ножей с костьми, 5 маток, 5 дюжин замков, 50 скляниц, 15 гребнев рыбных болших, 20 менших, 20 золотых, лошка серебряная, сафьян зеленой, 400 яфимков, 3 пищали, япанча белая, 10 колпаков, меди котельной и в тазах 16 пуд без пяти гривенок, кроми того, что в монастырь отвесили 5 пуд 22 гривенки. Бочка лещов, пол-2 пуда немецких денег золотые и яфимки, и лошку и бобр отъявил, а улову ис того товару, опричь меди, 61 рубль с полтиной, взято пошлины 25 алтын 4 денги. С монастырской купли пошлины взять не велел келарь пристав Василей Заецов, а 9 пуд отъявили. А продано меди с 8 пуд, цена 34 рубли, взято весчей пошлины 25 алтын 2 денги. (л. 28-28 об.)

Итак, в действительности, непроданными остались только бобр, лещи, деньги и часть меди (9 пудов). Большая часть товара, который не был учтен в «беловике» (наиболее дорогие товары – ткани, сахар, гребни и пр.), является монастырской куплей, с которой пошлина не взималась (и в итоговый отчет не записывалась), причем келарь контролировал этот процесс. Так как таможенные пошлины поступали затем в монастырскую казну, то не взимание пошлины с купленных монастырем товаров логично.

Третий пример представляет нам еще одну линию отношений: работники таможни – посадские люди.

Таможенная книга целовальников Семена Прокопьева и Третьяка Некрасова тихвинцам и их товарам. Беловая.1632/33// СПб ИИ, ф. 132, оп. 2, д. 1286.	**Таможенная книга целовальников Семена Прокопьева и Третьяка Некрасова тихвинцам и их товарам (и иным городам). Черновая. 1632/33// Riksarkivet. Tichv. arch., vol. 1, bok 6.**
[июля] в 28 день явил Богдан Логинов 2 лосины да 3 медвидна, цена 4 рубли с полтиною, взято пошлины 11 денег с полушкою. (л. 10).	[июля в 28 день] явил Богдан Логинов 2 лосины да 3 медвидна, цена всему 4 рубли с полтиной, пошлина на Семене Прокопьеве, лосины в деревни, а поставить ти лосины по первой доро-

	ге на Тифине, а денги взяли у Семена за тот товар наперед. Взято пошлины 11 денег с полушкой. (л. 12)

Иными словами, посадский человек мог воспользоваться своими связями (природа этих связей могла быть как родственная, так и корпоративная) с таможенным целовальником, который внес за него пошлинные деньги. Кроме того, товар «явлен» заранее – лосины будут доставлены для торгов позже (такая практика для тихвинцев была распространена широко, что видно по другим записям).

Семен Прокопьев (он же – таможенный целовальник) и Богдан Логинов – одни из наиболее активных торговцев этого года, они фигурируют в записях почти каждого месяца: « [5 сентября] явил Семен Прокопьев 2 лосины, 2 норки, 2 недокуни, медвидно, взято пошлины 3 алтына»[8]; «в 20 день явил Богдан Логинов 12 коров, козел, боран, недокунь, взято пошлины с улову з двунатцати рублев 5 алтын.»[9]

Интересно, что в черновике Б. Логинов «явил... 48 коров, козел, баран, недокунь, 2 лосины, цена 6 рублей 20 алтын, взята пошлины со 50 с полутора рублев 20 алтын 8 денег»[10]. Дополнительных помет или записей, позволяющих понять, куда «ушли» остальные 36 коров и 2 лосины, выявить не удалось, но, учитывая явную тесную связь между таможенным целовальником Семеном Прокопьевым, который одновременно сам активно участвует в торговых операциях на посаде, и Б. Логиновым, нельзя исключать, что он имел отношение к «исчезнувшим» коровам и лосинам.

Таким образом, сопоставление черновых и беловых вариантов таможенных книг чрезвычайно плодотворно для исследования особенностей функционирования и практики делопроизводства тихвинской таможни. Кроме того, изучение той роли, которую выполняла таможня именно в Тихвине, где сам посад являлся вотчиной монастыря, а таможня – не только главнейшим источником дохода монастырской казны, но и важной частью механизма взаимодействия монастыря и посада, будучи одной из престижнейших монастырских служб, позволяет выявить многообразие внутренних связей, существовавших между посадом, монастырем и торговыми людьми других городов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Шведского Института (SVENSKA INSTITUTET).

[2] Подробнее о Тихвинском архиве в Стокгольме см.: Лёфстранд Э. Тихвинский архив в Стокгольме// Чело. Альманах. Великий Новгород, 2004. № 1. С. 32-34.

[3] Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI – XVIII вв. М;Л, 1951.

[4] Riksarkivet. Tichv. Arch., vol.2, sv. 1, л. 1-3, 12, 16-17.

[5] Следует отметить, что в данном случае термины «черновые» и «беловые» в значительной мере условны. На самих книгах нет никаких помет, которые бы называли их «черными». Но, поскольку они содержат различные пометы, примечания писцов, следы последующей работы с ними при составлении итогового варианта, в котором, напротив, отсутствуют пометы, а сами книги писаны в 1-2 приема одним почерком, то можно говорить о том, что книги текущего учета являлись черновыми для итога-беловика. Именно с этих позиций и проводится их дальнейшее разделение.

[6] Таможенные книги таможенных голов Ивана Никитина сына Минина и Степана Сазонова сына Чернятина (московские, новгородские и псковские, зарубежные и заонежские). Беловая. 1637/38// Riksarkivet. Tichv. arch., vol. 1, bok. 7, л. 2.

[7] Сербина К. Н. Очерки ...С. 180.

[8] Таможенная книга целовальников Семена Прокопьева и Третьяка Некрасова тихвинцам и их товарам. Беловая.1632/33// СПб ИИ, ф. 132, оп. 2, д. 1286, л. 12.

[9] Там же, л. 16.

[10] Таможенная книга целовальников Семена Прокопьева и Третьяка Некрасова тихвинцам и их товарам (и иным городам). Черновая. 1632/33// Riksarkivet. Tichv. arch., vol. 1, bok 6, л. 19 об.

* * *

Г.В. Демчук

К вопросу о церковно-монастырском землевладении в Двинском уезде. По писцовой книге Мирона Вельяминова с «товарищи» 1622 – 1624 гг.

Процесс сложения церковно-монастырского землевладения в Двинском уезде прослеживается с конца XIV– начала XV в.[1]

В писцовой книге Двинского уезда 1622–1624 гг. Мирона Вельяминова[2] монастыри составляли самостоятельные налогово-платежные единицы[3]. Положение приходской церкви в уезде несколько отличалось от положения монастыря. В писцовой книге церковное землевладение составляло подраздел в описании волостной платежной единицы[4]. Это проявилось в самом описании, в поволостных и в общеуездных

Демчук Галина Владимировна, к.и.н., ст. н. сотрудник (Архангельск)

итоговых данных. Разделяя церковно-монастырские и черносошные налогово-платежные единицы, книга объясняет причину этого существовавшими различиями в видах взимаемых налоговых платежей и норм налогообложения, а, следовательно, различиями в их налоговом и социальном статусе.

Платежи за крестьянские живущие выти включали денежные доходы за белки, за горностаи, за поральскую белку и за морской оброк; платежи за городовое, засечное, емчюжное дело, пищальные, вытные, ямские и приметные деньги, которые книга называет данями, предписывая взимать за них по рублю три алтына с выти; загубский оброк по полутрети деньги с выти; платежи за наместнич доход и за присуд, по два рубля и четыре алтына с выти[5]. При этом все эти платежи предписывалось вносить «с миром в ряд».

Платежи за церковно-монастырские живущие выти включали дани за горностаи, за поральскую белку и за морской оброк. Тяглые церковно-монастырские платежи предусматривали также уплату денег за обежную дань, за городовое, и за засечное, и за емчюжное дело, уплату пищальных, вытных, ямских и приметных[6]. Кроме того, у ряда монастырей были и другие платежи, указывающие на специфику их статуса. Так, Николо-Корельский платил кормовые деньги[7], Михайло-Архангельский – белый оброк[8] .

Таким образом, состав платежей за черносошные и за церковно-монастырские земли различались: в церковно-монастырских платежах отсутствовала «плата за белки» и добавлена «обежная дань».

Различались и величина черносошной и церковно-монастырской выти и сохи. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии наказу величина черносошной выти равнялась 12,14 и 16 четям земли. Величина черносошной сохи равнялась, соответственно, 800,1000,1200 четям земли[9].

В обложении церковно-монастырских земель «по государеву указу» на выть было положено по 10, 12, и 14 четей. А в соху по 600, 800,1000 четей земли[10] в соответствии с ее качеством.

Поскольку различались как состав черносошных и церковно-монастырских платежей, так и нормы их налогообложения, очевидно, что величина обложения черносошных и церковно-монастырских земель различались[11], а, следовательно, черносошные и церковно-монастырские земли и угодья в Двинском уезде были разного юридического статуса.

В общеуездных итоговых данных о церковных тяглых землях Двинского уезда книга учитывает в черных волостях тритцать семь погостов и монастырь Пресвятые богородицы в Лявле[12]. В разделе, описывающем церковное землевладение и его поволостные и общеуездные итоги, книга Двинского уезда выделяет следующие самостоятельные по отношению друг к другу подразделы:

1. Подраздел со сведениями о 19,5 церковных белых деревнях[13].

2. Подраздел со сведениями о 75 тяглых старинных церковных деревнях и пустошах, приобретенных «до писцов». Несмотря на то, что тягло в старинных церковных деревнях исчислялось иначе, чем в тяглых черносошных землях, его уплата также производилась с миром «в ряд»: «Того ж монастыря и погостов деревни тяглые, а государевы подати платят с волостными людми»[14].

3. Подраздел со сведениями о данных после писцов землях и угодьях: «Тех же станов и волостей к церквам дали крестьяня после писцов князя Василья Звенигородцкого с товарыщи с 99–го году по 130-й год (с1590/91 по1621/22 гг.- *Г.Д.*), а государевы подати платят с волостными людми по-прежнему...»[15].

Приобретенные «до писцов» обеленные и тяглые земли книга называет церковными, а данные после писцов книга называет чернсошными тяглыми, указывая на различия в их юридическом и социальном статусе, закрепленные в налогообложении – видах платежей и их нормах.

Во владении двинских церквей были и оброчные земли и статьи: «Двинсково же уезду за церквами, и за попы, и за церковными причетники и за крестьяны на оброке варницы, и мельницы, и деревни, и пустоши, и новорсчистные земли и сенные покосы, и рыбные ловли, и всякие угодья на оброке...»[16].

Таким образом, при исследовании церковного землевладения в Двинском уезде исследователю необходимо исходить из того, что земли, используемые приходскими церквями, были разного юридического и социального статуса – церковные белые и тяглые старинные, данные до писцов, черносошные, приобретенные церквями после писцов. Помимо тяглых церквями использовались и оброчные земли и угодья.

Аналогична в Двинском уезде и ситуация с многообразием статуса монастырских земель. В книге описаны земли, угодья и другие имущества всех монастырей, существовавших на территории Двинского уезда в 1622-1624 гг.: Троицкого Антониево-Сийского, Михайло-Архангельского, Николо-Корельского, Николо - Чухченемского, Спасского Козьеручьевского, Николо - Моржегорского, Пертоминского Преображенского, Черногорского на Пенежском волоке, Спасского Собора на Курцове.

Древнейшими в Двинском уезде были крупные Михайло-Архангельский и Николо-Корельский монастыри, упоминавшиеся в Двинской летописи под 1419 г.[17], Николо-Чухченемский и, возможно, Лявленский Успенский монастырь[18],

Михайло-Архангельский монастырь[19] был создан на Пур Наволоке в качестве главного культового центра Двинской земли "от Емцы и до моря"[20]. Описывая земельные угодья этого монастыря, писцовая книга Мирона Вельяминова называет 26 старинных живущих деревень и

пустошей «в розных станех и волостях в Низовской луке»[21]. За Архангельским же монастырем записаны также земли и рыбные ловли «на оброке»[22].

Николо-Корельский монастырь[23] был основан новгородской посадницей Марфой Борецкой над могилами ее погибших в море сыновей на одном из островов Пудожемского устья Двины[24]. У этого монастыря писцы зафиксировали 19 старинных деревень и пустошей «в розных станех и волостях в Низовсой луке да в Терпиловском стану»[25]. Наряду со старинными деревнями и пустошами за монастырем были записаны земли, приобретенные им в 1596, 1602, 1605 гг. из черных волостей, платившие государевы подати «платят с волостными людми по-прежнему»[26]. Записаны за Николо-Корельским монастырем и оброчные старинные земли и угодья, а также рыбные ловли[27].

Монастырь Николы Чудотворца в Чухченемской волости[28] был учрежден крестьянами, выделившими на его содержание 14 деревень. Из них 12 деревень в Чухченемской волости значатся в книге старинными. За них монастырь платил тягло по церковно-монастырским нормам[29] . Двумя деревнями Чухченемской монастырь владел по закладным, приговору, и правым грамотам[30]. За живущие выти этих деревень монастырь платил налоги «против черных волостей». Следовательно, статус этих двух деревень и после приобретения их монастырем оставался черносошным, аналогичным крестьянскому. Отдельно от остальных в книге записана приобретенная по правой грамоте воеводы князя Федора Гатева 1612/13 г. деревня Молевская на Ровдине Горе «что была церковная Верховных Апостол Петра и Павла»[31]. Эта в прошлом церковная деревня по-прежнему облагалась тяглом по церковно-монастырским нормам «против монастырских и церковных старинных тяглых деревень».[32] Записаны за Чухченемским монастырем и оброчные земли и рыбные ловли, приобретенные по оброчным, купчим и данным[33].

Таким образом, и у Чухченемского Никольского монастыря в книге зафиксированы земли трех видов статуса: тяглые старинные и тяглые, данные после писцов, а также оброчные.

Антониево-Сийский монастырь[34], возник в 1520 г. в Емецком стане, где пересекались ростовские и новгородские земли и традиции. Монастырь играл важную роль в политической, хозяйственно-экономической, религиозно-духовной жизни края. Книга Мирона Вельяминова перечисляет следующие виды статуса земельных имуществ монастыря

1.Пашни монастырские «под монастырем», что пашут безоброчно детеныши[35].

2.Сийского монастыря села и деревни «старинные в розных станех и волостях»[36]. Платежи взимались по церковно-монастырским нормам.

3.Рядом с этими старинными монастырскими деревнями было

освоено «после писцов» 6 починков: «Сийсково ж монастыря починки стали после писцов у их же монастырских деревень на местех в Емецком стану»[37]. Налоги на эти вновь освоенные тяглые починки были положены «против иных монастырских и церковных земель» по церковно-монастырским нормам.

4. Деревни и пустоши, которые Сийский монастырь приобрел после писцов по государевым грамотам, по купчим, по данным и закладным разных годов, а были в черных волостях. Государевы подати платят с волостными людьми по-прежнему. С живущих вытей этих деревень дани взимались по черносошным нормам[38].

5. Сийского монастыря деревни, которые государь Михаил Федорович пожаловал в 1623 г. против их же монастырских деревень «в отмен». Налоги взимались с живущих вытей этих деревень по черносошным нормам[39].

6. Сийского монастыря оброчные земли и мельницы и рыбные ловли на оброке[40].

В Емецком же стане за Сийским монастырем в книге записан Кривецкий монастырь[41]. Все церковное строение монастыря книга называет монастырским, его земельные угодья обложены по церковно-монастырским нормам.

В Емецком же стане на реке Емце за Сийским монастырем значится Покровский «девич» монастырь[42]. Все церковное строение также записано как монастырское, а дани взимались по церковно-монастырским нормам.

В состав монастыря входили и другие мелкие монастырьки и оброчные слободки с церковными погостами. Это и бывший «девич» монастырь на монастырской земле в Емце[43] и слободка Золотицкая на Зимней стороне за Сухим морем на реке Золотице[44] и оброчная слободка на Кулуе[45]. Во всех этих случаях оговаривается, что всякое церковное строение было монастырским.

Таким образом, в составе землевладения Сийского монастыря были вотчинные земли, занятые непосредственно монастырскими строениями и пашнями. Вторую группу составляли земли в старинных деревнях в разных волостях и станах уезда. Третью - новые починки у старинных деревень, возникшие в Емецком стане после писцов, но со статусом этих старинных монастырских деревень. Четвертую – деревни и пустоши, приобретенные в черных волостях по царским грамотам и по купчим после писцов. Первые и вторые названы в книге монстырскими вотчинными. Статус третьих, возникших в лесу рядам со старинными деревнями после писцов 1587 г., был аналогичен статусу старинных монастырских земель уезда. Четвертые, приобретенные монастырем уже после писцов по грамотам и в «отмен», сохраняют свой черносошный статус и платят «государевы подати» с волостными людьми. Анализ

информации писцовой книги позволяет говорить о бытовании трех видов земельного статуса на территориях Антониево-Сийского монастыря. Статус монастырских церквей и монастырьков определялся существовавшими правилами и нормами.

В Емце же на Усть-Моржу существовал маленький Моржегорский монастырь Николы Чудотворца[46]. В 1585/86-м году монастырем был приобретен «из черных волостей» на Моржу и в Шастках жеребей деревни Олексеевской Семеновской. Несмотря на то, что книга называет приобретенные монастырем пашни монастырскими, государевы подати монастырь платил с волостными людьми по-прежнему по черносошным нормам, разделяя черносошный статус своей волости. В связи с этим крестьяне Моржегорской волости накладывали на его земли тягло вдвое больше писцовой книги и незаконно, по мнению братии, приглашали «к делам верных целовальников»[47].

Были у Никольского монастыря и оброчные земли на оброке, приобретенные им по данным и купчим.

Спасский Козьеручьевский[48] мужской монастырь в Курейской волости на Айнове Горе был образован в начале XVII в. в лесу на новорасчистном оброчном месте. Соотвественно, его земельные владения могли быть по статусу только оброчными.

На оброчных же землях в черном лесу были основаны на рубеже XVI-XVII вв. два других монастыря – Пертоминский на Летней стороне у моря на Унских рогах[49] и Красногорский на Пинежском волоке[50]. За землями, полученными при образовании этих монастырей, государство законодательно закрепило оброчный статус. Все их последующие земельные приобретения сохраняли свой первоначальный статус.[51]

Вся эта информация обобщена в общеуездных данных писцовой книги, где прямо сказано, что за монастырями были земли разного статуса: тяглые старинные, данные до писцов, тяглые, данные после писцов и оброчные: «И всего в Двинском уезде монастырских и Спаса Курцова старых село да жеребеи села, да селцо, да слободка, да сто пятьдесят шесть деревень с четью деревни живущих, да три деревни, да жеребеи деревни, да три починка пустых, да десеть пустошеи с полупустошью, да осмнатцать деревень, да пять починков, да две пустоши, да селище припущены в пашню»[52]. «К тем же монастырем вышло ис черных волостеи после писцов князя Василья Звенигородцкого с товарыщи по государевым грамотам, и по правым грамотам, по судному списку воевод и дьяков, и по купчим, и по даным, и по меновным с 79-го году по 127-й год (1570/71–1618/17 – *Г.Д.*), и в обменных деревнях, что государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии пожаловал в Сииской монастырь против их новоприкупных деревень во 131-м (1622/23 – *Г.Д.*) году, а государевы подати платят с волосными людми по-прежнему»[53].

Уже сам факт того, что каждый монастырь описан в книге отдельно от черносошных и церковно-приходских платежных единиц[54], а в общеуездных итоговых данных книги все монастыри выделены в самостоятельный раздел, свидетельствуют о различии статуса разных видов платежных единиц.

Сплошное исследование структуры, формуляров и содержания книги Мирона Вельяминова позволяет сделать ряд важных выводов.

Во-первых, очевидно, что церковно-монастырскому землевладению был присущ особый, отличный от черносошного статус как по видам, так и по нормам платежей

Во-вторых, очевидно, что концентрированным выражением юридического статуса земель и угодий, в том числе и церковно-монастырских, было налогообложение.

В-третьих, очевидно, что среди церковно-монастырских земель и угодий уезда необходимо различать земли нескольких видов юридического статуса: обеленные, тяглые, данные до и данные после писцов 1587 г., оброчные в разных волостях уезда.

В-четвертых, даже внутри одной вотчины церковно-монастырское землевладение не было однородным по своему статусу. Особенности зависели от времени и способа приобретения земель и угодий и их первоначального статуса, господствующего типа поземельных отношений в уезде.

В-пятых, с налогообложением тесно связано соотношение административно-территориальных и налогово-платежных единиц. Они не всегда совпадали, поскольку конкретные участки церковно-монастырских земель и угодий были разбросаны «в розных волостях и станах» уезда.

Эти наблюдения над структурой и содержанием источника имеют принципиальное значение, поскольку они означают, что юридический статус старинных церковно-монастырских и новоприобретенных тяглых черносошных земель по отношению к крестьянскому миру, государственному и мирскому налогообложению, судебно-административной подчиненности, принципиально различались. В первом случае монастырские земли выходили из-под юрисдикции волостного мира и переходили под юрисдикцию монастырской братии со всеми признаками статуса монастырского землевладения. Во втором случае деревня оставалась под юрисдикцией волостного тяглого мира, а сам монастырь становился по черносошной земле его членом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. (Подробнее об этом см.: Демчук Г.В., Уткин Н.Н. Писцовые книги Двинского уезда XVI-XVII вв. Как источник по истории церкви. // Массовые источники отечественной истории: Материалы X Всероссийской конференции "Писцовые книги и другие

массовые источники XVI-XVII вв: Проблемы изучения и издания", посвященной 90-летию Александра Львовича Шапиро. Архангельск, 1999. С.109-119).

[2] РГАДА. ф.1209, кн.9,10, 11.

[3] РГАДА. ф. 1209. Кн. 11. Л. 398-406. (Опубл.: Демчук Г.В. Земельный строй в Двинском уезде в XVII веке. Екатеринбург, 2002. С. 295-298).

[4] РГАДА. ф.1209. Кн. 11. Л. 89-102 об. (Опубл.: Там же. С. 290-294)

[5] Там же. Л. 92-93 .

[6] Там же. Л. 402 об.

[7] Там же. Л. 276 об.

[8] Там же. Л. 237.

[9] Там же. Л. 91 об.-92.

[10] Там же. Л. 399 об.,100 об.

[11] Демчук Г.В. Земельный строй в Двинском уезде в XVII веке. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. С. 144-160.

[12] РГАДА. ф.1209. Кн. 11. Л 98. (Лявленский Успенский монастырь в Княжостровской волости до конца XVIIв. записан в писцовых и переписных книгах вместе с черными волостями Г.Д.).

[13] Там же. Л. 98

[14] Там же. Л. 99

[15] Там же. Л. 94 и др.

[16] Там же. Л. 102.

[17] Титов Л.Л. Летопись Двинская. М., 1889. С.7.

[18] По одним данным Лявленский Княжостровский монастырь основан во второй половине XIV столетия (Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894. Вып.1. С.178). По другим - в XVI в. (Макарий. Христианство в пределах Архангельской епархии // Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1878. Кн. 3. С.9).

[19] РГАДА. Ф.1209. Кн. 11. Л. 220-253.

[20] Андреев В.Ф. О дате основания Михайловского Архангельского монастыря // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 67-69.

[21] РГАДА. Ф.1209. Кн. 11. Л 235 об.

[22] Там же. Л. 237об.-245 об.

[23] Там же. Л. 253-298 об.

[24] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 129.

[25] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 11. Л. 275.

[26] Там же. Л. 276 об.-277 об.

[27] Там же. Л. 278-299.

[28] Там же. Л. 305-328.

[29] Там же. Л. 309 об.-316 об.

[30] Там же. Л. 316об.-318об.

[31] Там же. Л. 318 об. –319 об.
[32] Там же. Л. 319 об.
[33] Там же. Л. 319 об.-328.
[34] Там же. Л. 104-219 об.
[35] Там же. Л. 113 об.-114.
[36] Там же. Л. 114 об.
[37] Там же. Л. 155 об.-158.
[38] Там же. Л. 158-168 об.
[39] Там же. Л. 168 об., 170 об.-172.
[40] Там же. Л. 172-197 об.
[41] Там же. Л. 199 об.-208 об.
[42] Там же. Л. 209-217 об.
[43] Там же. Л. 149 об.
[44] Там же. Л. 151.
[45] Там же. Л. 198-199.
[46] Там же. Л. 358 –361об.
[47] Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч.1. 1500-1696. Стлб. 69-70.
[48] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 11. Л. 354-357.
[49] Там же. Л. 347-350 об.
[50] Там же. Л. 354.
[51] РГАДА. Ф.1209. Кн. 11. Л. 347.
[52] Там же. Л. 398 об.
[53] Там же. Л. 401 об.
[54] Там же. Л. 104-354.

* * *

А.Ю. Жуков, Е.В. Лялля

Геоинформационная модель поселенческой структуры территории Карелии на материалах писцовых книг и других массовых источников XV–XX вв.

Наш доклад посвящен новому направлению исследования исторического прошлого, которое уже несколько лет разрабатывается совместно сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН и отделом географических информа-

---

Жуков Алексей Юрьевич, зав. сектора истории, ст. научн. сотр. ИЯЛИ КарНЦ РАН (Петрозаводск)
Лялля Елена Витальевна, ведущий специалист, ПетрГУ (Петрозаводск)
Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 06-01-12110в

ционных систем ПетрГУ. В целом направление это связано с созданием аналитического аппарата обобщения массовых сведений материалов переписей и картографированием полученных данных на разработанную ГИС электронную карту Карелии. В результате работы по нынешнему проекту получается геоинформационная модель поселенческой структуры территории Карелии на протяжении последней полутысячи лет.

На первом этапе, начиная с 2003 года были созданы специализированные программные средства для работы с топонимической и исторической информацией. В результате получилась компьютеризированная система «Топонимия Карелии».

На сегодняшний день объем картотеки, введенной в систему, составляет уже около 30000 единиц хранения. В системе реализована функция автоматической привязки объектов картотеки к электронной карте. Например, на данном слайде показаны топонимы, содержащие ключевое слово "Великий" в значении «Большой». Термин «Великий» является следом новгородской колонизации Карелии. Ввод в систему этого признака сразу ведет к высвечиванию таблицы, на которой указан список топонимов, содержащих данное слово. Точно также автоматически эти топонимы высвечиваются на карте. В качестве базовой карты для автоматической привязки используется карта масштаба 1: 1000000 (один к миллиону) с нанесенным на нее слоем полистовой и поквадратной раскладки номенклатуры листов карты масштаба 1:25000. Для уточнения местоположения объектов используется растровая подложка карты масштаба 1: 25000.

Более древний след освоения Карелии прибалто-финнами демонстрируют топонимы, которые издревле маркировали зимний путь, проходивший в т.ч. по Заонежскому полуострову и известному к XX в. как "Великий Олонецкий зимник". Синий камень маркировал начало сухопутного участка старой дороги, которая реконструируется по привязанным к ней топонимам Зимняк, Зимницкий Мох, Маткозеро (matka 'путь, волок'). Как видите, они помогают установить саму трассу этого древнего пути, несомненно возникшего еще на рубеже I-II тыс., во время первичного освоения Обонежской Карелии древней весью, поскольку маркируются древним прибалтийско-финским словом "матка".

Надо сказать, что первые два проекта оперируют топонимами, существовавшими в XX в. и зафиксированными топонимистами. Между тем в прежние времена подавляющее большинство этих названий отличалось от современных. Более того, как известно, названия населенных пунктов изменялось от переписи к переписи.

Выяснить закономерности этих изменений, историю развития населенных мест и в целом системы поселений территории Карелии и стало основной задачей нового проекта по созданию электронного ката-

лога населенных мест Карелии. Проект начался в 2006 году и рассчитан на 3 года.

Следует сказать, что историческая наука уже располагает опытом идентификации населенных мест различных временных периодов и картографирования их. По Карелии - это прежде всего работы М.В. Витова [1] и И.В. Власовой [2]. По смежной с Карелией области южного Приладожья имеется монография А.А. Селина [3]. Из них видно, что множество селений, возникших, например, в XV-XVI вв., затем запустевали и не доживали даже до 19 века. Надо сказать, что данные работы выполнены в традиционной манере печатного издания.

Но мы, используя наработки предыдущих проектов, пошли по другому пути, приступив к созданию электронно-картографического каталога населенных мест Карелии, сохранившихся в источниках с массовыми сведениями с конца 15 века. Основной принцип отбора документов для включения в состав электронного каталога – непрерывный временной охват документов. Документы относятся к периоду XV– XX веков. Временные разрывы между документами не превышают полусотни лет.

Географическая привязка населенных пунктов облегчается тем, что в электронный вид у нас переведены имеющиеся по Карелии картографические материалы, начиная с конца 18 века. Благодаря электронному виду, данный картографический материал можно вполне сопоставить с топографической картой 1950-х годов, показанной выше (25000 масштаба). Основанием такого совмещения является то, что населенные пункты, отмеченные на картах конца 18-начала 20 веков имели уже устоявшиеся названия и эти названия подтверждаются рядом переписей того же времени и легко находятся на картах и в переписях первой половины 20 века. Итак, мы имеем надежную основу для идентификации селений 20 века с подавляющим большинством населенных пунктов, отмеченных в документах за конец 18-19 века. А далее нам остается по переписям конца 17-18 веков и ревизским сказкам 18 века выяснить историю изменения данных названий в это более раннее время.

Такова конкретная задача, которая преследует главную цель: на основе имеющихся источников с массовыми данными создать краткую историю каждого поселения Карелии, попавшего в эту систему.

Основная трудность при этом - перенос информации, например, писцовых книг, в электронный вид. Всем известно, что исследуемые источники различны и по содержанию сведений, по составу населенных мест, и по способу представления информации. Учитывая неоднородность исследуемых документов, сведения, содержащиеся в них, были разделены на две группы. Первая группа – это сведения, необходимые для идентификации и локализации объектов. Другая группа – это дополнительные сведения, отражающие историю развития населенного пункта.

К первой группе можно отнести следующие сведения:

- название населенного места на момент его переписи,
- его порядковый номер по данному источнику,
- варианты названий, указанные в источнике,
- статус населенного пункта,
- сведения по административно - территориальному подчинению,
- сведения о географической привязке к местности.

Эта информация является наиболее важной для идентификации населенного места в электронном каталоге, а также для локализации его на карте. Вся остальная информация, содержащаяся в том или ином источнике (сведения о жителях, землях, крестьянских хозяйствах, ремеслах и др.) является дополнительной. Она служит только для получения дополнительных тематических сведений, составления исторической справки по населенному месту и для тематического анализа, в том числе и картографического.

Все это дает возможность исследователю проследить историю населенного места за период, охватывающий несколько веков. Такое исследование помогает выявить закономерности развития поселенческой структуры территории, а также проследить пути миграции населения и освоения карельских земель.

В этой связи показателен пример освоения территории Сямозерья.

Писцовая книга 1563 г. сохранила указание на "домашний адрес" одних из первопоселенцев Сямозера. Это – "Настасьины Мегръжаны"[4]. По смыслу данной фразы получается, что предки сямозерцев из этой боярщины пришли на Сямозеро с берегов олонецкой реки Мегреги – древневепсской части Олонецкого погоста, непосредственно граничившей с коренными землями летописной веси в Нижнем Посвирье. Ряд писцовых описаний XVI – XVII вв. дает этому подтверждения.

Описывая земли бывшей вотчины (боярщины) Настасьи, вдовы новгородского боярина Ивана Григорьевича в Олонецком погосте, писец Андрей Лихачев в 1563 г. отметил, что по предыдущему письму Ивана Беклемишева 1550/51 г. здесь появился ряд починков, четыре из которых носят название "в Кутежме" (один раз с ошибкой - в "Нутежме")[4]. Поскольку описание этой боярщины в письме 1563 г. неполное, сохранилось лишь окончание ее письма настасьинскими деревнями в Сямозерье, то легко ошибочно отожествить данные Кутижму с нынешним селом Кутижма, которое примыкает с востока к Сямозерью.

В XVI в к району Сямозере с востока подходили земли Шуйского погоста, и в "письме" Лихачева в составе этого погоста ни о какой Кутижме речи не идет, хотя вотчина Натальи там присутствует[5]. Нет Кутижмы и в числе Шуйских деревень в последующих описаниях 1582/83, 1610-х, 1628-1631, 1616-1648 и 1678 гг. Следовательно, искать ее нужно именно при описании Олонецкого погоста.

Между тем, читая следующее по времени "письмо" 1582/83 г., обнаруживается, что указанные починки исчезли из текста. Впрочем, эта писцовая книга Андрея Плещеева "грешит" тем, что иногда не указывает разоренные и запустевшие в ходе шведских нападений деревни. И только в писцовой книге Петра Воейкова 1610-х гг. в новь появляется "Кутежна" и сообщается, что к ней приписаны 12 копен сена из соседней деревни Бережное Ортуево[6]. К счастью, эта деревня значится и в письме 1582/83 г. как "деревня Бережное Ортуево по реке по Мегре"[7] (т.е. на р. Мегреге), и в последующих письмах она также значится как деревня, расположенная на реке Мегреге. Значит, в 1610-х гг. писец передает нашей Кутежне сено от соседней деревни на Мегреге. То же самое повторил и следующий писец М.Ф. Панин в конце 1620-х гг., только в его письме деревня Кутежна называется расширенно: "Кутюжна на реке на Мегреге"[8]. Наконец, в книге И.П. Писемского 1646/47-1647/48 гг., деревня носит уже более близкое к современному звучание: "Куйтюжь на реке на Мегреге"[9]. Иными словами, в починках с названием Кутежма середины XVI в. в составе Олонецкого погоста мы должны видеть предков нынешней деревни Куйтежа Олонецкого района, расположенную именно на реке Мегрега. Таким образом, тогдашние "Настасьины мегржане" из Сямозерья были действительно связаны с рекой Мегрегой. А в целом этот сюжет раскрывает перед нами один из путей крестьянской колонизации Карелии. В зоне древневепсской колонизации она шла с юга на север, из близких к вепсской Свири районов Южной Карелии, в более северные местности Средней Карелии. Впоследствии, владея привычной номенклатурой названий, сямозрецы назвали ближайшее к ним озеро Кутишь, а в XVIII в. основали на нем деревню Кутиш-озеро, нынешнюю Кутижму.

Другая связь настасьинских сямозерцев с Мегрегой вырисовывается через анализ распространения в названиях населенных пунктов родового имени Исаевых-Есуевых. Выборка из нашего электронного каталога, из которого видно, что по переписи 1926 г., например, один из концов большого села Куйтежа назывался Исаевкой или по карельски Isoila. Между тем, это родовое имя в форме Есуев присутствует уже в XVII в. и на Сямозере, и на Мегреге, причем нигде более патроним Есуев не встречается.

В таблице это выглядит так:

Год	Сямозерье	Мегрега
1582/83	На Сямозере Безсуньевых	Дер. Заречье Текуевское
1617	На Сямо-озере Безсуньевых, а Есуева тож	пуст. Заречье Текуевская Есуева тож на реке на Мегреге
1628	На Сямо-озере Збезсуньевых и Есуева тож	пуст. Заречье Текуевская Есуева тож на реке на Мегреге.

Сямозерская дер. Безсуньевых-Есуева - это нынешняя Эссойла, самое главное селение Сямозерья, а земли мегрегской пустоши, видимо, стали затем одним из концов Куйтежи. Окончательно данный вопрос можно решить, лишь введя в базу данных максимальное количество данных за XVIII-XIX вв. Пока же констатируем, что в 1610-е гг. старая связь Мегреги и Сямозера возобновилась, что и выразилось в общем родовом имени Есуев в названиях на Мегреге и на Сямозере.

Интересно еще одно название Сямозерья - боярщина Княщина. Сама по себе Княщина - это наименование княжеского владения. Но мы имеем дело с Карелией, частью бывшей Новгородской республики, где князья не имели права заводить собственные вотчины. Действительно, Княщина в письме 1563 г. значится как бывшая совместная боярщина Тимофея Малого Грузова и Якова и Спиридона Слизиных. Из-за поврежденности письма 1563 г. мы не можем определить, какие еще деревни в Олонецком погосте ей принадлежали. Но вот перед нами картографический материал - карте десятиверстка 1879г. На ней указано селение Большая Княщина около устья р. Видлицы. Между тем, истоки Видлица находятся как раз на южной границе Сямозерья. Не будет большой натяжкой предположить, что раньше видлицкая Княщина являлась частью этой боярщины. В начале 17 века эта связь прервалась, поскольку сямозерцы по царскому указу приобрели права волостки-выставки, самостоятельной в самоуправлении от Олонецкого погоста. Центром Сямозерья стал Сямозерский погост с церковью Успения. Она встала около середины XVI в. на мысе, который был общим для настасьинцев и кнященцев, При этом в названиях местных княщинских деревень он значился как Гал-наволок, а у настасьинских - Гарнаволок. Впрочем, даже в первой половине XVII в. процесс объединения двух общин был не завершен, особенно в хозяйственной сфере. Анализ дополнительных сведений из базы данных по Сямозерью, а именно о лишнем сене, которые писцы в 1610-х гг. передавали в пользование нуждающимся деревням, можно сделать вывод, что сено из княщинских деревень и пустошей попадало по преимуществу кнященским же общинникам, а из настасьинских - настасьинским. Данный пример обработки дополнительных сведений "письма" также является иллюстрацией возможностей нашей геоинформационной системы, представленной в докладе.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI-XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962 г.

[2] Витов М.В., Власов И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI-XVIII вв. М., 1974 г.

[3] Селин А.А. Историческая география Новгородской земли в XVI-XVIII вв. Новгородские и Ладожские уезды Водской Пятины. С.-Пб., 2003 г.

[4] Писцовая книга Обонежской пятины 1496 г.; Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г.: Материалы по истории народов СССР / Под общ. ред. М.Н. Покровского. Л., 1930. Вып. 1. С. 64.

[5] Писцовая книга Обонежской пятины 1496 г.; Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г.: Материалы по истории народов СССР / Под общ. ред. М.Н. Покровского. Л., 1930. Вып. 1. С. 119.

[6] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 22 об-23, 25.

[7] История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asikirjoja Karjalan historiasta 1500– ja 1600–luvuilta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1993. III. С. 34–341. Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты. С. 40.

[8] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 308. Л. 40 об-41.

[9] Национальная библиотека республики Карелия. Отдел редкой книги. № 337755 р. Л. 10 об.

* * *

М.Ю. Зенченко

Приправочные комплексы XVIII века: данные из переписных книг 1678 г. в административно-управленческой практике Российского государства

О кризисе приказного делопроизводства писали достаточно много. Тем не менее, наиболее принципиальный вопрос – о его причинах и формах, в которых он проявлялся – пока остается нерешенным. Представляется, что причиной кризиса стало увеличение количества документов, а следствием – утрата чиновниками оперативного доступа к информации. В первую очередь это касается переписных книг, которые для конца XVII – нач. XVIII века были основным источником сведений о податном населении России. Поэтому их данные широко использовались «для справок» и иной «приказной работы» в российском государственном делопроизводстве. В результате сложился целый комплекс копийно-списочных документов. В большинстве случаев это обычные копии – «списки слово в слово» – как XVII, так и XVIII веков. Как правило, они имеют четко выраженные признаки, позволяющие уверенно отнести их либо к приказному, либо к коллежскому делопроизводству. Это обстоятельство на многие годы заморозило самостоятельное изучение этих памятников, так как подразумевалось, что списки и

Зенченко Михаил Юрьевич, к. и. н., гл. специалист РГАДА (Москва)

копии снимались в делопроизводстве Поместного приказа и для нужд самого Поместного приказа, а потому ничего требующего изучения в них нет и быть не может.

Но так ли это? На рубеже XVII – XVIII в. наблюдаются изменения в номенклатуре и формулярах документов. Наработанные в приказах навыки «приказного письма», с одной стороны, интегрировались в более формальную «петровскую» структуру документирования решений; с другой стороны, скопированная с запада система делопроизводства не всегда отвечала реальным нуждам учреждений. Результатом подобного «скрещивания» становились довольно причудливые гибриды.[1] Для этого же времени характерны первые попытки реферирования имеющихся документов. Разные ведомства решали эту проблему по своему. В дворцовых приказах, например, в это время широко эксперементировали с регестовыми записями. А в Поместном приказе возникает практика разделения целых переписных книг на «выписи» – самостоятельные документы, содержащие текст подлинной книги на отдельную волость или стан. Такая рационализация во многом ускоряла процесс обращения к нужному фрагменту текста и позволяла одновременно пользоваться одной книгой нескольким подьячим.

Но чтобы всесторонне оценить характер этого явления отдельных наблюдений явно недостаточно. Необходимо изучение эволюции пусть небольшого, но цельного документального комплекса. Особое внимание при этом следует уделять как формам существования документов, так и методам использования информации в управленческой практике. Предметом нашего рассмотрения стали несколько самостоятельных книг и ряд разрозненных выписей, обнаруженных в составе книг «подлинной архивы». Несмотря на значительную пестроту как в оформлении и закрепах, так и в истории самих документов, у нас имеются достаточно серьезные основания отнести их к единому делопроизводственному комплексу. В первую очередь, это полнейшая тождественность в формулярах. Данные росписи учитывали только количество владельческих дворов за помещиками и за вотчинниками (в том числе и за монастырями), например:[2]

«За стольником за Лукою Володимеровым сыном Ляпуновым деревня Починок, что была пустошь: двор крестьянский, три двора бобыльских; деревня Луговая: двор крестьянский, два двора бобыльских; деревня Обакумова: два двора крестьянских, двор бобыльский» *(Оп. 1. Кн. 49. Л. 48)*; «За казанцом за Михаилом за Микитиным сыном Аристова жеребей сельца Петреево: двор крестьянский; половина села Ширяево: два двора крестьянские» *(Оп. 1. Кн. 347. Л. 255)*; «За Яковым Демидовым сыном Оботурова в поместье пол сельца Левашева: два двора крестьянские, двор бобыльский; пол деревни Вараскина: четыре двора крестьянских, три двора бобыльских. Всего крестьянских да бобыльских 10 дворов» *(Оп. 1. Кн. 7782. Л. 6)*.

Первые документы с таким формуляром начали составляться сразу

после проведения переписи. В отдельных случаях перечни дворов составляли сами переписчики, хотя ни в одном из известных нам наказов необходимость составления подобных перечней специально не оговаривалась.[3] В делопроизводстве Поместного приказа сохранилися ряд книг, составленный исключительно из «росписей дворам». В настоящее время нам известны 17 таких книг.[4]

Как уже говорилось выше, уточнить датировку составления перечней на основании формальных признаков не представляется возможным. Можно привести лишь некоторые соображения общего порядка на основании наблюдений над составом лиц, писавших и скреплявших данные документы. В настоящее время известно восемнадцать человек сверявших («справливавших») и скреплявших документы. В основном, это молодые подьячие из территориальных столов Поместного приказа. Трое из них служили в приказе с начала 90-х годов.[5] Таким образом, писать, и тем более сверять росписи ранее сер. 90-х годов они не могли.

Для середины 90-х годов нам неизвестна причина, которая бы вынудила правительство предпринять массовое и единовременное составление подобных документов. Зато такая причина появилась в конце 1698 – начале 1699 года. После стрелецкого бунта 1698 г. и последовавшего за ним розыска, уцелевшие московские стрельцы были разосланы по городам и записаны в тягло. В результате оказалось, что за исключением четырех полков «нового строя» (Преображенского, Семеновского, Гордона и Лефорта) регулярной пехоты в России не осталось.[6] Возникла острейшая необходимость в создании новых регулярных полков. Набор рекрутов должен был осуществляться из «даточных людей», т.е. из крепостных крестьян помещиков и вотчинников. Сборы даточных людей традициионно проводились с количества дворов по заранее определенным нормам.[7] Указ о сборе даточных людей был объявлен 17 ноября 1699 г., но реально подготовительные мероприятия начали проводится с весны 1699 г.[8] Это было связано с особенностью проведения набора 1699 г. В наказе стольнику кн. Н.И. Репнину, направленному собирать даточных людей в города Поволжья, изложены основные нормы этого указа:

> «А имать даточных и деньги со всех вышеписанных чинов по их сказкам, а сказки имать с великим подкрепленьем, описався, сколько за кем в которых городах крестьянских и бобыльских дворов по переписным книгам, и что у кого прибыло сверх переписных книг, и за кем в переписных книгах те их дачи написаны. И по тем их сказкам с переписными книгами справливаться, и с чего больши, с того имать...».[9]

Перечни с суммарными итогами дворов по каждому владельцу для справок подобного рода подходили больше, чем собственно переписные книги, содержавшие явно избыточную информацию о количестве людей во дворах «с отцы и с прозвищи». Это обстоятельство прекрасно сознавали и сами сборщики. В своем отчете кн. Репнин подчеркивает:

«И по приказу стольника и Преображенского полку подполковника князя Никиты Ивановича Репнина в Казани ис приказные полаты у стольника у Никифора Кудрявцова взята ведомость, которые городы Казанского разряду. А что за кем в Казанском уезде по переписным книгам 186-го году крестьянских и бобыльских дворов взяты за дьячей приписью перечневые книги».[10]

Перечневые росписи имелись и в распоряжении подьячих, принимавших сказки на самом Генеральном дворе в Преображенском.[11] В текстах перечневых книг 73 и 7795 сохранились пометы о приеме даточных людей, денег «в их место» и освобождении от данной повинности отдельных лиц. Подобные пометы (хотя и в меньшем количестве) встречаются и в ряде других книг.[12] Кроме того, на ряде документов сохранились скрепы дьяков, относительно которых точно известно, что в 1699/1700 г. они были «у сбора даточных людей».[13] Но в большинстве перечней подобных помет не имеется, что вынуждает нас поднять вопрос – являются ли все сохранившиеся перечни, результатом деятельности Комиссии, или же мы имеем дело с похожими документами, созданными в разное время и по разным причинам. Для ответа необходимо по возможности проследить эволюцию источника, благо материалы, сохранившиеся по одному из уездов (Ярославскому) произвести такую реконструкцию позволяют.

По Ярославлю сохранились несколько перечневых росписей, на наш взгляд отражающие разные этапы существования документа. Наиболее ранняя условно признана черновиком без скреп.[14] Заголовок не отражает содержание документа,[15] так как в книге по отдельным статьям прослеживаются попытки суммировать дворы одного владельца по книгам не только Луговой, но и Московской (Нагорной) половины. Написано разными почерками, много правки. Следующую книгу мы определили как подлинник,[16] так как она содержит пометы о наборе даточных людей. Скрепа дьяка Поместного приказа Ивана Иванова Шеина.[17] В книге собраны данные по обоим половинам Ярославского уезда, но ее плохая сохранность (без начала и конца) не дает возможность говорить о типичности ее оформления. Но наиболее интересен третий, «беловой», вариант.[18] Книга имеет очень тщательное оформление (хорошая бумага, ровные разборчивые почерка, хорошие кожанные переплеты, листы при переплете обрезаны), после каждой статьи оставлено свободное место. Подробный именной указатель составлен на книгу в целом.[19] И в тоже время, она не имеет никаких признаков (грязь, затертости) использования в текущей работе. То есть складывается впечатление, что книга была подготовлена для определенной цели, но по прямому назначению так и не использована.[20]

Таким образом, перед нами не просто одна из разновидностей перечневых росписей, а самостоятельный документ, сформировавшийся в ходе отчетливой (хотя и недолгой) эволюции. Росписи дворам,

которые первоначально предполагалось использовать в качестве «приправочного» комплекса, в ходе работ стали использоваться и для отметок о приеме людей, денег или указания причин, по которым «даточные люди» не выставлены. Эти пометы вносились на поля, иногда даже поверх основного текста, и очевидно представляли собой чисто рабочие заметки. В то же время такая форма фиксации служебных помет оказалась очень удобной для использования в текущем делопроизводстве комиссии, так как на одном листе объединялась и справочная, и учетно-контрольная информация. Поэтому после первых, наиболее напряженных месяцев работы Комиссии (формирование первых восьми полков, которое завершилось к июлю 1700 г.), в Комиссии (или тесно связанным с ней Поместном приказе) решили творчески доработать эту идею. То есть можно предполагать, что книги «белового» варианта начали составляться не ранее середины 1700 года.

Для такого допущения имеются дополнительные аргументы. В ряде случаев к росписям прибавлялось количество посадских дворов; всегда позднее и другим почерком.[21] С посадских дворов даточные люди не собирались, так что эта информация была излишней. Но весной 1700 г. в Поместном приказе была составлена память о количестве податных дворов в городах и уездах, ведавшихся приказом.[22] При подготовке этой справки подьячие просто внесли данные о количестве посадских дворов в уже готовые перечни и просуммировали результат. В тех случаях, когда проверка возможна, итоговые значения в перечнях и в самой памяти совпадают. То есть можно утверждать, что часть перечней уже существовала до 12 мая 1700 г. (этим днем датирована память). Но самое любопытное, что в ряде «беловых» экземпляров данные о количестве посадских дворов перенесены в основной текст книги. Это означает, что «беловые» списки начали копироваться не ранее второй половины 1700 г. Но к концу 1700 г. деятельность по сбору даточных была завершена; в 1701–1702 гг. комиссия занималась сбором денег и завершением начатых судебных производств.[23]

Чтобы понять причины появления книг «белового» варианта необходимо еще раз обратится к документам Генерального двора в селе Преображенском.[24] Сбор даточных людей на территории России осуществлялся двумя выездными комиссиями: стольника Никиты Дмитриевича Полтева в Поволжье и новгородского воеводы кн. Ивана Юрьевича Тубецкого в Новгороде и Пскове,[25] а также собственно на Генеральном дворе в с. Преображенском. Деятельность Генерального двора представлена рабочими материалами, фактически, журналами поденной записки поступивших сказок, денег и собственно даточных людей.[26] Сказки принимались «по чинам», то есть в одном повытье принимались сказки с монастырей и церковных иерархов, в следующем – от думных людей и т.д.[27] Это затрудняло работу по сверке сказок с

перечневыми списками; фактически она и не велась. Даточные люди и деньги «в их место» на Генеральном дворе принимались только по сказкам;[28] обращение к перечням носило чисто случайный характер. Подробности организации сбора даточных людей в Новгороде нам неизвестны. Едва ли этим занимался сам И.Ю. Трубецкой – по указу от 3 марта 1700 г. собраных даточных было велено отсылать к нему «для учения».[29] Сбором даточных в Пскове занимался псковский дьяк Лукьян Иванов Вальков. Судя по сохранившейся отписке нормы указа им были выполнены:

«... собрано во Пскове даточных, и вместо даточных за осталые и недосталые дворы денег псковского митрополита и с монастырей и с церквей, и с псковских помещиков и вотчинников, и со вдов, и недорослей, и девок с поместий и с вотчин с крестьянских и бобыльских дворов по сказкам их и по переписным книгам прошлого 186-го и нынешнего 1700-го году».[30]

То есть полностью правила сбора даточных были выполнены только Н.Д. Полтевым и Л.И. Вальковым – в их книгах каждая сказка сверена с перечневым списком и подведен итог.[31]

В марте 1703 г., то есть после ликвидации самой Комиссии, начали составляться беловые экземпляры «Сказок Генерального двора».[32] Книга 6195 имеет самоназвание:

«В Преображенском на Генеральном дворе выписано из сказок поданных 209-го и 1700-го и 1701-го годов, каковы поданы для збору даточных и денег, что за святейшим патриархом, и за архиереи, и за монастыри, и за соборы, и за церкви, и за бояры, и за окольничими, и за ближними людьми, и всяких чинов за помещики и за вотчинники крестьянских и бобыльских дворов. А что за кем и в которых городех, и то писано в сих книгах ниже сего порознь перечнем».[33]

Фактически, в кн. 6195 собраны сведения о количестве дворов за духовными феодалами и церквями (Азбука I. Л. 1-21), думными чинами (включая думных дьяков) и «ближними людьми» (Азбука II Л. 24-42). В тексте самой книги они не разделены. Книги 6188 и 6188-а являются продолжением Кн. 6195 и продолжают роспись «по чинам».[34] Все три книги имеют совершенно одинаковое, очень тщательное оформление (хорошая бумага, ровные разборчивые почерка, хорошие кожанные переплеты, листы при переплете обрезаны). И все три книги не имеют никаких признаков (грязь, затертости) использования в текущей работе.

Нет ничего удивительного, что работу по составлению «беловых» экземпляров проводили те же лица, которые занимались и сбором сказок.[35] Но примерно в это же время в Поместном приказе появляются «Росписи дворам» имеющее очевидное сходство в оформлении и заверенные теми же дьяками. Представляется, что это два звена одной и той же работы, которая по каким-то причинам осталась незавершенной. Для понимания ее смысла необходимо еще раз вернуться к тексту указа о сборе даточных людей. Люди и деньги собирались с большего

числа дворов («И по тем их сказкам с переписными книгами справливаться, и с чего больши, с того имать»). При сборе людей только по сказкам, исчезал элемент сопоставления и возникала возможность для злоупотреблений – например, занижения количества дворов помещиками и вотчинниками. Таким образом, возникла мысль о проведении чисто документальной ревизии – сопоставления данных из сказок и перечневых книг. Обширные реестры сказок с именными указателями и столь же тщательно подготовленные копии перечневых книг с именными указателями и свободным местом после каждой статьи полностью подходят именно для такой работы. Достаточно было перенести сведения из сказок в свободные места в перечневых книгах – и возникал готовый фискальный документ, по которому можно было взыскивать недоимки.

Хотя эта работа так и осталась незавершенной, но сам принцип оказался вполне применимым в административной практике. Через несколько лет к нему вернулись вновь. В 1709 г. в Поместном приказе начали изготовлять приправочные книги для готовящейся ландратской переписи. Размах и тщательность, с которой были подготовлены приправочные комплексы для переписчиков, как раз и породил бытующее в научных работах представление о подготовке Поместным приказом нового, третьего «валового письма». В реальности ничего подобного не было.

Приправочные книги составлялись весной-летом 1709 г.; во всяком случае, известные на сегодняшний день списки приписаны в августе (11-12 августа дьяком Андрем Алексеевым, 20 – дьяками Осипом Татариновым и Никифором Румянцевым[36]). Два приправочных комплекса сохранилась полностью.[37] Обязательным компонентом в обеих была «роспись крестьянским и бобыльским дворам» включенная в основной текст. Еще один комплекс (правда, худшей сохранности) кроме «росписи дворам» включал в себя и «переписчиковы сказки», поданные помещиками и вотчинниками в 1678 г. Книга была переписана в делопроизводстве ландрата Василия Милюкова, но переписывавший ее подьячий специально отметил: «Подлинные переписные книги за приписью дьяка Осипа Татаринова, за смотром Ивана Редюкина, с подлинным читал Кузьма Григорьев».[38] То есть этот комплекс готовили те же лица, что и оба предыдущих. На ряде книг сохранились пометы об отсылке из в губернии; на одной сохранилась помета о приеме в архангелогородской губернской канцелярии.[39]

Причины включения «росписи дворов» в состав приправочных книг для переписи 1710 г. становяться более понятными при изучении еще одного документа.[40] Эти книги не являются переписными в строгом понимании этого слова. Это скорее сводные ведомости учета дворов, скомпилированные из данных переписных книг 1677/78 и 1710 гг.

Составители причину возникновения этого документа объяснили следующим образом:

«Ведомость Ярославского уезду Закоторжского стану архиерейских и монастырских и церковных вотчин о переписном деле, которая зделана по указу великого государя и по пунктом из Санкт-Петербурха, что за которыми вотчинниками по прежним переписным книгам 186-го году в каждом селе и сельце и деревни написано было крестьянских и бобыльских дворов. И так же и что за которой вотчиной в каждом же селе и сельце и деревни по переписи 710-го году написано крестьянских, и бобыльских, и нищенских, и вдовьих дворов. И что с каждого села, и сельца, и деревни против переписи 186-го году убыло дворовых или где сходственно, так же и что убыло деревен, о том подлинно значится в сей ведомости именно». [41]

Книга сохраняет прежнюю, территориальную группировку материалов, но основной упор внутри станов и волостей сделан не на географические единицы (села и деревни), а на владельцев (то есть не «в сельце N жеребей», а «за NN в сельце N дворов»). В эту же книгу вошли подсчеты прибыли и убыли крестьянских дворов по ряду дворцовых волостей в других уездах.[42] Формуляр книги абсолютно нетипичен для переписных книг конца XVII – нач. XVIII в., и позволяет сделать вывод, что мы имеем дело с особым видом источника. Подобные сводки, вероятно, являлись обязательным элементом отчета ландратов. Во всяком случае, несколько таких книг уже известны. Если же говорить о результатах этой работы, то можно констатировать, что после 1710 года правительство получило в свое распоряжение документ, позволяющий более или менее объективно судить о прибыли и убыли крестьянских дворов у каждого владельца. Примерно такую же задачу ставили перед собой и составители беловых «Росписей дворам» в 1703 г. Только после 1710 г. ненадежные данные из «подлинных заручных сказок» были заменены более объективными сведениями переписи 1710 г. С появлением этой новой группы документов надобность в существовании старых перечневых росписей отпала. В марте-июле 1713 г. так и неиспользованные «беловые» экземпляры перечневых росписей были приписаны дьяками П.К. Вяземским и Н.Ф. Румянцевым и отправлены в архив.

То есть мы видим, что на протяжении почти четверти века документ, имеющий самоназвание «перечневая роспись дворовому числу», существовал в одной и той же форме, но использовался по-разному. Его самоназвание и формуляр при этом оставались в рамках традиционных делопроизводственных норм. Кроме того, в одном из случаев мы наблюдаем созданный на его базе документ с иной структурой. Получается, что уже в нач. XVIII в. подьячие пытались повысить информационную ценность документа компилируя несколько видов данных.

Из всего вышесказанного можно сделать ряд выводов.

Первый, и на наш взгляд, основной – Поместный приказ (а возможно и другие учреждения) занимались не только копированием имеющихся, но и созданием новых видов документов. Изучение причин их создания интересно не только с документоведческой или источниковедческой точки зрения – в значительной степени оно может скорректировать наши знания о формах и методах работы административного аппарата молодой петровской империи.

Второе. При работе с источниками конца XVII – начала XVIII века необходимо отказываться от устоявшихся шаблонов. Это означает, что нельзя любую книгу, в которой имеются сведения из переписных 1677/78 г. причислять к копиям. Венцом подобного подхода и стал «традиционный» заголовок «копия XVIII века», заведомо дезориентирующий исследователя. Любая попытка классифицировать подобные памятники без учета обстоятельств их создания и определения хотя бы примерного назначения заведомо обречена на неудачу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. напр.: Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004. С. 488-492.

[2] Все документы, использованные в данной работе, кроме особо оговоренных хранятся – РГАДА. Ф. 1209. Далее указывается только номер описи и книги.

[3] На сегодняшний день известны два перечня, составленных самими переписчиками – Оп. 1. Кн. 7780. Л. II-XXI об. и Оп. 1. Кн. 7781. Л. 1-42. Оба перечня скреплены переписчиками Ярославского у. Т.А. Козловским и подьячим А. Холмовым. Оба документа какое-то время хранились отдельно от переписных книг (собственная пагинация листов, затертые первые и последние листы и т.п.) и сплетены вместе с подлинниками переписных книг не ранее 30-х годов XVIII в. Практику составления перечневых росписей на дворы логично увязать с указом от 5 сентября 1679 г. о переходе к подворному сбору единого налога – стрелецких денег.

[4] Оп. 1. Кн. 5, 49, 73, 311-312, 347, 558, 7782, 7795, 8565, 14742, 14737, 15462; Оп. 1. Ч. 3. Кн. 124-125, 256 и 265.

[5] Подьячий Иван Коротнев «сидит в приказе» с 1690/91 г.; Никитин Федор – с 1692/3 г. и Метлин Осип Васильев с 1693/4 г. (Здесь и далее использованы данные из готовящегося к печати справочника «Служилая бюрократия XVII в.»).

[6] Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. 139-141.

[7] Зенченко М.Ю. Даточные люди. // Российская государственность. Кн. 5. Ч. 1. М., 2005. С. 272-273.

[8] Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени М., 2003. С. 181.

[9] Оп. 4. Кн. 5039. Л. 3 об.-4.

[10] Там же. Л. 6.

[11] «Роспись Преображенским Генерального двора книгам, и столпам, и сказкам, и всяким делам збору даточных салдат повытья подьячего Ивана Лосева прошлого 1700-го году. А что каких книг, и столпов, и всяких дел и то писано ниже сего: Перечни с переписных книг 186-го году торопецкие, холмские, луцкие, пусторжевские...» Справочная опись № 1310. Л. 100 об.

[12] Оп. 1. Кн. 14737. Л. 700-760. Вологда. Отрывки черновых записей за последующей закрепой дьяка Петра Кондратьевича Вяземского. Приплетен к списку с переписной книги Вологодского у. На листе 718 об. дата «208 декабря 18 день». Сохранился фрагментарно – ст. 1-20 (последняя – дворы м-ря Николы Чудотворца Заозерского без конца), далее статьи 2124-2164 – дворы помещиков и вотчинников Вологодского уезда. В книгу 14737 вплетен случайно: другая бумага (фактура, размер), нет общей для предыдущих листов буквенной пагинации.

[13] Напр.: Оп. 1. Кн. 49. Л. 1-237, Белозерск. Скрепа по листам дьяка Осипа Зиновьева Татаринова. В 1700 г. значился «в селе Преображенском у сбора даточных людей» (Оп. 4. Кн. 4715. Л. 82 об.).

[14] Оп. 1. Кн. 7782. Л. 108 об.-240 об.

[15] (Л. 1) «Списки перечневые с ярославских переписных книг Заволжской половины переписи Дмитрия Киреевского да подьячего Ивана Некрасова 186-го году разных станов и волостей Луговой стороны».

[16] Оп. 1. Кн. 7795. Л. 1-199

[17] В 1696-1699 – дьяк Поместного приказа. (Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 577). В 1701– 1703 гг. – дьяк.

[18] Оп. 1. Кн. 558. Л. 1-317 об. Единственный заголовок (л. 1): «Азбуки с ярославских переписных книг 186-го году розных станов и волостей».

[19] Весьма показательны и наблюдения над эволюцией встречающихся в тексте алфавитов. Именные указатели были составлены практически ко всем росписям (даже в тех книгах, в которых они не сохранились по каким-то причинам имеются отсылки на номера статей в указателе). Но в ранних документах они следуют структуре книги, а в поздних, «беловых», – являются сводными указателями на все владения одного рода в пределах уезда. В одной из книг это оговорено специально – «Азбука с володимерских перечней, которые написаны с перечневых книг 186-го году переписи Савы Шепелева да подьячего Петра Яковлева. **Писаны родами.»** (Выделено мной – *М.З.*). Оп. 1. Кн. 73. Л. 1.

[20] Подобная закономерность наблюдается и относительно новгородских перечневых книг. Там так же можно выделить три варианта, из которых последний – Кн. 312 – является полным подобием ярославской Кн. 558 по оформлению и очевидной неиспользованности в работе.

[21] Например: «В Муроме на посаде посацких 219, бобыльских 80, вдовьих 24». Оп. 1. Кн. 347. Л. 254.

[22] Оп. 4. Кн. 5115. Л. 1-47 об. Опубликована: Водарский Я.Е., Павленко В.В. Сводные данные о количестве податных дворов Европейской России по переписи 1678 г. // СА. 1971. № 6. С. 64-88

[23] Бабич М.В. Указ. соч.

[24] Оп. 4. Кн. 5039, 6188, 6188-а, 6190, 6191, 6195. Кн. 6192 и 6193 учтены в современной системе хранения как справочные описи 1310 и 1311. Подразумеваются только материалы, имеющие отношение к сбору сказок и даточных людей. Делопроизводство, бухгалтерия и судебные дела Комиссии на Генеральном дворе в данной статье не рассматриваются.

[25] У М.В. Бабич в качестве руководителя сбора даточных людей в Поволжье указан кн. Н.И. Репнин. (Бабич М.В. Указ. соч. С. 181). Но книги сбора даточных людей с поволжских городов приписаны именно Н.Д. Полтевым. Репнин, видимо, осуществлял только общее руководство.

[26] Оп. 4. Кн. 6190 и 6191 за общей скрепой дьяка Ивана Козлова. Журнал поденной записки повытья подьячего Семена Лукова ошибочно вплетен в справочную опись 1310 (Л. 85 об.-260 об.).

[27] В документах названы столы подьячих Михаила Тихомирова, Никифора Румянцева (дьяк с 9 февраля 1702 г.), Семена Лукова, Федосея Манукова (дьяк с 7 июня 1701 г.), Ивана Лосева, Алексея Юрьева, Семена Козмина, Третьяка Евдокимова, Ивана Антонова, Андрея Пивова, Сергея Алексеева, Петра Савина (Спр. оп. 1311 / Кн. 6192. Л. I); Василия Протопопова (Оп. 4. Кн. 6191. Л. 534, 642).

[28] См. Оп. 4. Кн. 6190, 6191, Спр. оп. 1310 (Л. 85 об.-260 об.). В реестрах принятых сказок и людей сведений из переписных книг 1678 г. не имеется.

[29] Ф. 137. Псков. Кн. 40. Л. 3 об.

[30] Там же. Л. 2 об.-3.

[31] Ф. 1209. Оп. 4. Кн. 5039. Подлинник за скрепой кн. Н.И. Репнина (л. 1-25), стольника Н.Д. Полтева (16-155) и рукоприкладствами разных лиц «у салдатцкого сбора»; Ф. 137. Псков. Кн. 40. Л. 1-149 об. Подлинник за скрепой псковского дьяка Л. И. Валькова.

[32] «1703 марта в день розданы писать сказок, по котором сбираны даточные и деньги на Генеральном дворе» и роспись подьячих, которым эта работа была поручена. (Оп. 4. Кн. 6190. Л. 740 и далее).

[33] Оп. 4. Кн. 6195. Л. 43.

[34] «...что за теми стольниками по тем их сказкам в которых городах...» (Оп. 4. Кн. 6188. Л. 1) и т.д.

[35] Оп. 4: Кн. 6195 за скрепой дьяка Никифора Румянцева, Кн. 6188 за скрепами дьяков Федосея Манукова и Анисима Невежина, и Кн. 6188А за скрепами дьяков Никифора Румянцева и Федосея Манукова.

[36] Оп. 1. Ч. 3. Кн. 267; Оп. 1 Кн. 559 и 581.

[37] Оп. 1: Ярославль. Кн. 559 за скрепой дьяка Осипа Зиновьева Татаринова «1709-го августа в 26 день» и справой подьячего Поместного приказа Ивана Редюкина; Ярославль. Кн. 581 за скрепой дьяка Никифора Федорова Румянцева «1709-го августа в 20 день» и справой подьячего Поместного приказа Гура Немятого.

[38] Ярославль. Оп. 1. Ч . 3. Кн. 256. Л. 144 об.

[39] Вологда. Оп. 1. Кн. 14737.

[40] Ярославль. Оп. 1. Кн. 560-561. Фактически, это одна книга в двух частях.

[41] Оп. 1. Кн. 560. Л. 162.

[42] Там же. Л. 635-648 об. дворцовые земли Ярославского, Л. 648 об.-659 – Угличского, Л. 659-684 – Городецкого, Л. 684-686 об. – Бежецкого, Л. 686 об.-700 об. – «в дворцовых корельских волостях», Л. 700 об.-716 об. – Новоторжского уездов.

* * *

В.И. Иванов

Монастырские приходо-расходные книги XVI – XVII веков: перспективы изучения и издания

Монастырские приходо-расходные книги – чрезвычайно богатый исторический источник. Появление хозяйственных монастырских книг в России относят к первой половине XVI в.[1] Однако в Троице-Сергиевом монастыре приходные книги денежных вкладов велись, судя по всему, начиная с 1499/1500 г.[2] Самые ранние из дошедших до нас книг – расходная книга псковской Завеличской церкви 1531 г.,[3] долговая книга 1532 г.[4] и отрывок приходо-расходной книги, датируемый 1536–1537 гг.[5], Иосифо-Волоколамского монастыря; расходная книга Новгородского Софийского дома 1547–1548 гг.[6]

От второй половины XVI в. сохранилось около 130 приходно-расходных книг 18-ти духовных корпораций.[7] Такая массовость приходо-расходных книг русских монастырей во второй половине XVI в. помимо изменения общих социально-экономических условий, усложнения хозяйственной деятельности церковных корпораций, усложнения хозяйственной деятельности церковных корпораций и укрепления системы управления в них, связана, очевидно, непосредственно с реализацией постановления Стоглавого собора 1551 г. об обязательном учете монастырского имущества и контроле со стороны государственной власти за его использованием[8]. Количество монастырских приходо-расходных книг XVII в., сохранившееся до нашего времени превышает, по всей вероятности, десять тысяч единиц. Специального учета этих источников ни в столичных, ни в провинциальных архивохранилищах еще не проводилось.

По данным описей XVII в. только в архиве Соловецкого монастыря хранились 1767 приходо-расходных книг 55-ти постоянных монастырских служб.[9] До наших дней дошли (нам удалось выявить) только 594.

Иванов Владимир Иванович, д. и. н., профессор Краснодарского государственного университета культуры и искусств

Сохранность книг Соловецкого монастыря, таким образом, не превышает 1/3 их общего состава.

Монастырские приходо-расходные книги были введены в научный оборот уже в середине XIX в. Публикация приходо-расходных книг началась задолго до их использования в научных исследованиях. Первая из них относится к 1851 г., когда И. Сахаров напечатал текст самой ранней из известных до сих пор расходных книг – книги Псковской Завеличской церкви.[10] Вскоре Н. Тихомировым была издана расходная книга соборного старца Савво-Сторожевского монастыря Зосимы Льговского.[11] В 1857 г. были опубликованы И. К. Куприяновым отрывки из приходной книги Новгородского Софийского дома 1547 г.[12] А через несколько лет им же были изданы отрывки из расходных книг той же духовной корпорации, относящие к 1548 г.[13] Н. В. Калачов в 1864 г. издал приходную книгу казначея Феодосия смоленского Болдина Дорогобужского монастыря за 111 и 112 (1603-1604) гг.[14] Расходные книги этого же монастыря за период с ноябрь 1585 г. по январь 1586 г. появились в 1875 г.[15] Незадолго до этого вышли в свет с некоторыми сокращениями приходные и расходные книги вологодского Корнильево-Комельского монастыря за 1576-1578 гг.[16] А в 1898 г. Н. П. Лихачевым опубликовал отрывок расходной книги костромского Ипатьевского монастыря, который был датирован им временем около 1553 г.[17] Позднее была издана расходная книга рязанского Солотчинского монастыря 1596 г.[18] Во 2-й том «Архивного материала» включены ужинно-умолотные книги 1572 и 1586 годов.[19]

Самой крупной дореволюционной публикацией монастырских хозяйственных книг является публикация посевных, ужинно-умолотных и приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского монастыря XVI-начала XVII в. в приложении работы Н. К. Никольского.[20]

Уже в первые годы советской власти, после окончания Гражданской войны появилась новая публикация нескольких приходо-расходных книг Болдина-Дорогобужского монастыря конца XVI – начала XVII в. под редакцией В. В. Майкова.[21] Однако на этом археографическая традиция, к сожалению, на долгое время была прервана, хотя интерес к содержанию монастырских хозяйственных книг сохранялся. Издавались лишь отрывки отдельных хозяйственных книг. В 1924 г. в издании учебного характера вышли отрывки приходо-расходных книг Новгородского Софийского дома и Тихвинского монастыря.[22] Следует отметить, что новая публикация расходной книги Софийского дома 1547-1548 гг., изданной впервые в 1861 г., была осуществлена Б. Д. Грековым на основе источниковедческого анализа содержания, что позволило уточнить последовательность разрозненных частей текста. В 1936 г. Г. Бибиковым были изданы отрывки расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря начала XVII в., в которых нашли отражение

события Смутного времени.[23] Извлечения из приходо-расходных книг конца XVI в. этого же монастыря о выходе крестьян были опубликованы Н. Тимофеевым.[24] После Отечественной войны 1941-1945 гг. отрывки из расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря были опубликованы А. А. Зиминым.[25]

Только после тридцатилетнего перерыва в 1955 г. возобновляется публикация полных текстов монастырских книг. А. Г. Маньковым были подготовлены к печати приходо-расходные, хлебные и другие виды книг Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря.[26] В 1968 г. были изданы полные тексты книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1606-1607 гг.,[27] отрывки которых некогда были изданы Г. Н. Бибиковым).

В 1976 г. начинается реализация масштабного проекта ленинградских историков под руководством А. Г. Манькова по изданию «Вотчинных хозяйственных книг XVI в.». Сначала были опубликованы все, сохранившиеся ужинно-умолотные книги Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. (за период с 1590 по 1600 гг.), а затем и книги денежных сборов и выплат того же монастыря.[28] После этого вышли сборники приходно-расходных и окладных книг Спасо-Прилуцкого монастыря 1574-1600 гг. (М.; Л., 1979. Вып. 1-2); приходных и расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря 70-80-х годов XVI в. (М.; Л., 1980. Вып. 1-2); вытных книг, хлебных оброчников и переписной книги вотчин Кирилло-Белозерского монастыря 1559-1601 гг. (М.; Л., 1983. Вып. 1-3). В 1985 г. В. Б. Павлов-Сильванский опубликовал приходную книгу московского Новодевичьего монастыря 1603-1604 гг.[29] Черновые приходо-расходные книги впервые, очевидно, опубликованы были только недавно, в 2005 г.[30]

Специальное источниковедческое изучение монастырских приходо-расходных книг начинается только в середине XX в. А. Г. Маньков дает краткую характеристику организации монастырского учета и приемов составления приходо-расходных книг XVI в., приводит сведения об их использовании в исторических исследованиях[31]. В 1955 г. вышла его специальная источниковедческая работа, посвященная этой разновидности источников XVI в.[32] В ней рассматриваются вопросы происхождения монастырских книг, их состава и классификации. Автор подробно останавливается на содержании отдельных типов книг, рассказывает о форме записей в них, отмечает случаи неправильной датировки отдельных статей. В 1970-х гг. Е.А.Машихин рассмотрел приходо-расходные книги в контексте развития хозяйственного учёта с древнейших времён, но самостоятельного анализа их не проводит.[33] Интересные сведения об организации учета в вотчинах Донского монастыря содержатся в диссертации А. Е. Чекуновой. Автор приводит несколько примеров того, как строители приписных монастырей утаивали часть своих доходов.[34] Этими примерами, в принципе, ис-

черпываются имеющиеся в историографии критические наблюдения о полноте и достоверности монастырских приходо-расходных книг.

Недавно было опубликовано исследование, проведенное автором этих строк еще в начале 80-х годов XX в., в котором предпринята попытка комплексного источниковедческого изучения приходо-расходных книг трех северных монастыря – Соловецкого, Николо-Корельского и Крестного Онежского монастырей. Установлено, что в каждом из монастырей существовала своеобразная система учета, которая определяла объективные параметры полноты и достоверности содержания этих источников. Заметные различия выявлены при сравнении черновых и беловых вариантов книг, сопоставлении данных приходо-расходных книг с другими источниками. Выявлены субъективные факторы, оказывающие влияние на точность и достоверность их содержания.[35]

Перспективы изучения монастырских приходо-расходных книг видятся нам, прежде всего, в исследовании вопроса возникновения и специфики ранней учетной документации. Необходима концентрация усилий исследователей на выявлении и описании источников XVI в. Для эффективной работы в этом направлении следует предварительно разработать методику описания, которая бы позволяла получать сопоставимые данные. В основе ее должны лежать общие требования археографического описания рукописных книг. Обязательными элементами, в частности, представляются: 1) наименование и тип (обычно достаточно полные сведения есть уже в самоназвании, однако типология и характер содержания уточняются исследователем); 2) вид рукописи (отдельная книга, сборник, конволют); 3) дата создания; 4) размер и количество листов (с указанием пустых); 5) материал и бумажные водяные знаки; 6) постатейное описание разделов и частей книги; 7) тип письма, особенности почерка; 8) подлинность (первичные записи, вид черновика, беловик, копия); 9) записи, пометы о проверке, использовании и архивном хранении; 10) современные поисковые данные, место хранения; 11) украшения, особенности переплета; 12) перечень публикаций и исследований.

Во-вторых, следует продолжить публикацию монастырских приходо-расходных книг, прежде всего XVI в. (по программе начатой А. Г. Маньковым). Можно отметить, в этом плане, поддержку РГНФ проекта издания книг Соловецкого монастыря (руководитель Е. Б. Французова). Представляется необходимым подготовка полного издания (переиздания) наиболее ранних приходо-расходных записей и книг (первой половины XVI в.). Осуществить это следует в соответствии со строгими научными правилами, способом дипломатической и факсимильной передачи текста.

В-третьих, дальнейшее изучение этой разновидности источников

требует анализа правил учета, существовавших в разных монастырях и их эволюции в XVI-XVII вв. Для этого следует выявить и изучить инструкции, требования монастырских и государственных властей по составлению книг. Только на такой информационной базе можно будет проводить обоснованный источниковедческий анализ полноты и достоверности содержания приходо-расходных книг.

В-четвертых, следует уделить особое внимание первичным записям, черновым вариантам приходо-расходных книг, которые значительно расширяют возможности и эффективность источниковедческого анализа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Книга ключей и долговая книга Волоколамского монастыря XVI в./ Под ред. М.Н.Тихомирова и А.А.Зимина. М.; Л., 1948. С. 6. Правда с оговоркой , что к первой половине XVI в. относится лишь установление формы книг, но велись они и в более раннее время. А. Г. Маньков ограничивает этот период первой четвертью или 20-30 гг. XVI в. – см.: Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.; Л., 1951. С. 15; он же. Хозяйственные книги монастырских вотчин XVI в. как источник по истории крестьян// Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. 4. С. 287.

[2] Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI-XVII века (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). Автореферат дисс. ... доктора исторических наук. М., 2001. С. 22. Она же в монографии «Крупная феодальная вотчина в России конца XVI – XVII вв.» (М., 2004. С. 297) указывает на упоминание книг 1515 г. и 1534 г., в которых казначеи Троице-Сергиева монастыря записывали денежные суммы за продажу вкладных вотчин.

[3] Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Археологического общества. СПб., 1851. Т. 1 Отд. 3. С. 1-3.

[4] Книга ключей и долговая книга ... С.122-160; 118-119 (о датировке).

[5] Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина. М., 1977. С. 34.

[6] Известия Археологического общества. Б. м., 1861. Т. 3. Стб. 32-54.

[7] А.Г. Маньков ведет подсчет не по единицам хранения (их около 120), а по отдельным частям – приход или расход за каждый год и получает цифру 130 приходных и 132 расходных книги, включая 3 перечисленных выше книги первой половины XVI в. - см.: Маньков А. Г. Хозяйственные книги ... С. 289-290. Наиболее полный перечень их (243 номера) дается в книге А. Г. Манькова «Цены и их движение в Русском государстве XVI века.» (М.-Л., 1951. С. 246-263).

[8] Емченко Е. Б. Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 333.

[9] Многочисленные службы центральной монастырской усадьбы (келарская, сушиленная, житенная, оружейная, котеленная, книгохранительная и другие) считаются здесь как одна постоянная служба.

[10] Записки Отделения русской и славянской археологии императорского

Археологического общества. СПб., 1851. Т. 1. Отд. 3. С. 1-3.

[11] Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1857. Кн. 24.

[12] Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1857. Кн. 25. Смесь. С. 1-2.

[13] Известия императорского Археологического общества. СПб., 1861. Т. 3. Стб. 32-54.

[14] Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1864. Т. 2. № 142. С. 263-284.

[15] Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 290-313.

[16] Летопись занятий Археографической комиссии за четыре года. СПб., 1871. Вып. 5. Материалы. С. 14-29.

[17] Сборник (Санкт-Петербургского) Археологического института. СПб., 1898. Кн. 6. С. 127-137.

[18] Труды Рязанской губернской ученой комиссии. Рязань, 1904. Т. 19. С. 147-157.

[19] Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1909. Т. 2. С. 512-513.

[20] Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2. Приложения. С. OVI-OLXXVII.

[21] Русская историческая библиотека. Пг., 1923. Т. 37.

[22] Греков Б.Д. Монастырское хозяйство XVI-XVII вв. Л., 1924. С. 45-52, 76-107.

[23] Бибиков Г. Новые данные о восстании Болотникова// Исторический архив. М., 1936. Т. 1. С. 5-24.

[24] Тимофеев Н. Крестьянские выходы конца XVI в.// Исторический архив. М., 1939. Т. 2. С.

[25] Зимин А. А. К истории восстания Болотникова// Исторические записки. М., 1947. Т. 24. С. 353-385.

[26] Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI века. Л., 1955.

[27] Тихомиров М. Н., Флоря Б. Н. Приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1607/1608 г. // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968.

[28] Вотчинные хозяйственные книги XVI в. М.; Л., 1976. Вып. 1-3; Вотчинные хозяйственные книги XVI в. М.; Л., 1978. Вып. 1-3.

[29] Источники по социально-экономической истории России XVI-XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря. М., 1985. С. 82-151.

[30] Иванов В. И. Бухгалтерский учет в России XVI-XVII вв.: Историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг. СПб., 2005. С. 195-215.

[31] Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI в.М.; Л., 1951. С. 15-22. Здесь дается обзор всех монастырских приходо-расходных книг XVI в. (С. 246-269). Горская Н. А. Зерновое земледелие центральных областей Русского государства во второй половине XVI – начале XVII в.: По материалам хозяйственной отчетности монастырей центральной части

Русского государства. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1955.С. 47. Здесь отмечается, что при подсчёте итогов в книгах монастырских приказчиков допускались неточности.

[32] Маньков А. Г. Хозяйственные книги ... С. 286-306.

[33] Машихин Е. А. Хозяйственные записи прошлого как источник экономическо-статистической информации (XV–XVII вв.) // Ученые записки по статистики АН СССР.М., 1975. Т. 27.С. 242-253; он же. Древнерусские письменные источники X–XVII вв. как основа экономико-статистической информации. Дис. ...канд. экон. наук. Ростов-на-Дону, 1971.С.147-148.

[34] Чекунова А. Е. Вотчинное хозяйство и крестьяне в конце XVII- первой четверти XVIII в. Дис. ... канд. ист. Наук. М., 1979. С. 34-52. Но эти наблюдения относятся, в основном, к документам XVIII в.

[35] Иванов В. И. Бухгалтерский учет в России XVI-XVII вв. С. 47-95.

* * *

Г.А. Иванова

Указатели к публикациям и справочникам на документы XVI-XVII вв.: проблемы русского средневекового именослова*

В данной работе хотелось бы остановиться не столько на общетеоретических проблемах русского именослова XVI-XVII вв., сколько на сложностях, связанных с использованием имен при составлении указателей и справочников. Мне представляется, что наиболее общие теоретические вопросы русской средневековой антропонимики в основном разрешены в работах В.Б. Кобрина[1] и В.А. Никонова[2] и ряда других авторов. Это касается определения самого понятия «фамилия», происхождения русских фамилий, дифференциации прозвищ и мирских имен, способов именования и пр.

В то же время, узко практические вопросы, связанные с использованием имен в указателях, вызывают как теоретические дискуссии, так и неоднозначные практические решения.

Проблема, на наш взгляд, состоит в том, что именование XVI-XVII вв. «по имяном с отцы и с прозвищи» мы стремимся адаптировать под современное именование, состоящее из имени, отчества и фамилии. А это далеко не всегда возможно.

В данной работе мы остановимся на таких элементах именования как собственно имя и прозвище (фамилия).

Собственно имена, несмотря на кажущуюся простоту, вызвают определенные проблемы при составлении указателей.

Иванова Галина Анатольевна, сотрудник РГАДА (Москва)

Самая распространенная из них – наличие разночтений. Даже при ограниченном числе упоминаний в документе некоторые имена дают очень большой разброс вариантов написания. Такое в принципе несложное и узнаваемое имя, как «Афанасий» может встретиться в восьми (!) вариантах. Еще хуже обстоят дела с именами, форма которых на протяжении средневековья так и не устоялась окончательно – такими как, например, Полиевкт (Полиехт, Полуехт, Полуект). Если не выбрать единого образца, за которым в скобках будут стоять все варианты разночтений, то при составлении большого указателя мы рискуем получить вместо одного человека несколько, при этом одна часть информации будет стоять на «Иванова Афанасия», а другая ее часть – через 10 страниц – на «Иванова Офонасия».

Поскольку в настоящее время пользоваться уменьшительной формой в официальных документах не принято, в справочниках, как правило, имена даются в полной форме. В некоторых случаях это можно сделать абсолютно точно: «Ивашка» – это всегда и только «Иван», а «Петрушка» – «Петр». В тоже время существует целый ряд уменьшительных имен, которые использовались для нескольких полных форм – для Гаврилы и Игната могли использовать одну и ту же сокращенную форму «Ганька», для Дмитрия, Никиты и даже Никифора – «Митька», для Севастьяна, Саввы, Савелия и Савина – «Савка». Этот список можно продолжить. Кроме того, есть уменьшительные имена, которые не поддаются даже приблизительной «расшифровке» – например, «Выдошка». Сталкиваясь с подобными уменьшительными, исследователь лишен возможности дать полную форму имени адекватно. Уменьшительные имена, не имеющие однозначной расшифровки, мы при составлении указателей оставляем в том же виде, в каком они даны в источнике. Хотя вариант «Аксентьев Прошка Иванов (сын)» нельзя считать идеальным, но это лучше, чем написать «Аксентьев Прохор Иванов» и ввести читателя в заблуждение, не зная какова в действительности полная форма имени – «Прохор» или «Прокофий (Прокоп)».

Еще одна проблема, связанная с личными именами – это наличие мирского и крестильного имени. Необходимо отметить, что если крестильное имя всегда бралось из святцев (такие имена называются «календарными»), то мирское – могло быть и некалендарным (Бажен, Третьяк), и календарным (например, царевич Дмитрий Иванович был крещен Уаром). Хотя мы и не собираемся рассматривать теоретические вопросы русской средневековой антропонимики, но все же хочется сделать несколько замечаний относительно крестильных и мирских имен. Нам представляется, что понимание крестильного имени как запретного, позволяюшего навести порчу на его носителя, и поэтому заменяемого мирским[3], не соответствует реальности, по крайней мере для XVII в. Для этого достаточно обратить внимание использование

крестильных имен царской семьи. Именины царя, царицы, царских детей были не просто известны – в эти дни шли прадничные богослужения, раздавалась милостыня, выдавали праздничное жалование в приказах. То есть, крестильное имя царя и его близких было известно абсолютно всем. Зная, насколько строго в это время относились к малейшей возможности повредить здоровью государя, в том числе и через ворожбу – кажется совершенно невероятным, чтобы именно в отношении представителей царской фамилии этой предосторожностью пренебрегали.[4] Но и тезис «неупотребление крестильного имени для широкого круга различных социальных контактов вне церкви, использование «мирского» имени в «мирской» среде»[5] высказанный не так давно Т.Б. Соловьевой, на наш взгляд, так же далек от истины. Нам приходилось встречать употребление обоих вариантов имени во вполне светских документах – так, в писцовой книге с. Курман (1639 г.) упоминаются три представителя рода Всеволожских с мирскими и крестильными именами одновременно – Раф (Федор), Астрадам (Александр) и Варкалап (Меркулий)[6]. Еще более интересен в этом отношении царский указ 1677 г., запрещавший одному из представителей дьяческого рода Чистых именоваться в дальнейшем мирским именем «Алмаз» – «указано ево писать и ему писаца Матвеем, для того, что велено ему быть в государевом вязниковском походе»[7]. В дальнейшем в боярских книгах и списках его именуют «Матвеем», а в частных актах – все равно «Алмазом»[8].

К сожалению, состояние нашей источниковой базы вряд ли даст когда-нибудь возможность корректно и верифицировано ответить на все вопросы, связанные с бытованием крестильных и мирских имен в XVII в., в том числе, и о причинах наличия у одного человека двух календарных имен. Для более раннего периода и княжеских династий вполне удовлетворительной представляется гипотеза Ф.Б. Успенского о «княжих» именах, передающихся в разных ветвях Рюриковичей.[9] Но она, во-первых, относится ко времени не позднее XVI в., во-вторых, не решает вопроса о мирских именах простых людей.

Если рассматривать крестильное и мирское имя с точки зрения составителя справочника, то встает вопрос, какое из них следует считать основным. Учитывая целый ряд исторических деятелей, которые давно и прочно вошли в историческую науку под мирскими именами – Хмельницкий Богдан (крест. Зиновий), Пожарский Дмитрий (крест. Кузьма) Михайлович, Иван III (крест. Тимофей) – получается, что в русле уже существующей историографической традиции мирское имя для указателя в качестве основного оказывается предпочтительнее крестильного.

Определение фамилии – главной действующей на данный момент части именования – является и наиболее сложным, и наиболее спорным

для документов этого периода. Фамилия, по определению лингвистов, «собственное имя, объединяющее членов семьи и передаваемое наследственно дальше двух поколений. ... Требование «не менее двух поколений» – единственный способ отличить фамилию от скользящего дедичества или второго отчества (образованного из второго имени отца)».[10] В XVI-XVII вв. термин «фамилия» отсутствовал, а частично заменяющий его термин «прозвище» включал в себя и мирское имя, и то, что называется «прозвищем» сейчас[11], и то, что зачастую являлось отчеством, и календарное имя, не являющееся крестильным[12], и собственно фамилию.

Исследователь, однако, привык искать «Алексеева» или «Волкова», не задумываясь о том, чем именно является данное именование (отчеством, дедичеством, прозвищем или фамилией). Кстати, так же это вопринимали и те, кто писал документы в XVI-XVII вв. – в одном списке мы можем встретить именование «Григорий Абрамов», в другом – «Григорий Савинов», а в третьем – полный вариант «Григорий Абрамов Савинов». Мы не знаем, стал ли конкретный патроним полноценной фамилией. Но, зачастую, мы не можем и сказать, что он ею не стал. Поэтому нами при составлении указателей (справочников) был принят следующий принцип – прозвище или патроним, если мы не можем сказать, чем конкретно является данное именование, воспринимается и используется по умолчанию в качестве современной фамилии. Естественно, сказанное не относится ни к духовным лицам, ни к правящим государям – в соответствии с историографической традицией они располагаются по первой букве имени – «Михаил Федорович, царь» или «Агафон, поп Троицкой церкви».

Если речь идет об указателе для популярного издания, то нам представляется правомерным максимальное приближение к современной структуре именования – «Морозова Феодосия Прокофьевна, боярыня» или «Богданов Григорий Карпович, дьяк» – это вполне соответствует реальности и понятно для читателя энциклопедии.

Если же речь идет о научном издании, то существует несколько вариантов.

В некоторых современных изданиях[13] составители сформировали указатель по именам, вне зависимости от наличия или отсутствия фамилии у конкретного лица. В результате А.Д. Меншикова надо искать на букву «А» т.к. он – Александр[14].

Аргументируется это тем, что в ряде случаев не возможно определить, что такое «Устюжанин» или «Кузнец» – это личное прозвище, фамилия или указание на место рождения, профессию. То же самое и с патронимом – «Иванов» – это может быть и прозвище, и отчество, и фамилия, и патроним, который фамилией не стал. А раз нельзя определить – фамилия ли это, то за основу берется имя. Нам кажется, что

такой подход не корректен с точки зрения и лингвистики, и истории, и здравого смысла.

С лингвистической точки зрения «формула *Петр Васильевич Морозов* ставила своей задачей ... выделить его среди прочих Петров Васильевичей»[15]. Наши предки, называя одного Ивана Хромым, другого – Устюжанином, а третьего – Ивановым (по деду, по отцу или по роду в целом) делали это, чтобы не путать одного Ивана с другим. Пользуясь собственно именем, как основным элементом в указателе, мы поступаем вопреки лингвистике и логике называвших.

Кроме того, в нашей исторической науке в течение двухсот лет указатели составлялись прямо противоположным образом. Поэтому, когда работа ведется с несколькими справочниками одновременно, и один из них составлен иным образом, чем все остальные – работать с ним крайне неудобно.

Еще один существенный недостаток подобной систематизации – полностью утрачиваются семейные связи, т.е. как раз то, что в современном языке дает фамилия в качестве единого именования для рода/семьи.

Если имеется группа подьячих с прозвищем «Михеев», причем все они сидели в учреждениях Шацка во второй половине XVII в. – подьячие Шацкой приказной избы Михеев Семен Михайлов (1681-87) и Михеев Григорий (1692-1700); подьячие Шацкой губной избы Михеев Михаил (1669-93) и Михеев Сергей Михайлов (1695-1700); шацкие площадные подьячие Михеев Никита Михайлов (1681-87, затем в губной избе до 1700), Михеев Герасим Михайлов (1677-87, затем в приказной избе до 1693)[16] – то естественно предположить, что они были родственниками. У некоторых из них родство установлено. При этом «Михеев» – для кого-то из них еще именование по деду, для кого-то уже фамилия, а для Михаила – возможно, отчество. Но ставя их по семейному прозищу «Михеев» – мы сохраняем связь родственных отношений и именования. Если же мы поставим их в указателе по именам на разные буквы – то эти связи утратятся безвозвратно. То есть, **при систематизации по именам** информация утрачивается, а взамен мы не получаем ничего – ни другой информации, ни более легкого поиска.

Однако, при таком подходе возникает проблема – как быть с теми, кто не обозначен в документах ничем, кроме имени. Очень частая формулировка для писцовых книг и близких к ним источников – «...Петр Семенов, да дети его Ивашко да Фомка». Если у основного лица мы имеем патроним или прозвище, то сыновья в данном случае указываются как члены его семьи. Возникает вопрос – имеем ли мы право писать его сыновей, употребляя прозвище основного лица в качестве их фамилии? Очевидно, что их могли именовать не только «Семеновыми», но и «Петровыми», и с любым индивидуальным прозвищем. Нам кажется, что решение зависит в первую очередь от того, научным или популяр-

ным является издание, для которого составляется указатель. Для популярного издания нам представляется вполне оправданной определенное осовременивание содержащейся информации:

Семенов Петр, крестьянин ... волости
Семенов Иван Петров, сын П.Семенова
Семенов Фома Петров, сын П.Семенова

Таким образом патроним «Семенов» связывает воедино всю семью, превращаясь в аналог современной фамилии.

Если же указатель делается для сугубо научного издания, и мы не рискуем предполагать, какие прозвища могли возникнуть в будущем у этих детей Петра Семенова, то можно сделать основного члена семьи как бы рубрикой, а тех кто относится к нему – подрубриками:

Семенов Петр, крестьянин ... волости
  Иван, сын П.Семенова
  Фома, сын П.Семенова

Подобное решение вопроса можно использовать и тогда, когда речь идет о женщинах. Мы либо модифицируем информацию, присваивая женщине фамилию ее мужа (отца) для указателей к популярным изданиям, либо даем их в подрубрике в справочниках сугубо научных. Например – «вдова Ографена Дмитриева жена Кузьмина Иванова дочь Всеволожского», может быть обозначена для популярного издания по современным нормам именования :

Кузмина Аграфена Ивановна (урожд. Всеволожская), вдова Д. Кузмина, вотчинница Владимирского у.

для научного издания корректным будет вариант:

Кузмин Дмитрий, вотчинник Владимирского у.
  Аграфена, вдова Д. Кузмина, дочь Ивана Всеволожского, вотчинница Владимирского у.

В этом случае мы не искажаем информацию, содержащуюся в документе и одновременно сохраняем имеющиеся данные о родственных связях.

Еще один спорный вопрос, связанный с прозвищами – это определение, в каких случаях мы имеем дело с прозвищем, а в каких – с указанием на род деятельности, социальное положение или место происхождения человека. Выяснение этого вопроса имеет значение не только для составления указателя, но и для правильности понимания источника. Иначе говоря – всякий ли названный в документе «Кузнецом» ковал железо.

Лингвисты давно установили, что «в русском языке сложился порядок: 1) личное имя (в узком смысле), 2) отчество, 3) фамилия».[17] Инверсия – постановка фамилии перед собственно именем – появилась только с XIX в.[18] То есть, можно однозначно утверждать, что прозвище (которое выполняло в XVI-XVII вв. отдельные функции фамилии) не могло стоять перед личным именем – и в записи **«чернильнику** Матюшке

Жданову за полтора ведра чернил»[19] – **«чернильник»** – однозначно профессия, а не прозвище или фамилия.

Попытаемся выяснить, могло ли нарицательное (обозначение профессии, социального статуса, должности) стоять после личного имени. Если мы посмотрим на именования служилых людей, крестьян, духовенства – везде чин, должность, определение статуса стоят перед собственным именем – «боярин и оружейничий Петр Васильевич Большой Шереметев», «старец Феодосий», «крестьянин Лальской волости Ивашко Зуев», а то, что идет после собственно имени, является несомненно частью именования.

И только у посадского населения после имени собственного встречается определение, которое может трактоваться и как имя собственное, и как нарицательное «Ивашко **рыбный ловец**», «Алешка **Серебреник**», «Иван **Татарин**». Именование этой категории населения и вызывает наиболее острые дискуссии среди историков.

Попытаться решить этот вопрос можно только соотнеся реальный род занятий посадских людей и их именование. К сожалению, такой информации очень немного, но, тем не менее, она есть. Нами проанализировано несколько описаний посадов – Коломны, Каширы, слободы Тихвинского монастыря[20]. Разумеется, говорить о полноте охвата источников не приходится, но некоторые тенденции все-таки можно проследить.

По слободе Тихвинского монастыря при описании выделены посадские люди, торгующие «хлебом, солью и калачи»[21] (53 чел.); из них именования по профессиям имеют 11 человек. У 3 человек прозвище совпадает с родом занятий (калачники – 2 и хлебник – 1), у 8 – не совпадает (кузнецы – 3, мясники – 2, иконник, седельник, свечник), остальные кроме имени собственного имеют патроним.

По Коломне отдельными группами выделены дворцовые плотники, струговые плотники, затинщики и пушкари.

Среди струговых плотников (10 чел.) с указанием на профессию поименованы 2 человека – Васко Калачник и Богдашко Гречишник[22].

Среди 10 пушкарей кроме личного имени 7 имеют патронимы, 3 – прозвища (Пушкарь, Куска, Холщевник)[23], из которых только одно соответствует роду занятий.

Среди владельцев лавок указаны 2 затинщика и 2 пушкаря. Если сопоставить этих лиц с росписью затинщиков и пушкарей, то выясняется, что первые два были таковыми в действительности, а вторые два – не были[24].

Даже при такой небольшой выборке становится ясно – именование кого-то «кузнецом», «хлебником», «калачником», «пушкарем» могло совпадать с его реальной деятельностью, а могло и не совпадать. Но перед исследователем не может не встать вопрос – зачем писать про одного

человека из 50, торгующих хлебом, что он «хлебник» ? Зачем называть торговца хлебом «кузнецом» или «мясником» ? Если предположить, что в данном случае перед нами указание на профессию, то подобные именования являются абсолютно нелогичными. Но если такое именование воспринимать как прозвище, то логика становится очевидной.

Разумеется, при подготовке справочников, публикаций и составлении указателей невозможно отследить каждого посадского и выяснить, где именование его «рыбником» или «хлебником» является указанием на профессию, а где – прозвищем.

Но все-таки можно предложить ряд практических рекомендаций:

1. Все именования стоящие **перед** именем собственным являются существительными нарицательными – «**дворник** Митька» - это все-таки дворник, а не Митька, которого Дворником прозвали.

2. Именования, стоящие после имени собственного могут быть и прозвищем, и профессией (должностью, указанием на бывшее место проживания, этнонимом). Общие принципы – чем руководствовался составитель, определяя, прозвище это или нет, должны быть изложены в предисловии. Тогда исследователь не будет введен в заблуждение.

3. Если у посадского человека указан род занятий, то именование после имени собственного – **прозвище**, вне зависимости от того, совпадает ли оно с реальной деятельностью или нет – «дворы пушкарские белые: ... двор Бужука **Холщевника**, двор Хари **Пушкаря**», «дворник Васко Степанов сын **Тулянин**», «приказчик Артемий **Татарин**» и т.п.

4. Если **после** имени собственного указаны **ДВА** именования по профессиям, то первое безусловно – **прозвище**, а второе – вероятно, **профессия** (иначе будут возникать такие гибриды как «Гаврила **седельщик каменщик**»[25] или «Милован Иванов сын **замочник затинщик**»[26], которые необъяснимы ни с точки зрения языка, ни с точки зрения исторических реалий).

5. Если профессиональное именование, стоящее после имени собственного, имеет определение, то это все-таки скорее профессия (должность), чем прозвище «Ивашка **каменный подмастерье**», «Ждан **бронный мастер**», «Прошка **земский дьячек**».

Все случаи понимания именований, стоящих после имени собственного, по сути дела, определяются составителями – в зависимости от своей компетенции, взглядов на систему именований, опыта и т.п. Судя по материалу, который нам известен, единое решение, которое можно было бы однозначно доказать, здесь отсутствует.

Кратко резюмируя все вышесказанное, хотелось бы подчеркнуть, что составление указателей, особенно по документам ранее XVIII в., отнюдь не является чисто технической работой. Оно требует предварительной выработки принципов и приемов, по которым информация будет уни-

фицироваться и ситематизироваться. А для этого необходимо учитывать сложившиеся историографические традиции, нормы русского языка, исторические реалии конкретного периода, особенности источника, с которым ведется работа, характер издания, для которого указатель составляется. Решение этих вопросов требует от составителя внимания, опыта и теоретической подготовки – как исторической, так и лингвистической.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 06-01-00057 а

[1] Кобрин В.Б. Генеалогия и антропонимика (по русским материалам XV-XVI вв.) // История и генеалогия. М., 1977. С. 80-115.

[2] Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974; он же Русские //Системы личных имен у народов мира. М., 1986.

[3] «Этим объясняется устойчивое бытование в древней Руси наряду с крестильным именем ... так называемого мирского имени: крестильное имя во избежание порчи могло скрываться» (Успенский Б.А. Избранные труды. Т. II. М., 1996. С. 228. Там же см. информацию о его научных предшественниках.)

[4] Аналогичную т. зр. высказала с несколько иными аргументами Т.Б. Соловьева (Соловьева Т.Б. К вопросу о дуальности личных имен календарного происхождения в именовании людей в России XVI-XVII вв. //Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 686-696.)

[5] Соловьева Т.Б. Указ соч. С. 690.

[6] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 607. Л. 1017 об.-1033 об.; там же Кн. 12604. Л. 807 об.-841 об.

[7] РГАДА. Ф. 210. Разрядные книги. Кн. 9. Л. 349 об.

[8] Вся информация по Алмазу (Матвею) Иванову Чистому была любезно предоставлена автору Н.Ф. Демидовой.

[9] Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X-XVI вв. М., 2006.

[10] Никонов В.А. Имя и общество. С. 177.

[11] «Прозвищами называются слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны обычно в определенном, часто довольно замкнутом кругу общества» (Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959. С. 5)

[12] Как отметил В.Б. Кобрин – «Термин «прозвище» употребляется не только для некалендарных имен, но и для всех «вторых» имен, полученных не при крещении: Перфирей, а прозвище Иван Никифоров сын Рожнова... его брат Семен, а прозвище Фока...» (Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 83)

[13] Например, «Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII - начала XVIII вв.» СПб., 2003.

[14] Там же. С. 486.

[15] Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 94.

[16] Материал взят из готовящегося к печати справочника «Служилая бюрократия XVII в.»

[17] Никонов В.А. Имя и общество. С. 39.

[18] Там же.

[19] Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601-1608: Сб. документов. М., 2003. С. 110.

[20] Города России XVI века. М., 2002.

[21] Там же. С. 126.

[22] Там же. С. 34.

[23] Там же. С. 31.

[24] Там же. С. 31, 33, 39, 40.

[25] Там же. С. 40.

[26] Там же. С. 39.

* * *

В.А. Кадик

Земельные владения иноземцев в Ростовском уезде по писцовым материалам 1629 –1631 гг.

Большая часть работ, посвященных теме служилых иноземцев в России в XVI – XVII вв., затрагивает, как правило, вопросы их правового статуса и собственно службы в качестве военных специалистов.[1] Политика испомещения – наделения землей выехавших из-за рубежа «воинских людей» рассматривается исследователями в меньшей степени.[2] Цель данной статьи – отчасти восполнить этот пробел на примере Ростовского уезда.

Иноземцев, наделенных земельными владениями в Ростове, можно условно разделить на три группы: 1) выходцы из Балкан, Центральной Европы и литовцы, испомещенные на бывших землях кн. И. П. Шуйского в Верхоусецком стане; 2) несколько родов литовского происхождения, получившие поместья, скорее всего, во второй половине XVI в. в Подольском, Богородском и Согильском станех; 3) служилые «немцы», владеющие поместьями и вотчинами в Холмецком, Согильском, Лахоцком и Якимовском станах.

Ретроспективная информация, встречающаяся в писцовой книге 1629-31гг., позволяет утверждать, что наделение земельными владениями иноземцев в Ростовском уезде осуществлялось уже в XVI в. Так, в

Кадик Вадим Арнольдович, зав. хранилищем, РГАДА (Москва)

статье, где содержится описание поместья ростовского сына боярского Афанасия Александровича Коробьина в Сотемском стане с. Кузмицыно, имеется помета о том, что по писцовой книге Петра Колединского «с товарищи» 1560/61 г. это село (192 четв.) было записано за «немчином» Кашпиром Олфертом (по другим сведениям – Ерфертовым). Поместье перешло в 1574/75 г. отцу А. Ф. Коробьина Александру Борисовичу по отделу городового приказчика Андрея Сабурова.[3]

На момент проведения валового описания кн. А. Н. Звенигородским и дьяком М. Бухаровым наибольшая концентрация владений, принадлежавших служилым иноземцам, наблюдается в Верхоусецком стане. Более того, в нескольких случаях эта часть стана названа Иванковской волостью (поскольку включала в себя деревни и пустоши, находящиеся близ с. Иванкова). После традиционной последовательности рубрик – церковные земли, поместья, вотчины, данные за «московское осадное сиденье», старые, родовые и купленные вотчины, следует подраздел: поместья «за иноземцы». Согласно указанию писцов, ранее эти земли принадлежали боярину князю Ивану Петровичу Шуйскому. Как известно, этот представитель суздальского княжеского дома в 1587 г. был сослан на Белоозеро, где и погиб в ноябре 1588 г., а его поместья перешли в распоряжение государевы казны.[4] Трудно точно определить, когда эти владения стали использоваться для испомещения иноземцев. Безусловно, это были иноземцы «старого выезда» и к концу 20-х – началу 30-х гг. XVII в. землями в уезде часто уже владели сыновья тех, кто получил их ранее. Самая ранняя ввозная грамота, упомянутая в тексте писцовой книги, датируется 118 (1609/10) г.

Этот своеобразный «анклав», включавший в себя село Иванково с деревнями и пустошами (1966 четв.), на момент составления писцовой книги принадлежал 11 владельцам.[5] По большей части это были выходцы с Балкан (валахи, сербы), из Центральной Европы (венгры) и «литва». Самое крупное поместье записано за Ананием Михайловым сыном Волошениновым (350 четв.). Яков Петров с. Олшевский владел поместьем в 247 четвертей. Размер владений Олфима Семенова с. Микулаева (Симонова), которому принадлежали деревни Кузнечково и Березники, составлял 197 четвертей. Поместье Григория Матвеева с. Пашковского составляло 193 четверти, Юрия Тимофеева с. Душицкого – 190 четвертей. За «сербенином» Григорием Семеновым с. Жихмановым было записано в поместье дер. Монарево (124 четв.), за Иваном Степановым с. Мараковским[6] дер. Губино (103 четв.). Никита Иванов сын Марков, который фигурирует в документах Иноземного приказа как «угренин» и служивший в роте Фёдора Черкизова, владеет поместьем в 99 четвертей (при окладе в 150).[7] Некоторые иноземцы – ростовские помещики принадлежали к семьям, чьи представители не обладали поместьями и за свою службу получали лишь денежный «корм». В

числе кормовых числятся: брат Григория Жихманова Ефим, брат Никиты Маркова Степан, братья Юрия Душицкого – Григорий и Степан, а также племянник Никон (сын Григория).[8] Степан Душицкий получил земли в Ростове лишь после смерти брата: они записаны за ним по переписной книге 1646 г.[9]

К концу 20-х – началу 30-х гг. XVII в. многих иноземцев, испомещенных в Ростове, связывали родственные отношения: Григорий Семенов с. Жихманов был женат на вдове другого иноземца Антона Прокофьева Марии, в то же время он приходился пасынком вышеупомянутому А. М. Волошенинову. Впоследствии его поместье перешло брату Григория Жихманова Сидору, который унаследовал также и фамилию отчима. Смерть без наследников одного из представителей этой общины вовсе не влекла за собой автоматическую передачу его земель другому иноземцу. Так уже в 1622 г. бывшее поместье Петра Микулаева сына Капустина было отказано ростовскому сыну боярскому В. М. Ярцову.[10] Большая часть земель, принадлежавших ранее литвину Моисею Рындову (Рындину)[11], в Верхоусецком (96 четв.) и в Утемском (34 четв.) станах к моменту проведения писцовых работ оставались «порозжими».[12] Деревня Скородумово с пустошами в Якимовском стане (80 четв.), отказанная в мае 1612 г. иноземцу Петру Яковлеву с. Игнатовскому, в 1629-31 гг. оказывается в руках сытника И. О. Завесина.[13] Однако служилые иноземцы старались удержать за собой тот фонд земель, который был выделен именно для их «прокормления», подавая челобитные о перераспределении между ними освободившихся поместий. Так в 1619 г. были частично розданы владения умершего Михаила Дубровского (часть дана на прожиток вдове Анне), 1623 г. подверглись раздаче земли Воина Мартынова и Семёна Линдовского.[14] Стремлением сохранить земли внутри общины в значительной степени объясняется практика заключения браков исключительно в своей узкой среде.

Земельные владения иноземцев, чей выезд в Россию датируется более ранним периодом, «распылены» по территории всего уезда. Тарковские, Рыболтовские, Кондрацкие – ростовские помещики литовского происхождения, связанные друг с другом родственными отношениями, первоначально получили земли в Подольском стане (с. Иванково), а к 1629-31 гг. располагали также поместьями в Богородском и Согильском станах.[15] О времени наделения землей представителей этих семей можно только строить догадки, но, безусловно, это произошло до событий Смуты (возможно, в конце XVI в.). Так, согласно вкладной книге Ростовского Борисоглебского монастыря, Андрей Григорьев сын Кондрацкий еще в апреле 1603 г. вместе с пасынком (в тексте назван «сыном») дал вклад «за свое здравие» 10 рублей. В мае 1608 г. вклад по муже делает уже его вдова Ульяна с сыновьями: от первого брака – Гри-

горием (Яковлевым сыном Рыболтовским) и от второго брака - Иваном (Андреевым сыном Кондрацким). Сентябрем 1614 г. отмечен вклад Ульяны по третьем муже Иване Вантановском. В апреле 1616 г. Г. Я. Рыболтовский и И. А. Кондрацкий дают вклад по матери 10 рублей.[16] Трудно себе представить, чтобы иноземцы, пусть даже православные по вере, сразу после получения поместий в уезде принялись делать вклады в местный монастырь. Интенсивность денежных вкладов за период 1603-16 гг. свидетельствует, скорее, о том, что выезжие из Литвы служилые люди уже прочно к этому времени укоренились в Ростове. К началу 30-х гг. XVII в. с. Иванково с деревнями и пустошами были поделено между И. А. Кондрацким (162 четв.), вдовой Григория Рыболтовского Прасковьей с сыном Силуяном (169 четв.) тремя представителями рода Тарковских: Провоторхом Анцвитовым (25 четв.), Савелием Анцвитовым и их двоюродным братом Степаном Ивановым сыном (48 четв.). Имеются сведения, что Степан и Савелий в 1615/16 г. совместно владели поместьем в Белозерском уезде (46 четв.).[17] В отказных книгах за 1617 и 1620 гг. упоминаются также Семён и Назар Тарковские, степень родства которых с другими представителями семьи проследить не-возможно.[18] Иначе говоря, в 20-30 гг. это был довольно разветвленный род, давно уже обосновавшийся в уезде.

Для испомещения служилых немцев Ивана Андреева сына Францбекова и Артемия Артемьева сына Муста (Отмуста)[19] были использованы земли в Холмецком стане, ранее составлявшие Шепецкую ямскую слободу. Они делились следующим образом: первому досталось 272 четверти, второму – 190 четвертей. При составлении писцовой книги А. А. Муст тщетно пытался отсудить часть земель, несправедливо, по его мнению, отрезанной у него соседом. Но силы были явно не равны. И. А. Францбеков, также как и его брат Дмитрий, принял православие и в 1628/29 г. был записан в числе дворян московских.[20] Кроме того, согласно спорному делу А. А. Муст не смог представить грамоты: «... у него государевы грамоты згорели в том ево поместье лет з десять, а скаску, де, писал ево, Ортемъев, наемщик, а он, де, к той сказке руку прикладывал, а скаски не чел, потому что он русской грамоте не умеет...».[21]

Вдова Филиппа Фандернисина Катерина с тремя сыновьями Иваном, Давыдом и Даниилом в 1629-31 гг. владеет вотчинами в Подольском (дер. Туксаново) и Согильском (с. Сущево) станах, которые были пожалованы ее мужу в 1620-21 гг. за оба осадных сидения (230 четв.).[22]

Особое, оригинальное место среди иноземцев ростовских помещиков занимает Иван Иванов сын Кобылин Анцплатов, за которым записаны земли в Лахоцком и Якимовском станах по отдельной выписи 123 (1614/15) г. (152 четв.). Согласно судному делу августа 1635 г., Иван,

также как и его младший брат Андрей, родился в семье ростовских детей боярских Кобылиных, но воспитывался в доме отчима Ивана фон Платова (Анца Фанцплатова), за которого, овдовев, вышла замуж их мать Фекла. Унаследовав земли отчима и его фамилию, он нес службу в качестве «рядового поместного немца», ротмистра 1-й статьи. По списку 1634/35 г. у него довольно значительный поместный оклад – 550 четвертей.[23] Он владел также землями в Белозерском уезде, а в декабре 1631 г. получил поместья брата Андрея в Суздальском и Вологодских уездах. У пасынка фон Платова сложились довольно натянутые отношения со своими соседями и родственниками-ростовцами. Еще в момент составления писцовых книг его поместья безуспешно пытался отсудить жилец Леонтий Тяпкин. Челобитчику было отказано, поскольку И. И. Кобылин-Анцплатов смог предоставить писцам ввозную грамоту. В 1633/34 г. в разгар Смоленской войны умирают сразу два родственника Ивана Ивановича: Григорий и Константин Кобылины. В 1635 г. Анцплатов стал хлопотать о том, чтобы ему отказали часть принадлежавших им земель, называя себя их «братом». В своей челобитной Кобылин-Анцплатов писал: «Костентин из под Смоленска збежал, умер здесь, на Москве. А я, холоп, твой на твоей государеве службе под Смоленском до отходу был, голод и нужу терпел, и в осаде сидел, и на бою ранен, ...а по твоему государеву указу смоленским беглецом поместей давать не велено». Ситуация осложнилась еще тем обстоятельством, что один из потенциальных наследников – сын Константина Иван – в феврале 1634 г. дал на себя служилую кабалу подьячему Новгородской чети Степану Лялину. Активность Анцплатова вызвала крайнее раздражение ростовцев. Возмущенные родственнники во главе с И.А. Костюриным[24] подали в Поместный приказ ответную челобитную, в которой утверждалось, что «Иван Анцплатов ложно называется Кобылиным по вотчиме», более того – «мать его была немка, а после Анцплата шла за русского человека, а того Ондрея (брата Ивана – *В.К.*) принесла в брюхе, потому он, Ондрей и брат ево Иван и служат с иноземцы». Решающую роль в этом конфликте сыграло свидетельство в пользу ответчика других иноземцев Рейтарского полка: ротмистров, прапорщиков, подпрапорщиков и капралов, подкрепленное памятью «немца старого выезда» Юрия Палта. В «памяти» в частности было написано, что Иван и Ондрей (Кобылины) «русского человека дети, ... а велено им служить с иноземцы, потому что иноземцов собою и своею службою не хуже». На определенном этапе Анцплатов, казалось, выиграл спор, и ему присудили довольно значительную часть поместий (90 четв.). Однако реакция представителей местной служилого «города» на данное решение оказалась весьма болезненной. Банальный конфликт частных интересов быстро перерос в конфликт интересов корпоративных. На этот раз челобитную подает не только Иван Костюрин, но также другие

ростовцы: Яков Ярцов, Иван Маринин, Миней Исаков. Они требовали пересмотра дела, указывая на то обстоятельство, что оно находилось в Псковском столе Поместного приказа у подьячего Семёна Реткина, «...и тот Семен Реткин норовит тому Ивану Кобылину Анспатову тоже, а у меня (Ивана Костюрина – *В.К.*), холопа твоево, Семен Реткин подписных челобитных не приимает». В конечном счете, их жалоба была учтена: владения перешли вдовам погибших помещиков, в том числе и к И. А. Костюрину, женившемуся на одной из них – вдове Григория Федоре.[25] Данный эпизод свидетельствует о непростых отношениях, которые складывались между чужаками и коренными землевладельцами, а Иван Кобылин, безусловно, несмотря на свое происхождение, воспринимался окружающими как иноземец.

Судьба потомков иноземцев, испомещенных в Ростовском уезде, сложилась по разному. Большая их часть: Волошениновы, Симоновы, Жихмановы, Марковы, Пашковские, Душицкие, Мараковские – во второй половине XVII в. несли службу в составе местной провинциальной корпорации, и, как правило, в числе городовых детей боярских[26]. Только представители родов Тарковских и Рыболтовских были записаны в московский список. Дети Ивана Анцплатова Григорий и Фёдор упоминаются в качестве жильцов, причем во всех документах писались просто Кобылиными. Так или иначе, потомки иноземцев были инкорпорированы в состав русского служилого сословия, и их земельные владения утратили свою первоначальную обособленность. Так уже к 1646 г. описание поместий иноземцев в Верхоусецком стане производилось вместе с владениями других помещиков и вотчинников.[27]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробный обзор историографии по данной теме содержится в работе: Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004.

[2] Земельные владения иноземцев в Московском уезде рассматриваются в статье: Лаптева Т. А. Земельные владения иноземцев в Московском уезде в XVI – начале XVIII веков // Иноземцы в России в XV – XVII веках. Сборник материалов конференций 2002-2004 гг. М., 2006. С. 284-291.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10752. Л. 34-37 об.; Ф. 1209. Стб. по Ростову, № 301/30116. Л. 492. Ввозная грамота 1597 г. опубликована: Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. II / Сост. А. В. Антонов. М., 1998. С. 199.

[4] Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). СПб., 1992. С. 36.

[5] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10751. Л. 745 об.-810 об.

[6] Согласно его подписи в книге Иноземного приказа за 1630 г. оригинальное написание фамилии: Marahowsky. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 43. Л. 350 об., 363 об.

[7] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 49. Л. 47 об.

[8] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 40. Л. 84 об.-85, 93, Кн. 43. Л. 170 об., 320, 330 об., 350 об., Кн. 49. Л. 42, 208, 222, 290

[9] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10753. Л. 1309 об.-1310.

[10] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10751. Л. 806-810 об.

[11] Имя этого иноземца упоминается в указной грамоте кн. Д. Т. Трубецкого и И. М. Заруцкого октября 1611 г. о возвращении В. И. Самарину его вотчины в Сотемском стане с. Юрьевская Слободка и дер. Чупруново (112 четв.). Согласно тексту грамоты М. Рындина (так в грамоте) «велено выслать вон» из незаконно занятой им вотчины. См.: Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. II / Сост. А. В. Антонов. М., 1998. С. 327-329.

[12] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 840. Л. 664, 683-683 об.

[13] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10755. Л. 52-56; Оп. 1. Кн. 10752. Л. 952-957.

[14] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10755. Л. 336-340, 464-469, 484-487.

[15] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10751. Л. 103 об.-134а, 238-об.-242, 1134-1136 об.

[16] Титов А. А. Вкладная и кормовая книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. Ярославль, 1881. С. 59.

[17] РГАДА. Ф. 1209. Стб. по Ростову. № 224/30062. Л. 224-228.

[18] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10755. Л. 203-207, 332-335.

[19] В одной из книг Иноземного приказа встречается его подпись: Otto Must. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 43. Л. 29.

[20] Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 111.

[21] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10752. Л. 513 об.-514.

[22] РГАДА. Ф. 10751. Л. 175-181, 1136 об.-1148 об.

[23] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 43. Л. 15 об.; Кн. 49. Л. 1416 об.

[24] Необходимо отметить, что И. А. Костюрин был достаточно влиятельной фигурой в местной иерархии и выступал в роли окладчика в 1635, 1644 и 1648 гг.

[25] РГАДА. Ф. 1209. Стб. по Ростову, №. 252/30083. Л. 172-278.

[26] До уровня выборного дворянина к 1693/94 г. дослужился только внук Олфима Семенова с. Микулаева – Михаил Васильев с. Симонов. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-в. Кн. 65. Л. 147.

[27] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10753. Л. 1329 об.-1372 об.

* * *

А.И. Комиссаренко

Вятка в системе экономических и социальных связей Европейского Севера России в первой половине XVIII в.

В XVII-XVIII веках Вятский регион, включавший в себя Хлыновский, Котельнический, Орловский, Шестаковский, Слободской и Кайский (Кайгородский) уезды, занимал обширные пространства бассейна реки Вятки и её притоков – Лузы, Чепцы, Летки и др., соединявших между собой Русский Север, Урал, Сибирь и Поволжье. Географические и климатические условия Вятки предоставляли местному сельскому населению для земледелия не более 4-5 месяцев в году (май – первая половина сентября), остальная большая часть годового цикла использовалась, как доказал П.А. Колесников, для занятий промыслами и неземледельческим отходом.[1] Значительное влияние на эти процессы оказывали города края, в первую очередь, его административный центр – город Хлынов, средоточие администрации Вятской провинции Казанской губернии, возглавляемой воеводой и провинциальной канцелярией. К началу 40-х годов XVIII века Хлынов оставался крупнейшим поселением во всей провинции. В 1741 году в нём было зарегистрировано 1623 души м.п. (плательщиков подушной подати), тогда как в Кайгородке их было 348, Орлове – 247, Котельниче – 195).[2]

Заметное место занимало в Хлынове ремесленное производство. В конце первой ревизии (середина 20-х гг. XVIII века) в городе имелось 165 ремесленников, к концу столетия их насчитывалось не менее 457 человек (при относительной стабильности общего числа жителей).[3] Специализация ремесленного производства обнаруживает значительную дифференциацию – в городе отмечены калачное, серебряное, кузнечное, чеботное, мыловаренное, крашенинное, медное, колокольное, скорняжное, щепное, кожевенное, каменное, кирпичное и другие производства (около 20 видов). Ряд из них представлен небольшими предприятиями. С начала XVIII века в городе действовали две винокурни, владельцы которых купцы Рылов и Злыгостев вели и широкую общероссийскую торговлю.[4] Кроме того, в купеческих домах существовали мелкие салотопни. В 1747 году купец Толмачёв построил в городе завод по переработке кож. Среди горожан к середине XVIII века выделилась прослойка лиц, занятых ведением торговых операций на поморском и общероссийском рынках. По данным второй ревизии (1747 год) в них было задействовано не менее 22 крупных хлыновских купцов, державших «торговых промыслы».[5]

Комиссаренко Аркадий Иванович, д. и. н., профессор, РАГС (Москва)

Хорошо развитое животноводство в крае создавало благоприятные условия для возникновения массовых кожевенных промыслов. Вятка являлась крупным поставщиком сырья для ведущего центра обработки кож – г. Ярославля. Скупаемые ярославскими купцами и другими торговцами партии сырых кож расходились отсюда по всей стране.

В 1749 году всем крестьянам, занимавшимся каким-либо ремеслом, было предписано записаться в цехи, а «...кои же из оных может в цех записаться не похотят – тем и другим таким же промышлять вовсе запретить...»[6] Среди многих ремесленников, не пожелавших подпасть под цеховые ограничения, больше всего оказалось «чеботных», выделывавших кожу и использовавших её для шитья грубой обуви. Проведенная в 1766 году в Слободском и Хлыновском уездах перепись кожевенных предприятий зафиксировала около ста крестьянских кожевенных заведений (в первом – 52, во втором – 48).[7] По своему социально-экономическому типу они различались, часть из них (меньшая) представляли ремесленные мастерские, работавшие на заказ, другие же, именуемые «кожевенными избами», являлись предприятиями, ориентированными на широкий (волостной, уездный, провинциальный) рынок. В ряде «изб» кожи подвергались крашению с целью выделки «черного, белого и красного сафьяна».[8]

Среди вятского крестьянства широкое распространение получило ткачество, имевшее характер мелкого товарного производства. В основном производились сермяжное сукно и грубый холст («хрящ»). Массовые таможенные источники свидетельствуют о скупке тканей крестьянской выделки купцами и их агентами – приказчиками и вывозе их на продажу преимущественно в районы Урала и Западной Сибири. Приведём некоторые примеры таких операций. Так, в 1737 году через хлыновский городской рынок было продано (по нашим подсчетам) 19.652 аршина сермяжного сукна и 57.816 аршин холста.[9] В 1740 году в Верхотурье было вывезено 95.200 аршин холста и 32.890 аршин сермяжного сукна.[10]

Вятские крестьяне активно занимались и охотничьим промыслом, ставшим основой крупного вятского мехового торга. Таможенные книги в 1735 году отметили поставку на продажу только в г. Хлынове 61.490 шкурок белки, 16.605 шкурок «заячины». Значительное количество вятского меха закупалась московскими купцами (через приказчиков) Журавлевым, Крюковым и галичским купцом Маляхинским. И хотя вятский меховой рынок уступал по объёмам торга и качеству мехового сырья Ирбитскому, Устюжскому, Сольвычегодскому рынкам, так как на последних концентрировалась, главным образом, ценная пушнина, добываемая в Сибири (песец, соболь), значение Вятки в меховом торге было ощутимо в общероссийском масштабе.[11]

Всё же основной отраслью экономики Вятского края оставалось

сельское хозяйство. К XVIII веку Вятка представляла собой крупный хлебопроизводящий район, снабжавший хлебом северные районы Русского Поморья, а также осваиваемые территории Сибири.[12] При этом суровая длительная зима, частые заморозки весной и осенью, неравномерное распределение осадков в период вегетации, малоплодородие почв пагубно отражались на состоянии сельского хозяйства и требовали от крестьян колоссального напряжения сил. Капитан Н.П. Рычков, посетивший Вятку в 70-х годах XVIII века писал, что почва «так песчана, что если бы не удабривать их навозом, то едва ли возможно ... ожидать каких-либо земных плодов».[13] Сильно затрудняли земледелие обширная лесистость вятской территории (до 4/5 всей площади), обилие грунтовых вод, заболоченность местности. Основными культурами в крае были рожь, овес, ячмень, лён, горох, пшеница и др. культуры. Сохранившиеся ведомости посевов по Слободскому уезду свидетельствуют о том, что вся посевная площадь в Слободском у. в 1762 году составила 25.755 десятин, в 1763 году – 27.747,5 десятин. Через 90 лет – в середине XIX века по данным составителя военно-статистического обозрения Вятки поручика Коведяева пашенные угодия достигли в крае 187.314 десятин.[14]

Вятская провинция, входившая в 20-60-х годах XVIII века в состав Казанской губернии, давала около 15 % общегубернского сбора хлеба (в 1765 году 239.725 четвертей из 1.678.248 четвертей).[15] К середине XVIII века в связи с сокращением хлебных поставок в Сибирь, где возникло и успешно развивались собственное хлебопашество, большая часть вятского хлебного вывоза ориентировалась на районы северного Поморья и в немалой мере на зарубежные рынки, куда вятские сельскохозяйственные продукты вывозились морем из Архангельска.[16]

Основные операции городских торговцев по скупке сельскохозяйственных товаров, помимо хлыновского городского рынка, осуществлялись на обширной территории Вятского края, и скупленные у крестьян товары привозились зимой к Ношульской пристани через Летский таможенный караул, где их регистрировали в таможенных книгах. По данным сохранившихся многочисленных уездных таможенных караулов (в том числе и Летского), в 1741 году к Ношули было поставлено не менее 26.526 четвертей ржи, 9.580 четвертей семени льняного, 572 куля муки ржаной и других земледельческих и животноводческих продуктов общей стоимостью в 60.000 рублей, из которых 15.715 рублей приходится на рожь, 15.328 рублей – на семя льняное и 25.050 рублей на сало.[17] К концу 40 – началу 50-х годов XVIII века ассортимент вывозимых через Ношуль товаров несколько изменился: в связи с расширением сети мукомольных мельниц рожь стали вывозить в виде муки: в 1749 году рожь в зерне была поставлена в объёме 3705 четвертей (против 26 526 четвертей в 1741 г.), зато ржаной муки было вывезено

8.354 куля (против 572).[18] Сравнительно небольшой круг вятских купцов монополизировал снабжение поморских территорий продовольствием. В Хлынове выделилась группа местных купцов (около 20 человек), захватившая торговлю с Поморьем. Иван Толмачёв, Алексей Дьяконов, Иван Дьяконов, Иван Лянгусов, Филипп Калинин, Фёдор, Герасим и Антон Хохряковы, Михаил Злыгостев, Саватий и Никита Репнины и другие вели интенсивную скупку хлеба в уезде.

Деятельность хлыновского городского рынка определялась уровнем производства и транзитным географическим положением города. Учтенные нами данные 1735-1742 годов показали, что годовой товарооборот хлыновской торговли превышал 60 тысяч рублей. Таким образом, по величине обращавшейся на рынке товарной массы Хлынов всё-таки уступал крупным торговым центрам западной части европейской России (в Новгороде в 1714 году зарегистрирован товарооборот в 112 тысяч рублей), что объясняется более слабым промышленным развитием, удаленностью от центральных районов. В основном, Хлынов был связан с Поморьем, Приуральем, Сибирью, Поволжьем, учитывая специфические особенности экономики этих регионов.[19]

С начала 60-х годов XVIII века вятское крестьянство интенсивно включилось в поставку лесоматериалов в Нижнее Поволжье для нужд иностранных колонистов. Сенат поручил надзор за регулярностью таких поставок подполковнику Рязанову, специально выехавшему в Хлынов. Ему надлежало нанимать из крестьян работных людей для правильного устройства сплавных плотов и сопровождения их в пути к городу Саратову. Крестьяне брали подряды и на поставку леса к винокуренным заводам генерал-прокурора А.И. Глебова, Дедюхинским соляным промыслам и казенным металлургическим предприятиям.[20]

Активная деятельность населения Вятки была напрямую связана с его социальным передвижением. Нами привлечены материалы из различных архивных фондов, хранящихся в РГАДА, о движении вятского крестьянства населения в первой половине XVIII века (фонды Поместного приказа, Вятской провинциальной канцелярии, ландратских книг и ревизских сказок). Статистической обработке подверглись переписные книги, ведомости об убылом населении за 20-40-е годы XVIII века, ревизские сказки (до 3 ревизии включительно) по станам и волостям Хлыновского уезда. Источники позволяют проследить динамику движения населения в первой половине XVIII в.

Хлыновский уезд занимал в XVIII веке центральное положение в Вятской провинции. Это был наиболее населенный уезд в крае (из 142 тысяч душ м.п., числившихся в провинции, в Хлыновском уезде проживало более 74 тыс. м. душ, то есть 50 %). Большинство населения составляли черносошные крестьяне (более 70 %), монастырских и архиерейских крестьян было около 25 % населения уезда.[21] Ста-

тистический анализ всего комплекса материалов демографического учёта (подворные переписи вятского населения 1706, 1710, 1717 годов, подушные переписи 1, 2 и 3 ревизий за 20 – 60-ые годы XVIII века) позволяет выявить тенденции миграционных процессов в крае и, прежде всего, в его центральной части – Хлыновском уезде. Так, по данным переписных книг 1706 года, охвативших волости и станы Филипповой слободки и Ошланской волости, писцами-бурмистром Иваном Кудриным (прибывшим из Москвы) и его «товарищами» – земским Федором Сунцовым, вятским бурмистром Михаилом Пашкиным – было зафиксировано 468 пустых дворов. К 1710 году их число возросло до 820 дворов. Из 210 дворов (то есть 44,87 %) владельцы ушли «безвестно», или же «сбегли с Вятки».[22]

После проведения в 20-ые годы XVIII века первой ревизии крестьяне, покинувшие свои дворы без разрешения местной администрации и оформления специальных паспортов, считались беглыми. С точки зрения властей бегство лишало правительство персонифицированного объекта фискального обложения.

При проведении на Вятке второй общегосударственной переписи в 1743-1745 годах обнаружилась значительная доля беглых крестьян – до 10 % (например, 437 человек из 4979 душ м.п. Великорецкого оброчного стана).[23] В большинстве случаев место крестьян-беглецов на социальной лестнице несколько понижалось, так как они превращались в половников или срочных работников в хозяйствах состоятельных сельских жителей. Только немногие из ушедших крестьян приобрели на новых местах «свои дворы». Например, крестьянин Емельян Никитин сын Нелюдин сообщил, что «роду де ему 39 лет..., он ... родом Хлыновского уезда Великорецкого оброчного стана Подрельской волости», вместе с другими крестьянами сошёл «от хлебной скудости», но «купя... у крестьянина Вершинина... некоторую часть с хоромным строением» жил ещё «семь лет».[24] Уход крестьян на другие земли сочетался с открытым бегством. По абсолютным размерам бегства превалировали вотчины Вятского Успенского Трифонова монастыря, особенно Сунская и Кырчанская. Из каждой из них бежало свыше 100 чел. (120-140 чел.), что составило почти 10 % всех беглых Хлыновского уезда. Чем же это объяснить? Нам думается, что причину следует искать в крепостнической политике монастырских властей. Известно, что в ходе первой ревизии монастырские власти закрепили за собой немало черносошных крестьян, работавших на монастырской земле в качестве половников. Эти крестьяне юридически стали считаться властями монастыря и вятской консистории «своими», их стали обязывать, как и других вотчинно-церковных крестьян, исполнять не только половничьи повинности, но и содержать монастырских управителей, обновлять монастырские хозяйственные постройки и возводить новые. Прошли

годы, и в середине XVIII в. произошёл массовый отказ этих крестьян считать себя зависимыми от монастырей. [25]

Из черносошных волостей крестьяне в среднем бежали меньше, но всё же некоторые из них по числу беглых оказывались весьма заметными. Это, в первую очередь, относится к Косинской и Закурмыжской волостям Филипповой слободки, откуда бежало около 100 человек из каждой (6-8 % от всего населения), а также к некоторым волостям Великорецкого оброчного стана. Столь внушительные цифры беглых зависели от ряда обстоятельств. Во-первых, продолжалось освоение вятской территории: крестьяне уходили на новые починки, вырубали лесные участки и заводили на них пашни. Такое движение населения выключало его на некоторое время из поля зрения провинциальной, уездной и волостной администрации. Нельзя не учитывать и роста товарности сельскохозяйственного производства, о чём говорилось выше. Развитие товарно-денежных отношений с ростом внутреннего рынка, а также и связь Вятки с внешнеторговыми операциями, отрывали некоторую часть крестьян от пашни. Эти крестьяне уходили на разные промыслы, нанимались к купцам на корабли (струги) или же составляли многочисленные обозы, обслуживавшие торговые пути. Вывоз товаров с Вятки к Ношульской пристани, а далее поставки их по рекам Вычегде и Северной Двине к Архангелогородскому порту, откуда они поступали на западноевропейские рынки, превратились в обычное занятие многих крестьян северо-западных волостей Вятки. Часть крестьян надолго, если не навсегда, покидали свои деревни.[26]

На Вятке вторая общегосударственная перепись проводилась под надзором «главного ревизора» полковника Ифлонта. По его приказу в начале 1748 года переписчики составили ведомость всего «убылого» населения в Хлыновском уезде за 1722-1747 годы. Этот источник сохранился полно, отсутствуют лишь итоговые данные. Список «убылых» лиц занимает более тысячи листов, в нем отмечены умершие, отданные в рекруты и беглые с указанием времени «выбытия». Проведенные подсчеты показали, что за указанный период выбыло 32.443 души м.п., из них «беглых» оказалось 1.474 человека. Таким образом, на бегство пришлось 4,54 % всей убыли населения. Среди беглецов преобладали крестьяне различных вятских волостей и станов. Так, если из провинциального центра – города Хлынова бежало 147 человек, то из волостей и станов уезда – 1327 человек.[27] К сожалению, ведомость полковника Ифлонта не содержит сведений о районах, где оказались мигранты-беглецы. Однако нельзя, конечно, думать, что все они порывали с сельским хозяйством. Многие из них поступали в работники к местным крестьянам на условиях срочного найма или же половья, продолжая заниматься земледельческим трудом.[28]

Одной из причин отрыва части крестьян от земледелия оказывалась

необходимость уплаты подушных денег. Зачастую этим пользовались заводовладельцы, выдававшие крестьянам нужные деньги в долг, который отрабатывался на заводах. Так, в 60-ые годы XVIII века Савва Яковлев – «содержатель» Холуницкого и Климковского железных заводов, находившихся в Слободском уезде Вятской провинции, выдавал деньги крестьянам Вобловитской экономической вотчины, получая взамен крестьянские письменные обязательства выполнять заводские работы.[29] Как видно из этого факта, проведенная в феврале 1764 года секуляризация церковно-монастырских вотчин, позволила бывшим церковным крестьянам покидать свои пашни и втягиваться в сферу промышленного производства. Однако в условиях абсолютистско-крепостнического режима это не всегда легко можно было осуществить.

В конце 60-х годов XVIII века правительство императрицы Екатерины II, встревоженное растущим процессом отрыва крестьян от земледельческого труда и заинтересованное в насаждении на Севере поземельной общины, попыталось помешать крестьянскому отходу. Особенно настойчиво эта политика проводилась в экономических (бывших церковно-монастырских) вотчинах. В феврале 1766 года вятскому экономическому казначею П. Баратаеву было повелено отпускать крестьян на заработки только с разрешения «всего мира».[30]

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что население Вятки в первой половине XVIII века было активным субъектом общих экономических и социальных процессов, свойственных земледельческо-промысловому характеру Европейского Севера России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Троицкий С.М., Волков М.Я. О буржуазном расслоении и складывании рынка наемной рабочей силы в России в первой половине XVIII в. // ж. История СССР. 1965. № 4; Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 264-273.

[2] РГАДА. Ф. Вятской провинциальной канцелярии. № 425. Оп. 2. Д. 98. Л. 2-3 об., 49-51 об.

[3] Столетие Вятской губернии. Т. 1. Вятка. 1880. С. 160.

[4] РГАДА. Ф. Хлыновской таможни. № 834. Оп. 1. Дела. 308, 310, 311; Луппов П.Н. История города Вятки. Киров, 1958. С. 128.

[5] РГАДА. Ф. Хлыновской таможни... Дела 14, 47, 208, 215, 232, 234, 308, 310, 311, 314, 315, 320, 325, 326, 330, 336, 338, 344, 349, 353, 359, 360, 370; Эммаусский А.В. Исторический очерк Вятского края XVII-XVIII веков. Киров, 1956. С. 55-67.

[6] РГАДА. Ф. Вятской провинциальной канцелярии... Оп. 2. Д. 190. Л. 1-1 об.

[7] Там же. Оп. 2. Д. 298. Л. 108-109.

[8] Там же.

[9] РГАДА. Ф. Хлыновской таможни. Оп. 1. Д. 234.

[10] Там же. Д. 310.

[11] Комиссаренко А.И. Хлыновский городской рынок в 30-40-х годах XVIII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 446-455.

[12] Токарев С.В. Крестьяне Вятской провинции в XVIII веке. Вятка, 1928.

[13] Отрывки из сочинений путешественников XVI-XVIII вв. о Вятке. Вятка, 1897. С. 14.

[14] РГВИА. Ф. Военно-ученого архива. Оп. 1. Д. 18688. Ч. 1. Л. 56.

[15] РГАДА. Госархив. Разряд XVI. Оп. 1. Д. 681. Л. 1-1 об.

[16] Троицкий С.М. Хлебный рынок Архангельска в первой четверти XVIII в. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. IX. М., 1957. С. 183; Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005. С. 341-353, 403-410, 461-469 и др.

[17] РГАДА. Ф. Хлыновской таможни... Оп. 1. Д. 320. Л. 1-30; Д. 340, Л. 1-308.

[18] Там же. Д. 47. Л. 1-173 об. Д. 208. Л. 1-213 об.

[19] Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века. М., 1958. С. 112. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2006. С. 522-523.

[20] Более подробно об этом см.: Комиссаренко А.И. Промысловые занятия и отход вятского крестьянства в первой половине XVIII в. // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 389.

[21] РГАДА. Ф. Вятской провинциальной канцелярии. Оп. 2. Д. 176. Л. 78-79.

[22] РГАДА. Ф. Поместного приказа. Кн. 1097. Л. 1-2, 31 об., 115.

[23] РГАДА. Ф. Вятской провинциальной канцелярии... Оп. 2. Д. 176. Л. 78-79.

[24] Там же. Оп. 2. Д. 124. Л. 1.

[25] Комиссаренко А.И. Волнения крестьян вятских духовных вотчин в 40-50-х годах XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1965. С. 376-387.

[26] Комиссаренко А.И. Крестьянская торговля на Вятке в первой половине XVIII в. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. XXI. М., 1966. С. 271-278.

[27] РГАДА. Ф. Ландратских книг и ревизских сказок. № 350. Оп. 3. Дела 3675, 4676. Л. 1-1112 (полинация едина по указанным делам).

[28] См. более подробно: Комиссаренко А.И. Движение сельского населения Вятки в первой половине XVIII в. (по материалам Хлыновского уезда). // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 121-136.

[29] РГАДА. Ф. Коллегии экономии. № 390. Оп. 1. Д. 8885. Л. 1-1 об.

[30] Там же .Комиссаренко А.И. Европейский Север в системе русско- нидерландских торговых связей в ХУШ веке (обзор документовгородского архива г. Амстердама)//Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии.Вологда, 1995. С. 245-248.

* * *

А.Ю. Кононова

К изучению формуляра переписных книг, составленных в приказе Большого дворца в конце 70-х-начале 80-х гг. XVII в.*

Как показано в отечественной историографии, во второй половине XVIIв. писцовые описания дворцовых вотчин проводятся обособленно от Поместного приказа в учреждениях дворцового ведомства, в частности, в Хлебном приказе и в приказе Большого дворца[1]. Основная масса дворцовых владений была описана в 1672-1682 гг.[2] Комплекс писцовых и в том числе переписных книг, явившихся результатом этой деятельности, как известно, погиб вместе с другими материалами Московского дворцового архива во время пожара в 1737 г. Однако часть этого комплекса сохранилась в копиях.

Изучение переписных книг, составленных в приказе Большого дворца, показывает, что формуляр их имеет свои особенности. Наиболее четко эти особенности проявились в переписных книгах второй половины 70-х-начала 80-х годов XVII в. В их число входят две переписные книги дворцовых вотчин Казанского уезда села Вознесенского на Сарапуле и Анатошской волости, составленные писцами приказа Большого дворца Матвеем и Григорием Супоневыми в 1676-1678 гг.[3] Копии этих книг 1-й половины XVII в. были выявлены в дворцовом отделе РГАДА и опубликованы Н. С. Половинкиным в 1992 г.[4] Близкий к ним формуляр имеет и переписная книга дворцового села Сергач и его деревень, составленная И. Елизаровым в 1679 г., которая дошла до нас в списка конца XVIII в.[5] По аналогичной методике писцы приказа Большого дворца К.И. Данилов и Н.Г. Левашов в 1678-1681 гг. фиксировали тяглые дворы государевых Белогородской волости и села Лысково «с уездом» Нижегородского уезда. Переписные книги – результат их деятельности находятся в составе писцовых комплексов, включающих также собственно писцовые и межевые книги названных дворцовых вотчин. Эти комплексы также сохранились в виде копий XVIII в.[6] Сопоставление итоговых данных 5-ти названных переписных книг с числом фактически зарегистрированых в них дворов показывает, что содержание их передано в копиях полностью. Однако вводные части присутствуют только в двух из них – Белогородской волости и села Лысково.

Во всех перечисленных книгах дворы «старинных» крестьян и бобылей описаны отдельно от дворов «пришлых». Такая структура определялась наказами из приказа Большого дворца, содержание

Конова Антонина Юрьевна, к. и. н., научный сотрудник РГАДА (Москва)

которых включено в водные части, сохранившиеся, как уже отмечалось, к 2-м книгам. Так, писец Н.Г. Левашов и подьячий П. Стахеев, описывавшие в 1678-79 гг. Белогородскую волость, должны были зафиксировать «кто имяны тех сел и деревень крестьяня старожильцы и новоприходцы и в котором году и откуду пришли»[7]. В наказе, данном писцу К.И. Данилову и подьячему Г. Михайлову на перепись дворцового села Лысково в декабре 1680 г., заключалось требавание описать «старинных и пришлых людей крестьян и бобылей дворы»[8]. «Пришлые» люди названы также в книге «новожители», «новые жители»[9].

Сбор данных о «пришлых» крестьянах и бобылях был одной из задач писцов приказа Большого дворца уже в начале 70-х годов 17 в. Так, наказ писцу Ф.В. Нащокину и подьячему Е. Аникееву, описывавшим в апрелемае 1674 г. Сомерскую и Сеченскую дворцовые волости Новгородского уезда, включал требование фиксировать сведения «про государевых старых и пришлых... крестьян», а также «новоселенные сколь давно и откуды пришли».[10] В наказе не конкретизировано понятие «пришлый». В нем сказано, чтобы крестьянам, «которые учнут селиться» давать «льготу» сроком до 5-ти лет максимум: «А болши пяти лет льготы никому не давать».[11] То, что «пришлыми» те или иные крестьяне и бобыли считались в течение первых 5-ти лет жизни на новом месте не подтверждает материал переписных книг дворцовых вотчин Казанского уезда и села Сергач 1676-1679 гг. Многие крестьяне, зафиксированные там в категории «пришлых», проживали на новом месте много больше пяти лет. Понятие «пришлые» конкретизировано в источниках более позднего времени, в частности, в наказе писцам приказа Большого дворца стольнику И. Ушакову и подьячему М. Козлову, фиксировавшим «пришлых» людей дворцовой Терюшевской волости в 1692-1693 гг.[12] Согласно наказу, к «пришлым» относились крестьяне (бобыли), «которые пришли после переписных книг стольника Ивана Елизарова и подьячего Никифора Соболевского»[13], то есть не были зафиксированы последней по времени переписью. Это подтверждается и описанием крестьянских дворов в их книге. Так, двор крестьянина Ф. Трофимова имеет описание: «(в) Федка Трофимов, у него брат Петрушка, в роспросе сказались родиною Ростовского уезду дворцовой Великосельской волости деревни Сытино, бывал крестьянин, а в Армалей (деревня Терюшевской волости – *А.К.*) пришол жить тому лет з дватцать, а в переписных книгах не написан»[14]. Сведения о дворах «пришлых» людей присутствуют и в переписной книге Алатырского уезда 1671 г., опубликованной в 1979 г.[15] Однако дворы «пришлых» описаны в ней хаотично среди прочих крестьянских и бобыльских дворов – по-видимому в порядке поступления сведений о них к писцу. Понятие «старинные» крестьяне и бобыли в книге не фигурирует.

Все вышеуказанные переписные книги, составленные в приказе

Большого дворца в конце 70-х-начале 80-х гг. XVII в. имеют другой формуляр. Каждый их раздел с описанием жилых крестьянских или бобыльских дворов делится на два подраздела; первый включает сведения о дворах «старинных» крестьян (бобылей), второй – о дворах «пришлых» крестьян (бобылей). При этом каждый такой подраздел имеет итоговую запись. После жилых дворов традиционно описаны пустые.

Раздельное описание дворов «старинных» и «пришлых» крестьян и бобылей отличает переписные книги приказа Большого дворца от переписных книг Поместного приказа, в которых это различие не зафиксировано. Так, П.Д. Свечин и подьячий Д. Андреев, проводившие в 1678-1679 гг. перепись тяглого населения поместий и вотчин Закудемского стана Нижегородского уезда описывали в целом дворы «крестьян и бобылей».[16] Понятия «старинные» и «пришлые» не отражены и в переписной книге села Лысково, составленной в Хлебном приказе в 1678 г. накануне его ликвидации.[17]

В то же время формуляр описания дворов крестьян и бобылей, как «пришлых», так и «старинных», в вышеперечисленных книгах был неодинаковым. Так, методика описания дворов «старинных» крестьян и бобылей при составлении переписных книг дворцовых волостей Казанского уезда и села Сергач в 1678-79 гг. была такой же, что и в писцовой деятельности Поместного приказа. В книгу включались сведения об именах, отчествах и прозвищах дворовладельцев, мужской половины их семей и другого населения двора (соседей, подсоседников, захребетников и др.), о возрасте несовершеннолетних детей м.п., наличии во дворах «особых изб» (может быть избы недворовладельцев ?).

Описание же дворов «пришлых» крестьян и бобылей в этих книгах отличается полнотой. Оно выполнено точно по программе, которой должны были руководствоваться писцы Белогородской волости в том же 1678 г. – «кто имяны крестьяня приходцы и в котором году и откуду пришли»[18]. Так, книги М. и Г. Супоневых включают сведения о прежнем месте жительства «пришлых», времени поселения на новом месте. В них также приводятся данные о тягле, которое платилось на прежнем месте жительства. Так, М. Супоневым в селе Вознесенское что на Сарапуле Казанского у. был зафиксирован двор «пришлого» крестьянина А. Никитина: «(в) Агапитко Никитин, сказался Осинской слободы крестьянин, а тягла платил на год по пяти рублев, и пришел он в то село тому четвертый год».[18] Переписная книга села Сергач 1679 г. включает аналогичные сведения о «пришлых», за исключением данных о прежнем тягле. Так, двор «пришлого» бобыля К. С. Керенского имеет в книге описание: «(в) Карпунка Семенов сын Керенской, у него сын Андрюшка, у него ж шурин Ивашка Иванов, пришел ис Керинска городу с посаду во 186-м году».[19]

В одной из трех рассматриваемых книг – села Вознесенского что на Сарапуле после заключительных итоговых данных следует запись о количестве дворов, входивших в выть; «По указу государеву положено по 16 дворов в выть»[20]. Эта запись дает обобщенное представление о тягле, которое платили крестьянские и бобыльские дворы.

В переписных книгах Белогородской волости и села Лысково 1678-1681 гг. о «пришлых крестьянах и бобылях сообщается тот же набор сведений, что и о «старинных». В этом смысле текст названных книг по существу разнится с их введениями, где, как уже отмечалось, предписывалось сообщать о прежнем месте жительства «пришлого» крестьянина (бобыля) и времени его поселения на новом месте. Переписные книги К.И. Данилова и Н.Г. Левашова не включают такой информации о «новожителях». Правда, в них сообщается о предоставлении крестьянам льготы и указывается ее срок ко времени переписи. Эти данные позволяют судить о времени поселения «пришлого» человека на новом месте.Вместе с тем описания тяглых дворов Белогородской волости и села Лысково помимо традиционных сведений об их владельцах и мужском населении включают данные о размерах тягла, взимаемого с каждого двора. Они, в частности, показывают, что одни крестьяне села Лысково платили по «пол-пол-пол-трети выти», другие по «пол-пол-пол-чети выти», «пол-пол-чети выти», «пол-пол-трети выти»[21]. Подать, взимаемая с бобыльских дворов, была качественно иной, с них взимался исключительно денежный налог. Каждый бобыльский двор платил, как правило, по «одной мортке»[22]. При описани дворов указывался также размер «захребетного», которое уплачивали владельцам захребетники и соседи.

В формуляр описания белогородских, а также лысковских крестьянских и бобыльских дворов 1678-1681 гг. входят сведения об их размерах – «по мере сажен в длину и поперег». В переписной книге Белогородской волости, составленной на два года раньше книги по селу Лысково, эти сведения соединены с данными о тяглом населении дворов в одной статье. В переписной же книге села Лысково 1680-81 гг. сведения о размерах тяглых дворов приведены в ее отдельной части. Эта часть является фактически повторным описанием дворов с указанием имен и фамилий их владельцев, а также размеров.

Вместе с тем в названных книгах методика описания размеров тяглых дворов была одинаковой. И в той и в другой книге можно выделить два способа их описания. Первый способ предусматривал описание по формуле: «По воротам ширина..., длина со огородом..., ширина в другом конце...»[23]. Так описано две трети жилых крестьянских дворов села Лысково и большая часть тяглых дворов Белогородской волости. Второй способ предполагал дифференцированное описание дворов и огородов по формуле: «Ширина по воротам..., длина двору..., ширина в другом

конце..., длина огорода..., ширина огорода...»[24] Отдельно от огородов описано треть крестьянских жилых дворов села Лысково и меньшая часть дворов Белогородской волости.

Материал рассматриваемых книг дает возможность судить о форме дворов, показывая, что большинство их образовывали на плоскости фигуры, близкие к прямоугольникам. Вместе с тем выделяется группа дворов, имевших уникальную форму. Данные книг предоставляют также возможность судить о площади дворов в целом, которая варьировалась от 100 до более чем 1000 квадратных сажен. Они позволяют также выявить внутреннюю структуру дворов.

В переписной книге села Лысково присутствуют сведения о путях приобретения крестьянами (бобылями) огородной земли, в частности, о ее покупке, но они носят случайный характер, не будучи предусмотренными формуляром.

В обязанность писцов приказа Большого дворца входило сравнение итогов своей переписи с итогами предыдущей по данной вотчине. Как предписано в наказе Н.Г. Левашову, фиксировавшему в 1678 г. тяглые дворы Белогородской волости, «И что пред списками с прежних писцовых и с приходных окладных книг по-новому прибыло и убыло, и то имянно писано в сих книгах».[25] В связи с этим во всех рассмотренных книгах после заключительных итоговых данных приведены итоги предыдущей переписи данной вотчины. Зафиксированы и результаты сравнительного анализа, показывающие конкретные изменения в численности дворов и населения. Так, в переписную книгу дворцового села Вознесенского что на Сарапуле стольника М. Супонева включены данные переписи села Г. Супонева, проведенной до этого. В переписной книге села Сергач и его деревень 1679 г. итоговые данные сопоставляются со сведениями о численности их дворов и населения по переписи С. Нестерова 1673 г. Эти же данные переписи С. Нестерова находятся и в описи Хлебного приказа, опубликованной Я.Е. Водарским.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование проведено в рамках работы по проекту РГНФ № 06-01-00255а.

[1] Веселовский С.Б. Сошное письмо. Т.2. М., 1916. С. 239-241; Водарский Я.Е. Переписи населения в России и других странах. //Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 59

[2] Водарский Я.Е. Указ. соч.

[3] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1444. Л. 135-189; Д. 1580. Л. 25 об. - 31 об.

[4] Половинкин Н.С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI-первая половина XIX веков). Тюмень, 1992. С. 80-92, 95-101.

[5] РГАДА. Ф. 1321. Оп. 2. Д. 1074. Л. 68-88.

[6] НГОУНБ. Ц. 24882; РГАДА. Ф. 1321. Оп. 2. Д. 798. Л. 135-282; РГБ. ОР. Ф. 178. Д. 9630.
[7] РГБ. Ф.178. Кн. 9630. Л. 3.
[8] РГАДА. Ф. 1321. Оп. 2. Д. 798. Л. 135.
[9] НГОУНБ. Ц. 24822. Л. 93, 96, 99.
[10] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1523. Л. 1.
[11] Там же. Л. 9.
[12] НГОУНБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9.
[13] Там же. Л. 2 об.
[14] Там же. Л. 23.
[15] Переписная книга мордовских поселений Алатырского у. 1671. Саранск, 1971.
[16] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7530. Л. 1.
[17] РГБ. ОР. Ф. 178. Д. 9986.
[18] Половинкин Н.С. Указ соч. С. 87.
[19] РГАДА. Ф. 1321. Оп. 2. Д. 1074. Л. 78.
[20] Половинкин Н.С. Указ. соч. С. 92.
[21] НГОУНБ. О.Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 41 об.-171.
[22] Там же.
[23] РГАДА. Ф. 1231. Оп. 2. Д. 798. Л. 209.
[24] Там же. Л.209, 210 об., 215-224 об.
[25] РГБ. ОР. Ф. 178. Кн. 9630. Л. 3 об.

* * *

А.Н. Красиков

К вопросу о типологии книжных инвентарей XVI–XVII вв.

Изучение социокультурных аспектов функционирования русских средневековых монастырей, в том числе и церковно-монастырской книжной культуры, является одним из перспективных направлений современной исторической науки. Подобные исследования, как и любые другие, нуждаются в серьезной источниковедческой разработке.

В настоящей работе предпринимается попытка анализа типологии и структуры основного массового источника по истории церковных и монастырских библиотек XVI – XVII вв. – книжных инвентарей. Исследование книжной культуры позднего Средневековья и раннего Но-

Красиков Алексей Николаевич, сотрудник ГОУ ВПО Исторического факультета ВГПУ (Вологда)

вого времени немыслимо без использования книжных инвентарей, однако специальные работы по их источниковедению отсутствуют. Историки, как правило, сосредотачивают свое внимание на анализе монастырских описей строения и имущества, составной частью которых зачастую являются книжные инвентари. Ценные наблюдения по источниковедению монастырских описей сделаны Р. П. Дмитриевой, З. В. Дмитриевой, Е. В. Крушельницкой[1].

Немногочисленные работы, посвященные непосредственно книжным инвентарям как историческому источнику, в первую очередь ориентированы на анализ конкретных текстов, а не на выявление общих особенностей и тенденций развития[2].

Прежде всего, следует дать понятие книжного инвентаря. Книжный инвентарь – самостоятельный документ или фрагмент более крупного исторического источника, содержащий перечень книг того или иного книжного собрания с их описаниями, выполненными по определенному формуляру. Необходимо заметить, что термин «книжный инвентарь» весьма условен, поскольку привнесен непосредственно исследователями и не употребляется в источниках.

Наиболее ранний известный нам книжный инвентарь является частью описи имущества Луцкого Красносельского Спасского монастыря, созданной около 1429 г.,[3] он представляет собой запись на полях Евангелия. Также к Юго-Западной Руси относится книжный инвентарь в составе описи Слуцкого Троицкого монастыря архимандрита Иосифа, нареченного епископа Смоленского, при сдаче его имущества 1494 г.[4] Древнейший книжный инвентарь Северо-Восточной Руси содержится в составе духовной преподобного Дионисия Глушицкого 1436 г.[5] В XVI в. с распространением практики создания монастырских описей количество книжных инвентарей увеличивается, монастырские библиотеки входили в число обязательных объектов описания, как следствие, большинство описей имели специальный раздел, посвященный книгам. К первой половине XVI в. относится формирование практики создания книжных инвентарей церковных библиотек, в первую очередь это коснулось церквей, находящихся в вотчинах монастырей и использующих их имущество. Наиболее ранний пример подобного описания можно найти в описи Соловецкого монастыря 1549 г.[6] В писцовых книгах 60-х – 70-х гг. XVI в. впервые возникают книжные инвентари городских приходских церквей (как правило, соборных храмов, ружных церквей)[7], но встречаются они не регулярно, писцы предпочитают заменять описание церковного имущества общими формулами. Еще более редкими являются книжные инвентари сельских приходских церквей, скромное имущество которых мало интересовало государство, тем не менее, в ряде писцовых книг подобные материалы имеются[8]. Уникальными являются книжные

инвентари личных библиотек отдельных церковных иерархов. К этой группе можно отнести упомянутый выше инвентарь в составе духовной Дионисия Глушицкого, поскольку его личная библиотека и библиотека монастыря на ранней стадии его существования практически не разделимы, кроме того, необходимо упомянуть о перечне книг в составе духовной грамоты архиепископа Вологодского Симона 1684 г.[9] и описи книг Александра епископа Великоустюжского и Тотемского 1698 г.[10]

Таким образом, типология книжных инвентарей XVI – XVII вв. может быть основана на нескольких принципах.

По критерию исторического источника, в составе которого находится книжный инвентарь, можно выделить 4 группы: 1) самостоятельные тексты, 2) инвентари в составе монастырских описей строения и имущества, 3) инвентари в составе писцовых и дозорных книг, 4) инвентари в составе актовых источников (как правило, духовных грамот).

По критерию объекта описания можно выделить инвентари монастырских библиотек, церковных библиотек и инвентари библиотек отдельных церковных иерархов.

Инвентари указанных групп имеют некоторые особенности, обусловленные целями и временем их составления и характером описываемых книжных собраний. Наибольшего развития и разнообразия по структуре книжные инвентари достигли в составе монастырских описей строения и имущества.

Книжный или библиотечный инвентарь может размещаться в тексте описи как в форме единого раздела или подраздела, так и в составе нескольких разделов. Основной раздел может иметь различные заголовки в зависимости от места хранения книг. Если книги хранились в казне, то заголовок раздела чаще всего был следующим: «Да в казне книг».[11] Если в специальной книгохранительной палате, то – «Да в книгохранительнеи книг» (опись Кирилло-Новоезерского монастыря 1657 г.).[12] Либо с указанием места нахождения книгохранилища – «Да под приделною колоколницею полатка каменная книгохранителная, а в ней книги» (Отписная книга Корнильево-Комельского монастыря 1657 г.).[13] В некоторых монастырях, особенно крупных, их книжный фонд был размещен в нескольких основных хранилищах (а значит, описан в нескольких разделах описной книги). Так, в Кирилло-Белозерском монастыре по данным описи 1601 г. книги хранились в специальном книгохранилище, ризнице и казне.[14] Такой же порядок хранения существовал в середине XVII века и в крупнейшем в России Троице-Сергиевом монастыре.[15]

Книги, размещенные в церквях могут быть сведены в описях в единый раздел, озаглавленный «Да книг во церквах»,[16] или описываться в специальных подразделах после описания книг, находящихся в основном

хранилище.[17] Напрестольные Евангелия чаще всего описывались в разделах соответствующих церквям, где они находятся, но имеется случай сведения информации о них в специальный раздел.[18] Книжные фонды приписных церквей и монастырей описываются по месту их хранения, то есть вместе с приписной церковью или монастырем.[19]

Внутренняя организация книжного инвентаря была различной. Н.Н. Зарубин связывал порядок перечисления книг в описи с порядком их расстановки на полках или «в коробьях».[20] Это предположение, на наш взгляд, верно только при условии, что опись составлена по топографическому принципу, а это характерно отнюдь не для всех монастырских описей. Топографическому принципу противоречат приведенные выше примеры объединения в общий раздел книг, хранящихся по разным храмам, всех напрестольных Евангелий и так далее. Е.В. Крушельницкая, анализируя структуру текстов описей Соловецкого монастыря XVI в., приходит к выводу, что «преобладающий поначалу топографический принцип описания все в большей степени сочетается с предметной систематизацией объектов учета».[21]

Подразделы в книжном инвентаре могут выделяться по нескольким принципам:

1. Принцип содержания – группировка книг в тексте описи по их содержанию, обычно начиная с напрестольных Евангелий. Примером такого порядка описания может служить опись Корнильево-Комельского монастыря 1657 г.

2. Принцип содержания и формата – группировка книг сначала по содержанию, а затем по формату, например описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 и 1591 гг.[22]

3. Принцип формата и типа. Данный тип структурирования книжных инвентарей достаточно редок, ярким его примером является опись Лопотова монастыря 1668 г.[23]

4. Принцип принадлежности одному вкладчику или бывшему владельцу. В специальный подраздел иногда выделяются книги, принадлежащие основателю монастыря – «Чюдотворца Кирилла книги»,[24] или вкладчику, сделавшему значительный вклад в монастырь – «А се Досефеева данья книг, игумена бывшаго».[25]

5. Принцип времени появления книг в библиотеке. Обычно, выделяют книги, появившиеся после последней описи или при действующем игумене – «А те книги старые, в прежних отписных книгах были прописаны. Да вновь книг».[26]

6. Принцип происхождения. Он встречается достаточно редко, в качестве примера можно привести опись Павло-Обнорского монастыря 1683 г., где в специальный подраздел выделены «выморные», то есть выморочные книги.[27]

Следует отметить, что в одном источнике могут сочетаться несколько

принципов, а может не использоваться ни один из них. Выделение подразделов по принципу принадлежности одному вкладчику или бывшему владельцу часто носит фрагментарный характер.

Важным аспектом анализа книжных инвентарей является исследование отдельных описаний рукописных и старопечатных книг в их составе. Описания выполнялись по определенной схеме и состоят из достаточно постоянного набора элементов. Их можно разделить на основные и дополнительные. Под основными здесь понимаются элементы, наиболее важные для описания книги (наименование, тип, формат); под дополнительными – элементы, уточняющие и дополняющие основные (место печати, материал, прибор, переплет и т. д.). Анализируя наличие и сочетание тех или иных элементов формуляра можно вывести их типологизацию. Наиболее кратким и наименее информативным является номинальный формуляр, то есть, состоящий из одного элемента – наименования. Основной с неполным составом формуляр включает в себя 2 из 3 основных элементов и не имеет дополнительных, одним из элементов является наименование, а вторым – тип или формат. Основной формуляр состоит из 3 основных элементов – наименования, типа, формата. Распространенный формуляр включает все основные и хотя бы один дополнительный элемент. На практике многие формуляры, имеющие дополнительные элементы, но не содержат одного из основных элементов, например типа, такой формуляр мы предлагаем определить как распространенный с неполной основой.

Основным направление развития книжных инвентарей в составе монастырских описей был процесс усложнения формуляров книжных описаний. Так, опись имущества Антониева-Сийского монастыря 1551 г. на 82% состоит из номинальных формуляров описания книг,[28] тогда как в описи Кирилло-Новоезерского монастыря 1657 г. элементы «тип» и «формат» отсутствуют только в 12,5% описаний[29].

Для книжных инвентарей монастырских библиотек в составе писцовых книг характерны в целом те же особенности что и для инвентарей в составе отдельных описей имущества. Необходимо отметить, что общая структура описи монастырского имущества в составе писцовых книг сохраняется, но при описании небольших обителей писцы склонны сокращать текст (а следовательно и книжный инвентарь), что ведет к росту числа номинальных формуляров при описании книг. В отдельных случаях писцы ограничиваются лишь указанием Напрестольного Евангелия, не уделяя внимания остальным книгам, (описание Вологодского Горнего Успенского женского монастыря в составе писцовой книги 1627 г.)[30], при этом библиотека другого вологодского монастыря – Ильинского – описана в полном объеме.

Аналогичная ситуация складывается и с описаниями библиотек приходских церквей. Писцы в первую очередь были заинтересованы в

фиксации имущества крупных соборных храмов и церквей, получавших государственную ругу. При этом подробность имущественной описи в целом и книжного инвентаря в частности напрямую зависит от богатства церкви, чем большим имуществом обладал храм, тем более обстоятельной ревизии он подвергался. Описания городских приходских церквей, существовавших на средства прихожан, встречаются значительно реже, большую ценность в этом отношении представляет дозорная книга Белоозера «письма и дозору» Г. И. Квашнина и подьячего П. Дементьева 1617/18 г., зафиксировала имущество всех действующих церквей города.[31] Для книжных инвентарей сельских и городских церквей характерна краткость описания, отсутствие внутренней структуры, зачастую неточность и двусмысленность формулировок, не позволяющая точно определить принадлежность характеристик к одной или нескольким описываемым книгам. Все это говорит о том, что писцы изначально не были заинтересованы в описании богослужебного имущества, сосредотачивая свое внимание на экономических аспектах функционирования приходских церквей

Инвентари монастырских библиотек в форме самостоятельных текстов в XVI – XVII вв. Только начинают формироваться. В широкий оборот этот тип книжного инвентаря войдет только в XVIII в., в первую очередь в крупнейших монастырях страны (например, описи библиотеки Троице-Сергиевой Лавры 1723, 1729, 1767, 1795 гг.)[32] .

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что за два века своего развития книжные инвентари прошли путь от кратких записей в актах или на полях рукописи до самостоятельного вида источников со сложной внутренней структурой. Особенности структуры книжных инвентарей обусловлены теми целями и задачами, которые ставили перед собой их составители. В данной статье проанализированы лишь некоторые аспекты источниковедения книжных инвентарей, данная тема требует дальнейшего изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дмитриева З.В. 1) Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI-XVII вв. СПб., 2003; 2) Описи древнерусских монастырей XVI в. // Описи Соловецкого монастыря XVI века / Сост. З. В. Дмитриева, Е.В. Крушельницкая, М.И. Мильчик. СПб., 2003. С. 243-248; Дмитриева Р.П. Описи рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 16-23; Крушельницкая Е.В. 1) Описи строений и имущества Соловецкого монастыря XVI в. Кодикологические и текстологические особенности, датировка, структура текста. // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 255-281; 2) Содержание и структура текстов Соловецких описей XVI в. // Описи Соловецкого монастыря XVI века... С. 249-258.

[2] Билаченкова А.П. Книжные инвентари Кирилло-Белозерского монастыря XV-XVII вв. // Ферапонтовский сборник. Вып. V. М., 1999. С. 42-59.

[3] Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. СПб., 1847. №34.

[4] Там же. - №115.

[5] АСЭИ. Т. III. М.-Л., 1964. - №252.

[6] Опись Соловецкого монастыря 1549 г. // Описи Соловецкого монастыря XVI века... С. 51.

[7] Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М., 2002.

[8] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 480. Лл. 1-553, Кн. 486. Лл. 554 -1094.

[9] С. ЛЗАК. Вып. 3. СПб., 1864. С. 12-16.При публикации название документа ошибочно указано как «опись келейного имущества».

10 Книги Александра архиепископа Великоустюжского (1699 г.).// Рушевский Н. Описание Великоустюжского Успенского собора. Вологда, 1862. С. 124—127.

[11] Опись Соловецкого монастыря 1514 г. // Описи Соловецкого монастыря XVI века... С. 33.

[12] Опись строения и имущества Кирилло-Новоезерского монастыря 1657 года // Белозерье: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1998. С. 156.

[13] Отписная книга Введенского Корнильево-Комельского монастыря переписи В.Г. Данилова-Домнина, составленная при передаче монастыря игумену Рафаилу и келарю Александру 2 декабря 1657 г. // Городок на Московской дороге. Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1994. С. 153.

[14] Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное издание. СПб., 1998. С. 121-134, 154-155 и след.

[15] Попеску Т.А. Основные источники XVII века по истории библиотеки Троице-Сергиева монастыря. Опись 1641 г. и вкладные книги 1639 и 1673 гг. // Книгопечатание и книжные собрания России до середины XIX в. Л., 1979. С. 27.

[16] Опись Соловецкого монастыря 1549 г. // Описи Соловецкого монастыря XVI века... С. 45.

[17] См., например, Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года... С. 134 - 136

[18] Опись Соловецкого монастыря 1582 г. // Описи Соловецкого монастыря XVI века... С. 108-109.

[19] Опись Соловецкого монастыря 1549 г. // там же... С. 51; Опись строения и имущества Кирилло-Новоезерского монастыря 1657 года... С. 159-162.

[20] Зарубин Н.Н. Очерки по истории библиотечного дела в Древней Руси. Применение форматного принципа к расстановке книг в древнерусской библиотеке и его возникновение // Сборник Российской Публичной библиотеки. Т. 2. Вып. 1. Пг., 1924. С. 190-229.

[21] Крушельницкая Е.В. Содержание и структура текстов Соловецких описей XVI в. // Описи Соловецкого монастыря XVI века... С. 258

[22] Описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 и 1591 гг. // Книжные

центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности... С. 42-99.

[23] ОР РНБ. Q.-IV. № 397.

[24] Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года... С. 121.

[25] Опись Соловецкого монастыря 1514 г. // Описи Соловецкого монастыря XVI века... С. 33.

[26] Опись строения и имущества Кирилло-Новоезерского монастыря 1657 года... С. 156-157.

[27] Опись Павло-Обнорского монастыря Вологодской епархии 1683 г. // Известия Императорского Археологического общества. 1864. Вып. 3. С. 189.

[28] Опись Антониева-Сийского монастыря 1556 г. // ЧОИДР. 1878. Кн. 3. С. 7-14.

[29] Опись строения и имущества Кирилло-Новоезерского монастыря 1657 года... С. 139-165.

[30] Источники истории города Вологды и Вологодской губернии: I. Список с писцовой книгигорода Вологды, сделанный в 1629 году. Вологда, 1904. С. 141-143.

[31] 1617/18 г. - Дозорная книга города Белоозера »письма и дозору» Г.И. Квашнина и подьячего П. Дементьева (публикация Ю. С. Васильева) // Белозерье. Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда. 1994. С. 37-75. см. подробнее: Красиков А.Н. К изучению церковных библиотек Русского Севера первой трети XVII в. // Экология культуры и языка: проблемы и перспектив: сборник научных докладов и статей международной конференции. Архангельск, 2006. С. 304-308.

[32] ОР РГБ. Ф. 303. I. №№ 822, 823; ОР РГБ. Ф. 303. II. №№78, 79.

* * *

Е.Л. Ломако

Историко-статистические и географические материалы как источники по социально-экономическому развитию Коломны второй половины XVIII века

При обращении к историко-статистическим и географическим материалам Коломны второй половины XVIII в., включающим в себя как опубликованные описания, так и архивные источники, появляется возможность более полно представить аспекты социально-экономического развития города в это время. К опубликованным описаниям относятся «Топографические известия» Л.И. Бакмейстера (1771 г., данные 1761 г.), заметки И.П. Фалька (1769 г.), «Географический лексикон

Ломако Евгений Львович, аспирант КГПИ (Коломна)

Российского государства» Ф. Полунина (1773 г.), рапорт московского губернатора Ф.А. Остермана составленный в 1775 г., перед визитом Екатерины II, «Московский любопытный месяцеслов» В.Г. Рубана (1776 г.), «Описание городов Московской провинции» Г.Ф. Миллера (1778 г.), описание Московской губернии комиссией генерал-прокурора А.А. Вяземского (около 1783 г.), «Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами» Х.А. Чеботарёва (1787 г.), словарь А. Щекатова (1804 г.)1 . К архивным источникам, хранящимся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ), относятся различные ведомости о купцах, о городе, исторические, статистические, экономические и камеральные[2] описания, которые охватывают период с 60-х гг. до конца XVIII в. Данные историко-статистические и географические материалы составлялись по определённому канону, и показывают развитие Коломны во второй половине XVIII в., давая самые широкие сведения социально-экономического характера. Общими для них является освещение таких сторон жизни города, как: географическое положение, количество населения, его сословный состав, занятия; промышленность; торговля; состояние культовой и гражданской застройки. Помимо представленных сведений, в ряде рассмотренных описаниях помещён краткий исторический очерк о Коломне, а также можно почерпнуть сведения о коломенских архиереях, пожарах, эпидемиях.

Указанные источники нуждаются в ряде случаев в конкретной датировке, требуют сравнительного анализа с целью их соотношения друг с другом, так как ряд описаний, либо дублирует друг друга, либо является черновыми и окончательными вариантами. В РГАДА хранится историческое и статистическое описание Московской губернии[3], в составе которого находится и описание Коломны, полностью совпадающее с подобным же описанием, хранящимся в РГВИА, датированным 1776 г.[4] Но в деле, находящемся в РГАДА, присутствуют и ведомости «о рождённых, браком сочетавшихся и умерших» по всей Московской губернии с 1773 по 1779 гг., что позволяет более полно проанализировать демографическую ситуацию в Коломне во второй половине XVIII в. В РГАДА сохранилось и недатированное описание Коломны, подписанное чертёжным директором коллежским советником Кванчехазевым[5]. При обращении к фондам РГВИА конца XVIII в. появляется возможность датировать данное описание, и, более того, утверждать, что, скорее всего, оно является черновиком «Описания города Коломны» из описания Московской губернии[6], составленного тем же лицом. Указанные тексты совпадают дословно и отличаются друг от друга качеством написания. Также надо отметить и тот факт, что датированные 1800 г. описания,

хранящиеся в РГВИА, надо отнести к 1798 г. или 1799 г. Об этой датировке позволяет говорить то, что одно из описаний составлено под руководством действительного статского советника Аршеневского, а он находился в этом чине с мая 1798 г. по 1799 г.

Дополняют указанные описания и ряд других статистических документов из РГАДА, среди которых можно выделить следующие: ведомости коломенского магистрата о купцах за 1764 г.[7], ведомость об ущербе, понесённом коломенскими купцами после пожара с 7 на 8 октября 1775 г.[8], расходная книга затрат на поправление погоревшего архиерейского дома, дающая дополнительные сведения о занятиях коломенского купечества и мещанства[9], рапорт коломенского городничего 1785 г. о фабриках, заводах, количестве населения, торговле[10]. Помимо указанных источников необходимо обратить внимание и на публикации различных ведомостей, среди которых можно назвать «Ведомость, учиненную в санктпетебургской портовой таможне об отвозных за море российских товарах в прошлом 1764 г.»[11] и «Ведомость на 1775 год о состоящих в ведомстве Мануфактур-коллегии всех российских фабриках»[12].

В ЦИАМ основной комплекс документов по демографической ситуации в Коломне, по состоянию торговли, промышленности, ремесла, описания Коломны конца XVIII в. сосредоточен в фондах 41 (Коломенского городового магистрата), 203 (метрические книги уездов Московской губернии), 204 (Коломенская духовная консистория, Коломенско-Тульская духовная консистория). Фонд Коломенского магистрата предоставляет ведомости о количестве купцов, мещан, цеховых мастеров, лицах промышляющих ремеслом, но не состоящих в цехах и дворовых по третьей (1762 – 1767 гг.) и четвёртой ревизии (1782 – 1787 гг.), а также о бедных. Помимо этого, документы фонда позволяют судить о миграционных процессах через анализ сведений о причислении в коломенское купечество и мещанство и убытии из них. Благодаря делам фонда перед нами раскрываются проблемы, с которыми сталкиваются торгующие в Коломне купцы и мещане, пути их решения, предлагаемые указанными сословиями. Ряд дел из фонда Коломенского магистрата показывают, какая работа проводилась при составлении рапортов городничего, как был организован сбор необходимых сведений. Оценить размеры соляной торговли можно через анализ количества погоревшей соли в пожар 1782 г.[13] Метрические книги (1750 – 1801 гг.) и исповедные ведомости (1750 – 1801 гг.[14]) из фонда 203 дают возможность проследить вопросы рождаемости, причин смертности, брачность, динамику общей численности населения, его сословный состав, выявить годы эпидемий, определить наиболее крупные коломенские приходы. В фонде Коломенской духовной консистории представлено дело, показывающее численность чёрного и белого духовенства Коломны в 1783 г., а также

роспись священнослужителей по приходам.

Характеристика географического положения Коломны, а также в ряде случаев и краткий исторический очерк о городе, открывает большинство описаний. Неизменно присутствуют указания на протекающие в городе реки, разделяющие его на две главные части: городскую и зарецкую (запрудную), а также на существующие в Коломне слободы: в 1773 г.[15] упоминаются три купеческие слободы (Бобышева, Митяева и Запрудная) и одна Ямская, а в описании конца XVIII в.[16] говорится о купеческой, запрудной и ямской слободах. Помимо этого описания конца XVIII в. подчёркивают, что город выстроен «вновь по высочайше конфирмованному[17] плану». Это свидетельствует о серьёзных изменениях в облике Коломны, произошедших на протяжении последней четверти XVIII в. Подробно описывается коломенский кремль, указываются его проездные ворота; церкви находящиеся внутри (две соборные и три приходских); архиерейский каменный дом с Троицкой церковью; Брусенский монастырь с церковью Успения, обнесённый оградой (к концу века – полностью каменная); воеводская канцелярия и тюремная изба с острогом (не упоминаемые в конце XVIII в.). В описании 1773 г. говорится и об иррегулярном[18] плодовом саду в Брусенском монастыре и о регулярном[19] – в архиерейском доме, плоды которых использовались для их нужд. Иррегулярный сад упоминается и в Спасском монастыре.

Опубликованные описания и архивные источники позволяют судить о масштабах строительства в Коломне второй половины XVIII в., постепенном его выходе из чисто храмоздательских пределов, проследить резкое возрастание к концу века количества каменных обывательских домов. В 1761 г. в Коломне насчитывалось 22 церкви (из них 20 – каменных). Количество церквей остаётся неизменным и в 1769 г., но отмечается некоторое расхождение количества каменных и деревянных церквей (19 каменных, 3 деревянных). В 1775 г. в Коломне находилось 28 церквей, из которых только 3 были деревянными. При этом, видно, что в монастырях Коломны вместо 3 стало 6 церквей, добавились одна соборная и две приходские церкви. Согласно «Московскому любопытному месяцеслову» в Коломне насчитывалось 29 церквей (в источнике итоговое количество церквей – 25, но при их суммировании выясняется, что, возможно, была допущена опечатка). Также обращает на себя внимание количество соборных церквей – 3, что, скорее всего, неверно (в этом случае опуская одну церковь, мы получаем количество соответствующее рапорту Ф.А. Остермана). Г.Ф. Миллер отмечал наличие в городе 21 церкви. Х.А. Чеботарёв показывает наличие в Коломне 22 церквей. Согласно описанию комиссии А.А. Вяземского в Коломне числилось 26 церквей. К концу века каменных церквей стало 22 и 2 церкви оставались деревянными.

К 1761 г. в Коломне насчитывалось всего 12 каменных домов (включая архиерейский) и два казённых каменных строения. В 1769 г. в городе находилось 755 домов, из которых 20 – каменные. В 1775 г. согласно рапорту Ф.А. Остермана в Коломне на 110 улицах и переулках каменных и деревянных домов насчитывалось 788. Количество каменных зданий в данный период времени составляло 31 дом вместе с архиерейским и монастырским подворьем. В рапорте особенно подчёркнуто, что воеводского дома в Коломне не имеется. У В.Г. Рубана при соответствии количества каменных и деревянных домов рапорту, не упоминается одно каменное монастырское подворье, но зато указано на деревянный архиерейский дом (помимо каменного). Что касается каменной застройки города, то Г.Ф. Миллер отмечает в принципе такую же ситуацию, что отмечена и у Ф.А. Остермана, и у В.Г. Рубана: 30 каменных и 757 деревянных домов. По данным комиссии А.А. Вяземского, застройка в Коломне находилась в следующем состоянии: всего в Коломне насчитывалось 933 строения, из которых 50 были каменными. Согласно Х.А. Чеботарёва в Коломне было 40 каменных домов, всего 1043. К концу века всех каменных домов насчитывалось 145 (среди них 40 отмечены как старые), 671 дом числились деревянными (84 – старые).

По описаниям, ведомостям и рапортам видно и изменение численности населения Коломны на протяжении трёх ревизий: третьей (1762 – 1765 гг.); четвёртой (1782 – 1787 гг.); пятой (1794 – 1808 гг.). К третьей ревизии в целом складывается социальное лицо Коломны. Наиболее крупными социальными прослойками, остававшимися такими на протяжении последующих десятилетий, становятся купцы, ямщики, духовенство, а с 1775 г. и мещане. В 1761 г. купечества в Коломне насчитывалось 1955 душ мужского пола, в 1769 г. И.П. Фальк отмечал, что в Коломне проживает 534 купца и более 445 человек ямщиков. Количество купечества отражает, судя по всему, количество экономических субъектов[20]. В пользу такого предположения говорит и мысль, высказанная А.И. Аксёновым, который предложил считать истинное количество активного купечества по числу обывательских домов[21].

В 1773 г. число душ м.п. достигло 2394, ж.п. – 223622 , составив общую численность населения 4630 человек. Учитывая 215 дворов, числящихся за канцелярскими и поповскими служителями, а также 29 дворов военнослужащих и квартировавший в Коломне Невский полк, можно сказать, что в данный момент времени в Коломне проживало порядка 5300 – 5400 человек. К середине 1770-х гг. общее количество городских жителей м.п. возрастает до 2467 человек, т.е. на 73 души, что в целом соответствует естественному приросту населения, характерному для Коломны изучаемого времени. Исповедные ведомости за 1775 г. по пятнадцати приходам фиксируют 2196 душ м.п. и 2313 – ж.п., что

позволяет принять вышеуказанные цифры. В описании Коломны, сделанном комиссией А.А. Вяземского (около 1783 г.), указано, что в Коломне проживало 2662 человека[23], что свидетельствует о постепенном увеличении численности населения. По данным Х.А. Чеботарёва, на начало 1780-х гг., в городе проживало 3676 мужчин и 2133 женщин, всего – 5809 человек[24]. Обращает на себя превышение мужского населения над женским на 1500 человек, что не представляется возможным. Объяснение этого может крыться либо в опечатке (тогда численность опускается приблизительно на тысячу), либо в недостаточном учёте душ ж.п. (тогда численность возрастает почти до 7000). Разрешить возникшую проблему можно попытаться с помощью ведомости «Сколько по третьей и четвёртой ревизиях написано купцов, мещан, цеховых, мастеров и дворовых людей» из фонда «Коломенский магистрат» ЦИАМ[25]. Этот источник предоставляет уникальную возможность восстановить практически весь социальный образ Коломны последних десятилетий XVIII в., показывая не только общие цифры, но и градируя прослойки общества по возрастному признаку. Общая численность населения по ведомости достигает 6737 человек. Сюда входят такие не показанные по другим источникам слои населения как служители при купцах (716 человек) и приказчики (125 человек), а также дана конкретизированная численность солдат (238 человек). С некоторыми оговорками, таким образом, можно предположить, что рост населения Коломны за 10 лет составил около 4 %.

Исповедные ведомости 1790 г. фиксируют в семнадцати приходах 2464 души м.п. и 2768 душ ж.п. Из них посадские (купцы, мещане, служители купцов, цеховые) насчитывали 1278 душу м.п. и 1370 – ж.п., что при сравнении с данными 1775 г. показывает практически абсолютную стабильность указанной группы населения. В это время прирост населения идёт в основном за счёт увеличения численности военных, разночинцев, приказных и различных категорий крестьянства[26]. По пятой ревизии (1794 – 1808 гг.) в конце XVIII в. в Коломне насчитывалось 2764 душ м.п. и 2973 душ ж.п., всего – 5737 человек. Необходимо отметить, что описания конца XVIII в., предоставляющие возможность определить численность населения по пятой ревизии, несколько расходятся друг с другом. В описании, составленном Кванчехазевым[27], в отличие от описания Аршеневского[28], присутствуют сведения о дворянах и разночинцах, но отсутствуют указания на семинаристов, учащихся, сокольего помытчика, богадельных и инвалидов, а также существуют расхождения в количестве ремесленников (у Аршеневского указаны резчики, столяры, портные). Описания 1790-х гг. отмечают и ещё одну особенность города – сильные позиции староверов в первогильдейском купечестве (11 душ м.п. из 22).

Таким образом, за период от третьей до пятой ревизии, увеличение

населения города составило порядка 20 %. При этом необходимо оговориться, что данная цифра показывает только постоянно проживающих на территории Коломны жителей, не учитывая такие категории как расквартированные в городе воинские части и учащихся (семинаристы и ученики народного училища).

В описаниях и дополняющих их ведомостях и рапортах подробно освещена торговля и промышленность коломенского купечества. Торговля шла со степными городами, Саратовым, Астраханью, Орлом, Таганрогом, где закупались живой скот, рыба, икра, мёд, воск, пенька, лён, изюм, виноградные вина. Далее указанные товары либо шли транзитом в Москву, Санкт-Петербург, Ригу, на ярмарки, либо перерабатывались в Коломне и поставлялись в указанные места в виде свежего мяса, солонины, муки. Торговало купечество также канатами и различными материями коломенского производства. Ведомость Санкт-Петербургской портовой таможни 1764 г. позволяет сказать, что дальнейший путь коломенского товара из Санкт-Петербурга пролегал следующим образом: парусное полотно – в Лондон, Амстердам, Любек, равендук[29] – в Любек, юфть[30] – в Любек, Штетин.

Особенным размахом отличалась торговля рогатым скотом. В 1760-х гг. скот, покупаемый «въ Черкасскихъ и другихъ городахъ», количеством до 300 гуртов, в каждом из которых было от 100 до 120 скотин, поставлялся в Москву и Санкт-Петербург[31]. Рапорт Ф.А. Остермана 1775 г. показывает, что постепенно торговля рогатым скотом и производными продуктами занимает ведущую роль в торговых операциях коломенских купцов. Большая часть закупленного в малороссийских городах скота, численность которого достигала 16000 голов, билась непосредственно в Коломне и в виде солённого и свежего мяса весом до 150000 пудов отправлялась в Москву и Санкт-Петербург[32]. Снижение количества закупаемого рогатого скота по сравнению с данными, приводимыми Л.И. Бамейстером, вполне может быть объяснима происходившим в это время перераспределением купеческих капиталов в промышленность. В 1780-е гг. гуртовая торговля скотом по Большой Астраханской дороге из украинских городов и с Дона безоговорочно занимает первое место, объёмы её возрастают до 25000 голов (небольшое количество закупалось и в уезде). Большая часть скота (20000) забивалась в Коломне и солилось, а оставшееся количество отгонялось в Москву и Санкт-Петербург. Торговля шла круглогодично. Вот как описывает эту торговлю описание конца XVIII в.: «... рогатого скота, ... каждый год в пригоне бывает до 45000 скотин, из них побивается до 40000, а до 5000 сгоняются для продажи в Москву и Санкт-Петербург. Битого оного скота употребляется на соление до 400000 пудов, из числа коего привозится в Москву и Санкт-Петербург до 300000 пудов, а до 100000 пудов употребляется в продажу в городе и уезде»[33].

Непосредственно в Коломне торговля шла в рядах, где имелось значительное количество лавок. В описании 1773 г. говорится о тринадцати рядах, где идёт торговля сукнами и шёлковыми материями, съестными припасами. По ведомости 1775 г. сгоревшими числятся 266 лавок (в основном с товаром), а целыми – 104, всего – 370 лавок. Общий ущерб от пожара оценивается в 95802 р. 37 коп. В рапорте 1785 г. сказано о девяти торговых рядах (мясной; рыбный; овощной; москательный[34]; голичный[35]; масляный; железный, рогожный, горшечный и сыромятный; солодяной; житный[36]) с 209 лавками, что может говорить о дальнейшем формировании купеческого сословия, связанного с выбытием из его рядов в мещанство лиц, не обладавших необходимым количеством капиталов. К концу века в Коломне строится гостиный двор, лавок насчитывалось 223, 180 из которых были каменными.

Описания отмечают и ещё два пункта дохода местных жителей: продажа пойманной разнообразной рыбы (щука, судак, окунь, лещ, стерлядь и др.), водившейся в реках Москве, Коломенке, Чуре и продажа различных плодов, которые приносили жителям Коломны обширные сады (из них же делалась и знаменитая коломенская пастила, которая продавалась во многие города).

Ещё одной существенной статьёй дохода купечества была промышленность. Промышленность в 1761 г. представлена суконной фабрикой, основанной в 1754 г., и «небольшим числом кожевенных заводов», а в 1769 г. в Коломне уже несколько юфтенных, суконных, бумажных и шёлковых фабрик, один мыловаренный завод и две полотняных фабрики. В 1775 г. по рапорту Остермана в Коломне находилось 14 солодовенных, 15 кожевенных, 4 кафельных, 27 кирпичных, 9 горшечных заводов, а также 1 суконная и каразейная, 3 полотняных, 2 шёлковых, 1 кумачная, 1 китайчатая, 1 ситцевая фабрики. «Московский любопытный месяцеслов» В.Г. Рубана и Г.Ф. Миллер в своём описании повторяют эти цифры. Согласно данным Х.А. Чеботарёва, в Коломне находилось 12 солодовенных, 37 сальных, 13 кожевенных, 25 кирпичных, 8 гончарных заводов, а также 1 шёлковая, 1 кумачная, 3 полотняных фабрики. По описанию комиссии А.А. Вяземского в Коломне было 6 солодовенных, 6 кожевенных, 1 кафельный, 22 кирпичных заводов, 1 суконная, 1 кумачная, 6 полотняных фабрик.

В 1770–1780-х гг. в Коломне действовали шёлковые, полотняные, кумачная и суконная фабрики. К концу XVIII в. в городе остаётся одна суконная и одна шёлковая фабрика. Существенной была и доля заводов. В последней четверти XVIII в. в Коломне действовали солодовенные (их количество колебалось от 10 до 14), салотопенные (количество к концу века выросло до 34), кожевенные (количество колебалось от 3 до 25), горшечные (количество колебалось от 6 до 9), кафлинные (количество колебалось от 3 до 4), клеевые (в конце века числится 2 за-

вода), кирпичные (количество колебалось от 10 до 24). Важно отметить и тот факт, что владельцами ряда кирпичных заводов числились мещане.

Таким образом, мы можем рассматривать историко-статистические материалы, включающие в себя опубликованные описания и архивные источники, как ценный источник по истории Коломны второй половины XVIII в., который даёт широкие возможности для анализа социально-экономической ситуации в городе. Благодаря описаниям, ведомостям и рапортам прослеживаются сословный состав Коломны, его динамика на протяжении второй половины XVIII в.; изменения в культовом и гражданском строительстве; всплеск каменного строительства в конце XVIII в., что говорит о росте благосостояния жителей города; занятия купечества, в которых наиболее выпукло прослеживается транзитная торговля, торговля товарами собственного производства и устройство фабрик и заводов, становящихся важной статьёй доходов. В 1770-х гг. говорится о достаточно большом количестве фабрик, а к концу 1790-х гг. преобладающими становятся заводы, среди которых своим количеством выделяются салотопенные и кирпичные. Опираясь на данные источники, мы можем сказать, что среди населения Коломны во второй половине XVIII в. преобладали купцы, мещане (с 1775 г.) и ямщики. Численность населения города за последнюю четверть века выросла на 20 % и составила почти 6000 человек.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Бакмейстер Л. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. СПб., 1771. С. 52-65; Полное собрание учёных путешествий по России, издаваемое императорской Академией наук. Т. 6. СПб., 1824. С. 14-16; Полунин Ф. Географический лексикон Российского государства. М., 1773. С. 140; Остерман Ф.А. Рапорт о Коломне // Сборник старинных книг, хранящихся в музее П. И. Щукина. Ч. 8. М., 1901. С. 51-52; Рубан В.Г. Историческое и топографическое известие о г. Коломне // Московский любопытный месяцеслов за 1776 г. М., 1776. С. 147-163; Академик Г.Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и Московской провинции. М., 1996. С. 58-73; Описание Коломны (Из «Описания Московской губернии, составленного комиссией генерал-прокурора А.А. Вяземского») // «Источник» (приложение к ж. «Родина»). 1993. № 2. С. 110-120; Чеботарёв Х.А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. М., 1787. С. 351-358; Щекатов А.М. Словарь географический Российского государства описывающий азбучным порядком. В семи частях. Часть III. М.. 1804. Ст. 676 – 682.

[2] Камералистика (от позднелат. camera – казна) – сбор сведений для гражданской службы. Камеральный – к науке внутреннего, особенно финансового управления относящийся.

[3] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 210, ч. 4-5.

[4] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18862, ч. 6.

[5] РГАДА Ф. 1355. Оп. 1. Д. 766.

[6] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18862, ч. 6.

[7] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/21.

[8] Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 752.

[9] Там же. Ф. 280. Оп. 13. Д. 271.

[10] Там же. Ф. 1320. Оп. 7. Д. 3251.

[11] Внешняя торговля России через Петербургский порт. 1764 год. Ведомость об экспорте российских товаров. / Составитель и автор введения А.В. Дёмкин, ответственный редактор А.А. Преображенский. М., 1996. 132 с.

[12] Индова Е.И. О российских мануфактурах второй половины XVIII в. // Историческая география России XII – начала XX в. Сборник статей к 70-летию профессора Л.Г. Бескровного. М., 1975. 348 с.

[13] ЦИАМ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 78, 103, 706, 734, 748.

[14] Исповедная ведомость за 1774 г. находится в ф. 1574, оп. 1, д. 1.

[15] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18859, ч. 4.

[16] Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18861, ч. 10.

[17] Конфирмовать – утверждать подписью постановление, решение, приговор.

[18] Иррегулярный – неправильный, нестройный, неустроенный.

[19] Регулярный – устроенный, сделанный правильно, по принятым началам, основам.

[20] Полное собрание учёных путешествий по России, издаваемое императорской Академией наук. Т. 6. СПб., 1824. С. 14.

[21] Аксёнов А. И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993. С. 55.

[22] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18859, ч. 4.

[23] Описание Коломны (Из «Описания Московской губернии, составленного комиссией генерал-прокурора А.А. Вяземского») // «Источник» (приложение к ж. «Родина»). 1993. № 2. С. 110-120.

[24] Чеботарёв Х.А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. М., 1787. С. 351-358.

[25] ЦИАМ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 706.

[26] Там же. Ф. 203. Оп. 747. Д. 618.

[27] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18862, ч. 6.

[28] Там же. Д. 18861, ч. 10.

[29] Равендук – толстая парусина для больших парусов (в обиходной торговле равендук – парусинный холст вообще).

[30] Юфть (юхта, русская кожа) – особый сорт мягкой кожи, выделывается по русскому способу, на чистом дёгте из ялового или коровьего сырья и шкур годовалых быков, за исключением сырья телячьего.

[31] Бакмейстер Л. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. СПб., 1771. С. 54-55.

[32] Остерман Ф.А. Рапорт о Коломне // Сборник старинных книг, хранящихся в музее П.И. Щукина. Ч. 8. М., 1901. С. 51.

[33] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18862, ч. 6.

[34] Москательные товары – краски, клей, технические масла, скипидар, дёготь и другие химические товары.

[35] Голица – кожаная рукавица. Голичный – к голице относящийся.

[36] Жито – всякий зерновой, немолотый хлеб. Житный – к житу относящийся.

* * *

А.В. Маштафаров

Границы Гороховецкого уезда в XVI – XVII вв. по актам и межевым книгам

Наиболее серьёзные попытки изучения административно-территориальной структуры и очертания границ Гороховецкого уезда или как он назывался в старину Гороховского уезда XIV-XVII вв. были предприняты лишь двумя исследователями Ю. В. Готье[1] и В. А. Кучкиным[2]. При этом в монографии последнего на основании актового материала XV-XVI вв. удалось наметить лишь контуры отдельных сегментов границы Гороховецкой волости XIV-XV вв. «Как далеко простирались эти земли к северу и к югу от нижнего течения Клязьмы, сказать трудно, - пишет Кучкин, - Во всяком случае, клязьминское левобережье было освоено не более, чем на 10 км от реки. Вероятно, на несколько большее расстояние было освоено правобережье нижней Клязьмы. Но в целом населённые гороховецкие земли тянулись, скорее всего, узкой лентой по берегам Клязьмы. К ойкумене прилегали, возможно, значительные пустынные пространства, по которым проходили границы княжеств и волостей, т. е. государственная территория превышала освоенную. Однако категорично настаивать на этом нельзя ввиду отсутствия точных данных. «Ленточный» вид нижегородской территории, видимо, не менялся и по мере приближения к Нижнему Новгороду»[3].

Не совсем точными оказались выводы и Ю. В. Готье, заявившего что «граница Гороховецкого уезда была совершенно точно определена ещё в конце XVI в. писцами Лукою Новосильцовым с товарищи».

Таким образом, наиболее верные представления о границе волости, преобразованной в уезд, вероятнее всего не ранее середины XVI в. и остаются неизвестными вплоть до настоящего времени.

Маштафаров Александр Викторович, научный сотрудник РГАДА (Москва)

В этой связи при описании структуры писцовых, переписных и межевых книг XVII в., хранящихся в составе фонда Поместного приказа Россий-кого государственного архива древних актов, наше внимание привлекла межевая книга, которая по печатному описанию 1869 г. озаглавлена: «7136 (1628) г. Список с межевой книги границ Гороховскаго уезда с Муромским, Владимирским и Нижегородским уездами письма и межевания Захарья Васильевича Быкова и подъячего Пятова Колобова».[4] На первый взгляд казалось, что речь идёт о заурядном документе первой трети XVII в. Однако детальное знакомство с текстом показало, что в основу межевой книги были положены очевидно элементы сотной межевой книги письма и меры Луки Новосильцева с товарищами «лета 7092-го году», т. е. 1583/84 гг. Таким образом, до нашего времени сохранилось описание состояния границы уезда к концу XVI века. Но, как оказалось, демаркация границы тогда не в полной мере проведена и распространялась только на территории, уже вошедшие в хозяйственный оборот, да и то не на всём протяжении.

Географически этот район охватывал нижнее течение реки Клязьмы, включая её устье, а также земли севернее и южнее устья на левом берегу Оки. Административным центром территории был город Гороховец, основанный по археологическим наблюдениям на правом, нагорном берегу Клязьмы между 1159 и 1174 гг.[5] Поэтому нельзя исключить, что он мог быть использован в качестве сборного пункта войск Ростово-Суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского уже при организации похода 1164 г. на Булгарию и находившихся от неё в вассальной зависимости мордовских князей. Очевидно с этого времени начинается и формирование территории Гороховецкой волости. Однако неблагоприятные обстоятельства, связанные в первую очередь с пограничным положением волости, привело к тому, что Гороховец не смог стать влиятельным средневековым городом-государством и находился на положении одного из многочисленных, «тяготевших к Владимиру», пригородов Суздальской земли. Это подтверждается летописной статьёй 1239 г. Лаврентьевской летописи о разорении города татаро-монгольскими войсками во время их похода на Мордовскую землю и Муром. В ней Гороховец назван «градом Святой Богородицы»[6]. Не совсем ясно, что же подразумевал летописец под этим наименованием, то ли город являлся владением владимирского Успенского собора, который в летописях чаще всего называется церковью Святой Богородицы, либо указывал на принадлежность его к находившейся под покровительством Богоматери Суздальской земле. В дальнейшем, при распаде Суздальской земли на уделы волость присоединяется либо в 1263 г. к Городецкому княжеству или в 1341 г. непосредственно к Нижнему Новгороду. Во всяком случае по актам XIV-XV вв. волость считается входящей в состав Нижегородской земли.[7] Известны имена наместников великого князя

Московского, управлявшего Гороховцом с конца XV и до 40-ых гг. XVI в.[8]

Учитывая консервативность границ средневековых административно-территориальных образований, особенно тех их частей, которые устанавливались по большим и малым водным преградам – речкам, рекам, озёрам, повторяемость пограничных топонимов в других более ранних документах, с большой долей вероятности можно предположить, что публикуемая межевая книга в основных своих чертах воспроизводит состояние Гороховецкой волости периода оформления границ уделов, формировавшихся из частей Суздальской земли во второй половине XIII – первой половине XIV вв. В полной мере эти обстоятельства прослеживаются при анализе конкретной информации, заключающейся в межевой книге. Описание границы Гороховецкого уезда 1627/1628 гг. начинается от одного из многочисленных истоков лугового левобережья Клязьмы, Устринского, впадающего в реку Лух, затем вниз по течению реки вплоть до её устья при впадении в Клязьму. Эта часть границы, описанная по сотной XVI в., известна и по более ранним источникам в связи со спорными делами великокняжеских, а позднее царских рыболовов Ярополческой волости Владимирского уезда и рыболовов Троице-Сергиева монастыря, начиная с XV в.[9] Далее граница шла вниз по Клязьме вплоть до устья речки Вощиковки, впадавшей в Клязьму на правом нагорном берегу, вверх по её течению к верховью речки Иленды, речкой Илендой вниз вплоть до впадения её в реку Суворощь (Суворш) и вверх по этой реке до Лубянской заводи, находившейся в районе границы с Муромским уездом. Как следует из документа гороховецко-муромское пограничье оставалось не демаркированным вплоть до 1628 г., т. к. проходило по заболоченной и лесистой местности, которая являлась своеобразной ничейной территорией, не представлявшей до того времени хозяйственного интереса, а в более древний период являвшейся естественным препятствием для проникновения вражеских войск. Приближаясь к границе Нижегородского уезда писцы вновь обращаются к материалам описания XVI в. Устойчивая межа этой территории фиксировалась по водным преградам от Нажалцова истока на озёра Маслетино и Глубокое, далее речкой Гавриловкой к деревне Лисенки, находившейся у известного по другим источникам Лисенковского брода через Оку, проходила у деревни Бережец, которую некоторые историки отождествляют с находившимся в этом районе древнерусским городом Бережец. От того места граница шла вниз по Оке, пересекала устье Клязьмы и доходила до впадения в неё речки Дедовка, далее к её верховьям, находившимся в глубине лесного бора, территория которого находилась в спорном владении с Жарской волостью Балахонского уезда. Эта территория также не межевалась, а поэтому границей условно стало течение реки Тока по направлении к реке Лух. При этом в заключении межевщики ещё раз отметили, что «тот лес исстари не

росписан, потому что бортные ухожеи смешались».

В заключение следует отметить, что освоенность территории уезда носила далеко не «ленточный» характер, значительно углубляясь к югу на правобережье Клязьмы. Левый луговой берег остаётся незаселённым вплоть до настоящего времени, если не считать Георгиевской пустыни, основанной по-видимому в XIV в. и Знаменского монастыря в 1670-е гг.[10]. Дальнейшая работа по более детальному комментированию географических реалий документа и воспроизведению текста в визуальной форме на карте требует дополнительных усилий, т. к. значительная часть, в особенности гидронимов, не известны исследователям[11], хотя атрибуция их вполне возможна на основании уездной карты и полевых записок, составленных в XVIII в. в период проведения Генерального межевания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Готье Ю. В. Замосковный край в XVII веке. М. 1937. С. 378.

[2] Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIY вв. М. 1984. С. 91, 107, 204, 205, 215, 216.

[3] Там же. С. 216.

[4] Описание документов и бумаг МАМЮ. Кн. 1. СПб. 1869 г. Отд. II. С. 45. № 441.

[5] Седов В. В. Раскопки в Гороховце. // КСИИМК. М. 1959. № 77. С. 88.

[6] ПСРЛ. Т. 1. М. 2001. С. 470. 523.

[7] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIY-начала XYI вв. АСЭИ. Т. 1. М. 1952. С. 143, 241; Т. 2. М. 1958. С. 479, 522, 527.

[8] Пашкова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XYI века. Наместники и волостели. М. 2000. С. 137, 166, 170, 171, 177, 178, 180, 181.

[9] АСЭИ. Т. 1. С. 265; Акты Русского государства 1505-1526 гг. М., 1975. С. 134.

[10] Маштафаров А. В. Гороховецкий Красногривский в честь иконы Божией Матери Знамение, Гороховецкий Сергиевский во имя великомученика Георгия Победоносца мужской скит // Православная энциклопедия. Т. 12. М. 2006. С. 147-149.

[11] Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М. 1976.

ПРИЛОЖЕНИЕ

***(Л. 286 об.)* Межа всему Гороховскому уезду с Володимерским и Муромским, и с Нежугороцким уездом по сотной грамоте писма и меры Луки Новосилцова с товарыщи лета 7092-го году.**

А межа, начав от Устринского истоку, речкою Лухом вниз к реке х Клязме, правая сторона, земля и всякие угодья, Володимерского уезду Ярополчские волости, а левая сторона, земля и луги, и всякие угодья, и половина реки Луху, Гороховского уезда.

А от устья реки Луху вниз рекою Клязмою до устья речки Вощиковки, правая сторона, половина реки Клязмы, Володимерского уезду Ярополческой волости, а левая сторона, половина ж реки Клязмы и всякие угодья, Гороховского уезду.

А от реки от Клязмы направо речкою Вощиковкою вверх. А от верховья речки Вощиковки прямо на верховье речки Иленды, да тою речкою Илендою вниз до володимерской деревни до Иньевы *(Л. 287)*, что та деревня Иньева смежна[1] с Муромским уездом, правая сторона Володимерского уезда Ярополческой волости, а левая сторона Гороховского уезда Купленской волости и Лухманского стану.

А от той деревни Иньевы от володимерского рубежа тою ж речкою Илендою вниз до речки до Суворши, а речка Иленда впала в реку Суворшу, правая сторона Муромского уезду, а левая сторона по сотной грамоте Луки Навасилцова с товарищи Гороховского[2] уезда.

И 136-го года гороховские писцы Захарей Васильевич Быков да подъячей Пятой Колобов, сьехався с муромскими писцы с Яковом Васильевичем Колтовским да с подъячим с Раманом Прокофьевым, межевали Гороховской[3] уезд с Муромским уездом и по их межеванью межа учинена.

А межа, начав от устья речки Иленды, вверх рекою Суворшею по Лубянскую заводь, а по конец Лубянские заводи вяз, на нем грани с рубежами. От того вязу по дуб, на нем грани. От того *(Л. 287 об.)* дуба вдоль Копчевским болотом по иву, на ней грани. А у ивы три отрости. От той ивы подле дороги по дуб, на нем грани с рубежами. Подле того дуба яма старая. Да через Балахонскую дорогу, что ездят из Мурома, по ель, на ней грани с рубежами. От той ели болотом Синцовым, а по конец болота столб дубовой, на нем грани. От того столба по иву, что стоит у осека, на ней грани с рубежами, а ива от кореня на двое. А у ивы яма, а в ней каменье и уголье. От ивы и от ямы Малиновым болотом по сосну, на ней грани с рубежами. От сосны тем же болотом по сосну, на ней грани с рубежами да на ней же бортное знамя, дуга с потесом. От сосны на гриву болотом же по сосну виловатую, на ней грани с рубежами. От сосны тем же болотом по дуб дупляной[4], на нем грани с рубежами. От дуба дуплянова по липу, на ней грани с рубежами. От липы по дуб на нем грани. От дуба по липу, на ней грани. От той липы и от ямы к дорошке по ель, на ней грани *(Л. 288)* с рубежами. От ели налево дорошкою по ель, на ней грани. От ели по дорошку направо по березу, на ней грани с рубежами. От березы и от дорошки по липу, на ней грани с рубежами. От липы через болотцо по ель, на ней грани, да по сосну, на ней грани с рубежами. От сосны по березу, на ней грани с рубежами. От березы прямо к болоту х Трехелховскому. Да подле Трехелховского болота к путику Трехелховскому по ель, на ней грани с рубежами. А у ней под кореньем каменье. От Трехъелховского путика и от ели через

болото Трехелховское по дуб, на нем грани с рубежами да на нем же бортное знамя, дуга с поясками. От того дуба через два Елховские болота, выходя к Беседкину борку, по сосну подозженую, на ней грани с рубежами. От сосны Беседкиным бором подле черни по дуб, на нем грани с рубежами. А дуб стоит у источины, что вышла из Трехелховского болота в Великое болото. От дуба через Великое болото по конец Красного бору, по сосну, на ней грани с рубежами. *(Л. 288 об.)* А у нее яма, а в ней каменье. А сосна стоит у болотца. От сосны и от ямы Горелым болотом прямо к старому полевому рубежу, по яму и по столб дубовой, на нем грани. А в яме каменье да береста. От ямы и от столба старым межником по столб же, на нем грани. А столб стоит у дороги, что ездят из деревни Черленкова в деревню Повалихину. От столба через дорогу по столб же, на нем грани. Подле ево яма, а в ней каменье да береста. От столба и от ямы прямо к речке к Артусу. А речкою Артусом вниз до речки до Чючи. А от устья речки Артуса вверх речкою Чючею до озера Бабашкина. А Бабашкиным озером до истоку до Мосцов, правая сторона Муромского уезда, а левая сторона, земля и лес, и всякие угодья, Гороховского уезда Лухманского стану. А исток Мосцы в Гороховской стороне. А от истоку от Мосцов через Бабашкино озеро и через речку Чючю направо на берегу дуб накляп, на нем грани, а покляп в озеро. От того дуба вдоль елхом по конец Красного бору до ровины *(Л. 289)* по сосну болшую, на ней грани с рубежами. От сосны поперек Мшериного болота по сосну, на ней грани с рубежами. От сосны к речке х Кучемке по розвилины, где сошлася Малая Кучема з Болшою Кучемою. Да речкою Малою Кучемою вверх х Крушиннику. А от речки Кучемы от вершины чернью гороховскою подле Великого бору к Островитому болоту, правая сторона бор Муромского уезду, а левая сторона бор Гороховского уезду.

А на межеванье были с писцы Гороховского уезда села Купли благовещенской поп Петр Исаев, архангелской поп Василей Семенов, фроловской поп Федор Фролов, вознесенской поп Афонасей Афонасьев да Гороховского уезда старожилцы и сторонние люди Купленской волости: Потешка Тимофеев, Логинко Григорьев, Левка Кузмин, Фетка Спирин, Кондрашко Лукьянов, Неверко Иванов, Куземка Онофреев, Данилко Ильин, Гарасимко Иванов, Еремка Тимофеев, Иев Олфимов, Ларка Иванов сын Зобнин, Ивашко Иванов сын Чермнухин *(Л. 289 об.)*, Фетка Лукоянов, Потапко Мухортов, Максимко Васильев, Мартынко Иванов сын Белова, да Муромского уезду старожилцы Стародуба Вотцкова «Воцкова присуду» села Казакова николской поп Ульян да староста Спиридон Кузмин, да крестьяня: деревни Кошкины Семен Федотов, села Новоселок Иван Нефедов, деревни Федурины Петр Иванов сын Пестов, села Яковцова николской поп Яков Нифантов, да крестьяня: Дружина Бурков, села Голянищева кузмодемьянской поп Исай Игнатьев, да крестьяне: деревни Булаковы Иван Артемьев, деревни

Короваевы Маркел Михаилов, да живоначалные Троицы Сергиева монастыря деревни Чернятины Микита Крисов, деревни Ключевы Гаврило Овдокимов да Фетка Ортемьев, да вотчины боярина Ивана Никитича Романова села Пуроки и деревни Ефимьевы крестьянин Степан Семенов, деревни Чюлковы Карп Семенов сын, прозвище Ворона, деревни Кривой Феофилатко, прозвищо *(Л. 290)* Душата, Афонасьев, деревни Иголкина, Чюдинова, Иван Михаилов сын Севрюков.

Да межа Гороховскому ж уезду с Муромским с вотчинным лесом боярина Ивана Никитича Романова Пурецкие волости, что тот лес з Гороховским уездом был в споре.

А межа, начав от речки от Кучемы, вниз речкою Кержею к черни х крушиннику да с крушиннику возле бор Клин. От Клина Шуринскою дорогою на крестец Крушинник к вотчине боярина Ивана Никитича Раманова к Муромскому уезду к селу Пуроке. А бор Клин Гороховского уезда.

А з дороги с кресца по Шуринской дороге возле Переезжева болота возле болшой лом и бор, а бор[5] и лом подле бора[5] к вотчине боярина Ивана Никитича к селу Пуроке Муромского уезду, а болото Гороховского уезда.

С лому от болота по верхней конец Знобних болот, а от болот[6], лома на край Лебединова озера, бор по правую сторону вотчины боярина Ивана Никитича Раманова к селу Пуроке, а Знобные болота и Лебединое озеро в Гороховской стороне.

(Л. 290 об.) От Лебединова озера и посередь Кривова и Тройнова болота, а от Тройнова болота на Налшинские верши и по Нежугородцкой рубеж, правая сторона, земли и лес, Муромского уезду вотчины боярина Ивана Никитича Раманова к селу Пуроке, а левая сторона, земля и лес, и всякие угодья, Гороховского уезду Купленской волости.

А розмежеван тот лес по полюбовному розделу [7-] за руками вотчины [-7] боярина Ивана Никитина Раманова села Пуроки чернаго попа Филарета да николского попа Никифора, да егорьевского попа Савы, да гороховских помещиков за руками ж и попов: архангелского попа Василья да Григорья Якушкина, да Василья Сверчкова.

А на межеванье были Муромского уезда вотчины боярина Ивана Никитича Раманова села Пуроки старосты Иван Севрюков да Тит Зиновьев, да крестьяне: Карп Семенов да Ларка Крячков, да Душата Афонасьев, да Михаило Исаев, да Оничка Иванов, да Мелентей Яковлев *(Л. 291)*, да Потешка Федоров да Олексей Евтифеев, да Кузма Иванов сын Попов, да Дениска Афонасьев, да Игнашко Микитин, да Осипко Оверкеев, да Павел Невежин, да Ивашко Дементьев сын Голдоба да Тимошка Кузмин, да Грязной Фомин, да Андрей Евтифеев, да Степанко

Иванов, да Васка Сидоров, Кондрашка Данилов, Пронка Петров, Андрюшка Крошнин, Потешка Григорьев, Ивашко Спиридонов с товарыщи.

А з гороховскими помещики з Григорьем Якушкиным с товарыщи были гороховские старожилцы: архангелской поп Василей Семенов да князь Ивана Буйносова – Ростовского крестьяне: Афонасей Леонтьев сын Черной да Сидор Игнатьев сын Шохонской, да Ортемьев крестьянин Ладыгина Кирилко Самсонов, да Василья Колычова крестьянин Панка Андреев, Федора Челюскина человек Микифор Андреев, да крестьянин Иван Павлов, Григорья Якушкина крестьянин Потешка *(Л. 291 об.)* Шуматов, Шестова Костерева крестьянин Фетка Степанов, Василья Сверчкова крестьянин Фетка Ситников, Ильи Челюскина крестьянин Мишка Елышов, Ивана Голтяева крестьянин Филка Тимофеев.

Межа тому ж Гороховскому уезду с Нежугородцким уездом с вотчиным лесом боярина князь Ивана Борисовича Черкаского с селом Павловым по сотной же грамоте Луки Навасилцова с товарыщи 92-го году.

А межа, начав от Нашинских вершин, на Нажалцов исток да на Маслетино озеро, да на на озеро на Глубокое от Глубокова озера правая сторона, земля и лес, и половина Глубокова озера, Нежугородцкова уезда, а левая сторона, земля и лес, и всякие угодья, Гороховскова уезда Купленской волости.

А от Глубокова озера речкою Гавриловкою вниз по нежугородцкую деревню по Лисенки да по гороховскую деревню по Бережец[8], да промеж тех деревень к реке Оке, правая сторона Нежугородцкого *(Л. 292)* уезду, а левая сторона Гороховского уезду.

А от того места вниз рекою Окою да попереч Кляземского устья, а от Клязмского устья вниз рекою Окою до Хвалячие заводи, правая сторона Нежугородцкого уезда, а левая сторона Гороховского уезда.

Да Гороховского ж уезда Раменские волости лес раменной и боровой, и всякие угодья, и бортной ухожей ко всем деревням по речку по Дедовку. А за речкою за Дедовкою бортной ухожей з Балахонским уездом з Жарскою волостью не росписан, потому что тот лес учинился в споре. А от Токи реки лес раменной и боровой, и бортной ухожей вверх по реку по Лух, а с Мытом и с погостом с Якушевым тот лес истари не росписан, потому что бортные ухожеи смешались.

РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. № 625. Л. 286 об. – 292. Копия XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *В рукописи:* смерна

[2] *В рукописи:* Горовского

[3] *В рукописи:* Хороховской

[4] *В рукописи:* дубляной

[5] *В рукописи ошибочно:* бол

[6] *В рукописи:* лот

[7-7] *Текст вставлен на левом поле*

[8] *В рукописи:* Берец

* * *

А.С. Минаков

Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи
Две жизни одного источника

Губернаторы стали ежегодно отчитываться о состоянии своего края с начала XIX в. Хотя регулярное составление губернаторских отчетов, оформленное законодательно, началось с 1830-х гг., первые отчеты были поданы еще в 1804 г., т.е. на заре министерской системы. Первоначальный замысел, который правительство вкладывало в это новшество, состоял в ликвидации информационных лакун, которые были у молодого Министерства внутренних дел в представлениях о состоянии дел на местах. Очень скоро губернаторский отчет превратился в постоянно действующий информационный канал. По мере изменений социально-экономической обстановки в стране и усложнения системы управления, правительство старалось, правда не всегда оперативно, корректировать формуляр отчета. Большое влияние на систему ежегодной губернаторской отчетности оказали реформы Александра II. Особенно были важны отчеты в условиях становления отечественной административной статистики, которая только во второй половине XIX в. заработала в полную силу.

Между тем, буквально с самого начала составления и вплоть до начала XX в. губернаторские отчеты стали объектом критики правительства. Помимо законодательно менявшегося формуляра отчета, или говоря языком XIX в. программы отчета, МВД, в ведении которого

Минаков Андрей Сергеевич, к.и.н., доцент Орловского государственного университета (Орел)

находились губернаторы, выпустило несколько десятков циркуляров, содержание которых отражало с одной стороны предметы недовольства, а с другой стороны конкретные предложения и рекомендации губернаторам по составлению отчетов.

Со второй половины XIX столетия, с развитием ведомственной статистики и началом статистической деятельности земств, губернаторские отчеты утрачивают свое некогда монопольное право информационного источника. Однако они приобретают другой, более значительный статус. Губернаторский отчет стал одним из важных элементов в сложной многогранной системе взаимоотношений центральной и местной власти, одной из связующих линий между провинциальной и верховной властью. Об этом свидетельствуют эволюция внутреннего содержания всеподданнейшего отчета, а также условия и обстоятельства его представления[1].

Таким образом, в делопроизводстве имперской системы управления всеподданнейшие отчеты занимали видное место. При всей критике, которой подвергались они, центральная власть придавала им большое значение в деле управления государством. На рубеже XIX – XX вв., когда подходила к концу делопроизводственная жизнь губернаторских отчетов, начиналась другая жизнь этого документа. Он становится объектом исследовательского внимания как важный исторический источник по изучению внутриполитического развития России.

Одним из первых, кто дал оценку губернаторским отчетам был А.Ф. Фортунатов[2]. Он изучал методику и технику исчисления урожая озимой ржи в XIX в. Несмотря на скептическое замечание о том, что губернаторские отчеты опирались на «догадки волостных правлений», А.Ф. Фортунатов отмечал согласованность их результатов с данными других источников, в частности погодными записями по частным хозяйствам.

Вопросами достоверности губернаторских отчетов интересовался В.И. Ленин. В свое известной работе «Развитие капитализма в России» изучая динамику промышленного производства он использовал различные данные правительственной фабрично-заводской статистики, в том числе губернаторские отчеты[3]. В связи с этим В.И. Ленин выделил ряд отрицательных моментов в ее организации. Во-первых, отсутствовал единый центральный орган, координировавший бы сбор и проверку данных. Между тем, «распределение промышленных заведений между различными ведомствами», наоборот затрудняло сбор данных. Усложняло работу расплывчатость понятий «фабрика» и «завод», что давало возможность их разного толкования. В.И. Ленин подмечал, что уже с 1860-х гг. составители статистики «прекрасно сознавали крайнюю неудовлетворенность обрабатываемых ими данных». Сопоставляя данные Ежегодника Министерства финансов и Военно-статистического

сборника, он писал, что число промышленных предприятий в последнем слишком и явно завышено, поскольку более не подтверждается никакими источниками. Такой факт В.И. Ленин объяснял, тем, что составители Военно-статистического сборника пользовались данными Центрального статистического комитета, который в свою очередь оперировал сведениями губернаторских отчетов. Заметим, что эти данные были формально секретными, поэтому неудивительно, что они более нигде не встречались. О данных губернаторских отчетов В.И. Ленин прямо писал, что они «всегда преувеличивают в громадных размерах числа фабрик и заводов», поскольку относили к фабрикам мелкие сельскохозяйственные и кустарные предприятия.

Вслед за В.И. Лениным, историки советского времени продолжили разработку вопросов социально-экономической истории, с привлечением губернаторских отчетов. Хотя исследователи 1920-50-х гг., продолжали активно использовать губернаторские отчеты, их достоверность вновь была поставлена под сомнение. Например, П.И. Лященко справедливо отмечал, что сведения губернаторских отчетов о размерах зернового производства «до организации общеимперской статистики урожайности» уникальны. Однако, по его мнению, данные отчетов по размерам валового урожая «не могут считаться источником большой точности»[4]. Схожую оценку он давал фабрично-заводской статистике 1860-80-х гг., которая «настолько неудовлетворительна и неточна, что не дает возможности сколько-нибудь подробно освятить и выяснить итоги развития крупной фабричной промышленности за эти годы»[5]. Анализ достоверности губернаторских отчетов П.И. Лященко не проводил, а ссылался на ленинские оценки этого источника. Другой исследователь тех лет, В.К. Яцунский писал, что сведения губернаторских отчетов «вообще не имеют под собой какой-либо статистической базы»[6].

В дальнейшем интерес к социально-экономической проблематике повышался, что обусловило необходимость отдельного изучения губернаторских отчетов. Так появились первые источниковедческие работы уже специально посвященные губернаторским отчетам. Статья Н.Н. Улащика была посвящена источниковедческому анализу всеподданнейших отчетов о состоянии Виленской, Гродненской, Ковенской губерний. Анализируя сведения по экономическому потенциалу земельного фонда, урожайности сельскохозяйственных культур, скотоводству, народонаселению, промышленности, ярмарочной торговле и судоходству, Н.Н. Улащик отмечал ряд преимуществ губернаторских отчетов перед другими источниками. Главным образом они заключались в систематичности подачи материала. Вместе с тем, он считал, что едва ли не с первых лет их составления была очевидна условность данных отчетов по ряду показателей, их усредненность, а

нередко и противоречивость. В целом Н.Н. Улащик подытожил существовавшее отношение к этому источнику: «отчеты не дают совершенно точных цифр, но показывают направление развития хозяйства»[7].

В статье Н.П. Дятловой[8], превалирует другой угол рассмотрения этого документа. Она взяла не отдельные его характеристики на частных примерах каких-либо губерний, а вопросы теоретического плана. Н.П. Дятлова проследила изменение формуляра губернаторского отчета и охарактеризовала его как источник по социально-экономической проблематике. Формуляр отчета, по ее мнению, влиял на содержательную сторону отчетов, которые приобрели наибольшую полноту после 1870 г. Н.П. Дятлова признавала особую источниковую ценность за статистическими приложениями к отчету, приуменьшив, в какой то мере даже значение основной нарративной его части. Кроме того, по мнению Н.П. Дятловой большое влияние на содержание отчета, особенно с конца XIX в., оказывала личность губернатора.

Вопросы достоверности губернаторских отчетов, в контексте изучения урожаев зерновых культур, разрабатывал в своих исследованиях А.С. Нифонтов[9]. Свои основные выводы он сформулировал уже в статье 1968 г.[10], которая затем легла в основу соответствующей главы его последующей монографии. А.С. Нифонтов сосредоточил внимание лишь на одном, но очень важном блоке информации – данных по урожайности. Рассмотрев правительственную статистику в целом, неотъемлемой частью которой являлись и губернаторские отчеты, А.С. Нифонтов пришел к выводу, что их недостоверность преувеличена. Сбор предварительных сведений об урожае на местах, хотя и допускал неточности в абсолютных показателях, обеспечивал в целом относительную объективность. В этом отношении А.С. Нифонтов поддерживал мнение А.Ф. Фортунатова о пригодности губернаторских отчетов для изучения урожаев[11]. Для придания весомости своим рассуждениям он приводил пример В.И. Ленина, который безоговорочно использовал данные губернаторских отчетов[12]. Кроме того, А.С. Нифонтов подчеркивал наличие других каналов поступления данных в центр помимо губернаторского отчета, что не делало его монополистом в аграрной статистике. А.С. Нифонтов, так же как Н.Н. Улащик и Н.П. Дятлова признавал, что отдельные показатели губернаторских отчетов грешили разнобоем данных, несовпадением и несравнимостью с другими источниками. Однако достоверность статистики МВД, к которой относились и всеподданнейшие отчеты, по сравнению с другими ведомствами, по мнению А.С. Нифонтова, была не менее надежна. В работах Б.Г. Литвака[13] губернаторский отчет рассматривается как одна из разновидностей массовой документации. Б.Г. Литвак, толковал понятие «губернаторский отчет» расширительно, подразумевая под ним

систему документов, требующую комплексного рассмотрения. Такая система подразумевала включение в нее подготовительной документации, на основании которой и составлялись отчеты губернаторов, направлявшиеся на «высочайшее» благоусмотрение. На примере подготовки отчетов саратовских губернаторов, Б.Г. Литвак обратил внимание на процедуру сбора подготовительной информации. Между тем, подготовка отчета интересовала его главным образом в отношении проверки достоверности статистической информации экономического характера. Как и Н.П. Дятлова, он сосредоточил свое внимание на статистических приложениях к отчетам – обзорах.

Наряду с этим еще в досоветское время исследователи обратили внимание, что губернаторские отчеты являются важной характеристикой уровня взаимоотношений внутри самодержавной системы управления. Например, практика их составления стала объектом рассмотрения авторов юбилейного издания, посвященного истории Комитета министров[14]. Их интересовали рассмотрение отчетов императором и дальнейшая работа с ними в правительстве. В этой же работе, впервые в исторической литературе были классифицированы императорские резолюции, которые были «исходными пунктами некоторых важных реформ», т.к. их исполнение способствовало разработке общеимперского законодательства[15]. Таким образом, не подвергавшаяся критике содержательная сторона отчетов и обуславливала, по их мнению, интерес к ним.

Тогда же появилась и иная точка зрения на губернаторские отчеты, которую разделял И.А. Блинов. Он относил губернаторские отчеты к одним из потенциальных, но не реализованных средств надзора за деятельностью губернаторов. С одной стороны, полагал этот исследователь – «Всеподданнейшие отчеты губернаторов играют очень большую роль. Правительство относится к ним крайне внимательно, обстоятельно их изучает и постоянно прислушивается к мнению губернаторов. Государи императоры кладут на отчетах многочисленные собственноручные отметки. Влияние этих отчетов сказывается как на направлении административной, так и законодательной деятельности». Но, «губернаторы в своих отчетах часто весьма неточно передавали действительную картину местной жизни, стремясь сообщаемыми сведениями пойти навстречу желаниям центрального правительства. <...> В виду такого характера отчеты не могут служить сколько-нибудь полезным средством надзора за деятельностью губернаторов»[16] – писал И.А. Блинов.

Одним из первых обратил внимание на важное административно-политическое значение губернаторских отчетов П.А. Зайончковский. По его мнению, губернаторские отчеты, главным образом демонстрировали «реакционную направленность всей деятельности губернских властей»[17].

Ценными элементами этого источника П.А. Зайончковский считал и императорские резолюции, которые, как он писал, отражали, общий внутриполитический курс, а в особенности отношение местной власти к нововведениям пореформенного периода. Однако специально этот вопрос в историографии не рассматривался. Лишь спустя десятилетие, ленинградские историки в известной коллективной монографии[18] указывали, что через губернаторские отчеты был поставлен вопрос о введении земских учреждений в Западном крае. Впоследствии это замечание почти без изменения повторила их последующая книга[19].

О причинах появления губернаторских отчетов рассуждает в своей статье П.В. Акульшин[20]. Он связывает введение ежегодной губернаторской отчетности с общим реформаторским курсом первых лет царствования Александра I. Отчеты были нужны для более эффективного управления страной. Особенно в них нуждалось новое министерство внутренних дел, взявшему рычаги управления губернской администрацией. Однако, прочным каналом связи между центром и регионами, губернаторские отчеты не стали. Имело место, как пишет П.В. Акульшин, взаимное непонимание между МВД и губернаторами, что отражалось на качестве и оперативности отчетов. Между тем, трудности в составлении первых отчетов на местах, продемонстрировали слабые места в системе местного управления, как на губернском, так и уездном уровне. Поэтому, составление губернаторами годовых отчетов превратилось, по его словам, в «бюрократический ритуал», не имевший ничего общего с рациональным предназначением этого документа.

Со второй половины XIX в. МВД, в ведении которого находились губернаторы, стало использовать всеподданнейшие отчеты как один из рычагов контроля над местной администрацией. На этот вопрос обратил внимание М.М. Шумилов[21], который считал, что МВД, таким образом, желало подчинить губернаторов своему диктату. Особое значение М.М. Шумилов придавал конечному этапу представления отчета, его рассмотрению в С-Петербурге. В связи с этим, он поставил вопрос о взаимосвязи императорских резолюций на просмотренных губернаторских отчетах с последующим принятием политических решений.

Вопросами ведомственного влияния на местное управление интересуется и А.В. Ремнев, автор ряда исследований по истории управления губерниями Сибири и Дальнего Востока[22]. В них показано, что губернаторские отчеты играли важную роль в организации управления. По мнению А.В. Ремнева, отчеты сибирских генерал-губернаторов и губернаторов были для правительства не только информационным каналом, но и рабочим материалом при формировании административной политики в Сибири.

Таким образом, природа губернаторских отчетов была такова, что

они появлялись и существовали не только в контексте соответствующих социально-экономических условий, но и в сложной атмосфере взаимоотношений центральной и местной власти. Вот почему только при учете всех этих обстоятельств должна идти не только разработка остающегося дискуссионным вопроса о достоверности губернаторских отчетов, но и в целом использование этого старого, хорошо знакомого и таящего в себе еще столько открытий источника.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов как источник по изучению взаимоотношений центральной и местной власти в России второй половины XIX – начала XX веков //Отечественная история. 2005. № 3. С. 170-175.

[2] Фортунатов А.Ф. Урожаи ржи в Европейской России. М., 1893. С. 28-29.

[3] Ленин В.И. Развитие капитализма в России //Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1979.С. 457-468.

[4] Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. М., 1947. С. 519.

[5] Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 19 . С. 106-107.

[6] Яцунский В.К. К вопросу о публикации материалов по истории урожаев и цен в России //Проблемы источниковедения. Т. IV. М., 1955. С. 352.

[7] Улащик Н.Н. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник //Проблемы источниковедения. Т. IX. М., 1961. С. 55.

[8] Дятлова Н.П. Отчеты губернаторов как исторический источник //Проблемы архивоведения и источниковедения. Л. 1964. С. 227-246.

[9] Нифонтов А.С. Статистика урожаев в России XIX в. (по материалам губернаторских отчетов) //Исторические записки. Т. 81. М., 1968. С. 216-258; Зерновое производство России во второй половине XIX в. М., 1974. С.

[10] Нифонтов А.С. Статистика урожаев в России XIX в. ...

[11] Нифонтов А.С. Зерновое производство России ... С. 31.

[12] Там же. С. 80-81.

[13] Литвак Б.Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // Источниковедение отечественной истории. М., 1976. С. 125-144; его же. Очерки источниковедения массовой документации. М., 1979. С. 142-186.

[14] Исторический обзор деятельности Комитета министров Т. I – V. /Сост. С.М. Середонин, И.И. Тхоржевский, Н.И. Вуич. СПб. 1902.

[15] См.: Исторический обзор деятельности Комитета министров /Сост. И.И. Тхоржевский. Т. 4. СПб. 1902. С. 111, 122.

[16] Блинов И.А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 341-342.

[17] Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 14-15.

[18] См.: Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984. С. 95, 115.

[19] См.:Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 430-431.

[20] Акульшин П.В. Реформаторские планы и провинциальная реальность: губернаторские отчеты первых лет правления Александра I (на материале Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний) //Вестник Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина. 2005. № 1. С. 66-72.

[21] Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-е – начало 80-х гг. XIX века. Дисс. док. наук. СПб., 1992.

[22] Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск., 1997; Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск., 2004.

* * *

Л.В. Мошкова

Палеографический и кодикологический анализ писцовой книги Деревской пятины конца XV века: проблемы и подходы[1]

Общеизвестно, что кодикологическому и палеографическому анализу подвергаются преимущественно «рукописные книги» – памятники, содержащие литературные произведения (в самом широком смысле этого слова). Делопроизводственным документам повезло гораздо меньше: немногие из них изучены в этом отношении[2], а среди писцовых книг специального исследования не удостоилась ни одна[3]. В целом такая позиция исследователей понятна: интересует информация, содержащаяся в памятнике, а сам кодекс воспринимается преимущественно как ее «носитель».

Древнейшей писцовой книгой, сохранившейся до нашего времени, в исследовательской литературе считается рукопись, содержащая описание новгородской Деревской пятины[4]. И хотя дореволюционные исследователи проявляли интерес к вопросам источниковедения новгородских писцовых книг[5], сделанные ими наблюдения «так и не сложились в цельную картину понимания этой проблемы»[6]. Советские историки, в отличие от своих предшественников, практически не занимались археографическим изучением указанных книг, пользуясь сделанными ранее выводами. Именно поэтому А.А. Фроловым был поставлен вопрос о необходимости проведения полного археографического анализа писцовой книги Деревской пятины.

Мошкова Людмила Владимировна, ведущий специалист РГАДА (Москва)

Приступая к палеографическому и кодикологическому анализу актового или делопроизводственного материала, необходимо четко понимать его границы, возможности и цели. Например, датировка подлинных документов по филиграням не всегда оправдана: бумага по водяным знакам уверенно датируется в пределах четверти века (хотя возможны и более узкие датировки), а время создания документа можно определить точнее на основе анализа содержания, формуляра и других особенностей. Для копийного материала изучение филиграней более оправдано: оно поможет установить примерное время их создания. Скрупулезное исследование филиграней и всех их вариантов, выявление парных форм и прочее дает представление об использованной бумаге, но при отсутствии сопоставительного материала (из других книг) представляет собой «искусство ради искусства» и мало что добавляет к пониманию процесса создания конкретной рукописи.

Автор настоящей статьи считает палеографию и кодикологию вспомогательными историческими дисциплинами, а полученные с их помощью результаты не имеют для него самодовлеющего значения, и должны приводить к получению «нового знания», напрямую не связанного с указанными дисциплинами. Так, например, археографический анализ может подтвердить или скорректировать датировку писцовой книги Деревской пятины, сделанную на основе изучения внесенных в ее текст изменений и добавлений[7]. Кроме того описание процесса «изготовления» этого памятника имеет, несомненно, самостоятельную исследовательскую ценность.

Изучение писцовой книги Деревской пятины началось с подробного описания ее современного состояния[8]. Особое внимание обращалось на архивную нумерацию листов, поскольку часть их в начале XX века поменяла свое местоположение. Помимо этого отмечались пометы и записи исследователей на листах, вложенных в рукопись (в настоящее время приплетены в конце).

Палеографический и кодикологический анализ писцовой книги был ориентирован на решение трех задач: 1. предоставить материал для осмысления и анализа ее содержания (отражение изменений в форме землевладения и внесение их в книгу, редактирование и дополнение отдельных разделов и проч.); 2. описать технологию создания книги и принципы работы подьячих[9]; 3. охарактеризовать книгу как памятник письменности и культуры.

Первая часть писцовой книги Деревской пятины явилась «испытательным полигоном», и в процессе работы над ней определялись и отрабатывались подходы и принципы анализа материала. В качестве рабочей была принята гипотеза А.А. Фролова о четырех этапах создания книги: 1. работа писцов в поле и создание полевого дневника; 2. переработка полевых данных в соответствии со структурой, заданной

административно-территориальным делением пятины и юридических статусом земельных владений – создание «черновика»; 3. перебеливание «черновика» и придания ему вида официального документа – создание «беловика»; 4. дополнение «беловика» новыми сведениями, вставленными в готовую рукопись. Совершенно очевидно, что в первую очередь палеографический и кодикологический анализ поможет понять два последних. Два начальных этапа, естественно, также представлены в источнике. Но они отражены в тексте писцовой книги, а не на ее носителе[10].

Основная трудность этой работы – правильно сформулировать вопросы, на которые мы хотим получить ответы[11]. Вторая (и менее значительная) – адекватно объяснить полученные данные.

Кодикологический анализ писцовой книги проводился в три этапа. Задачей первого было исследование бумаги рукописи: определение водяных знаков и схемы их чередования в тетрадях, выявление «полных» и «неполных» тетрадей и их нумерации. Основными вопросами, которые решались во время работы, были следующие: определение утрат листов (место и количество); рассмотрение «неполных» тетрадей и определение причин «неполноты» (механические утраты или зависимость от объема текста, содержащегося на этих листах, и рубрикации книги).

Второй этап состоял в выявлении и разграничении почерков, то есть определении числа подьячих, участвовавших в создании книги. В основу анализа были положены следующие соображения и предположения.

Канцелярское письмо конца XV в. еще невозможно определить как скоропись[12]: оно может быть названо «беглым полууставом» или «беглым полууставом с элементами скорописи». Автор предпочитает пользоваться термином «канцелярский полуустав» (и его синонимом «канцелярское письмо») как более широким, поскольку наличие или отсутствие скорописных элементов может быть особенностью конкретного почерка, но не типа письма в целом.

Признаком хорошего книжного письма («книжного полуустава») является его стабильность, а сам процесс переписывания по времени, тщательности выписывания букв и затраченному на это времени схож с рисованием. Канцелярское письмо априорно может быть признано более вариативным. В наличии вариантов написания букв, возможно, есть некий элемент игры, самопрезентации писца как умелого каллиграфа. Помимо этого использование нескольких графем можно рассматривать как попытку преодоления стандартности текста (например, писцовой книги), состоящего из постоянно повторяющихся сочетаний слов в определенной последовательности, заданной формуляром описания.

Общим признаком, объединяющим деловое и книжное письмо, можно считать следующий. Писец начинает переписывать текст более старательным и аккуратным почерком, но в процессе переписывания

почерк в той или иной степени «разбалтывается», становится менее упорядоченным и аккуратным. Однако, каждый конкретный писец может страдать этим пороком в большей или меньшей степени или не страдать вовсе.

При анализе конкретного почерка основной задачей было определение его постоянных признаков, отличающих его на всем пространстве занимаемых им листов. Данными признаками были: употребление стандартных сокращений; манера их написания (в круге, в треугольнике); набор употребляемых знаков интерпункции (пунктуации); принцип написания инициалов, наличие или отсутствие лигатур; использование вязи; место номера тетради (в середине нижнего поля, в углу листа и т.п.). Предполагалось, что ни один из выделенных признаков не имеет абсолютной стабильности. Однако, взятые вместе, они могут помочь в определении границ того или иного почерка.

Необходимо отметить, что самодовлеющей ценности данная работа для автора не имела, поскольку определение точного числа писцов, участвовавших в создании книги, было признано не столько необходимым, сколько желательным. Что может дать полученное знание помимо точного числа подьячих, и есть ли принципиальная разница в том, 10 или 12 человек переписывали книгу? Кроме этого всегда существует вероятность неоднозначного ответа на данный вопрос. Более плодотворным был признан поиск и выделение листов, где чередуются разные почерка, или где в основной почерк имеются вкрапления иных почерков.

Приоритетной задачей автора являлось описание процесса создания кодекса и, тем самым, описание принципов работы подьячих. Писцовая книга может предоставить для этого следующие данные[13]. Например, смена почерка на небольшом отрезке (например, на одном листе) она может быть связана: с внесением исправлений и добавлений (как с заменой и/или добавлением бумаги, так и без нее) или в каждом конкретном случае объясняться иными, пока неизвестными нам причинами.

Нарушение ритма и плотности письма. Примем за аксиому, что пишущий человек работает в определенном ритме, что отражается на почерке. Если почерк почему-либо меняется, можно предположить, что условия работы изменились. Самым простым объяснением в данном случае можно считать перерыв в работе. Но, вероятно, восстановление ритма в этом случае должно происходить постепенно. Если же в тексте присутствует хорошо выделяемый отрывок с измененным ритмом, то надо предлагать иное объяснение. Например, если изменение ритма и/или плотности письма приходится на отрывок, вводимый словами «А по старому письму», логично предположить, что: подьячий оставил чистое место и вписал необходимый текст позднее (при этом он мог не рассчитать его объем и был вынужден ужимать текст); он работал в иной обстановке, которая требует специального объяснения.

Особое внимание обращалось на приписки, помещенные около заголовков (в том числе на полях) или на чистых строках. Связь их содержания с конкретным почерком (независимо от того, принадлежит ли он подьячему, участвовавшему в написании текста, или нет) говорит о следующем. Очевидно, что именно написавший их человек был ответственным за внесение данной информации; эти сведения хранились отдельно и попали в материалы описания на последнем этапе (были внесены в готовую книгу).

На третьем этапе данные, полученные при анализе почерков, сопоставлялись с результатами кодикологического анализа (нумерация тетрадей, нарушение «оси симметрии» и др.) и предпринималась попытка описания процесса создания писцовой книги в целом. Далее изложим некоторые предварительные выводы, иллюстрирующие сформулированные выше положения.

Первая часть писцовой книги Деревской пятины (за исключением л. 2-3, содержащих добавленное позднее оглавление) написана на бумаге с водяным знаком «голова быка с крестом и змеей»[14] и может считаться созданной одновременно. В справочнике Н.П. Лихачева сходные знаки датируются 1478 и 1499 годом, а близкие типы – концом XV в.[15] Интересно отметить, что одна из сходных филиграней извлечена из Геннадиевской Библии, переписанной в Новгороде в 1499 г.[16]

Подавляющее большинство тетрадей состоит из восьми (4 двойных) листов. Наличие тетрадей с меньшим количеством листов объясняется или механической утратой (эти случаи редки) или объемом текста (например, тетради из 6 листов в конце главы, содержащей описание того или иного погоста). Тетради, превышающие стандартный объем, дополнялись (расположение и число вставных листов обычно хорошо определяется). Помимо этого отмечены случаи замены двойных(!) листов в восьмилистных тетрадях[17]. Но поскольку бумага однородна, данный факт выявляется на основе изучения чередования почерков. Исключение представляют л. 461 и 462 – 7 и 8-й листы в тетради, состоящей из девяти листов. Бумага этих листов отличается от соседних по тесту, на л. 461 расположена верхняя часть «головы быка»[18], а текст написан двумя почерками, которые в первой части писцовой книги не встречаются. Поэтому можно предположить, что непарные л. 461, 462 заменили один лист, вырезанный из переплетенной книги, и были подклеены к оставленному фальцу[19].

Проделанная работа позволяет утверждать, что в первой части писцовой книги достаточно надежно определяются места, где произошло «вмешательство» в содержание уже после написания основного текста.

В полном листе 25 строк, разлиновка тетрадей одинакова. Поэтому можно предположить, что эта работа была проделана централизованно, а не каждым подьячим отдельно.

Нумерация тетрадей трех видов. 1. Первоначальная, сделанная подьячими во время переписывания текста (часть ее находилась на краю листов и при переплетении была срезана). 2. Валовая, проставленная после собирания всех частей (к сожалению, при этом часть первоначальной нумерации была затерта). 3. «Десятичная», написанная в правом нижнем углу первого листа тетради с номером, оканчивающемся на 1 – 11, 21, 31 и т.д. (не сохранилась полностью). Первоначальная нумерация тетрадей в начале книги не исправлялась и впоследствии стала играть роль валовой (см. ниже).

Подавляющее число подьячих писали коричневыми чернилами. Конечно, цвет чернил определяется технологией их изготовления, однако примерное совпадение цвета[20] может свидетельствовать о том, что чернила (как и бумагу) готовил не каждый для себя, а особый человек. Тот или иной подьячий мог их разбавить так, как ему было удобнее (например, если предпочитал более жидкие). Оттенок чернил может быть стабильным для отдельного почерка, но может и варьироваться.

В первой части писцовой книги выявлено более 10 основных почерков[21]. Текст, переписанный одним подьячим, занимает от четверти листа до 250 листов. Явно присутствуют несколько дополнительных почерков, которыми сделаны добавления на полях, у заголовков или на чистых строках: о смене владельца; о конфискации земель в пользу великого князя; о части того или иного владельца в озере и др.

Совершенно очевидно выделяются части, переписанные последовательно несколькими подьячими, и части, написанные автономно (при этом не всегда одним человеком). Например, первые 15 тетрадей (л. 4-118а) написаны последовательно. Первый подьячий переписал л. 4-32 об., второй – л. 33-46 об., 57-90, третий – л. 47-56 об., четвертый – л. 91-117 об. Остатки первоначальной нумерации тетрадей свидетельствуют, что она делалась каждым переписывавшим текст подьячим. Однако, кодикологический и палеографический анализ ставит несколько вопросов, ответы на которые можно получить только при анализе текста. Так, переписанная 2-м подьячим часть составляет одну 14-листную тетрадь с хорошо выраженной осью симметрии[22]. Если бы этот почерк был вкраплен в 1-й, с достаточной уверенностью можно было бы утверждать, что это замена, обусловленная какой-то причиной. Но с л. 47 начинается 3-й почерк, и можно было бы предположить, что текст переписывался небольшими частями разными людьми. Тем не менее, не стоит отказываться от вероятности замены л. 33-46. Так, в предпоследней и особенно в последней строке на л. 46 об. подьячий пишет крупнее: он явно растягивает текст, чтобы довести его до конца строки и подогнать к началу текста на л. 47[23]. Поэтому правомерен вопрос – мог ли объем текста вырасти именно в этом месте почти в два раза[24] в связи с внесенными добавлениями?

Третьим почерком написана одна тетрадь из 10 листов. Ее объем можно объяснить следующим. Заменяемая тетрадь из 8 листов исходно была переписана 2-м подьячим, чей почерк и следует далее (см. выше). Третий подьячий получил эту тетрадь, возможно, с какой-то редактурой текста и стал ее перебелять. Написав почти 4 листа, он заметил, что в копируемой тетради этот текст располагается ранее[25], поскольку 2-й подьячий писал мелко, а 3-й крупнее. Единственный выход из этой ситуации – добавить в середину тетради еще один двойной лист. Однако, поскольку разница в «кегле» этих почерков не была столь велика, чтобы занять добавленные листы полностью, подьячий оставил на л. 51 об. и 55 об. по полстраницы чистыми. Но ему пришлось ужимать последние строки на л. 56 об., чтобы совместить текст с его продолжением на л. 57. Косвенным подтверждением предположения о замене двух тетрадей служит их нумерация. Очевидно, что из 24 листов можно было сформировать 3 стандартные тетради[26]. Но в этом случае пришлось бы перенумеровывать все последующие тетради, которых в книге было около 200. Поэтому именно нежелание проводить эту работу могло послужить причиной увеличения объема тетрадей с сохранением их прежних номеров.

Выявленные стыки и подгонки текста в конце и начале тетрадей свидетельствуют, что отмеченная выше последовательность переписывания первых 15-ти тетрадей, как и книги в целом, не была простой и линейной, а редактирование и изменение текста продолжалось и после его написания.

Интересно отметить, что именно 5-й подьячий, работавший отдельно от четырех предыдущих (параллельно?), подписал на л. 119 свою первую тетрадь: «1-я Малахова».

Подьячие трудились в одном месте и наблюдали за работой друг друга, учились у соседа. Особенно наглядно это проявляется в декоративном письме[27]. Например, 4-й подьячий в начале своего «урока», плохо владея навыком декоративного письма, отваживался выделять разделы только несколькими крупными инициалами. Но постигнув эту технику[28], он пришел в такой восторг, что стал применять декоративное письмо с элементами вязи в начале каждого раздела, выписывая (или вырисовывая) уже целые словосочетания (например: «Во Влажинском погосте деревни манастырские»). Можно предположить, что образцом для подражания были те его коллеги, чьи почерка удивительно каллиграфичны, а выписываемая вязь сложна и красива.

Самый вариативный, зачастую небрежный (в этом случае беглый и достаточно крупный) почерк у 8-го подьячего, переписавшего примерно треть текста в первой части писцовой книги – около 250 листов. Изучение этого почерка поставило вопрос, окончательного ответа на который пока нет: где граница между вариантами одного почерка и

двумя разными почерками или, другими словами, в каких пределах может меняться один почерк, и когда мы должны говорить о двух разных. Письмо указанного подьячего предоставляет прекрасный материал для определения степени таких изменений. Резких переходов в этом почерке нет: письмо плавно меняется в сторону более аккуратного, мелкого и неторопливого. Манера написания большинства букв схожа, декоративное письмо также может быть признанным сделанным одним человеком. Но если сравнить почерк, которым этот подьячий написал первые свои листы, с серединой «урока», то можно сделать вывод о том, что перед нами два разных почерка: так отличается общий облик письма. Например, слово «деревня» первоначально сокращалось до тех букв, одна из которых была выносной – «Д(р)в», с л. 220 изредка встречается написание «Др(в)ня», а примерно с л. 280 последний вариант становится преобладающим. По мере переписывания текста подьячий отказался от написания «а» в форме альфы (эта графема у него не слишком красиво выглядела), но начал употреблять «г» и «б» с высокими мачтами, писать больше лигатур, а декоративное письмо стало более умелым и элементов вязи в нем заметно прибавилось. У 8-го подьячего очень часто меняются ритм и/или плотность письма и, как правило, это приходится на итоги «старого» и «нового» письма[29]. И здесь весьма трудно отграничить, где чисто рефлекторное улучшение почерка в начале автономного текстового отрывка, а где возможное позднейшее добавление. В случаях, когда для написания итогов взято более тонкое перо, буквы мельче или написанное выходит за зеркало текста, ответ очевиден – добавление[30]. Во всех остальных он не может быть столь однозначен.

Изложенный материал представляет первую попытку обобщения и осмысления наблюдений, сделанных в процессе палеографического и кодикологического изучения первой части писцовой книги Деревской пятины. Возможно, дальнейшее исследование заставит пересмотреть или скорректировать отдельные положения. Ясно одно – проделанная работа предоставит в руки ученых, занимающихся историей российского земельного кадастра, интересный материал для анализа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 07-01-00287а). Автор искренне благодарит К.В. Баранова и А.А. Турилова за замечания, высказанные при обсуждении данной статьи.

[2] См., например: Каштанов С.М. По следам Троицких копийных книг // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. Вып. 38. М., 1977. С. 30-63; Вып. 40. М., 1979. С. 4-58; Вып. 42. М., 1981. С. 5-63; Россия и греческий мир в XVI веке / Отв. ред. С.М. Каштанов; Подгот. к публ. С.М. Каштанова, Л.В. Столяровой, Б.Л. Фонкича. Т.1. М., 2004. С. 41-126.

[3] Невнимание к вопросам источниковедения отмечают сами исследователи, занимающиеся историей российского земельного кадастра (см.: Каталог

писцовых книг Русского государства. Вып.2. Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004. С.4).

[4] РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Новгород, № 1, ч.1-2.

[5] Перечень этих работ см.: Фролов А.А. Некоторые вопросы источниковедения писцовой книги Деревской пятины письма 1495-1496 годов // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2004. № 3. С.55, примеч. 2.

[6] Там же. С.55.

[7] См.: Там же. С.57-69.

[8] Книга пережила реставрацию, листы были подклеены и, вероятно, промыты и выпрямлены под прессом. Бумага, использованная для оклейки некоторых листов, пожелтела и затрудняет чтение содержащегося на них текста. Возможно, именно в результате реставрации стала плохо видна разлиновка тетрадей.

[9] Для исследователей рукописной книжности «писец» – это переписчик книги, а для специалистов, изучающих писцовые книги, – официальное лицо, руководившее переписью. Для того, чтобы не путаться в терминах, далее переписчики писцовой книги именуются подьячими.

[10] Возможно, анализ бумаги и почерков поможет прояснить и первые этапы создания текста. Но пока это только предположение.

[11] При этом надо понять, что на некоторые вопросы мы не сможем ответить из-за отсутствия данных.

[12] Под скорописью автор понимает связное, «безотрывное» письмо, в котором большинство букв имеют между собой соединения.

[13] Все дальнейшие рассуждения о работе подьячих, переписывавших текст, базируются на следующем: психофизиологические характеристики человека с конца XV в. не изменились, и приемы работы людей того времени могут быть сходны с современными.

[14] См.: Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч.2. № 1163, 1279, 2673-2675.

[15] См.: Там же. Ч.1. С.117, 127, 292.

[16] См.: Там же. С.127. Самый ранний знак, по мнению Н.П. Лихачева представляющий исключение, взят из рукописи, переписанной в Ростове в 1478 г.

[17] Вероятно, это было сделано до переплетения рукописи.

[18] Знак виден плохо, но его рисунок немного отличается от других филиграней кодекса.

[19] К сожалению, при реставрации все листы были разрезаны у корешка и посажены на новые фальцы.

[20] Это не отрицает разнообразия оттенков. Так, выделяются светло-коричневые, темно-коричневые и ярко-коричневые чернила, которыми пользуются разные люди.

[21] Основным называется почерк, которым написан текст в книге. Почерка помет, добавлений и небольшой редакторской правки именуются дополнительными.

[22] Содержание этой части: окончание Заборовья, погост Ясеновичский и начало Посонского погоста.

[23] Если бы 3-й подьячий писал следом за 2-м, надобности в этом не было бы.

[24] Даже допуская, что подьячий изначально ошибся и сформировал тетрадь из 10 листов, увеличение текста выглядит значительным.

[25] Например, вверху оборота 4-го листа тетради или даже на его лицевой стороне.

[26] Правда, в этом случае их удобнее было бы писать одному человеку.

[27] Усложнение декоративного письма прослеживается в нескольких почерках первой части.

[28] Можно предположить, что он специально тренировался (например, на обрывках бумаги, на испорченных листах и т.п.).

[29] Создается даже впечатление, что подьячего раздражает написание текста с перечислением деревень и стандартными словосочетаниями.

[30] См., например, л.238, 238 об., 240, 313, 331 об.-332.

* * *

В.В. Мурзин-Гундоров

Обзор документов из хранилищ Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря (вторая половина XVII – начало XX веков)

Воскресенский Ново-Иерусалимский ставропигиальный мужской монастырь был основан Патриархом Никоном в 1656 г[1] ., закрыт в июле 1919 г. по решению съезда Советов Звенигородского уезда. Архив монастыря появился практически одновременно с его основанием. История существования архива Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря охватывает период в 263 года, крайние даты: 1673–1917 гг. Число единиц хранения: листов - 40 160, документов - 16 970. До последнего времени фонд был недоступен для исследователей. Отдельные документы его использовались в экспозициях музея, в справочных материалах по истории монастыря, написанных сотрудниками для внутреннего пользования.

Фондообразователем архива Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря является учреждение духовного ведомства - Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, из документов делопроизводства которого и состоит фонд[2].

Говоря, об истории названного хранилища, следует отметить, фонд

Мурзин-Гундоров Виктор Владимирович, сотрудник журнала «Антиквария», член Всероссийского Геральдического Общества (Новый Иерусалим).

Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря поступил в музей сразу после его закрытия в 1920 г.[3] В 1920-е гг. в сформированном музее сосредоточились документы всех ближайших дореволюционных учреждений уездного города Звенигорода. В 1930-е гг. музей получил статус Московского Областного Краеведческого. В его архив попали разрозненные фонды из отдельных усадеб и монастырей, без какой-либо обработки и предварительной фиксации. В описях эти документы присоединялись к фонду Воскресенского монастыря и затем и с течением времени были с ним перемешаны[4].

Научный сотрудник музея профессор В.И. Троицкий в 1920-е годы сделал обширные выписки из документов фонда XVIII века[5]. Ценнейшим источником, более раннего периода 1656–1700 гг., считается исследование архимандрита Леонида[6]. К началу XXI века, в силу обстоятельств, фонд находится в неполном составе, большая часть документов дошла до нас в крайне плохом состоянии и требует реставрации.

Монастырь был разрушен 10 декабря 1941 г. немецко-фашистскими захватчиками. Неподготовленный к эвакуации архив, был спрятан в одной из башен монастыря и сильно пострадал. В середине 1950-х гг. началась реставрация зданий монастыря. Музей постепенно разместился в них. Архив в этот период практически не исследовался. Часть документов использовалась в экспозициях 1960-х годов, попав в основные фонды.

Обработкой уцелевшего архива занимались сотрудники музея Н.М. Михайлова, О.Б. Киселева и С.Г. Сорокин. За период с 1979-1983 гг. старший научный сотрудник музея С.Г. Сорокин и О.Б. Киселева описали более 12 500 документов, которые были разложены в порядке инвентарных номеров без разделения на фонды. Позднее это позволило на уровне картотеки разложить документы по фондам - по годам внутри фонда № 1 и в какой-то мере их систематизировать. Суммарно показатели обработки фонда № 1 «Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря за период 1678-1919 гг.» выглядят так: 1673–1799 гг., число дел – 1–653; 1800–1836 гг., число дел – 654–1353; 1837–1859 гг., число дел – 1354–1716; 1860–1917 гг., число дел –1717–2300.

Монастырская Опись 1679 г. позволяет сделать выводы по обзору документов из хранилищ Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря на момент второй половины XVII, т.е. о состоянии архива первых лет существования самого монастыря[7]. Это доказывает, что Фонд Воскресенского монастыря складывался сразу после основания обители. Об этом свидетельствуют и Опись составленная в 1679 г. Состав фонда Воскресенского монастыря в количественном отношении состоял из 3735 документов.

1. Грамоты Царей Алексея Михайловича, Федора Алексеевича; Патриарха Никона; разные; списки с грамот (1652–1679)[8].

2. Выписи из книг, письма и меры с отказных и межевых книг из

вотчины монастыря (1624–1678)[9].

3. Купчие и списки с них (1654–1666)[10].

4. Меновые, поступные (1654–1666)[11].

5. Списки с писцовых и отказных книг, переписные книги по отдельным вотчинам и подворьям (1654–1666)[12].

6. Книги приходо-расходные по разным вотчинам и приписным монастырям; книги продажи и покупки хлеба, соли, рыбы, леса, дров и железа; книги посевные, ужинные, умолотные; книги сбора пошлин, пустошных, мостовых, мельничных и т.п. (1654–1666)[13].

7. Заемные кабалы, закладные, сделочные, данные, духовные, вкладные (1654–1666)[14].

8. Отпускные и жилые записи (1654–1666)[15].

9. Записи на оброчные пустоши и лавки, росписи и платежные отписки разных годов (1654–1666)[16].

10. Челобитные Патриарха Никона и ему (1654–1666)[17].

11. Описи монастыря, ризницы, книгохранилища (1654–1666)[18].

12. Столбцы - 12 шт. число склеек (1654–1666)[19].

Перечисление этих документов, даёт возможность ощутить, насколько обширным был архив монастыря уже к 1679 г.

Из них сохранилось только 94 - ничтожная часть, менее 3%, и то в копиях. Ко времени архимандрита Леонида в 1870-е гг. большая часть документов за 1656–1679 гг. и конец XVII в. погибла. По его предположению, в большой пожар 1726 г. Часть документов, возможно, была изъята еще ранее в связи с опалой Патриарха Никона. Во всяком случае, кроме Копийной книги 1756 г. и приблизительно двадцати документов, опубликованных архимандритом Леонидом, в фонде сохранилось всего 8 документов XVII в. Наиболее ценной является Опись вотчин 1698 г. с указанием общей площади пашни, крестьянских наделов, размеров «монастырской пашни». Выписи из писцовых книг и владельческих грамот на вотчины монастыря дошли до нас с большими утратами текста.

Большую часть документов начала XVIII столетия представляют указы Монастырского приказа о сборах различных государственных податей, исполнении повинностей, посылке рекрутов и работников. Наиболее ценным документом за этот период является Окладная книга 1710 г. Она была составлена в связи с «определением» монастыря. За период времени с 1718 - 1724 гг. сохранились единичные документы. Вполне реально, что большая часть их погибла при пожаре 1726 г. За 1725–1732 гг. документы полностью отсутствуют. За каждый год до 1744 гг. сохранилось не более 10 разрозненных документов. И только с этого времени их количество за каждый год стало несколько увеличиваться.

Документы за период правления Иоанна Антоновича и Анны Леопольдовны 1739–1741 гг. были изъяты правительством Императрицы Елизаветы Петровны в 1740-е гг.[20]

Согласно архимандриту Леониду, «подлинные грамоты и акты, как и вотчинные акты, были отобраны у монастыря в 1764 г.», так как в его время многих документов уже не было. Это относится к документам XVIII в., но можно полагать, что были изъяты и документы XVII века[21].

Для предварительного ознакомления с фондом документов из хранилищ Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря второй половины XVII - начала XX веков, может служить обзорная историческая справка по Фонду 122 .

I. Внешние учреждения

1.Переписка с вышестоящими духовными учреждениями.

а) Указы Синода, присланные для сведения, с изложением указов Сената; правительственные манифесты.

б) Указы Синода с 1721 г., Монастырского приказа 1701–1718 гг., Московской Синодальной конторы XIX в., Промемории Крутицкой духовной консистории в 1761–1764 гг., по вопросам управления монастырей, назначения настоятелей, пострижения, приема и увольнения из монастыря; ведения хозяйства, контроля приходо-расходных книг, сбора пошлин, поставок, строчных денег.

в) Указы Синода о порядке богослужения, по вопросам церковной обрядности, о церковном пении.

г) Рапорты архимандритов о получении указов и их исполнении.

д) Книги вводящих и исходящих документов (за отдельные годы).

2. Переписка с другими государственными учреждениями.

а) Переписка с Волоколамской почтовой конторой.

б) С редакциями различных периодических изданий («Русский инвалид», «Христианское чтение» и др.).

в) С типографией при Московском университете по поводу печатания гравюр и литографий с изображением монастыря; объявлений о торгах на составление контрактов при ремонтах.

г) С Академией наук и Министерством народного просвещения по поводу изучения документов в книгохранилище монастыря.

д) С городскими и полицейскими властями г. Звенигорода и г. Воскресенска по поводу мелких судебных дел.

II. Внутренние дела

1. По административно-хозяйственному управлению монастырем.

а) Распоряжения (памяти) архимандритов приказчикам вотчин и строителям присных монастырей.

б) Распоряжения архимандритов Монастырскому правлению, казначею, ризничему и доклады Монастырского правления; рапорты казначея, ризничего об исполнении.

2. Монашествующие.

а) Ведомости монахов и послушников; исповедные ведомости; послужные списки настоятелей.

б) Дела о пострижении в монахи, о приеме в послушники, о

посвящении в иеродиаконы и иеромонахи.

в) Дела о переводах в другие монастыри, о присланных на исправление; об увольнениях из монастыря по болезни, на богомолье, на свидание с родственниками; о смерти и разделе имущества после смерти.

г) Дела о дисциплинарных нарушениях и наказаниях; о награждении настоятелей и других монахов.

д) Дела о назначении настоятелей, казначеев, ризничих и др.

3. Штатные служители

а) Ведомости штатных служителей.

б) Прошения штатных служителей о ссудах в счет жалованья; об увольнении на заработки, увольнительные свидетельства.

в) Дела о дисциплинарных нарушениях и преступлениях шт. служителей.

г) Дела о выходе штатных служителей в другие сословия.

4. Вольнонаемные

а) Условия и контракты на исполнение различных работ по монастырю.

б) Реестры выплаты жалованья вольнонаёмным лицам в конце XIX - начале XX вв.

III. Финансы.

1. Общие документы и дела.

а) Приходо-расходные книги.

б) Дела по проверке приходо-расходных документов.

в) Окладная книга 1710 г.

г) Книга записей окладных сборов 1756 г.

д) Ведомость о повинностях крестьян определенных вотчин 1763 г.

1). Штатная сумма.

а) Дела о получении штатной суммы и выдаче жалования.

б) Приходо-расходные книги штатных сумм.

2). Неокладные доходы.

а) Приходо-расходные книги церковных сумм.

б) Тетради казначеев о приходе и расходе неокладных сумм.

в) Ведомости, реестры и рапорты о сборе кружечных, кошельковых, молебных, поминальных денег и о разделе их между монашествующими.

г) Тетради прихода и расхода продовольствия и вина для «братской трапезы»; для записи расходов на дрова и другие мелкие хозяйственные расходы.

д) Отчеты свечепродавцев, о продаже книг и икон в монастырской лавке.

3) Аренда.

а) Дела о заключении контрактов на аренду Ильинского подворья и земельных участков в Сущевской части; на аренду «Новиковской земли» в г. Воскресенске; Головинского пруда;

монастырского огорода; мельниц на р. Истре и на р. Песочне; монастырской гостиницы, сенных покосов.

б) Документы о получении арендной платы.

в) Дела о расторжении контрактов и объявлении торгов на аренду.

г) Ведомости о земельных владениях монастыря в XIX–XX вв. и о размерах арендной платы.

4) Капитал.

а) Дела о пожертвованиях в монастырь денежных сумм в виде билетов Сохранной казны или Государственного банка.

б) Реестры билетов в Сохранной казне или в Государственном банке с указанием вкладчиков и сумм.

в) Дела по получению процентов с капитала.

5) Расходы

а) Ведомости о выдаче жалованья монашествующим и служителям.

б) Реестры на выдачу жалованья вольнонаемным (певчим, учителям школы, сторожам

в) Реестры расходов ризничего на церковные нужды; казначея на хозяйственные нужды; на провизию для трапезы.

г) Счета из магазинов и от различных поставщиков; расписки в получении денег; накладные квитанции в получении грузов.

д) Переписка с благотворительными учреждениями о пожертвованиях.

IV. Монастырское землевладение, имущество, строение, строительство и ремонт.

1. Землевладение до 1764 г.

а) Копии выписей из книг письма и меры 1624–1628, 1648 гг., с писцовых и отказных книг, с межевых (1687 г.), переписных книг 1678 г. по отдельным вотчинам.

б) Копия переписной книги Афанасьевского, что на Мологе, монастыря в Угличском уезде (1704 г.?).

в) Копия переписной книги Пятницкого монастыря в Берендеевом стане Дмитровского уезда (1720 г.?).

г) Опись вотчин монастыря 1698 г.

д) Жалованная грамота Царя Алексея Михайловича (1673 г.) на сбор пошлин в селе Пятница Дмитровского уезда и грамота Федора Алексеевича, подтверждающая право Монастыря на владение соляными варницами (1678 г.).

е) Наказ писцам, как описывать поместные и вотчинные земли (1684 г.).

ж) Дела о возвращении беглых крестьян из вотчин Воскресенского монастыря бывшим владельцам.

з) Копийная книга 1756 г.

и) Дела об аренде пустошей крестьянами в вотчинах приписных монастырей в Тверском и Карачевском уездах.

к) Выписи с отказных книг на с. Воскресенское и Никольское в Симбирском уезде (1744 г.); копии владельческих документов (1689–1736 гг.) на эти земли.

л) Дело о волнениях крестьян в приписной Тихоновой пустыни в Карачевском уезде (1754–1762 гг.).

2. Монастырское имущество и строение

а) Описи строений и церковного имущества:

б) Опись (копия XIX в.) 1679 г.

в) Описи 1737, 1751, 1756, 1837, 1848, 1875 гг.

г) Описи ризницы, библиотеки; казначейские.

д) Документы о вкладах на поновление старых и постройку новых приделов и иконостасов; на приобретение церковных одежд и утвари.

е) Дела о поновлении ризничных вещей.

ж) Дела о пожарах 1762 и 1796 годов.

3. Строительство и ремонт с середины XVIII века.

а) Книги прихода и расхода строительных сумм.

б) Дела о сборе строительных материалов и документы о расходах их.

в) Дела о присылке работников из других монастырей (Горицкого, Переславского) для обучения различным ремеслам (1750–1760-е гг.)

г) Дела о ремонтах и строительстве различных хозяйственных построек в монастыре и на подворьях.

д) Дела о заключении контрактов на строительные и ремонтные работы; документы о получении платы за ремонтные работы.

е) Переписка с архитекторами (например, с М. Казаковым); сметы на строительство (копии сметы Ивана Мичурина; сметы на ремонт 1844–1851 гг.), переписка с Синодом по вопросам строительства и ремонта.

4. Монастырский некрополь[23].

а) Указы Синода с разрешением о захоронении разных лиц.

б) Отдельные документы о денежных вкладах на поминовение захороненных в монастыре.

в) Упоминания о захоронениях внутри собора, его приделах и других церквах.

Несмотря на отмеченную неполноту фонда и плохую сохранность многих документов, он представляет ценный источник сведений по истории Воскресенского монастыря и истории его строительства. Также он весьма ценен для научного обоснования реставрационных работ и может быть широко использован в музейной практике для атрибуции экспонатов, попавших в фонды музея из монастыря, так и для изучения состава книгохранилища, монастырского некрополя и иной научно-исследовательской работы. Ввиду очевидной неполноты фонда большое значение имеют документы, относящиеся к Воскресенскому монастырю, но хранящиеся в других архивах[24]: РГАДА[25], ГИИА, СПбОИИ. В первую очередь их можно найти в фондах тех учреждений, в ведении

которых состоял Воскресенский монастырь в течение более чем двух с половиной столетий[26].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Историческое и топографическое описание городов Московской губернии. М., 1787. Историческое описание ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря. М., 1889; Историческое описание ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря. М., 1894; История Воскресенского Новоиерусалимского монастыря // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1874. Кн. 4. С. 125—366. Качсновский М. Т. Путешествие в Воскресенский монастырь, называемый ныне Новый Иерусалим. // Вестник Европы. 1804, июль. № 14. С. 97-108.

[2] Ф. 1. Оп. 1. «Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь1678-1919 гг.». Науч. арх. ИАХМ «Новый Иерусалим» (Фонд № 19650). Машинопись.1987. Опись представляет собой первый документ по науч-техн. Обр. фонда, начатой сотрудниками музея в 1979 г.

[3] В документах Научн. арх. не сохранилось ни акта приемки архива, ни описи дел. В довоенные годы (1919-1941) фонд не подвергался архивной обработке (Науч. архив ИАХМ «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп 1. 1987. С. 1)

[4] Согласно акту от 8 февраля 1930 г. Центрального архивного управления следует, что архив Воскресенского монастыря, в то время имел описи и хранился в 900 связках общим весом более тонны. Тогда же в музее были сосредоточены документы городского управления г. Воскресенска (20 пудов), Аносинского монастыря (3 пуда), Ивановской церкви Звенигородского уезда (ок. 1 пуда) и столбцы XVII–XVIII вв. - 316 номеров (Ф. 1. Оп. 1. 1987. С. 1)

[5] Троицкий В. И. К истории зодчества на Истре. // Историко-архитектурные исследования по б. Воскресенскому монастырю — Новому Иерусалиму в г. Истра Московской обл. М., 1957-1958. Машинопись. Науч. архив ИАХМ «Новый Иерусалим» (к настоящему времени часть документов, скопированных В.И. Троицким, не сохранилась, часть находится в плохом состоянии).

[6] Леонид (Лев Кавелин), архим.. Историческое описание ставропигиального Воскресенского, «Новый-Иерусалим» именуемого монастыря, составленное по монастырским актам настоятелем онаго архимандритом Леонидом. М., 1876 (Изд. Имп. Об-ва истории и др. Российских при Московском университете).

[7] Опись церковного и монастырского имущества и книгохранилища Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря 1679 г., учиненная по указу царя и великого князя Феодора Алексеевича Московского и всея России. Список XIX века. Науч. арх. ИАХМ «Новый Иерсусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1880. Опись 1679 г. част. опубл. архим. Леонидом (Лев Кавелин). М., 1876.

[8] 92 экз. Из них подлинные – 2, опубликованы (3) — 2. Ф. 1. Оп 1. 1987. С. 20.

[9] 29 экз. Сохр. Копийная книга 1756 г. Ф. 1. Оп 1. 1987. С. 20.

[10] 38 экз. Сохр. Копийная книга 1756 г. Ф. 1. Оп 1. 1987. С. 20.

[11] 11 экз. Сохр. Копийная книга 1756 г. Ф. 1. Оп 1. 1987. С. 20.

[12] 124 экз. Част. Сохр. в Копийной книге 1756 г. Ф. 1. Оп. 1. 1987. С. 20.

[13] 230 экз., (не сохр.). Ф. 1. Оп. 1. 1987. С. 20.

[14] 376 экз. (не сохр.). Ф. 1. Оп. 1. 1987. С. 20.

[15] 287 экз. (не сохр.). Ф. 1. Оп. 1. 1987. С. 20.

[16] 341 экз. (не сохр.). Ф. 1. Оп. 1. 1987. С. 20.

[17] 31 экз. Из них опубликовано в (3) – 4. Ф. 1. Оп. 1. 1987. С. 20.

[18] 4 экз., сохр. в коп. XIX в. Опись 1679 г. Ф. 1. Оп. 1. 1987. С. 20.

[19] 2172 экз. (не сохр.). Ф. 1. Оп 1. 1987. С. 20.

[20] ИАХМ «Новый Иерусалим». Ф. 1. Оп. 1. Д. 82 (1749 г.).

[21] Леонид. Историческое описание ставропигиального Воскресенского, «Новый-Иерусалим». М., 1876. С. 86.

[22] Ф. 1. Оп. 1. (составлена соответствии со «Схемой систематизации»).

[23] Описание могил, расположенных на территории б. Н.-Иерусалимского монастыря в Истре. // Научн. арх. ИАХМ «Новый Иерсусалим». Б.г., б.н; Абакумова Н. А., Михайлова Н. М. Некрополь Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. 1985. // Рукопись. Научн. арх. ИАХМ «Новый Иерсусалим»; Зеленская Г. М., Святославский А. В. Некрополь Нового Иерусалима. М. 2006.

[24] Описные книги Воскресенского, что на Истре, монастыря. Опись 1685 г. ОР РГБ. Ф. 178. Д. 871.

[25] Опись Музея, посвященного имени святейшего патриарха Никона, собранного тщанием настоятеля ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря архимандритом Леонидом, размещенного в так называемых Амвросиевских покоях. Сост. в 1875 г. // Главная церковная и ризничная опись Воскресенского, Новый Иерусалим, именуемого монастыря. Сост. в 1875 г. РГАДА- Ф. 1625. Оп. 1. Д. 34.

[26] Фонды Монастырского и Патриаршего приказов, Приказа Большого Дворца, Государевой Мастерской палаты, Приказа сыскных дел за период 1656-1721 гг.; фонды Синода, Коллегии экономии, Московской Синодальной конторы за более поздние периоды; фонды Комиссии по строениям, Московской губернской канцелярии, где есть материалы по ремонту и строительству в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре в XIX в.

* * *

Д.А. Мустафина

Книги письма и дозора 1621 года дворцовых владений в Казанском уезде как исторический источник

В 1613-1621 гг. правительство Михаила Романова предприняло учет земельного фонда и выяснение платежеспособности тяглого населения в стране[1]. Эта повсеместная акция охватила и Казанский уезд. В 1616-1621 гг. в нем были учтены выпавшие из сельскохозяйственного оборота

Мустафина Дина Абдулбаровна, доцент КГУ (Казань)

земли, переписаны крестьянские и бобыльские дворы, произведены ревизия и пересмотр податного обложения, переданы в оброчное держание «порозжие» угодья. До наших дней сохранилась лишь часть писцовых материалов, в том числе результаты «дозирания» дворцовых селений уезда. Они отложились в составе единиц хранения под №№153 и 6441 в фонде Поместного приказа РГАДА (ф.1209).

В сборник под №153 оказались подшиты четыре дозорные книги: а) результаты учета запустевших земель по Арской, Алатской, Галицкой дорогам, проведенного летом 1619 г. Захарьем Онучиным; б) описание дворцовых поселений по Арской и Ногайской дорогам, выполненное в 1599/1600 г. писцом Никитой Обуховым[2]; в) перепись дворцовых сел по Ногайской, Арской и Алатской дорогам, произведенная в апреля 1621 г. писцом Константином Шушериным и подьячим Григорьем Амиревым; г) описание дворцовых селений по Ногайской и Арской дорогам, осуществленное в июне 1621 г. Осипом Зюзиным и подьячим Терентьем Матвеевым. Материалы «дозирания», осуществленного в апреле 1621 г. К.Шушериным и подьячим Г.Амиревым, помимо кн.153, входят и в состав единицы хранения под №6441, в которую сведены писцовые материалы описаний города Казани и уезда 10-50-х гг. XVII в.

Все три уцелевшие дозорные книги, судя по скрепам дьяков М.Н. Ключарева и И.Татаринова, являются копиями (списками) 40-50-х гг. XVII в.[3]. Особенностью отмеченных источников является то, что осуществлены они были силами местного контингента служилых людей и палатных подьячих в ответ на грамоту от 25 апреля 1621 г., присланную от имени царя из Приказа Казанского дворца. Казанская администрация в лице воевод боярина князя Б.М.Лыкова, князя Ф.П.Барятинского, дьяков А.Степанова и И.Васильева отреагировала на поступившее распоряжение мгновенно, отправив уже через три дня (29 апреля) К.Шушерина и Г.Амирева описывать дворцовые села вокруг Казани и Тетюшей. Учитывая удаленность объектов писцового внимания на приличные расстояния, ради ускорения хода учетной операции в июне того же года к дозору в селениях по р. Каме приступила вторая пара писцов – О.Зюзин и Т.Матвеев. Преамбула описаний не оставляет сомнений в том, что обе группы работали на основании идентичного по содержанию воеводского наказа[4]. Направление двух бригад для дозора и описания крестьянских и бобыльских дворов свидетельствует об острой заинтересованности властных структур в скорейшем получении сведений о платежеспособности дворцовых крестьян.

Заметим, что поскольку объектом обоих дозоров 1621 г. были дворцовые села, располагавшиеся в разных частях Казанского уезда (случаев повторного описания одних и тех же селений двумя бригадами не было), постольку их материал может и должен быть использован для воссоздания общей картины сложения в регионе комплекса дворцового хо-

зяйства к концу второго десятилетия XVII в.[5]. По сути их материал отражает результаты массовой русской колонизации, дает срез картины размещения переселенцев, а также размеров фонда дворцовых земель, величины и характера поселений в Поволжье. Сопоставление же учетных материалов 1621 г. с предыдущим (1599-1600гг.) и последующими описаниями (1646, 1678, 1710 гг.) позволяет проследить особенности и масштаб колонизационного процесса в уезде уже за два с половиной столетия. Весь этот комплекс источников дает возможность не только выявить особенности миграционного движения, но и уточнить способствующие хозяйственному освоению факторы (скажем, роль гидрографической сети), определить тенденции в экономическом развитии дворцовых селений, в эволюции податного обложения и в целом положения крестьянства в регионе. Отмеченное делает насущной публикацию научного текста сохранившихся дозорных книг. На реализацию этой задачи направлена в настоящее время деятельность Научно-исследовательской археографической лаборатории Казанского университета. В настоящее время ее сотрудники готовят к печати рукопись книги, составленной О.Зюзиным и Т.Матвеевым в июне 1621 г. (РГАДА. Ф.1209.Оп.1. Кн.153. Л.615-688).

Данная дозорная книга дворцовых селений включает в себя описание трех волостей Осинской, Сарапулской, Анатышской и крупных сел Трехсвятского, Благовещенского, Никольского на р.Березовке[6]. Несмотря на то, что перепись обрывается на описании жилых бобыльских дворов дер.Ашняк Анатышской волости, значительной утраты листов не произошло. На это указывает как присутствие в книге сведений обо всех дворцовых селах, объявленных в преамбуле, так и описание всех деревень и починков, входивших, судя по более ранним и позднейшим писцовым описаниям, в состав волости[7].

О существовании и местонахождении этой дозорной книги исследователям было известно с XIX в., ибо информация о ней была включена в «Описи писцовых переписных, дозорных, платежных и межевых книг»[8]. Более того, А.А.Дмитриев в «Пермской старине» (Пермь, 1900), Н.И.Шишкин в «Истории города Елабуги» (М., 1871), А. Вештомов в «Трудах Вятской ученой архивной комиссии» (1906, вып. 6) опубликовали в извлечениях и сокращениях отдельные фрагменты описания.

К изучению писцовых материалов Казанского края первым обратился Г.И.Перетяткович[9]. Сведениями дозорных книг интересовались Е.П.Бусыгин, Е.И.Чернышев, И.П.Ермолаев, Е.В.Липаков, Н.С. Половинкин и др.[10] Однако информативные возможности рассматриваемого источника специальному рассмотрению никогда не подвергались.

Имена дозорщиков и имеющиеся в нашем распоряжении сведения об их социальном статусе убеждают нас в том, что данный дозор был

организован казанской приказной администрацией. Руководитель описания Осип Зюзин (или Зузин) принадлежал к достаточно известному роду, корни которого восходят к 40-60-м гг. XV в., когда нарушение привычного порядка жизни заставило многих представителей золотоордынской знати поступить на службу к московскому великому князю[11]. В XVI в. представители этого рода были зафиксированы в Твери, Суздале, Устюге, Дмитрове[12]. В боярской книге 1639 г. приведены имена стольника, стряпчего и семи дворян, носивших фамилию «Зюзин»[13]. В хронологическом реестре данных о местничестве, кропотливейше собранных Ю.М.Эскиным, за 1576-1653 гг. зафиксированы 12 Зюзиных, один из которых имел чин думного дворянина, трое – окольничего[14] .

Представителям этого рода доверяли как дипломатические поручения, так и проведение акций гражданского и военного характера. В описи фонда №141(Приказные дела старых лет), составленной Н.П.Воскобойниковой упомянуты посол на переговорах со шведами в 1617 г. Алексей Иванович и московский дворянин Иван Калинников Зюзины[15]. Известно, что Беляница Зузин осуществлял отвод земель в 1601/02 (7110) г.[16]. Его статус выборного дворянина был подтвержден в 1598 г. Борисом Годуновым и в 1613 г. Михаилом Романовым[17].

В Казанском крае Зюзины отмечены в числе первых «старых» жильцов[18]. Осип Зюзин в начале XVII в. владел землями в с. Ильинском и дер.Сабуголи на поместном праве, в 1609 г. возглавил один из отрядов, направленных против восставшего населения[19]. В 1624/25 г. был направлен в Самару для строительства укреплений[20]. Согласно описанию 1646-1657 гг. сын Осипа – Никита и еще два представителя этой фамилии продолжали владеть поместьями в Казанском уезде[21].

О втором участнике писцовой акции - Терентии Матвееве - известно еще меньше. А.П.Барсуков и С.И.Порфирьев, занимаясь восстановлением поименного состава местной служилой бюрократии, выяснили, что он являлся палатным подьячим[22].

Дозорщики побывали в 32 населенных пунктах (в это число включена деревня Ашняк, сведения о которой, как уже было отмечено выше, сохранились не полностью). Деятельность свою писцы начали с верховьев р.Камы и спустились вниз до впадения ее в р. Волга. Результаты переписи были оформлены в соответствии с логикой, диктуемой статусом селений. Сначала переписывалось центральное в данной округе село, затем приводились сведения по приписанным или тяготеющим к нему населенным пунктам. Независимо от статуса и типа населенного пункта учет податного населения и распределения «тягла» был осуществлен по шести условным статьям по единой структуре:

- Сначала произведена перепись «живущих» дворов, т.е. поименное перечисление крестьян во дворах с указанием доли положенной на них

выти; приведены итоговые показатели числа дворов и количества выти (если размежевание земель между селом и деревнями не производилось, то суммирование осуществлялось после учета всех жилых дворов).

- Далее, после сообщения формы и принципа определения размера феодальной ренты, раздельно зафиксированы объемы государевой десятинной и крестьянской пашни в четвертях. При переписи угодий отмечены находящиеся «в пусте» пашни, характер их эксплуатации в этом качестве или исключение из сельскохозяйственного оборота; указаны переложные земли, если таковые имелись. Вслед за этим десятинные и крестьянские угодья суммированы, записаны в копнах площади лугов и в верстах – площади леса. Если вблизи поселения имелись озера, заводи, мельницы и, следовательно, жители могли заниматься соответствующими промыслами (рыболовным и мельничным), то после сообщения о том, в чьей собственности эти статьи находились, иногда сообщено, на каких условиях они эксплуатировались.
- Третьей статьей описания стали пустые крестьянские дворы с указанием размеров положенного на двор «тягла». При этом сделано примечание о том, эксплуатируется ли «государева десятинная» пашня и личные наделы или записаны в «порозжие» земли. Здесь же названы причины запустения дворов;
- Четвертая составляющая регистрации – это бобыльские дворы с именами хозяев, размера оброка и «адресата» сбора ренты: казна и «мир».
- После изложения живущего контингента сельского населения писцы зафиксировали пустые крестьянские дворы и дворовые места с указанием имен бывших дворохозяев, части выти, на которой они жили. После суммирования этих двух показателей отмечены причины запустения дворов и появления пустых дворовых мест.
- Заключает описание населенного пункта информация о пустых бобыльских дворах и дворовых местах с указанием имен бывших хозяев, суммы вносимого оброка. По аналогии с учетом пустых крестьянских дворов и дворовых мест и в отношении бобыльского населения записаны причины запустения их дворов и возникновения пустых дворовых мест.

Структура описания позволяет прийти к заключению о том, что «заказчика» дозора интересовало сложившееся к лету 1621 г. реальное положение дел в дворцовых селениях. Писцы не были облечены полномочиями пересмотра размеров феодальной ренты, а лишь фиксировали осуществленную ранее раскладку долей выти на двор, т.е. выяснили количество дворов, продолжающих нести «тягло» и выбывших из «тягла»[23].

Тем не менее, материал книги может быть использован в первую очередь для получения представления о землеустройстве в дворцовых селениях Прикамья, о размещении и соотношении господской

(«государевой») и крестьянской пашни, о вытном тягле крестьянского двора, о величине и характере феодальной ренты.

В абсолютном выражении фонд включенных в сельскохозяйственный оборот (пашня, перелог и розчисти) земель Дворца в Прикамье составлял 3160.4 четв. в одно поле, 36730 копен сена[24]. Доля крестьянской запашки составляла 85,75%. В структуру крестьянского надела по данным источника входили пашня, очень редко розчисти (лишь в селах Трехсвятское и Благовещенское) и луга. Обеспеченность землей дворов была различной: в семи селениях надел не превышал 0,5 чети пашни, в восьми селениях составлял от 0,5 до 1 четв., в семи селениях колебался от 1,1 до 2 четв., а в семи населенных пунктах – от 2,1 до 3 и более четв. Как видим, размеры пашенной части наделов были крайне маленькими. С распределением сенокосов дела обстояли более благополучно. В пяти населенных пунктах на двор приходилось в среднем от 13 до 25 копен, в 16-ти – от 34 до 50 копен, в пяти – от 57 до 72 копен, в трех – от 87 до 100 копен. Значит, население имело весьма неплохие условия для занятий животноводством.

Сопоставление материалов дозора по ряду поселений с описанием, осуществленным спустя 30 лет, показывает, что за истекшее время произошло активнейшее хозяйственное освоение Прикамья. Например, площади пахотных угодий в дер. Полянка, Макалово займище возросли 1,9 раза, в с. Анатыш и дер. Носова – 2,6-2,7, в дер. Куземкино (Кузьмина) и Ашняк по 3,4, в дер. Урай – 4,2, в с. Бетки – 6,6 раза[25]. Надо полагать, что рост посевных площадей произошел за счет распашки леса и лугов.

Согласно дозорной книге в прикамских селениях Дворец использовал две формы феодальной ренты – барщину и денежный оброк. «Государева» десятинная пашня была зарегистрирована в 12 из 32 описанных населенных пунктов. Эти селения тяготели к Никольской (Осинской) слободе и входили в Анатышскую волость. Самые значительные площади барщинных угодий были зарегистрированы в Никольской слободе (более 135 четвертей в одно поле), а в шести селениях Анатышской волости в среднем имелось около 9 четвертей в одно поле. Оброчные селения группировались вокруг с. Вознесенского (Сарапул), к этой же группе относились с.Никольское на р. Березовка, с. Трехсвятское (Елабуга), с. Благовещенское (Омары). В большинстве оброчных селений, тяготевших к с. Вознесенскому (Сарапул) окультуренной земли было мало – от 3 до 12 четвертей. А в трех крупных оброчных селах земли было освоено к моменту дозора, соответственно более 54, 180, 85 четвертей. Выбор формы ренты не зависел и от качества земли, как барщинная, так и оброчная пашни могли быть добрыми средними и худыми. Более значимым было другое свойство земли – ее «мягкость», под которой, видимо, следует понимать традиционность эксплуатации ее в качестве пахотной земли. Следовательно, предпочтение денежному

оброку перед барщиной отдавалось не только из-за стремления включить в сельскохозяйственный оборот неосвоенные земли, не последнюю роль играли возможности, предоставляемые природно-географическими условиями для хозяйственной деятельности и традиционная роль населенного пункта в торгово-промысловой жизни своей округи и региона. Ведь большинство селений принадлежало к «старому» типу: 75% являлось деревнями, 21,9% - селами. Составивший 3% починок Горбунов в актовых материалах первой половины XVII в. встречается в качестве деревни Горбунов починок. К тому же сами названия населенных пунктов указывают на вхождение в состав дворцового комплекса не только селений, возникших в ходе колонизационного движения, но и основанных задолго до миграции населения из центральных районов государства в этот регион (напр. Бэтке, Анатыш, Эшнэк, Урай, Мамыл, Гольян, Сива). Некоторые поселения были переименованы русским населением (Носова, Арыш то ж, Трехсвятское=Алабуга, Никольская слобода=Оса, Вознесенское=Сарапул) и т.д.

Величина барщины в описанных населенных пунктах составляла «...на десятинах на выть по две четверти ржи в таможенную меру, а овса вдвое». Эта норма (на выть по 2 чети...) упомянута в писцовой книге 1565-1568 гг., фигурирует в дозорной книге 1599-1600 гг. Однако, как выяснила Е.И.Колычева, эта норма претерпела изменения в 80-90-х гг., когда вместо «казенной» четверти была введена «таможенная». Новая мера по объему была больше прежней на одну осьмину и один четверик. Изменение реального содержания меры высевавшегося зерна повлекло за собой увеличение площади посева, метрической площади десятины и в конечном итоге привело к росту нормы барщины более чем в полтора раза[26].

В 20 прикамских селениях крестьяне находились на денежном оброке. Дозор не дает возможности точно назвать, от чего зависело определение вытного тягла и размеров денежной ренты. Несомненно одно, что тяглоспособность определялась явно не только по величине тяглых наделов. С выти взимались полтора рубля (300 денег).

Примечательно, что наряду с унифицированной вытью (12 четв. доброй – Никольская слобода, с. Трехсвятское, или 14 четв. средней земли в одно поле – д. Урай), дозор содержит и разновеликую выть. В с. Никольском на р. Березовке на выть было положено 13 четв. доброй земли, а в с. Анатыш и д. Куземкино 13 четв. средней, а в с. Бетки 13 четв. худой. В с. Вознесенском на р. Сарапул на выть положили 8,5 четв. средней земли, в д. Носова – 11 четв., а в д. Ашняк – 10 четв. но худой земли. Применение разновеликих окладных единиц говорит, прежде всего, о незавершенности унификации экономического положения дворцовых крестьян.

Особую ценность представляют сведения дозора о вытных окладах. Самым крупным вытным окладом была полувыть (1/2). Она встречается

лишь в крупных поселениях – в слободе Никольской, селах Бетки и Благовещенское (Омары). На самом мелком окладе, равном пол-пол-получети, находилось почти 11% дворов. Самыми распространенными окладами были получеть, т.е. 1/8 выти (38,7% дворов), пол-полчети, т.е. 1/16 выти (чуть более 29%) и четь, т.е. на 1/4 выти (чуть более 18%). Материал источника позволяет соотнести эти доли выти с конкретной земельной площадью и конкретными крестьянскими дворами. Конечно, при этом следует учитывать земельную наполненность выти в каждом конкретном населенном пункте. Примечательно также и то, что запустевшие земли описаны долями выти. Сравнение вытного оклада жилых и пустых крестьянских дворов показывает, что покинувшие свои дворы крестьяне в подавляющем большинстве (более 50%) находились на чети (1/4 доли) выти, а 30,1% - на получети (1/8).

Удельный вес пустых крестьянских дворов был различным и колебался от 8,3 до 61,5% (в целом по Прикамью – 26,3%). Самое большое число запустевших крестьянских дворов было зафиксировано в поч. Горбунове, в нем отмечено 8 пустых из 13 крестьянских дворов и в с. Бетки, где запустело 36 из 64 дворов. Обращает на себя внимание, что запустевшие земли деревень лишь в Никольской слободе с его четырьмя окольными деревнями обрабатывались «взгоном», в остальных же селениях и домениальные и крестьянские земли регистрировались «порозжими». Представляется интересным, что из ряда населенных пунктов случаев побега вообще не было. В это число входят села Никольское на р. Березовке, Трехсвятское и Благовещенское. Причинами запустения, по свидетельству дозорщиков, стали в редких случаях смерть дворохозяина и стихийные бедствия (пожары). Чаще же крестьяне бежали «от государевых податей, от правежу и от стрелецких запасов» или "от мирского тягла, что с них сбирали в подводы и в иные подати". Побеги были совершены в 7126–7129 (1618–1621) гг. Получается, что на этот шаг сельское население толкнули активные действия администрации по сбору податей, осуществлявшиеся на основании переписи 1617 г.

Кроме крестьянских дворов дозорщики записали за Дворцом и бобыльские дворы. Их доля в поселениях была различной и составляла от 5,5% (дер. Носова, Арыш то ж) до 33% (с. Трехсвятское). В четырех селениях – (с. Вознесенское, с. Благовещенское, с. Анатыш, д. Урай) бобыли проживали в более чем четверти от общего количества описанных дворов. В отношении бобыльского населения писцы ограничились лишь указанием суммы оброка (как правило общей), взимавшегося со двора. Дифференцированные показатели денежного оброка были разными и колебались от 14 до 120 денег.

При описании бобыльских дворов в источнике зафиксирован любопытный факт. В Никольской слободе писцы описали 6 бобыльских дворов, названных «оброчными» и 26 дворов, отмеченных как «живущие

безоброчные». Хозяева «оброчных» вносили оброк в казну в Казани, а с «безоброчных» оброк взимали крестьяне Никольской слободы в фонд общины («мира»). Если первые платили от 10 до 20 алтын, то вторые, по их собственным утверждениям отдавали от 5 до 10 и больше алтынов с человека. Осинские же крестьяне назвали общую сумму собиравшегося оброка – это 7 рублей 25 алтын, т.е. в среднем менее 10 алтын с человека. Выходит, что «безоброчные» бобыли поселились на землях уже освоенных крестьянами Никольской слободы с разрешения общины, но без ведома казанской (дворцовой) администрации. Этот факт косвенно указывает на характер колонизационного движения, а употребление писцами единиц денежного счета, относившихся к разным системам счета денег: новгородского (гривна) и московского (алтын, деньга) позволяет предположить, что в числе переселившихся в Прикамье были и выходцы из северо-западных областей России.

Итак, из вышеизложенного видно, что дозорная книга содержит уникальные сведения, расширяющие и углубляющие представления о социально-экономическом развитии Казанского края, его исторической географии. Издание ее текста будет способствовать привлечению этого источника широкого спектра к использованию ее материалов в комплексе с другими сопоставимыми писцовыми описаниями и актовым материалом XVI-XVII столетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Особенно активно эта программа стала проводиться с 1619 г., т.е. после возвращения Филарета (Федора Никитича Романова) из польского плена. См. об этом подробнее: Веселовский С.Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т.2. М., 1916, С.196 и далее; Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937. С.6.

[2] Текст книги «письма, дозора и межевания» 1599/1600 гг. писца Н.Обухова на дворцовые владения Казанского уезда (РГАДА. Ф.1209.Оп.1.Кн.153. Л.435-511) опубликован Е.И.Колычевой и Н.П.Воскобойниковой в 1997 г. См.: Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века. М., 1997. С.193-246. В этой же публикации на стр. 197-208 приведен подробный перечень писцовых материалов, вошедших в сборник кн.153.

[3] См.: Ермолаев И.П., Липаков Е.В. Крестьяне дворцовых сел Казанского уезда в конце XVI - первой четверти XVII века: по материалам дозорных и переписных книг // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984. С. 13-14; Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века. М., 1997. С. 193-195.

[4] Ср.: РГАДА.Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 153. Л. 615 об.-616; Кн. 6441. Л.1-2.

[5] В литературе указывалось, что рассматриваемые писцовые материалы взаимно дополняются с результатами регистрации, произведенной К.Шушериным и

подьячим Г.Амиревым в апреле 1621 г. См.: Ермолаев И.П., Липаков Е.В. Указ соч. С.8-26.

[6] Ныне эти селения входят в состав Пермской области, Республик Татарстан и Удмуртия.

[7] См., напр.: РГАДА. Ф.1209. Кн.153. Л.53-78. Составители книги, по всей видимости, выполняли свою работу в достаточной спешке, ибо в отличие от апрельской переписи селений в бассейнах рек Казанка и Вятка в июньской регистрации сюжет о церковном причте и храмах, об их убранстве и имуществе отсутствует.

[8] См.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн.1. СПб, 1869. № 842. С.83. В XX столетии внимание ученых на нее обратили И.П.Ермолаев, Н.П.Воскобойникова. См.: Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI-XVII вв.: Хронологический перечень документов. – Казань, 1980. С.86 (№546); Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века. М., 1997. С. 208 (№44).

[9] См.: Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI вв.: Очерки из истории края и его колонизации. М, 1877: Он же. Поволжье в XVII и начале XVIII века: Очерки из истории колонизации края. Одесса, 1882.

[10] См.: Бусыгин Е.П. Русское сельское население Среднего Поволжья / Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX- начало XX вв.) Казань, 1966; Чернышев Е.И. Татарская деревня во второй половине XVI и XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961 год. Рига, 1963; Ермолаев И.П.Среднее Поволжье во второй половине XVI –XVII вв.: Управление Казанским краем. Казань, 1982; Ермолаев И.П., Липаков Е.В. Крестьяне дворцовых сел Казанского уезда в конце XVI - первой четверти XVII века: по материалам дозорных и переписных книг // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984. С. 8-26; Половинкин Н.С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Вторая половина XVI – первая половина XIX вв. Тюмень, 1996.

[11] Существует мнение, что Зюзины – это довольно распространенная в XV-XVI вв. фамилия тюркского происхождения, производная, скорее всего, от прозвища сюдзи или сюзле (имеющий голос). См.: Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С.125; Халиков А.Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. – Казань, 1992. С.90.

[12] ПСРЛ. Т.6. С.265; Разрядная книги 1475-1598 гг. М., 1966. С. 74-75; Маркевич А.И. История местничества. Киев, 1879. С. 253; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 266; См.: Воскобойникова Н.П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI-нач.XVII вв.: (РГАДА.Ф.141. Приказные дела старых лет). Вып.3. М., 1999. С. 76; Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII вв. М., 2005. С. 57, 95, 123, 133, 225, 233, 286, 402, 411.

[13] См. Боярская книга 1639 года. М., 1999. Л.62, 139об., 206об., 213об., 245об., 322.

[14] См. Ю.М.Эскин. Местничество в России XVI-XVIIвв. Хронологический реестр. М, 1994. - №230, 286, 312, 352, 536, 1081, 1086, 1341, 1425, 1468, 1497, 1535.

[15] См. Воскобойникова Н.П.Описи древнейших документов архивов московских приказов XVI-начала XVII вв. Кн.II. СПб., 1999. Л.44, 143.

[16] Список с писцовых книг по г.Казани с уездом. Казань, 1877. Л.39об., 120об.

[17] Халиков А.Х. Указ.соч. С.90.

[18] В самой ранней из дошедших до нас писцовых описаний города Казани 1565-1567 гг. названы имена семи человек из этого рода. В том числе дети боярские Булгак Иванов сын, Василий и Истома Константиновы дети. См.: Список с писцовых книг по г.Казани с уездом. Казань, 1877. Л.25, 25об., 29, 47, 47об., 107об., 110, 161об., 162.

[19] См.: Загоскин Н.П. Казанский край в смутное время: Исторические очерки. Казань, 1891, с.121; Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв.: Управление Казанским краем. Казань, 1982, с.82.

[20] См.: Дворцовые разряды. Т.1. СПБ, 1850. Стлб.627.

[21] См.: Писцовая книга Казанского уезда 1647-1656 годов. М., 2001. Л.336об.

[22] Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления в Московском государстве XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб, 1902. С.8; Порфирьев С.И. Несколько данных о приказном управлении в Казани в 1627 году // ИОАИЭ. 1911. Т.27. Вып.6. С.78; Веселовский С.Б.Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С.324.

[23] Заметим, что проверка приведенных в тексте источника подсчетов, подтвердила их высокую точность.

[24] Цифры не могут претендовать на исчерпывающий характер вследствие отсутствия точных данных по дер.Шумково.

[25] См. и ср.: Писцовая книга Казанского уезда 1647-1656 годов. М., 2001. С. 128-131.

[26] См. об этом подробнее: Е.И.Колычева. Писцовые дворцовые материалы как исторический источник по социально-экономическому положению крестьян // Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века. М., 1997. С.11-12. Присутствие в формуле описания земли «таможенной меры» позволяет распространить вывод Е.И.Колычевой о возделывании в двух полях «государя» с выти трех десятин и одной осьмины или 6,5 чети.

* * *

М.Е. Проскурякова

Материалы «общего смотра служилому классу» 1721–1722 гг. как источник для изучения штатного состава и продвижения по службе гражданских чинов Выборгской провинции

Время петровских реформ было периодом создания государственной администрации нового образца, которая характеризовалась появлением разветвленного аппарата управления с четким разделением полномочий различных институтов власти.

В ходе развития системы правительственных учреждений все острее вставал вопрос о нехватке в России служилого класса. Выдающийся исследователь областных учреждений петровской России Михаил Михайлович Богословский недостатком кадров объяснял медлительность проведения в жизнь реформы 1719 года. «Спрос в служилом элементе возрастал слишком непропорционально естественному приросту служилого класса, — писал историк, и даже счел возможным утверждать: ...тот факт, что в 1720 году еще оставались вакантными 48% всех мест по судебному управлению, служит лучшим показателем размеров этого недостатка»[1].

В сложившейся ситуации правительством были предприняты некоторые действия, имевшие целью восполнить дефицит чиновников за счет строгого контроля над всем дворянским сословием и людьми, находившимися на гражданской службе. Одним из способов получения точных данных о количестве служащих и занимаемых ими должностях стало периодическое проведение так называемых смотров. За период правления Петра Великого таких смотров было проведено несколько, в их числе и смотр всему служилому классу 1721–1722 гг.

Рассмотрению обстоятельств высылки на смотр чиновников Выборгской провинции в 1721–1722 гг. посвящена настоящая статья. Основными источниками послужили документы, хранящиеся в Национальном Архиве Финляндии (Хельсинки). Коллекция, в которой отложились анализируемые нами материалы, носит название «Фонд Выборгского губернатора» и представляет собой собрание неописанных и неразобранных канцелярских дел XVIII века, охватывающее время существования Выборгской провинции и Выборгской губернии. Уже изученная нами часть данного комплекса материалов содержит в себе документы делопроизводства канцелярии Выборгской провинции за 1721–1722 гг.

Проскурякова Мария Евгеньевна, ст. лаборант Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии ПетрГУ (Петрозаводск)

Как отмечал М. М. Богословский в своей монографии «Областная реформа Петра Великого», смотр 1721–1722 гг. был предпринят в наиболее широких размерах и оставил после себя наибольшее количество документальных данных[2].

Действительно, в Фонде Герольдмейстерской конторы в РГАДА значительный процент материалов относится именно к этому событию. В нем представлены книги, составленные из дел, появившихся в ходе проведения смотра служилых людей и шляхетства, списки побывавших на смотре отставных офицеров, росписи назначений служилых людей по разным провинциям. Однако данные о том, как происходило проведение в жизнь правительственных распоряжений на местах, в вышеназванных документах отсутствуют.

Мы предлагаем рассмотреть источники местного происхождения, в которых отразился процесс высылки на смотр и обстоятельства этого события в отдельно взятом регионе: Выборгской провинции.

Материалы, собранные в книге, носящей название «Дела 1722 года (Выборгской провинции бригадира и коменданта)»[3] представляют собой множество разнообразных документальных текстов, посвященных выполнению правительственного распоряжения о высылке на смотр дворян и отставных офицеров Выборгской провинции.

Прежде всего, мы располагаем списками дворян и отставных офицеров, которые на момент объявления смотра находились там «у земских дел». В указе была прописана необходимость прислать в контору герольдмейстера именную роспись из губерний и провинций, в которой должны были быть указаны имена и должности всех обязанных явиться на смотр[4]. В делах Выборгской канцелярии сохранилось несколько дублирующих друг друга экземпляров данной росписи. Эти документы стали для нас базовыми, так как благодаря их наличию оказалось возможно выяснить точное количество выборгских чиновников, подпадавших под действие указа о смотре 1721–1722 гг., а также получить некоторые данные об их прежних должностях.

Формуляр списков чрезвычайно прост. Обратившись к форме, по которой велся учет дворян еще в Разрядном приказе, можно сказать, что статьи 1721 года, составленные для направления их в Сенат, по своей сути наследовали традиции прешествовавшей эпохи. В то же время они близки практическим рекомендациям, установленным по приказу герольдмейстера Степана Андреевича Колычева в 1722 году для записи дворян в Герольдмейстерской конторе. Изучению формуляра интересующих нас документов уделял внимание советский историк Сергей Мартинович Троицкий, автор монографического исследования о становлении российской бюрократии[5].

Как выяснилось при работе с архивными текстами, список провинциальных выборгских чиновников начинался следующим заголовком:

«А в Выборгской провинции обретаются у дел дворяне и отставные офицеры»[6]. Далее шло последовательное описание по позициям: каков военный чин служащего, каким образом он был отставлен от военной службы, в каком году был назначен на гражданскую должность, к какому делу и по распоряжению какого ведомства был определен. Заканчивалась роспись о службе каждого упомянутого лица сообщением о должности, занимаемой на текущий момент.

Много более важные данные содержатся в документах Выборгской канцелярии, представляющих собой переписку с центральными ведомствами. Там находим персонифицированную информацию о том, кому из чиновников указ был «сказан», кто в скором времени должен был прибыть на смотр, а кто по каким-либо причинам задерживался или вовсе не мог явиться.

Как обнаружилось, полные сведения обо всех служащих не сосредоточены в каком-либо одном конкретном источнике, они распылены в большом количестве доношений из канцелярии в Сенат. Выявление полноценных данных о каждом из выборгских чиновников оказалось задачей не из легких.

Однако несмотря на все трудности работы с разрозненными, не объединенными общей темой документами, подчеркнем важность такого рода материалов. Их ценность состоит прежде всего в том, что они не просто раскрывают формальную сторону события, но при комплексном исследовании, подобном нашему, позволяют выявить: а) протяженность во времени исполнения правительственных указов, б) систему рассылки распоряжений, в) способы доведения их до сведения жителей каждого удаленного уголка Российской империи, и, наконец, г) воссоздают историю службы отдельных лиц. Тем самым создается адекватное представление об особенностях делопроизводства того времени и о традициях назначения на определенные должности в России в начале XVIII в.

Руководствуясь опубликованными материалами, отметим, что было издано несколько указов, оповещавших о необходимости явиться на смотр 1721–1722 гг. В первом из них, датированном 30-м июля 1721 года, говорилось: «...велено всем царедворцам и городовым дворянам всякого звания и отставным афицерам, которые у дел, ... быть к смотру в Москву или в Санкт-Питербурхъ пополам; первой половине в декабре нынешнего [1721 – *М. П.*] году, другой половине в марте месяце 722 году»[7]. Это распоряжение относилось к жителям всего государства, исключение составляли лишь служилые люди Сибирских и Астраханских городов. Относительно дворян и отставных офицеров, находившихся «у дел» в городах бывшей Санкт-Петербургской губернии, указ содержал особое замечание. Они должны были явиться к смотру до конца октября 1721 года.

Содержание последовавших вслед за первым еще трех указов: от 30-

го августа, 8-го сентября и 19-го октября примерно повторяло смысл первого правительственного распоряжения.

Можно не сомневаться, что издание все новых и новых указов объясняется отсутствием должного результата. Первые законы были проигнорированы чиновниками, о чем свидетельствует одно из упомянутых распоряжений, найденное нами в опубликованном виде. В датированном 19-м октября 1721 года тексте говорилось, что по данным стольника Степана Колычева, к которому должны были прибывать вызванные на смотр дворяне и отставные офицеры, еще и спустя два с половиной месяца после объявления «к разбору царедворцы и офицеры из губерний и провинций еще никто не являлся». Особо было отмечено, что «Санкт-Петербургской губернии городов для смотру в Сенате явилось малое число, а положенный им срок проходит»[8].

За отсутствием каких-либо существенных перемен в реагировании дворянства на предписания о необходимости явиться к смотру правительство вынуждено было пойти на ужесточение первоначально предусмотренных наказаний за их неисполнение. Каких — сообщает именной указ от 11-го января 1722 года, опубликованный под заголовком «О явке шляхетству и отставным офицерам на смотре, и о шельмовании за неявку»[9]. В этом последнем, уже пятом по счету, предписании находим сетования на то, что «по предыдущим указам не токмо в том [декабре — М. П.] месяце, но и поныне явились не все»[10]. Одновременно с введением новых жестких наказаний за неявку к смотру были несколько изменены сроки. Крайней датой для прибытия в Москву к стольнику Колычеву всем без исключения чиновникам было объявлено 1 марта 1722 года[11].

Рассмотрение распоряжений центрального правительства относительно «общего смотра всему служилому классу» 1721–1722 гг. со всей ясностью показывает, с какими трудностями столкнулась высшая администрация государства при попытке получить информацию о людях, занимавших должности в провинциальном управлении. Упомянутые выше документы свидетельствуют, что государственные распоряжения исполнялись не сразу и непросто. Правительство было вынуждено снова и снова подтверждать свой указ.

Однако имеет смысл обратиться к материалам, отложившимся в Национальном Архиве Финляндии, чтобы во всей возможной полноте восстановить историю проведения одного из региональных смотров — служилого класса Выборгской провинции.

По всей видимости, в Выборгской провинции в 1721–1722 гг. находилось шесть должностных лиц, на которых распространялось действие указов правительства о смотре шляхетства и отставных офицеров. Подробно не останавливаясь на аспектах биографии каждого из чиновников, рассмотрим информацию, почерпнутую из доношений Выборгской канцелярии в Сенат.

В доношении от 27-го января 1722 года содержатся сведения о посещении смотра *лантрихтером*, то есть земским судьей, Родионом Мельгуновым и *рентмейстером* (провинциальным казначеем) Яковом Ходыченковым[12]. Лантрихтер Мельгунов отбыл из Выборга на смотр 2-го , а Яков Ходыченков – 21-го октября 1721 года. Согласно другому документу, 30-го декабря 1721 года Мельгунов и Ходыченков явились в Выборге и подали в канцелярию доношение, в пересказе текста которого мы находим информацию о назначении этих чиновников на службу. Родион Мельгунов был определен на прежнюю должность до дальнейших распоряжений, а Яков Ходыченков был оставлен на прежней должности[13].

В случае с названными выше чиновниками видим, что они были высланы из провинции в указанный еще в первых правительственных распоряжениях срок.

Несколько позднее прибыл на смотр 1721–1722 гг. другой выборгский чиновник — Максим Иванович Скобельцын, занимавший должность *провиантмейстера* и ведавший хлебными и прочими продовольственными сборами в Кексгольмском уезде. 2-го января 1722 года в Кексгольме был получен указ из Выборгской канцелярии, в котором спрашивалось, был ли провиантмейстер Скобельцын на смотре и какое определение получил[14]. Как становится известно при изучении одного из документов, кексгольмский провиантмейстер был отослан из провинции 1-го ноября 1721 года. А в доношении из Кексгольмского гарнизона от 3-го февраля было написано, что «по осмотру [в тексте ошибочно *асмотру* — *М. П.*] правител[ь]ствующаго Сената оный Скобельцын написан к прежнимъ деламъ в Кексгол[ь]мъ провиантъместеромъ»[15]. К ведомости была приложена копия с паспорта, выданного Максиму Скобельцыну на смотре. В ней проставлена дата его определения к службе – декабрь 1721 года.

Если судить по времени с момента отправки и до момента определения к службе, на все прохождение смотра, включая занявшую, по-видимому, большую его часть дорогу, Родиону Мельгунову, Якову Ходыченкову и Максиму Скобельцыну потребовалось не менее двух месяцев.

Несколько иной представляется история явки на смотр *комиссаров* Карпова и Неелова полков Выборгского гарнизона Афанасия Поливанова и Федора Ламанова. По роду службы в их обязанности входило посредничество по хозяйственной части между провинцией и «расположенными в ней платежом» полками[16]. Оба подчинялись ведомству Главного Комиссариата, учреждения по выдаче жалования и амуниции гарнизонным полкам. Как становится известно из документов, на момент издания указа от 30-го июля 1721 года А. Поливанов и Ф. Ламанов находились «в Санктъ-Питербурхе в Главномъ Камисариате для требова-

ния денежные казны Выборхского гварнизона на полки»[17]. Однако по возвращении в провинцию, как указывалось в том же документе, 29-го октября 1721 года указ им «был сказан»[18]. По состоянию дел на 27-е января 1722 года комиссары, хоть и с опозданием, были высланы на смотр.

Таким образом, становится ясно, что, несмотря на занятость по делам службы комиссары полков Выборгской провинции выполнили правительственный указ. Они не успели явиться на смотр до конца октября месяца, как было положено служащим Санкт-Петербургской губернии согласно первому из указов, но, тем не менее, успели выполнить свой гражданский долг в соответствии с последним правительственным распоряжением, определившим крайней датой явки 1-е марта 1722 года.

На фоне относительно четкого исполнения указов 1721–1722 гг. чиновниками Выборгской провинции, выделяется «дело» бывшего секунд-майора Белозерского полка князя Григория Ивановича Шаховского. Согласно материалам Выборгской канцелярии Григорий Шаховской, будучи офицером Белозерского полка, был направлен в 1719 году в Выборг для исполнения *камерирских* дел, то есть заведующим казенным имуществом Выборгской провинции[19]. В 1721 году на его должность был назначен и прислан в Выборг иноземец Яган Грове[20]. По сведениям, почерпнутым из документов Выборгской канцелярии, на момент правительственного распоряжения о смотре дворян и отставных офицеров князь Шаховской передавал дела Ягану Грове и «не находился ни у каких дел». Тем не менее, действие указа распространялось и на него.

В бумагах, направленных из Сената в Выборг, неоднократно встречается настоятельное требование поставить князя Григория Шаховского в известность о необходимости его прибытия к смотру. Среди документов Выборгской канцелярии нами обнаружены несколько запросов, поступивших из Сената, примерно следующего содержания: известно ли Григорию Шаховскому о смотре, был ли он на нем и если был, то какое определение получил. Однако в течение многих месяцев Григорию Шаховскому удавалось «отговариваться» от поездки на смотр под тем предлогом, что уже после объявления указа в ноябре 1721 года, он был в Сенате и явился подьячим «для записи», а те его «не записали»[21]. Документы об этом происшествии свидетельствуют, что Шаховской не раз «бил челом» в самые разнообразные инстанции (в том числе писал президенту Камор-Коллегии).

В доношениях из Выборгской канцелярии в Сенат история о безрезультатной поездке князя Шаховского в Санкт-Петербург нашла подробное освещение. Тем не менее, центральные органы власти были непреклонны и настаивали на прибытии на смотр князя Григория Шаховского[22]. Недействительность первого визита князя в Сенат была

объяснена тем, что Шаховской «явился под[ь]ячим, а не правител[ь]-ствующему Сенату»[23].

Ряд материалов, в которых упоминается о князе Григории Шаховском, показателен с точки зрения изучения функционирования новых институтов власти, созданных в результате реформ Петра Великого. Каждое ведомство имело свое четкое предназначение, и для прохождения смотра необходимо было явиться именно к тому должностному лицу, в полномочия которого входили фиксация явки и определение к службе чиновников, то есть к стольнику Степану Колычеву.

В целом изучение документальных материалов местного происхождения создает ясную картину проведения в жизнь правительственных установлений в Выборгской провинции. «Роспись служилым людям» этой пограничной области России является своего рода анкетой, в которой содержатся сведения по истории службы отдельных чиновников и определенные данные об исполнении ими правительственных распоряжений о смотре 1721–1722 гг[24].

По состоянию дел на середину января месяца 1722 года, как написано в правительственном указе, из дворян и отставных офицеров, бывших «у дел», на смотр прибыла лишь «малая часть»[25]. Однако в соответствии с информацией, содержащейся в изученных нами материалах Выборгской канцелярии, чиновники Выборгской провинции явились на смотр ранее января 1722 года, и, по всей видимости, были в числе тех немногих, которые в точности исполнили правительственный указ.

Скрупулезное выявление и сравнительное рассмотрение данных, содержащихся в актовом материале и делопроизводственных реестрах провинциальной канцелярии показывает, что саботирование указов центрального правительства отнюдь не было традицией, как может показаться при изучении указов, собранных в ПСЗ. Во всяком случае чиновники Выборгской пограничной области были послушны распоряжениям сверху.

Документы Выборгской канцелярии, таким образом, помогают воссоздать процесс исполнения правительственных распоряжений в отдельно взятом регионе, относившемся к территории «бывшей Санкт-Петербургской губернии», тем самым расширяя имеющееся в историографии представление об организации и проведении общегосударственного смотра служилым людям 1721–1722 гг.

Дальнейшее изучение комплекса материалов, отложившихся в Национальном Архиве Финляндии, безусловно позволит детально разобраться в истории становления российской власти на территориях, отошедших по статьям Ништадского мирного договора к России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг. М., 1902. С. 272.

[2] Там же. С. 275.

[3] Национальный Архив Финляндии. Фонд Выборгского губернатора. Ед. хр. 2996. (Далее – НАФ, 2996.)

[4] О высылке офицеров и дворян к смотру из всех губерний кроме Сибири и Астрахани, 30 июля 1721 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 6. С. 411. № 3810. (Далее – ПСЗ. С. .... №....)

[5] Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 156.

[6] НАФ, 2996.

[7] О высылке офицеров и дворян ... // ПСЗ. С. 411. № 3810.

[8] О высылке к стольнику Колычеву с именными списками царедворцов, дворян всякого звания и отставных офицеров неотложно в Москву в декабре, а Санкт-Петербургской губернии городов в октябре под опасением наказания, 19 октября 1721 г. // ПСЗ. С. 441. № 3836.

[9] О явке шляхетству и отставным офицерам на смотр, и о шельмовании за неявку, 11 генваря 1722 г. // ПСЗ. С. 478. № 3874.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] НАФ, 2996.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Мрочек-Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII века. До учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. М., 1876. С. 101.

[17] НАФ, 2996.

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] Там же.

[25] О явке шляхетству и отставным офицерам ... // ПСЗ. С. 478. № 3874.

* * *

И.В. Пугач

Сметные списки как источник по истории русского феодального города

В РГАДА, в основном в 137 фонде «Боярские и городовые книги», находится ряд источников, которые в изучении истории городов Московской Руси имеют чрезвычайно большое значение Речь идет о сметных списках, своего рода сводных бюджетных росписях отдельных городов, в которых фиксировались доходная и расходная часть текущего финансового года[1].

За XVII в. известно 403 списка по 21 городу[2]. Степень сохранности данного вида финансовой делопроизводственной документации различна. В полной мере сметные списки сохранились только по городам Новгородской четверти - 361 список по 17 городам. Известны 15 списков по 3 городам Смоленского приказа и 27 списков по Великому Устюгу, который относился к Устюжской четверти. По городам Владимирской, Галицкой, Костромской четвертей, Литовского и Малороссийского приказов сметных списков не обнаружено[3].

Хронологический срез сметных списков по 10-летиям, за весь XVII в., представлен в таблице.

Город	Общ. кол-во	Годы XVII в.								
		10-е	20-е	30-е	40-е	50-е	60-е	70-е	80-е	90-е
Арзамас	2	-	2	-	-	-	-	-	-	-
Архангельск	31	-	2	-	2	3	2	10	7	5
Велиж	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-
Великий Новгород	60	-	4	3	5	11	10	5	20	2
Великий Устюг	27	-	-	-	8		9	7	3	-
Вологда	14	-	2	-	1	8	1	-	1	1
Вятка	38	-	5	-	1	8	11	5	2	6
Дорогобуж	11	-	-	-	-	-	-	1	3	7
Кайгород	4	-	2	-	1	-	-	-	1	-

Пугач Иван Васильевич, к.и.н., Вологодский государственный педагогический университет (Вологда)

Каргополь и Турчасов	36	-	2	3	-	9	10	3	7	2
Кевроль и Мезень	7	-	2	-	1	-	-	-	3	1
Кольский острог	5	-	2	-	-	-	-	-	1	2
Нижний Новгород	15	1	4	-	1	1	2	1	5	-
Олонец	39	-	-	-	1	9	10	9	3	7
Псков	35	-	6	-	1	8	-	3	8	9
Пусто-зерск	5	-	2	-	-	-	-	-	2	1
Смоленск	3	-	-	-	-	-	-	-	-	3
Соль Камская	8	-	2	-	1	-	-	1	4	-
Старая Русса	40	-	4	2	5	10	10	2	7	-
Чердынь	10	-	2	-	-	-	-	-	6	2
Яренск	12	-	2	-	-	-	-	1	8	1
Всего	**403**	**1**	**45**	**8**	**28**	**67**	**65**	**49**	**91**	**49**

Источник: *Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. Опись. 1495 - 1718 гг. М., 1972.*

Сразу же бросается в глаза значительная разница, как общего количества сметных списков по отдельным городам, так и их распределения по десятилетиям. Более, менее равномерно, на протяжении 20-х - 90-х годов XVII в., сохранились сметные списки по Архангельску, Великому Новгороду, Вятке, Каргополю, Старой Руссе. С точки зрения полноты сохранности по городам за отдельные десятилетия это - конец 20-х годов XVII в. (1627/28 и 1628/29 гг.) и вторая половина XVII в., особенно 80-е годы.

Главное назначение сметных списков – обеспечение государственных интересов и контроль за деятельностью местных органов власти в бюджетно-финансовой сфере. В зависимости от того, какое место в системе государственного налогообложения занимал тот или иной город, в зону контроля, кроме денежных доходов и расходов, попадали и другие объекты налогообложения. Это дает ряд вариаций сметных списков по содержанию.

Кроме «Сметных списков денежных доходов и расходов ...» составлялись «Сметные списки денежных и хлебных доходов и расходов...» (Архангельск), «Сметные списки прихода и расхода денег и стрелецкого хлеба ...» (Вятка), «Сметные списки прихода и расхода денег, посопного

хлеба и оброчного меда ... » (Нижний Новгород, Арзамас), «Сметные списки прихода и расхода денег, хлеба, соли и вина ... » (Великий Новгород), «Сметные списки прихода и расхода денег, хлеба, соли и пушечных запасов ... » (Смоленск), «Сметные списки прихода и расхода стрелецкого хлеба ... » (Великий Новгород, Псков), «Сметные списки прихода и расхода ямских и полоняничных денег ... » (Псков).

Анализ сметных списков по Вологде позволяет выявить технологию ведения данного вида делопроизводственной документации. По Вологде сохранились 14 сметных списков, первый относится к 1627/28 г., последний – 1690/91 г. Особый интерес вызывает комплекс из 9 сметных списков за 1652/53 – 1660/61 гг. [4]

Списки составлялись на местах, подьячими съезжей избы. Сначала, накануне финансового года, расписывались планируемые показатели доходной части, затем, в течении года под соответствующей статьей фиксировался результат ее выполнения. Указывались планируемая и реально собранная сумма, размер полученной прибыли или недоимки и ее причина. Затем расписывалась расходная часть, в ней указывались все статьи, по которым были истрачены бюджетные средства.

После завершения финансового года и подведения его итогов, сметные списки отправлялись в соответствующую четверть, в ведении которой находился город, и там хранились. Как правило, это происходило в середине - второй половине следующего календарного года. Так, вологодский сметный список 1653/54 г. был подан в Новгородскую четверть 14 мая 1655 г. вологодским подьячим Иваном Нечаевым, который его и «справил»[5]. После этого данные сметного списка в четверти «справлялись» т. е. сверялись с приходными книгами и подводился баланс. При этом, недобранные доходы выписывались в «доклад» и переводились в разряд «доимочных».

Прежде чем говорить о конкретном содержании вологодских сметных списков, необходимо посмотреть на сам источник с точки зрения структуры, которая во многом определяет его информационный потенциал и ценность.

Как и любой другой бюрократический делопроизводственный тип документации, сметные списки имеют свой формуляр. Они состоят из нескольких частей

1. Преамбула, в которой изложены задачи и задана структура сметного списка.

2. Доимочная часть. В ней фиксировались деньги, оставшийся на Вологде с прошлого финансового года, и расписывались по годам «доимочные» деньги, которые по государевым грамотам необходимо было доправить на тяглом населении, откупщиках или должностных лицах.

3. Доходная часть. Этот раздел фиксировал так называемые четвертные денежные доходы с посада и уезда - окладные, новоприбылые

и неокладные. Окладные доходы были точно регламентированы по номенклатуре и размеру и, как правило, соответствовали итогам предшествующего года. Они состояли из сошного оклада, таможенных пошлин, кабацкой прибыли и ряда мелких оброчных статей (с перевозу, плавучего моста, реки и др.). К неокладным доходам относились пошлины с судных дел, купчих и т. д. Все доходы по статьям расписывались в течении года по трем уровням – сначала планируемые показатели, затем реально собранные деньги (по отношению к окладу), в конце указывались, если они были, новоприбылые (собранные сверх оклада) доходы или доимочные деньги. Завершал раздел общий итог всех государевых денежных доходов.

4. Расходная часть. Она состоит из двух частей. Сначала расписаны деньги посланные к государю в Москву, указаны дата платежа, за какой год и с какого вида доходов платеж, его сумма, фамилия, имя и должность лица, который привез деньги в Москву. Второй раздел – расходы, осуществленные на Вологде . Они делились на окладные, неокладные и новоприбылые. Все окладные расходы – руга храмам и монастырям, жалование служилым людям, планировались заранее. Как правило, большинство неокладных и новоприбылых расходов осуществлялись по государевым грамотам, и шло на покупку и провоз хлеба для служилых людей, транспортное обеспечение государственных перевозок (на покупку овчин, войлока, рогож, ужищ, гвоздья, мочал для провоза государевых запасов), кормовое содержание должностных лиц, проезжающих через Вологду, содержание съезжей, таможенной избы, гостиного и кружечного двора (лучина, свечи, дрова, бумага, чернила, ремонт зданий, жалование подьячим, сторожам) и многое другое. В конце данного раздела подводится общий итог всех расходов и остаток денежных средств на Вологде. В информационном отношении, это наиболее интересная и насыщенная часть сметных списков.

5. Окладная роспись (пометный список). Это своего рода план бюджета на следующий финансовый год. Составлялась она, как правило, по показателям текущего года. Ее структура так же содержит планируемые доходы и расходы по отдельным статьям, только без детализации.

Таким образом, вологодские сметные списки позволяют детально рассмотреть многие стороны реальной повседневную жизнь города, прежде всего как центра власти[6]. Это финансово-административная сфера, причем не только ее общие параметры, но и все нюансы формирования бюджета, структура и динамика доходов и расходов, фискальная политика и многое другое.

Еще одна сфера в которой сметные списки дают значительный объем информации – местное управление, его взаимоотношения с центральной властью, численный, социальный и персональный состав местной

власти, как приказной и земской выборной, так и служилого сословия, размеры их окладов и материального обеспечения.

Обилие ценной информации в сметных списках содержится по истории городских храмов и монастырей, находящихся на государственном обеспечении – персональный состав причта, состав руги, размер денежного и хлебного жалования духовенства и т. д.

В целом, количество сохранившихся сметных списков, уровень и качество их информационной насыщенности, делают их не только массовыми источниками по истории России XVII в., но и выходят на первый план, особенно там, где в жизни города, так или иначе, присутствует государственный интерес.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Описание фондов РГАДА в которых отложились сметные списки XVII в. было сделано В. Н. Шумиловым. См. Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. Опись. 1495 - 1718 гг. М., 1972.

[2] Кроме этого, известны сметные списки начала XVIII в. - 5 по Дорогобужу (1702 – 1706 гг.) и 2 по Рославлю (1704, 1706 гг.). Они сочетают в себе элементы, как сметных списков, так и росписных списков приема городов новыми воеводами, и содержат сведения о городских укреплениях и артиллерии, приходе и расходе боеприпасов, денег и соли.

[3] Сметные списки составлялись и по дворцовому ведомству. В частности известны три списка за 1618/19, 1619/20 и 1620/21 годы в делопроизводстве Новгородского Дворцового приказа.

[4] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вологда № 2. Лл. 2 – 912об.

[5] «163 г., мая в 14 день, таков сметный список подал вологоцкий подьячей Иван Нечаев и по сметному списку выложить и с приходных книг справить и остаточные деньги в приход написать и которые не справлены стали и те выписать в доклад, а в доимке государеву грамоту править кому животы достались». См. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вологда № 2. Л. 109. Иван Нечаев был подьячим денежного стола вологодской съезжей избы с денежным окладом в 10 рублей. См. Там же. Л. 143.

[6] Сметные списки нашли свое применение в ряде исследований. См., например: Мацук М. А. Фискальная политика русского правительства и черносошное крестьянство Восточного поморья и Приуралья в XVII веке. Сыктывкар, 1998. Ч. 1. С. 19 – 20; Демчук Г. В. Земельный строй в Двинском уезде в XVII веке. Екатеринбург, 2002. С. 54 – 56; Моппель Э. Л. Особенности движения и учета государственных доходов Псковской земли в последней четверти XVII века. // Массовые источники истории и культуры России XVI – XX вв. Архангельск, 2002. С. 227 – 235.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Четверть / Приказ	Город	Общее кол-во	Год	№ по описи
Новгород-ская	Арзамас	2	1627/28, 1628/29	593, 594
	Архангельск (Холмогоры, Двинской уезд)	31	1627/28, 1629/30, 1644/45, 1647/48, 1650/51, 1652/53, 1656/57, 1667/68, 1669/70-1674/75, 1676/77-1684/85, 1686/87, 1688/89-1690/91, 1692/93-1695/96	626-656
	Великий Новгород (Ладога, Порхов)	60	1620/21, 1624/25, 1627/28, 1628/29, 1630/31-1632/33, 1644/45-1646/47, 1648/49-1674/75, 1680/81-1689/90, 1691/92, 1692/93	955-1003, 1005-1015
	Вологда	14	1627/28, 1628/29, 1644/45, 1652/53-1660/61, 1689/90, 1690/91	666-679
	Вятка (Хлынов, Котельнич, Орлов, Слободской, Шестаков)	38	1624/25, 1627/28, 1628/29, 1645/46, 1652/53-1674/75, 1688/89-1693/94, 1695/96, 1698/99	707-744
	Кайгородок	4	1627/28, 1628/29, 1644/45, 1687/88	804-807
	Каргополь и Турчасов	36	1627/28, 1628/29, 1630/31, 1632/33, 1634/35, 1651/52-1671/72, 1679/89-1686/87, 1692/93, 1696/97	824-859
	Кевроль и Мезень	7	1627/28, 1628/29, 1644/45, 1681/82, 1683/84, 1689/90, 1692/93	866-872
	Кольский острог	5	1627/28, 1628/29, 1687/88, 1695/96, 1697/98	877-881
	Нижний Новгород	15	1619/20, 1620/21, 1623/24, 1627/28, 1628/29, 1644/45, 1655/56, 1667/68, 1677/78, 1680/81, 1682/83, 1683/84, 1685/86, 1686/87	926-940

Новгород-ская	Олонец (Заонежские и Лопские погосты)	39	1649/50, 1651/52-1654/55, 1656/57-1677/78, 1679/80, 1681/82, 1685/86, 1687/88, 1690/92, 1692/93, 1694/95-1698/99	1056-1094
	Псков с пригородами	35	1621/22, 1623/24, 1625/26, 1627/28, 1628/29, 1644/45, 1651/52-1658/59, 1670/71, 1672/73, 1678/79, 1682/83-1697/98	1104-1138
	Пустоозерск	5	1627/28, 1628/29, 1681/82, 1689/90, 1693/94	1167-1172
	Соль Камская	8	1627/28, 1628/29, 1644/45, 1678/79, 1680/81, 1682/83-1684/85	1181-1188
	Старая Русса	40	1624/25, 1627/28-1630/31, 1637/38, 1644/45, 1645/46, 1647/48-1671/72, 1680/81-1686/87	1213-1252
	Чердынь	10	1627/28, 1628/29, 1682/83, 1683/84, 1685/86-1688/89, 1690/91, 1692/92	1260-1269
	Яренск	12	1627/28, 1628/29, 1682/83, 1683/84, 1685/86-1688/89, 1690/91, 1692/92	1287-1298
Смоленс-кий	Велиж	1	1677/78	1722
	Дорогобуж	11	1679/80, 1685/86, 1686/87, 1689/90-1696/97	1731, 1734, 1738, 1746, 1748, 1755, 1761, 1762, 1771, 1775, 1782
	Смоленск	3	1692/93, 1694/95, 1695/96	1884, 1889, 1898
Устюж-ская	Устюг Великий	27	1640/41, 1642/43-1648/49, 1650/51, 1651/52, 1653/54-1659/60, 1661/62-1663/64, 1665/66-1667/68, 1669/70-1672/73	2726-2752

Источник: *Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. Опись. 1495 - 1718 гг. М., 1972.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Извлечения из сметного списка Вологды 1652/53 года

...

А на нынешний на 161 год с Вологды с посаду и с Вологоцкого уезду государевых /л. 5/ окладных доходов взять по окладу.

С Вологды с посаду государевых денежных доходов з живущаго с сохи и с пол-полчети сохи большого приходу ямским охотником на подмогу и на прогоны, и закладным мурзам и языком на корм, и четвертных доходов белого корму и данных и пищальных и полоняничьих денег оброку и пошлин, и за бражную выимку, и поворотных денег, и судовых и меховых пошлин, и поголовных денег, и с посацких же бобылей з дворов оброчных денег да с посацких /л. 5об./ же и с архиепископлех, и с монастырских, и с церковных, и всяких чинов людей с лавок, и с анбаров, и с харчевых изб, и з дворовых мест, и с кузниц, которым людем отдавано после писцов со 158 году, оброку и пошлин помечено собрать против прошлого 160 году 203 руб. 27 ал. 5,5 ден.

И в то число взято на Вологде 202 руб. 5 ал. 1,5 ден.

А донять с Вологды с посаду с лавочных и с дворовых мест на 161 год /л. 6/ 1 руб. 22 ал. 4 ден. А не доняты те денги потому, что те лавочные и дворовые места стоят в пусте, обротчики тех мест померли, жен и детей и дворов и лавок и сенных покосов и всяких угодей после их не осталось, и тех денег взять не на ком, и о тех денгах, что государь укажет.

...

А в росходе в нынешнем 161 году по государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамотам послано к государю к Москве в Наугородскую четь в розных посылках вологоцких таможенных и кабацких и всяких чевертных денежных доходов и на Вологде на окладные и неокладные и на новоприбылые на всякие росходы вышло в росход с 1 числа сентября 161 года по 1 число сентября 162 году.

Посылки ко государю к Москве.

Во 161, генваря в 10 день, кабацкого /л. 27об./ збору остаточных денег прошлого 158 году с кабацким головою с Первым Пузиным с товарищи 942 руб. 17 ал. 1 ден.

Во 161 же году, генваря в 30 день, по государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамоте за приписью дьяка Андрея Немирова дано Галанские земли торговому человеку Давыду Миколаеву остаточных денег прошлого 160 году кабацкого збору в оддачю 1 тысяча рублев.

/л. 28/ Во 161, марта в 3 день, с вологоцким подьячим з Григорьем Федоровым с судных дел прошлых лет пошлин 100 руб. 25 ал. ....

Во 161, августа в 18 день, с таможенным головою с Ортемьем Оконишниковым с товарищи вологоцких остаточных денег прошлого 160 году 4788 руб. 28 /л. 29/ ал. 5 ден. ...

Всего в нынешнем 161 году государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии к Москве послано остаточных денег и с судных дел пошлинных денег прошлых лет и с тем, что дано иноземцу, прошлого 160 году 11771 руб. 15 ал. 2 ден.

На окладные росходы ружником и оброчником /л. 30/ на нынешней на 161 год.

... По государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамота за приписью дьяка Андрея Немирова вологоцких ружных храмов попам и дьяконом и всем церковным причетником государева денежного жалованья и за хлеб, и за воск на свечи, и за пшеницу на просвиры, и к панахидам на мед, и на церковное строенье по оценной памяти /л. 34/ таможенного головы Федота Патрекеева с товарищи за государеву казенную за отдаточную меру по вологоцкой торговой по меншей цене за четь ржи по 9 ал. 3 ден. за четь, овса по 4 ал. 3 ден., по 14 ал. за юфть, на нынешней 161 год в полы их окладов.

Воскресенского собору 2 попам Филиппу да Мартину государева денежного жалованья 10 руб., по 5 руб. человеку. /л. 34об./ Им же за хлеб за 15 чети ржи, овса тож, 6 руб. 10 ал., по 7 чети с осминою ржи, овса тож, человеку. Дьякону Галахтиону государева денежного жалованья 3 руб. 16 ал. 4 ден. За хлеб за 6 чети ржи, овса тож, 2 руб. 17 ал. 2 ден. Пономарю Гришке государева денежного жалованья /л. 35/ 16 ал. 4 ден. За хлеб за 3 чети ржи, овса тож, 1 руб. 8 ал. 4 ден.

...

По государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамоте за приписью дьяка Андрея Немирова вологоцким стрелцам 150 человеком государева денежного жалованья на 161 год первые половины Сергиевского сроку. 3 пятидесятником - 6 руб., по 2 руб. человеку, 12 человеком десятником - 21 руб., по 1 руб. 25 ал. человеку /л. 55об./ Им же вологоцким стрелцам 150 человекам за государево хлебное жалованье за 454 чети с осминою ржи, овса тож, за государеву казенную за отдаточную меру по вологоцкой по торговой по меншей цене, по оценной памяти за ру /л. 56/ ками таможенного головы Федота Патракеева с товарищи, за четь ржи по 10 ал., за четь овса по 4 ал. 3 ден., по 14 ал. 3 ден. за юфть. Итого за хлеб 197 руб. 23 ал. 3,5 ден., пятидесятником за 3 чети с осминою, десятником за 3 чети с полуосминою, рядовому за 3 чети ржи, овса тож, человеку. И всего вологоцким стрелцам ... /л. 56об./ ... на 161 год дано первые половины Сергиевского сроку 427 руб. 6 ал. 5,5 ден.

По той же государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамоте, им же вологоцким стрелцам, тем же 150 человеком, государева денежного жалованья на нынешней 161 год /л. 57/ другие половины Благовещенского сроку ... /л. 58об./ ... 427 руб. 6 ал. 5,5 ден.

Обоего вологоцким стрелцам государева денежного жалованья и за хлеб денгами на нынешней на 161 год дано обоих половин Сергиевского и Благовещенского сроков 854 руб. 13 ал. 5 ден.

...

И всего ... ружникам и оброчником на окладные росходы государева денежного жалованья и за хлеб денгами, и за воск на свечи, и за пшеницу на просвиры, и за вино церковное, и за ладан, и на церковное строенье, и таможенным и кабацкому подьячим, и стрелцам, и съезжей избы /л. 76об./ сторожам, и пушкарям, и воротникам, и черкасам, и татарину, и вдове Лукерьице, и литовскому выходцу, и дрягилем 2279 руб. 20 ал. 1,5 ден.

На неокладные на всякие росходы вышло в росход с 1 числа нынешнего 161 года.

По государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии /л. 77/ грамоте за приписью дьяка Алмаза Иванова куплено на Вологде Архангельсково города и Колмогорского острогу служилым людем на жалованье ржи 2720 чети с полуосминою по 14 ал. 2 ден. четь, итого 1172 руб. 23 ал. 5,5 ден. ... /л. 77об./ ... Всего за рожь денег дано по розным ценам 2116 руб. 31 ал. 3 ден.

По государя царя и великого князя /л. 78/ Алексея Михайловича всеа Русии грамоте за приписью дьяка Андрея Немирова дано вологжанам посацким людем Микифорку Громову, Федке Коковину от колмогорского хлеба от 5 тысяч чети от провозу, что они везли с Вологды до Колмогор по 10 ден. с чети, итого 250 руб.

По государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамоте за приписью дьяка Аникия Чистого да Василя /л. 78об./ Ушакова дано подрядчику вологжанину посадцкому человеку Мишке Рынину на государев уговорной хлеб 2160 руб. ...

По государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии /л. 80/ указу и по наказной памяти с Колмогор околничего и воеводы Бориса Ивановича Пушкина да дьяка Ивана Ларионова куплено на Вологде на государевы фряские вина и на пряные зелья на укутыванья овчин и войлоков, и рогож, и ужищ, и гвоздья, и белово железа, и обручья, и мочал. А по покупке земского старосты Перфилья Горохова с товарищи на тое окутку вышло в росход 48 руб. 5 ал.

/л. 80об./ По подорожным из городов соколим помытчикам и кречатом и чегликом от Вологды до Ярославля на корм дано 10 руб. 22 ал. 4 ден. ...

По книгам таможенного головы Федота Патрекеева с товарищи вышло в росход на таможенные росходы на бумагу, на чернила и на дрова, и на свечи, и на Гостине дворе на анбарную и на дворовую починку, и на застав /л. 81об. ную издержку 58 руб. 29 ал. 5 ден. ...

По книгам кружечново головы Архипа Борисова с товарищи вышло в росходе на всякое дворовое строенье на хоромы и на запасы, и за лес, и за дело, и вологоцкие винокурни на котелную починку за медь и за дело, и на свечи, и на бумагу, и за но /л. 83/ вые ведра, и за десятню, и за ковши, и за осмухи, и за чарки и стоешным целовалником за свечи, и от питья за продажи на всякие мелкие росходы 186 руб. 31 ал.

...

И всего государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии к Москве денежных доходов послано и на Вологде на вологоцкие на окладные и на неокладные и на новоприбылые и на таможенные и на кабацкие и на всякие росходы с 1 числа сентября 161 по 1 число сентября 162 году /л. 84об./ вышло в росход 23096 руб. 3 ал. 5,5 ден.

А за росходы у 161 году во 162 год осталось на Вологде всяких четвертных денежных доходов 8766 руб. 22 ал. 4 ден.

РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вологда № 2.

* * *

А.И. Раздорский

Переписная книга Курска 1723 г. как исторический источник

Переписные книги относятся к числу одних из наиболее ценных источников по социально-экономической истории России XVII–XVIII вв. В них содержатся важные сведения по исторической демографии и географии различных регионов страны, а также по генеалогии, биографике и просопографии городского и сельского населения.

До сих пор основное внимание исследователей и публикаторов привлекали главным образом переписные книги XVII столетия. Аналогичные источники XVIII в. изучены гораздо слабее. Кроме того, в силу существующего в отечественной историографии и источниковедении искусственного барьера между XVII и XVIII вв. переписные книги (как и массовые источники других типов, например, таможенные книги) разных веков практически никогда не сопоставляются между собой.

В Российском государственном архиве древних актов в Москве хранится переписная книга Курска 1723 г. Она была составлена в ходе проверки и уточнения результатов 1-й ревизии населения России. В нее включены данные о посадских людях мужского пола, их родственниках

Раздорский Алексей Игоревич, к.и.н., зав. группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки, (Санкт-Петербург)

(братьях, отцах, племянниках, зятьях и др.), а также крепостных, наемных и закладных работниках, приписных людях и учениках ремесленников.

Книга хранится в фонде 350 («Ландратские книги и ревизские сказки») и числится во 2-й описи под номером 1666. Объем рукописи — 215 листов. Формат листов — 1^0. Документ написан земским писарем Саввой Чаишевым скорописью, характерной для первой половины XVIII в. Рукопись имеет составительскую буквенную чернильную фолиацию. Номера проставлены в верхних правых углах листов. Первые 32 листа, на которых находится алфавитный указатель дворовладельцев, образуют собственный нумерованный ряд (1-ю фолиацию). В книгу внесено пять скреп, расположенных на листах сверху вниз в следующем порядке: 1) «Капитан Еуфим Ушаков»; 2) «Парутъчик Никита Невзоров»; 3) «Парутчик Кастентин Десятово»; 4) «Прапорщик Никифор Свищов»; 5) «Земской писарь Савва Чаишев». Скрепы офицеров проставлены, как правило, в середине листов ближе к правому полю, а скрепа писаря — на нижнем поле листов под текстом. На листах рукописи отмечены следующие филиграни: 1) «Почтальон» (подобный см.: Лауцявичюс[1], № 2785, 1728 г.); 2) «Двуглавый орел со скипетром и мечом»; 3) «Двуглавый орел с ключами» с контрамаркой CG; 4) «Мальтийский крест в гербовом щите под короной» (сходный см.: Лауцявичюс, № 1757, 1720–1723 гг.) с контрамаркой AK (?); 5) «Герб города Амстердама» с контрамаркой RID (подобный см.: Дианова[2], № 332, 1722 г.); 6) «Вензель SW в круглом щите»; 7) «Якорь» с литерным сопровождением, не поддающимся прочтению. Помимо перечисленных, на листах 45 и 50 зафиксировано еще две с трудом просматриваемые филиграни, тип которых определить не удалось. Книга заключена в картонный переплет, обтянутый холстом, а сверх него кожей, с кожаными завязками (верхняя оборвана). На верхней крышке переплета имеется бумажный ярлык с надписью: «г. Вольной (зачеркнуто), г. Курск (далее расположены две строки стершегося текста). На 215 листа[х]. [№] 193 (?)»; нижний край ярлыка оборван. На корешке имеются два ярлыка: первый с номером «1624/3» и второй с надписью «Книга Курскаг[о] уезда ревиз[ии] 1723-го года. № 4». Там же сохранился обрывок третьего корешка с цифрой «835» (Разборный комитет 1835 г.?). На переплетном листе имеются следующие надписи: «Курский уезд. Ф. 350. Оп. 3. Кн. 1725» (чернильная, почерк XX в.); «Оп. 2. № 1666» (карандашная, почерк XX в.); «По регистру (?) № 92-й» (чернильная, почерк XVIII в.). На последнем листе после текста имеются записи, сделанные почерком XIX в.: «В сей книге по старой переписке оказалось номерованных 183 листа. Поверял губернский секретарь Николай Панов»; «По поверке Панова архивариус Эс<...>» (подпись нрзб.). Книга сохранилась полностью, утраченных листов, поврежденных фрагментов и обрывов

в ней нет. Она представляет собой подлинный беловой экземпляр.

Структура и формуляр переписной книги Курска 1723 г. отражают новый этап в развитии казенного делопроизводства. Прежде всего, в ней присутствует именной алфавитный указатель с прорезными буквами (л. 1–32 1-й фолиации), в котором зафиксированы учтенные в документе дворовладельцы. На первом листе указателя приведено заглавие: «Роспись по олфабету переписной книге города Курска, что по переписке и по свидетелству 723-го году от ковалерии Нижегородцкого полку полковника Чернышева каманды ево сштап и обор афицеров явилось в том городе посадцких и приписных в цехи и их детей и свойственников в подушном окладе и у них крепосных и наемных и закладных работников руских и других нацей в расположении на полки числитца, так же что от оных посадцких после 721-го году новорожденных явствует ниже сего». Указатель составлен в бланковой форме. В первом столбце приведен номер листа основной части книги, на котором содержатся записи о том или ином дворовладельце, во втором — его имя, отчество и фамилия («звание»), в столбцах 3–8 — статистические сведения о числе лиц мужского пола, проживающих в данном дворе, в т. ч. о числящихся и не числящихся «посадцких и приписных в цехи и их детей и свойственников в подушном окладе», «крепосных и наемных и закладных работников руских и других нацей в расположении», «новорожденных после 721 году». Фамилии дворовладельцев, начинающиеся на ту или иную букву, расположены в соответствующем разделе указателя в порядке возрастания номеров листов документа.

Основная часть переписной книги (л. 1–177 об. 2-й фолиации), в которой содержатся сведения о посадских людях, также представлена в бланковой форме, и это обстоятельство существенным образом отличает анализируемый памятник от аналогичных источников более раннего времени — курских переписных книг 1678 г.[3] и 1710 г.[4] Перед текстом на л. 1 приведено заглавие: «Книга воловая Киевской губернии Белогороцкой провинцыи города Курска посацким людем свидетелства и переписки от коволерии Нижегороцкого полку господина полковника Чернышева каманды ево обор афицеров 723-го году против прежних сказак 721-го году и сверх того что явилось из них в подушном окладе и не в окладе следует ниже». На л. 1–142 об. расположена таблица, состоящая из шести столбцов и включающая 525 статей. В первом столбце указан порядковый номер статьи, во втором — номер листа ревизских сказок 1721 г., на котором записан данный дворовладелец (посадские люди перечислены в переписной книге 1723 г. в том же порядке, что и в сказках; последний номер листа сказок — 289). В третьем столбце (имеет заглавие «По скаскам 721-го году») содержится список лиц мужского пола, проживавших в данном дворе на момент проведения ревизии в 1721 г. В четвертом столбце приведен их возраст, показанный

в сказках 1721 г. В пятый столбец (имеет заглавие «По свидетельству и по переписки 723-го году от коволерии Нижегородцкого полку полковника Чернышева сштап и обор афицеры») внесены данные, собранные в ходе проведения переписи 1723 г.: 1) место жительства дворовладельца (название прихода); 2) род его занятий; 3) общая сумма налогов, уплаченных им на 1722 г. Например: «Живет своим двором в Троицком приходе Девичьего монастыря, имеет промысел — торгует рыбою и дехтем, тегла плотил на 722 год десятой деньги и протчих даходов 2 рубля 3 алтына 1 деньга». В отношении лиц, не являвшихся членами семьи дворовладельца (работников, учеников и др.), указан их статус, а также социальное, географическое и (в некоторых случаях) этническое происхождение. Здесь же зафиксированы изменения, произошедшие к 1723 г. в составе жителей двора по сравнению с 1721 г. (указаны умершие и родившиеся, записаны вновь купленные работники, перечислены люди, высланные на прежнее место жительства, «сшедшие безвестно» и др.), а также внесены лица, не включенные по тем или иным причинам в ревизские сказки 1721 г. («жили бегая, переходя по разным местам», «живал в разных малоросийских городех для купечества» и т. п.). Особым образом отмечены инвалиды, имевшие разного рода увечья («глух и малоумен», «слеп», «увечен тайным естеством» и проч.). Также внесены исправления имен и фамилий, приведенные в сказках 1721 г. с ошибками («Полуехт, а не Лукьян» и т. п.). В шестом столбце указан возраст записанных в книгу лиц по переписи 1723 г.

На л. 143–177 об. 2-й фолиации перечислены посадские люди, не учтенные по разным причинам при проведении ревизии в 1721 г. (например, «во время взятья в 721-м году сказок жил в городе Сумах, а скаски об нем было подать некому»), а также дворовладельцы, приписанные в посад после 1721 г. из городового чина, стрельцов, пушкарей, духовенства. Здесь же значатся отнесенные к посаду прописные беглые солдаты, отставные стрельцы, солдатские дети и черкасы. Данный раздел представлен в виде таблицы, состоящей из четырех столбцов. Первые два столбца, в которых должны были быть указаны номера статей и листов сказок 1721 г., остались незаполненными. В третьем столбце приведены сведения, сходные по составу с помещенными в пятом столбце основной части документа. В шестом столбце указан возраст записанных лиц.

На л. 178–183 помещены подробные итоговые статистические сведения о численности посадского населения Курска по данным ревизии 1721 г. и результатам переписи 1723 г. Они резюмированы следующим образом: «Всего в городе Курске по скаскам 721-го году кроме того, каторые ис черкас убыл в цех и ныне по свидетелству прописных и прибылых посадцких и их детей и свойственников и определенных из разных чинов по торговым промыслам в посад, а по

ремеслам в цех наличных и убылых кроме тех, каторые сошли и высланы в прежнея жилища и писанных одних имян вдвое две тысящи пятьсот семьдесят две души. Упомянутых же посадцких людей показанные с ними дворовые их люди и крестьяне и полской и других нацей, каторые для збору подушных денег положены на драгунской Астраханской полк в первою роту сто сем душ, да при них новорожденных четыре души» (л. 183).

Завершают книгу записи о лицах, проводивших перепись 1723 г.: «А у свидетелства и у переписки мужеска полу душ вышепоказанного посаду в 723-м году был от коволерии Пермского полку порутчик Костентин Тимофеев сын Десятово, Фондеръропова[5] полку подпорутчик Федор Петров сын Львов. А для указывания дваров были Курского могистрата бургомистр Никита Петров сын Скорняков, ратман Петр Игнатьев сын Ковелин» (л. 183–183 об.).

Переписная книга Курска 1723 г. позволяет провести многоаспектное исследование мужского посадского населения города, а именно:

— определить численность жителей в целом, по отдельным приходам и профессиональным группам;

— проследить дифференциацию дворовладельцев в зависимости от суммы уплачиваемых налогов по городу в целом и по отдельным профессиональным группам;

— рассчитать размеры населенности дворов;

— установить возрастной состав жителей[6];

— выявить численный состав различных групп зависимого населения;

— изучить состав населения в историко-медицинском аспекте (численность инвалидов и их распределение по видам увечий).

Количественный анализ показателей переписной книги наиболее логично производить посредством составления регестов, сформированных в виде компьютерной базы данных. Регесты могут быть также опубликованы (на электронном и / или бумажном носителе) в виде приложения к исследованию о посадском населении Курска в 1723 г. и в этом качестве способны в известной мере заменить собой текстуальную публикацию самого памятника, предпринимать которую на наш взгляд нецелесообразно.

Переписная книга 1723 г. является также важным источником для изучения генеалогии, биографики и просопографии населения Курска. При этом наиболее интересные результаты могут быть достигнуты при ее сравнительном анализе с курскими переписными книгами предшествующего времени, а также с материалами ревизий.

Переписные книги могут успешно использоваться в работе с массовыми источниками других типов, например, с таможенными книгами. Так, данная курская переписная книга 1723 г. была привлечена

нами для составления биографических комментариев к тексту книги таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г.[7] Всего удалось зафиксировать 323 посадских человека, упоминаемых как в том, так и в другом источнике. Как известно, в таможенных книгах о самом торговце приводится минимум информации — фамилия, имя, отчество, местожительство и социальный статус. Благодаря же сведениям, содержащимся в переписной книге, удалось установить также название прихода, в котором проживали эти люди, род их деятельности, родственное окружение и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Лауцявичюс Э. Бумага в Литве в XV–XVIII вв. Вильнюс, 1967.

[2] См.: Дианова Т. В. Филиграни XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998.

[3] См.: Переписная книга Курска 1678 г. / Изд. подгот. Н. Д. Борщик, А. И. Раздорский. Курск, 2007.

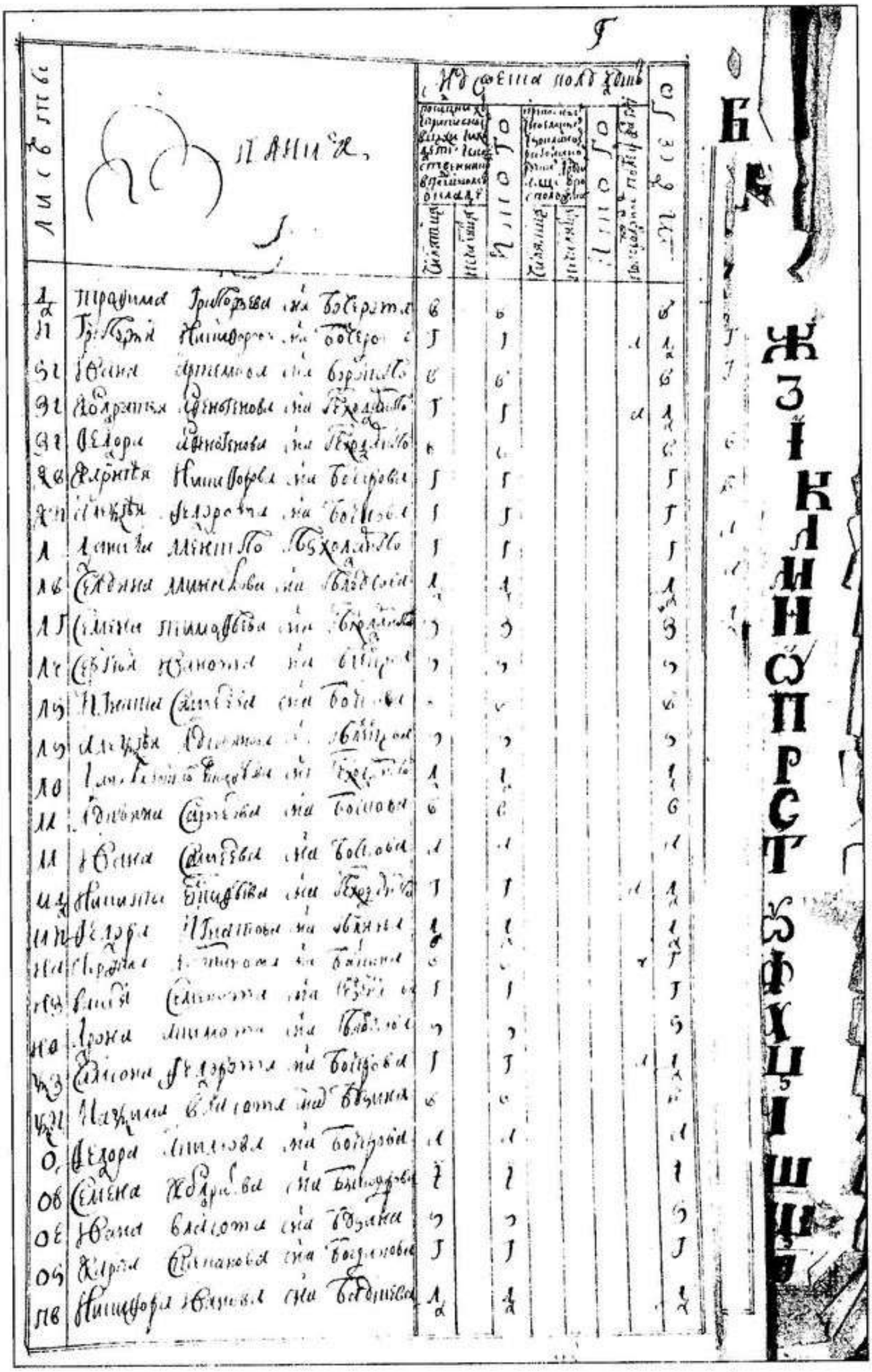
[4] РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 217.

[5] Имеется в виду полковник фон дер Рооп.

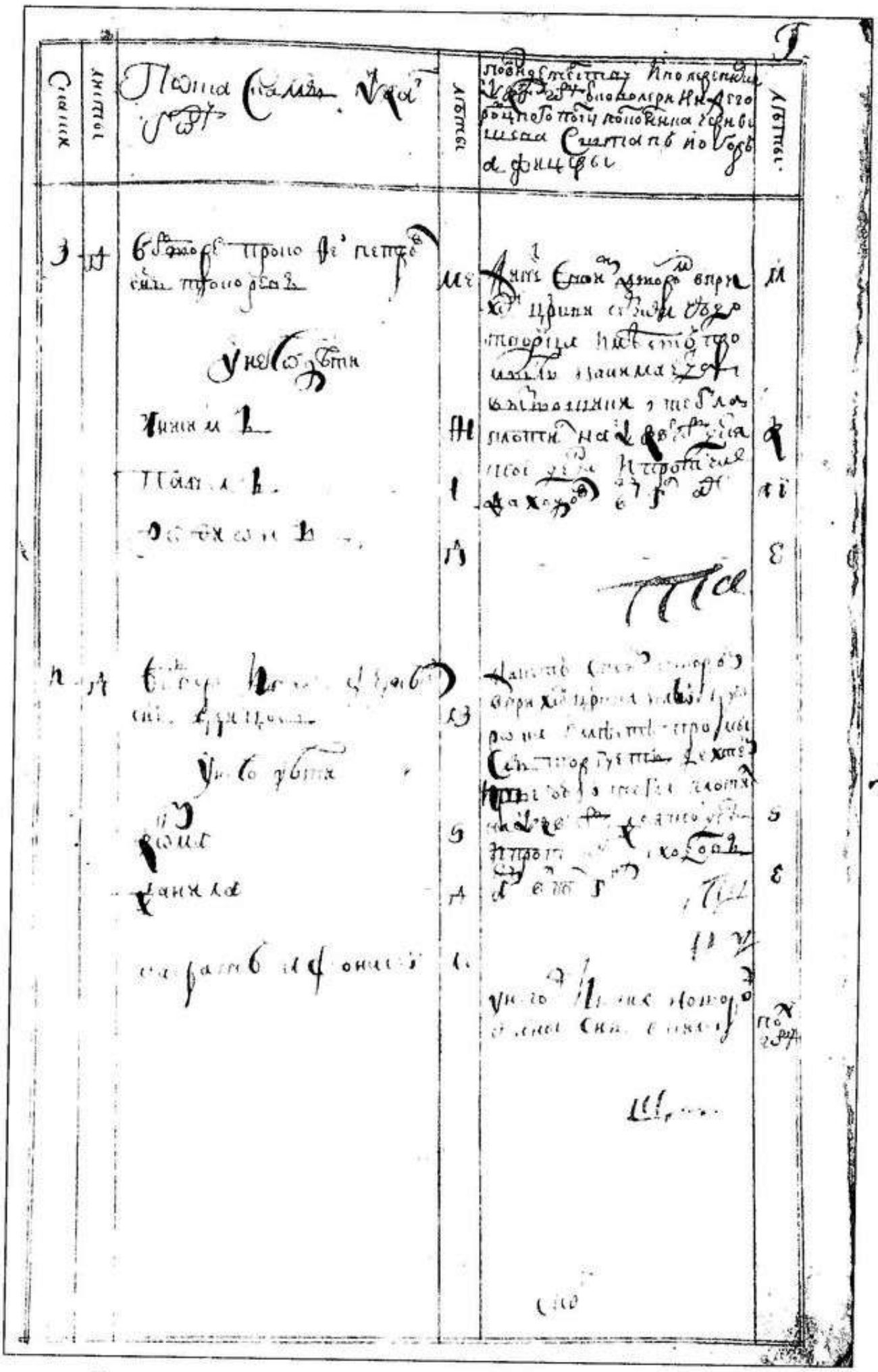
[6] При анализе возраста записанных в переписной книге лиц следует обязательно принимать во внимание известную условность этого показателя. Сравнение возраста посадских людей по данным сказок 1721 г. с результатами переписи 1723 г. свидетельствует о том, что в большинстве случаев местные жители ни своего возраста, ни возраста своих родственников, как правило, точно не знали и сообщали на этот счет переписчикам весьма приблизительные, а зачастую, противоречивые и совершенно нелогичные сведения. Так, возраст посадского человека Прокофия Петрова сына Токорева по сказке 1721 г. определен в 45 лет, а по переписи 1723 г. в 40 лет, его земляков Степана Арцыбушева сына Алексеева соответственно в 38 и 30 лет, Григория Ковелина сына Петрова в 50 и 50 лет и т. д. и т. п.

[7] См.: Раздорский А. И. Книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г.: Исследование. Текст. Комментарии. СПб., 2007. С. 453–499.

* * *



Переписная книга г. Курска 1723 г. Л. 3 (указатель).



Переписная книга г. Курска 1723 г. Л. 3 (основной текст).

А.С. Рыжков

Опыт составления электронной базы данных по переписным книгам карельских пашенных солдат Ивана Дивова*

Переписные книги Ивана Семеновича Дивова, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, являются ценным источником по истории пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века[1]. Все предыдущие переписи – Федора Волконского (именно его материалами пользовался Иван Дивов), Ивана Кобыльского и других «переписчиков» в настоящее время считаются утраченными. Уже в 1660 г. думный дьяк Ларион Лопухин, получивший задание выписать из писцовых книг данные о количестве человек, записанных в солдатскую службу в Олонецком уезде (Сямозерской и Юстозерской волостях) и в Лопских погостах, свидетельствует: «А сколько в Сямозерские волости [и в Лопских погостах] взято в салдатцкую службу, и того в Новгородцкой четверти неведомо, опричь переписки Ивана Дивова»[2]. Книги Ивана Дивова, таким образом, представляют собой единственный сохранившийся полный перечень имен солдат и крестьян, записанных в солдатскую службу, за все время существования института пашенных солдат.

Вся информация, содержащаяся в переписных книгах Ивана Дивова, была тщательно проанализирована нами, структурирована и включена в специально сформатированную на основе компьютерной программы FileMaker базу данных, которая в полной мере позволяет использовать их для изучения социально-экономического феномена карельских пашенных солдат.

Вначале несколько слов о предмете изучения. Появление пашенных солдат в Карелии тесно связано с реализацией общего плана по реформированию русской армии, предпринятого царем Алексеем Михайловичем в середине XVII века. Важной частью этого плана, наряду с увеличением численности стрелецкого войска и дополнительным сбором даточных людей, являлось создание регулярной армии – солдатских, драгунских и рейтарских полков «нового строя», обученных и организованных по канонам западно-европейской военной науки. Заботу об обучении нового войска брали на себя многочисленные иностранные военные специалисты, приезжавшие в Россию либо по приглашению правительства, либо самостоятельно, в надежде продвинуться по службе или обогатиться. Перед иностранными офицерами

Рыжков Андрей Сергеевич, методист Исследовательской Лаборатории Локальной и Микроистории Карелии ПетрГУ (Петрозаводск)

была поставлена задача обучить вновь призванных солдат навыкам владения огнестрельным оружием и пешему строю, а конечной целью их деятельности являлась организация войска, способного эффективно противостоять хорошо обученным европейским армиям того времени.

Одним из способов осуществления задуманной правительством реформы было создание дешевого войска, состоявшего из крестьян приграничных областей Русского государства. Таким образом оно разом пыталось решить две главные проблемы: по-новому организовать охрану государственной границы и значительно уменьшить расходы на содержание постоянной армии. Это казалось возможным осуществить за счет массового привлечения крестьян к службе в армии (в качестве компенсации им было обещано освобождение от основных налогов), в то время как проблема материального обеспечения нового войска во многом ложилась на плечи самих солдат, которые параллельно с обучением и службой в полках должны были вести собственное хозяйство.

Первые такие полки появились в Карелии в конце 40-х гг. XVII века. К военной службе привлекалось все мужское население региона в возрасте от 25-ти (с 1657 г. — от 15-ти) до 50-ти лет, за исключением самых бедных («охудалых») крестьян. Первоначально пашенных солдат предполагалось использовать исключительно для охраны границы, однако после начала русско-польской и русско-шведской войн карельские полки стали посылать на службу в отдаленные области Русского государства. Последовали многочисленные протесты крестьян. С середины 1650-х гг. учащаются случаи пассивного и активного сопротивления (отказ от службы, дезертирство, бунты). Не имея возможности отказаться от задуманных преобразований и использования новых полков, состоявших из государственных крестьян, во время уже бушевавших в России войн, правительство предпринимало шаги по дальнейшему реформированию существовавшей системы. Именно с этой целью в начале 1657 г. в Карелию был направлен «солдатский переписчик» Иван Семенович Дивов. Одной из задач, поставленной перед ним царем Алексеем Михайловичем, являлось упорядочение набора и высылки на службу пашенных солдат. В царском наказе от 1 января 1657 г. Ивану Дивову предписывалось наряду с сыском и высылкой беглых солдат и драгун полка воеводы Петра Потемкина, переписать всех записанных в солдатскую службу карельских крестьян, разделив их на две «перемены» по 4 тысячи человек в каждой (в крайнем случае «по получетверти» или по 3 тысячи человек), одна из которых должна была оставаться дома, в то время как другая будет находится на действительной службе в полках[3]. Кроме этого Дивову были даны полномочия принимать от местного населения челобитные с целью выявить причины недовольства для составления плана дальнейших

действий по реформированию военной службы в пашенных полках. Отметим, что в многочисленных отписках Ивана Дивова, являющихся своеобразным отчетом о его деятельности, содержатся также соображения по поводу возможных решений почти всех наболевших вопросов[4].

Указания на составление «списков» – переписных книг пашенных солдат содержатся в грамотах от 3 марта и 30 апреля 1657 г. Получены они были уже после прибытия «солдатского переписчика» в Карелию. Согласно им Ивану Дивову было приказано выяснить сколько солдат имелось в наличии отдельно в Олонецком, а также во всех Заонежских и Лопских погостах, указав, служат ли они ныне или служили раньше, в каких полках и где проходили службу[5]. «А которые драгуны и салдаты на нашихъ великого государя службах в городех Великого княжества Литовского и в Юрьеве Ливонскомъ и в ыных местех, — предписывалось в наказе, — и которых опишешь в драгуны и в салдаты вновь, и ты б техъ всех драгунов и салдатовъ... велелъ написать в особые списки... и... за своею рукою отдал на Олонце окольничему и воеводам нашимъ Василью Александровичю Чоглокову с товарыщи, а другие смотреные и розборные списки и ис тех списковъ перечневую выписку... за своею ж рукою привез к нам, великому государю, к Москве»[6]. Позднее в наказы были внесены некоторые дополнения и уточнения.

Первую часть списков – книги «старым и новоприборным» солдатам Олонецкого, Важенского, Остречинского, Веницкого, Оштинского, Мегорского, Вытегорского, Андомского, Пудожского и четырех Лопских (Линдозерского, Семчезерского, Селецкого и Паданского) погостов Иван Дивов выслал в Олонец 1 мая, вторую – 25 июня 1657 г (списки солдат Шальского, Шунгского, Кижского, Шуйского и Выгозерского погостов).[7] Сам Иван Дивов, оправдываясь перед государем в «мешканьи» и «мотчаньи», пишет, что «салдат на смотръ к переписке ни в котором погосте скорым обычаем никако собрать не умел... по своему малоумию..., в том твоя, великого государя, воля, виноват перед тобою, великим государем, в своей бесхитросной вине»[8].

Действительно, уже в самом начале своей деятельности Иван Дивов столкнулся с серьезными проблемами, связанными в первую очередь со стремлением Ивана Дивова и Олонецкого воеводы Василия Чоглокова точно следовать противоречивым указаниям, полученным ими в разное время. Так, в одной из отписок «солдатского высыльщика» сказано, что еще до его приезда по указанию воевод Петра Пушкина и Степана Елагина многие солдаты и драгуны были высланы на службу, и что потому «в погостех безлюдно и за темъ твоему государеву делу, а моей, холопа твоего, переписки учинилось мотчанье»[9]. После приезда Ивана Дивова в Заонежье, на Олонце была получена царская грамота, которая предписывала полковникам Александру Гамальтону и Томасу Краферту с 4-мя тысячами человек готовиться к походу. Следуя этим указаниям,

по словам Ивана Дивова, олонецкие воеводы самолично без его участия начали перепись, набор солдат и отправку их на службу[10].

С другой стороны, «солдатский переписчик» столкнулся с сопротивлением самих крестьян. В одной из своих отписок Иван Дивов жаловался на старосту Фоймогубской волости Шунгского погоста Сенку Иванова, который «стакався тое волости с мужиками завели бунтъ и твоего государева указу не послушали, ко мне, холопу твоему, не пошли, и Олонецкого пушкаря Омелку Васильева, которого я, холопъ твой, для салдатской высылки к нимъ в волость посылал, били насмерть»[11]. Крестьяне Веницкого погоста «высыльщика стрельца Микулу Созонова и... драгуна Офонку Лукина обухами били и ограбили, и топором драгуна секли»[12]. Еще один помощник Ивана Дивова новгородец Иван Чириков докладывал ему, что старосты четырех Лопских погостов (Линдозерского, Семчезерского, Селецкого и Паданского) многих людей «утаили и в росписи не написали», в то время как сами солдаты «за высылку хотели ево, Ивана, и стрельцов бить и учинились твоему государеву указу непослушны»[13].

Перепись была закончена к концу июня 1657 г., а не позднее 10 июля того же года Иван Дивов был уже в Москве. Таким образом, деятельность «солдатского переписчика» в Карелии ограничилась менее чем полугодом[14]. Отчитываясь перед государем о результатах своей деятельности, Иван Дивов пишет: «а которых выслал я, холоп твой, в полкъ к воеводе к Александру Потемкину, и ково зачем не выслал, и сколько ныне на твоих государевых службах в городах, и сколько побито, и померло, и збежало, и сколько во всех погостех салдатцких отцов, и братьи, и детей, и охудалых крестьянъ, которые в твою государеву службу не пригодились, и тому у меня, холопа твоего, написаны особные книги... А болши, государь, тово я, холоп твой, никоими меры салдатов прибрать не умел. А меньши, государь, пятинатцати лет в салдатцкую службу у меня, холопа твоего, не писаны»[15].

Материалы переписи Ивана Дивова состоят из восьми книг, каждая из которых посвящена отдельной коллизии несения службы пашенными солдатами. Первая книга включает в себя имена карельских крестьян, записанных в службу с 1649 по 1657 г., вторая – имена «новоприборных солдат», внесенных в списки в 1657 г. В третьей перечислены солдаты, высланные на службу в полк Александра Потемкина в крепости Олонец и Лаву; а также беглые, больные, раненые и умершие на службе в разные годы. Четвертая книга содержит имена солдат, находившихся по призыву в разных городах (Юрьев Ливонский, Ковно, Тесово, Полоцк, Гродно, Витебск, Великий Новгород). Пятая – это списки беглых солдат. В шестой находим перечни имен убитых и раненых. Седьмая и восьмая книги сообщают информацию о крестьянах, старых и молодых, которые «в салдатцкую службу не поспели», и о тех, кто для службы не годился

– «охудалых» крестьянах. Всего по переписи Ивана Семеновича Дивова в Олонецком, в четырех станах Заонежских погостов и в четырех Лопских погостах из «старых салдатовъ» в книги были записаны 5445 человек. «Новых» солдат оказалось 1769 человек. Высланных в полк Александра Потемкина, а также тех, которых Олонецкий воевода написал «в стрельцы» – 999 человек. Переписные книги не содержат имён крестьян и солдат трех Лопских погостов (Панозерского, Шуезерского и Ругозерского), добраться до которых, по словам Ивана Дивова, не было возможности из-за отсутствия дорог[16].

Имена солдат и крестьян, а также вся дополнительная информация, встречающаяся в переписных книгах Ивана Дивова, внесены в базу данных, созданную нами на основе программы «FileMaker». Она состоит из отдельных карточек, каждая из которых соответствует одному из населенных мест, где производилась перепись (всего 1753 карточки). Эти карточки являются ключевой составляющей базы данных не случайно. Все названия населенных пунктов приведены в том порядке, в котором они расположены в книгах Ивана Дивова. Таким образом, наша электронная картотека полностью соответствует структуре переписных книг. Каждая карточка, а значит, каждый населенный пункт имеет привязку ко всем восьми книгам переписи. Титульная часть карточки включает в себя наименование деревни или иного населенного пункта, а также сведения о его административном подчинении (одновременно месторасположении): в составе волости, трети, погоста, стана. Основная часть карточки содержит поля, заполненные именами крестьян-солдат, донесенными до наших дней переписными книгами Ивана Дивова. Предусмотрена целая система закладок для внесения информации, почерпнутой в других документальных источниках. Кроме того, карточка снабжена служебной информацией: дата создания, дата последней модификации, архивные отсылки: название архива, фонд, опись, единица хранения, лист. Внутри базы данных работает система поиска, выборки и систематизации информации. Все данные можно представить также в виде таблицы, которая легко конвертируется в другие редакторские программы и приложения (например, подсчеты можно производить в Microsoft Exel).

Переписные книги Ивана Дивова анализировались и раньше. Ирина Александровна Чернякова первой из исследователей произвела подсчет количества упомянутых в них солдат и крестьян, записанных в солдатскую службу, по всем восьми книгам и упомянутым в источнике деревням, однако в своей монографии, изданной в 1998 г., привела лишь часть информации: сведения о погибших, умерших и по каким-либо причинам не вернувшихся со службы[17]. Остальные данные, выявленные ею, любезно переданные нам в виде выписок и общего конспекта, составили начальную базу предпринятого исследования и очень помогли

на этапе осознания структуры источника, при форматировании общих информационных полей, слоев и закладок в нашей базе данных. Создав представляемую электронную картотеку, мы вводим в научный оборот незадействованную до настоящего времени главную и ценнейшую информацию, содержащуюся в книгах Дивова – имена нескольких тысяч обитателей карельских деревень, обычных крестьян, большей частью остававшихся до сих пор вне истории.

Главным достоинством нашей базы данных является то, что в нее можно заносить любую дополнительную информацию, полученную из других источников – переписных книг или, что еще более важно, актовых материалов, соотнося ее с конкретными именами карельских пашенных солдат. Большие надежды в поиске персонифицированно значимой информации, неоценимой для признаваемого всеми в наши дни важным казусного видения исторического прошлого, мы возлагаем на уникальный архивный фонд «Олонецкая воеводская изба», хранящийся в научном архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН, работа над подготовкой к опубликованию которого уже несколько лет ведется на Историческом факультете Петрозаводского государственного университета силами студентов и соискателей в Иссследовательской Лаборатории Локальной и Микроистории Карелии под руководством доцента И. А. Черняковой. Эта коллекция содержит в себе множество различных актовых источников – крестьянские челобитные, памяти, полковые росписи солдат, списки беглых, допросные речи, отписки, большая часть из которых относится к периоду существования в Карелии института пашенных солдат. В этих документах, также содержащих многие тысячи имен, мы встречаемся с теми же лицами, что и в книгах Ивана Дивова, в самых разных жизненных ситуациях. Организовав материал переписных книг Ивана Дивова таким образом, чтобы основой базы являлись имена, и дополнив его сведениями, почерпнутыми из других источников, мы проследим судьбы отдельных солдат и крестьян. Это позволит впервые узнать в том объеме, в каком этот материал отражен в доступных нам источниках, обо всех трудностях солдатской службы, о событиях, происходивших с вовлеченными в нее отдельными лицами, до и после произведения переписи, об их материальном и семейном положении, и других жизненных коллизиях. Безликие статистические данные, даже простой подсчет которых до настоящего времени был довольно трудоемким делом, будучи организованными таким образом начинают «говорить», открывая перспективу более полного и осмысленного использования всей информации. Опыт составления базы данных на примере переписных книг пашенных солдат Ивана Дивова может быть использован в дальнейшем для сопоставительного анализа других массовых источников и актовых материалов.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование осуществляется в рамках проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом, № 05-01-12123в

[1] РГАДА. Ф. 137. (Боярские и городовые книги.) Оп. 1. Олонец. Кн. 5: Переписная книга солдат и крестьян Олонецкого, Заонежских и Лопских погостов переписи И. С. Дивова, 1657 г. 1133 л.

[2] Там же. Ф. 141. (Приказные дела старых лет.) 1660. Д. 15: 26 августа 1660 г. Всякие дела Новгородской четверти городов Новгорода Великого, Олонца, Каргополя. Л. 113, 121.

[3] Там же. 1657. Д. 1: 1–12 января 1657 г. Дело о сыску Олонецких беглых драгун и солдат, отписки и отпуски грамотам из приказа Тайных дел. Л. 1–9.

[4] Там же. Л. 15 и др.

[5] Там же. Л. 63–67, 80–82.

[6] Там же. Л. 80–81.

[7] Там же. Л. 83, 87.

[8] Там же. Л. 84–85.

[9] Там же. Л. 104.

[10] Там же. Л. 85, 105.

[11] Там же. Л. 84

[12] Там же. Л. 117.

[13] Там же. Л. 109–110.

[14] Там же. Л. 86.

[15] Там же. Л. 85.

[16] Там же. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Кн. 5. Л. 272; см также: Ф. 141. 1657. Д. 1. Л. 109–110.

[17] Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 120–122.

* * *

Т.В. Сазонова

Составление учетной документации зерновых припасов в Кирилло-Новоезерском монастыре (первая половина XVII в.)*

Кирилло-Новоезерский монастырь – один из небольших монастырей Белозерского края – был основан в начале XVI в. преподобным Кириллом Белым на Красном острове Нового озера, в 30 верстах от Белоозера. К середине XVII в. монастырь владел 32 поселениями, рыб-

Сазонова Татьяна Викторовна, к.и.н., научный сотрудник СПб ИИ РАН

ными ловлями, лесными угодьями; в монастыре проживало около 50 человек, из них 24 монаха. Возле стен монастыря дважды в год устраивалась ярмарка. Монастырь являлся духовным и экономическим центром округи. При этом монастырь привлекал вкладчиков не только из Белозерского края, но и из Москвы. На средства боярина Бориса Ивановича Морозова в середине XVII в. в нем начинается каменное строительство.

Сохранился комплекс источников Кирилло-Новоезерского монастыря, включающий в себя денежные и хлебные приходные и расходные книги, описи строений и имущества, вкладную книгу и акты середины XVI—XVII в. В настоящее время архив монастыря рассредоточен по архивохранилищам Москвы (актовый материал), Санкт-Петербурга (описи имущества и денежные книги), Новгорода (хлебные книги и часть актов) и Череповца (вкладная книга и синодики).

Расходные и приходные хлебные книги, хранящиеся в настоящее время в Отделе письменных источников Новгородского Государственного объединенного музея-заповедника (ОПИ НГОМЗ), представляют собой документы учета поступления и расхода хлеба в монастырской житнице. Первая дошедшая до нас книга относится к 1623 г. За первую половину XVII в. сохранилось 18 хлебных книги, из которых 8 расходных (за апрель 1623 – октябрь 1625 г.; апрель 1623 – май 1624 г.; декабрь 1624 – январь 1627 гг.; январь – октябрь 1631 г.; сентябрь 1638 – август 1639 гг.; 1645/46 г.; 1649/50 г.; 1650/51 г.), одна приходо-расходная (за 1650 г.) и девять приходных (за апрель 1623 – октябрь 1625 г.; апрель 1623 – февраль 1624 г.; декабрь 1624 – сентябрь 1626 г.; март – апрель 1631 г.; 1638/39 г.; 1645/46 г.; 1649/1650 г.; 1650 - 1651 гг.; 1650 г.).

В большинстве случаев приходные и расходные книги за один период времени велись в одной тетради. В некоторых случаях тетрадь начинается приходной, в других – расходной книгой. При этом каждая книга сохраняет отдельный заголовок и отдельную преамбулу (преамбулы содержат семь книг из 18). В двух случаях только приходная или расходная книги представляют собой единственное содержание тетради (обе за 1631 г). За 1649—1651 гг. в одной тетради содержатся четыре книги.

Из всех 18 книг скрепы имеют только две (декабрь 1624—сентябрь 1626 гг. и декабрь 1624—январь 1627 гг.). В двух случаях (за апрель 1623—май 1624 гг. и за декабрь 1624—январь 1627 гг.) после основного текста другим почерком и другими чернилами сделаны записи о «счете» житника.

Каждая книга (за единственным исключением) написана рукой одного писца. Только две книги за 1650 г. написаны тремя подчерками.

Приходные хлебные книги, как правило, включают в себя следующие статьи: хлеб, привезенный с монастырской пашни, оброчный хлеб,

вкладной, покупной. Расходные хлебные книги содержат записи расхода хлеба по следующим статьям: на монастырский обиход (на хлеба, квас, крупу, солод), на корм своим лошадям и на корм приезжим, на сев, на подношения почестей, на оплату труда (месячина, «за труды»).

Их всех рассматриваемых нами приходных и расходных книг часть составлена в виде текущих записей (по месяцам и числам) прихода или расхода хлеба (книги за 1623—1631 гг.). Одна книга составлена в виде текущих записей, при этом фиксация хлеба производится по видам культур (книга за 1650 г.). Остальные книги представляют собой уже систематизированные записи по видам культур, содержащие общее количество хлеба, израсходованное или полученное за какое-то время, чаще всего за год, по основным статьям. Как правило, при этом месяцы не указываются (книги за 1638/39 г., и за 1645/46 - 1650/51 гг.). Только в расходной книге за 1650/51 г. по некоторым статьям указан суммарный расход хлеба по месяцам. В одной книге (сентябрь 1638—август 1639 гг.) записан суммарный расход разных видов хлеба за год, а потом он расписан по месяцам.

В ряде случаев книги охватывают целый календарный год, с сентября по август. В тех книгах, в которых месяцы не указаны, выяснить, за какой период фиксировался хлеб, нельзя. В книгах 1620—1630 гг. приход и расход мог фиксироваться за 1,5 - 2 года (это зависело от частоты сменяемости житника). Однако при этом несколько месяцев могло быть пропущено. Но если отсутствие прихода хлеба в летние месяцы можно объяснить условиями севооборота, то пропуск месяцев в расходных книгах объяснить трудно. Из всех книг только в книге за апрель 1623 - май 1624 гг. и в книге за января по декабрь 1625 г. учтен расход хлеба за все месяцы года. Из этого следует, что, несмотря на кажущуюся многочисленность хлебных книг, выявление динамики прихода или расхода хлеба за разные годы произвести нельзя.

Теперь попытаемся рассмотреть систему учета в хлебных книгах в связи с вопросом о полноте зафиксированной информации. Для этого сравним данные приходной и расходной хлебных книг, фиксирующих приход и расход хлеба в житнице находившейся в монастырском селе Рожаеве, и приходных и расходных хлебных книг житницы, находившейся на территории монастыря, за сопоставимый период. Сохранилось только две книги учета хлеба в Рожаеве. В этих книгах приход и расход фиксировался с апреля 1623 г. по октябрь 1625 г. Хлеб рожаевской житницы частично шел на обеспечение нужд рожаевского обихода на «хлебы», а также на корм лошадям (там находился конюший двор). Овес из рожаевской житницы часто выдавался лошадям старцев на поездки, а также «гостевым» лошадям. Хлебом из рожаевской житницы могли заплатить месячину слугам, что не отражалось в монастырской хлебной книге. Сам факт существования дополнительных приходных и

расходных (рожаевских) книг говорит о том, что часть монастырского хлеба не отражена в монастырских хлебных книгах. Кроме того, из рожаевской житницы в монастырь постоянно отсылалось зерно, иногда пророщенное, на солод. В монастырской же хлебной приходной книге имеются соответствующие статьи «привезли с Рожаева», «с Рожаева прибыло». При сопоставлении соответствующих статей расходной рожаевской книги и приходных монастырских книг (апрель 1623 г. - февраль 1624 г., декабрь 1624 г. - сентябрь 1626 г.) за соответствующие месяцы получается, что бульшая часть зерна, посылаемого из Рожаева в монастырь, в монастырской хлебной книге не фиксировалась, хотя выдача ржи в январе 1624 г. и ячменя в марте в рожаевской книге уточняется словами «отдал житнику старцу Тихону». Можно предположить, что зерно, помимо житницы, могло привозиться прямо в поварню или в другие службы.

В любом случае, в монастырской приходной книге за 1623 г. не учтены 22,25 чети ржи и 0,5 чети ржаного солода, 2 чети овсяного солода, 2 чети ячневого солода, 1,5 чети гороха и 0,5 чети конопляного семени, израсходованные на монастырский обиход по данным рожаевской хлебной книги. Та же ситуация наблюдается и в последующие годы: в 1624 г. не зафиксировано 5 четей ржи, в 1625 г. – 45 четей ржи, 2,25 четей ржаного солода, 8 четей овсяного солода, 33,5 четей ячменя и 8 четей ячневого солода.[1] Если бы мы рассчитывали поступление хлеба в монастырскую житницу по монастырской приходной книге, то вышеперечисленные цифры показывают, насколько оно оказалось бы меньше действительного.

Зерно, записанное как поступившее в монастырскую житницу из Рожаева, за исключением 4 четей ржи в январе 1624 г., не фиксируется в рожаевской книге как отправленное. Это можно объяснить тем, что зерно могло поступать в монастырскую житницу прямо с поля, минуя рожаевскую житницу.

Рассмотрим статьи монастырских книг, связанных с высевом зерна на монастырскую пашню. В монастырских хлебных книгах эти статьи записывались следующим образом: «высеил в поле на монастырскую землю и в нивы» (это более употребляемая формулировка); «выдал на Рожаево сеети». В рожаевской книге также содержатся статьи, связанные с севом, в большинстве случаев в самом Рожаеве.

При сопоставлении статей за соответствующие периоды рожаевской книги с монастырскими книгами оказывается, что их данные не совпадают. Например, данные монастырской книги свидетельствуют, что весной 1623 г. и 1624 г. на монастырскую пашню высевался только овес, а осенью 1623 г. и 1625 г. монастырские пашни вообще не засе-вались. А согласно данным рожаевской книги, в апреле 1623 г. было высеяно, помимо овса, 0,875 четей ячменя, 0,625 четей пшеницы, 0,1875 четей

гороха и 0,25 четей конопляного семени, в сентябре 1623 г. – 5 четей овса, а в апреле 1624 г. 0,625 четей пшеницы, 0,3125 четей гороха, 0,25 чети конопляного семени.[2]

Кроме того, ячмень, пшеница, горох и конопляное семя, высеянные в Рожаеве в апреле 1624 г., в рожаевской книге помечены как привезенные из монастыря, тогда как в монастырской книге они не отмечены. А пшеница и горох, посылаемые из монастыря в Рожаево в апреле 1625 г., не указаны как высеваемые в рожаевской книге. Все это говорит о специфике учета зерна в хлебных книгах.

Но, в любом случае, монастырские хлебные книги 1623 - 1627 гг. содержат только часть информации о находившемся в монастыре хлебе. А так как житницы на Рожаеве существовали на всем протяжении рассматриваемого нами периода истории монастыря, возможно, что и далее хлеб, хранившийся на Рожаеве, фиксировался в отдельных (не сохранившихся) книгах и мог не отражаться в монастырских хлебных книгах. Поэтому рассчитывать оборот монастырского хлеба за год, высчитывать процентное соотношение отдельных групп расхода или дохода, а также говорить о развитии явлений во времени (например, об увеличении размера месячины с 1620 - 1650-х гг.) по данным этих источников невозможно.

Еще один пример, связанный с фиксацией вкладов в монастырь может показать специфику учета в монастырской документации[3]. Вклады зерном фиксировались в приходных хлебных книгах, и в специальной вкладной книге. При этом в обоих источниках записывались как мелкие, так и крупные вклады, как крестьянские, так и помещичьи. Однако при сопоставлении выясняется, что записи о вкладах приходной хлебной книги и вкладной книги за одни и те же годы не повторяются. Кроме того, сведения о вкладах хлебом имеются в денежных книгах. Они упоминаются среди иного имущества, поступившего в виде вклада, например: казначей взял у попа у Мисаила за вклад две бочки овса за 18 алтын, два алтына денег, да ячменя бочку, ценой четыре гривны. Важно отметить, что зерно, поступившее в виде вкладов и зафиксированное в денежных книгах, также не фиксируется ни в одной из хлебных книг.

Сохранилась данная грамота,[4] в которой говорится, что Василий Иванов сын Елчин сделал вклад по своим родителям в 8 четвертей ржи, «и мне та рожь весть по земному пути в 166-м году в монастырь чюдотворцу Кирилу». На обратной стороне грамоты указывалось, что эту рожь необходимо взять «до сроку до Николиного дня осеннего 166 [1657] году». В приходной хлебной книге соответствующего года есть упоминания о том, что Елчин привез в монастырь 2 четверти ячменя в уплату «за вкладной кафтан». В 1658 г. Елчин «привез прошловы году вкладу» 5 четвертей овса. Кроме того, из данной явствует, что в 1651 г.

Елчин уплатил 3 осьмины ржи «в монастырскую меру».[5] В хлебной книге за этот год этого вклада не зафиксировано.

Таким образом, можно отметить, что фиксация зерна в монастырских хлебных книгах являются частью большой проблемы особенностей русского средневекового учета в целом. Эта же проблема прослеживается и в составлении вкладной книги, описей имущества и приходных и расходных денежных книг.

В качестве вывода необходимо отметить следующее. Во-первых, в Кирилло-Новоезерском монастыре отсутствовал единый формуляр, по которому велись хлебные книги. Во-вторых, неясен принцип, по которому поступление или расход хлеба заносилось в те или иные книги. Как было показано выше, поступивший в монастырскую житницу хлеб мог быть зафиксирован как в хлебной, так и в денежной или во вкладной книге. Это говорит об отсутствии строгой формализации учета в это время, позволявшей фиксировать поступления хлеба в книгах, формально не предназначенных для этого. Все это заставляет исследователя с осторожностью относиться к подсчетам, сделанным на основании данных хлебных книг.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Статья подготовлена в рамках гранта Российского гуманитарного фонда № 05-01-01189а

[1] ОПИ НГОМЗ. Инв. № 25986/10784. № 16, 18.

[2] Там же.

[3] Сазонова Т. В. Вклады и вкладчики Кирилло-Новоезерского монастыря (XVI–XVII вв.) // Времена и судьбы. Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. «Европейский Дом». Санкт-Петербург, 2006. С. 108–125.

[4] Российский Государственный Архив Древних Актов (далее РГАДА.) Ф. 1606 (Кирилло-Новоезерский монастырь). Оп. 1. Д. 40.

[5] ОПИ НГОМЗ. Инв. № 25986/10784. № 2.

* * *

Н.В. Середа

Переписная книга гор. Твери 1709 г.*

История Тверского Верхневолжья издавна привлекала внимание как столичных, так и местных историков, причем изучалась и изучается по преимуществу история края с древнейших времен до начала XVIII в. Это обусловлено двумя обстоятельствами – значением региона в ис-

Середа Надежда Владимировна, д.и.н., зав. кафедрой ТГУ (Тверь)

тории страны этого периода и наличием изданных источников именно за этот отрезок времени. Издавались летописи, договорные и жалованные грамоты, приходо-расходные книги монастырей, а также писцовые и переписные книги, относящиеся к концу XV-XVII в. Последняя категория источников наиболее полно издавалась в столичных изданиях столичными учеными[1]. Силами местных ученых эти источники печатались лишь в выдержках[2]. В настоящее время появляются новые публикации писцовых и переписных книг, но наиболее часто изучаются и издаются писцовые книги XVI-XVII вв. Как следствие, выходят в свет труды по социально-экономической истории России, основанные на писцовых материалах. Они, наряду с метрическими книгами, исповедными ведомостями, ревизскими сказками и другими источниками, составляют основу генеалогических исследований огромной массы ученых-профессионалов, краеведов и лиц, интересующихся прежде всего своей родословной.

В это же время переписные книги, а особенно книги начала XVIII в., к сожалению, привлекаются к исследованию значительно реже. Основной причиной не достаточной активности их использования является практически полная неизвестность сведений, в них отраженных, и отсутствие публикаций этих книг.

Силами сотрудников Тверского государственного университета, Государственного архива Тверской области и Тверских реставрационных мастерских была осуществлена подготовка к изданию Переписной книги г. Твери 1709 г., которая хранится в рукописной коллекции Государственного архива Тверской области[3]. Выбор из множества неопубликованных источников Переписной книги г. Твери 1709 г. объясняется, во-первых, тем, что книги данной переписи практически не издавались и совершенно не исследованы как особая разновидность переписных книг, во-вторых, тем, будучи составлены в начале XVIII в., они замыкают собой комплекс писцовых материалов по истории России. Для истории Тверского края публикация данной книги особенно важна, потому что она хорошо сопрягается с ранее изданными материалами писцового делопроизводства.

Отдельные сведения этой книги использовались для изучения социально-экономической структуры и процессов имущественного расслоения среди населения города[4], а также в работах тверских архитекторов-реставраторов, занимающихся вопросами городской планировки в XVIII в.[5] Однако Переписная книга содержит в себе сведения, которые ранее не включались в контекст исторических исследований по истории местного края: о степени грамотности населения, о положении женщин и детей в структуре населения, о составе семей, семейно-брачных отношениях и др. Будучи опубликованной эта книга в комплексе с более ранними писцовыми и переписными книгами

создаст базу для изучения не только вопросов налогообложения, имущественного расслоения, занятий населения, архитектуры и градостроительства, но и истории городских учреждений, генеалогии городских сословий конца XVII - начала XVIII в.

В архиве находится копия книги, беловой – первый экземпляр с подлинными подписями лиц, давших сведения о себе, составе семьи, размерах двора и проч., или их поручителей, по всей видимости не сохранился. Имеющийся в нашем распоряжении экземпляр представляет собой копию, сделанную сразу после завершения работы над оригиналом. Копиисты стремились сохранить все черты подлинника, отразить внешние особенности расположения текста в нем, оставляя и отмечая наличие пустых листов, страниц и даже неисписанных частей страниц подлинника. В книге встречаются записи: «лист пороже» (Л. 378, 521, 522), «страница порожа» (Л. 377 об., 418), «полстраницы порожь» (Л. 272), «порожо» (Л. 273, 274, 289 об.).

Серьезной проблемой является отсутствие в нашем экземпляре Переписной книги гор. Твери 1709 г. (единственном известном науке на сегодняшний день) первых двух десятков страниц. Поиски в Российском государственном архиве древних актов не увенчались успехом, но на сегодняшний день мы можем с уверенностью говорить, что среди материалов Поместного приказа нет и не было описания города Твери 1709 г.

Книга написана в лист на бумаге, имеющей водяной знак «Герб города Амстердам» с маркой «AG» 1709 г.[6], скорописью рубежа XVII–XVIII вв. Книга хранит сведения о различных видах скорописного письма: умелого, квалифицированного, четкого и разборчивого, принадлежащего явно служащим государственных структур времени преобразований, приехавшим в Тверь для проведения переписи, до грубого и неопрятного, с множеством описок и правками, сделанными кем-то из более грамотным писцов, в обязанности которых входи контроль за новичками[7]. В частности, весьма невнимательным был человек написавший текст лл. 109–171 по современной архивной нумерации. Часть его описок была исправлена дьяком Михаилом Гуляевым, проводившим, по-видимому, окончательную выверку текста. Исправления и дополнения внесены Гуляевым между строк и на полях, а при подготовке текста к изданию мы пытались найти способы отразить все эти внешние особенности текста.

Переплет книги сделан во второй половине XVIII в. – картон в коже, припереплетный лист и обклейка нижней крышки бумаги угличской фабрики Г. Переяславцева 1754 г.[8] Та же бумага использована при реставрации ряда листов рукописи. Верхняя крышка утрачена. На корешке тиснение: «КНИГА ПИСЦОВАЯ 1709». Обрез с чеканом, покрашен. Объем книги – 581 лист. Рукопись состояла из 80 тетрадей по 8

листов, однако некоторые тетрад неполные. При нумерации тетрадей 34-й номер пропущен. Тетради № 1 и 2 утрачены; в тетради № 3 отсутствуют 4 листа: 2 перед листом 2, 1– после листа 4; лист 1 должен быть вшит перед листом 5. Общее количество отсутствующих листов – 19 .

Сигнатура, обозначающая нумерацию тетрадей, идет внизу справа, а фолиация (полистная нумерация) – вверху спрáва. Обе – кирилличесскими цифрами. Сигнатуры проставлены на первом листе каждой тетради, начиная с пятой (Л. 13)[9]. Часть сигнатур срезана полностью или частично. Фолиация сохранилась, начиная с листа 4 по архивной нумерации, она полностью срезана на листах 1, 2, 3, на ряде листов – частично, ряд листов не имеют фолиации, номера 46 и 551 пропущены. По нашему мнению, на момент создания рукописи в ней было 593 листа[10].

В ходе работы над проектом возникло ряд проблем. Они не явились неожиданностью, но однако, потребовали множество времени на то, чтобы решить их. Во-первых, нужно было освоить несколько вариантов скорописи начала XVIII в., понять как тот или иной канцелярский служащий пишет мягкий и твердый знак, букву «ять» и многие другие, имеющие самый неожиданный с точки зрения сегодняшнего грамотного человека внешний вид. Во-вторых, следовало определиться с правилами передачи текста, в котором, женское имя Марья написано как Маря, в конце слова «сажень» в 9 случаях из 10 отсутствует мягкий знак, слово «деньги» представлено буквами днги и т.д. Существующие рекомендации, изложенные в «Правилах издания исторических документов», имеют слишком общий характер, чтобы их можно было использовать без длительных размышлений по их адаптации к конкретному источнику.

Информативные возможности материала Переписной книги далеко не исчерпаны учеными, попробуем определить возможные перспективные направления дальнейших исследований, учитывая содержание основных клаузул описательных статей.

В основу переписи было положено подворное описание, включающее информацию по ряду параметров. Во-первых, сообщались имя, фамилия и возраст хозяина двора, его семейное положение. В этой же части описательной статьи указывалось имя отца дворовладельца, поскольку оно заменяло указание на отчество. В случае, если у хозяина двора не было детей, то сведения об этом примыкают к первой клаузуле описания: *«Во дворе Гаврила Фомин сын Истомин дватцати девяти лет, женат, детей нет»* (Л. 124). Бездетные владельцы дворов встречались не часто, поэтому обычно за указанием его имени идет перечисление его детей мужского пола. Мы можем говорить, что преобладали семьи, включающие три поколения. Во дворе, помимо главной семейной пары, было как правило по 2 сына, часто они были взрослыми и имели своих детей,

число последних редко превышало 2-3 человека. *«Во дворе Федор Петров сын Волочанинов пя тидесяти пяти лет, у него сын Григорей дватцати лет, Яким шестнатцати лет. У Григорья два сына - Григорей дву лет, Егор полугоду»* (Л. 127 об.). Представители нескольких поколений жили обычно в одной избе, исключения обычно оговариваются текстом книги[11].

При описании дворов должностных лиц встречаются сведения о принадлежащих им крепостных людях, причем с указанием степени родства между ними, и возраста крепостных. В частности во дворе дьяка Федор Андреев сын Малечкина жило несколько семей крепостных, вот как описана лишь одна из них: *«Иван Фёдоров сын Шабловской штидесяти пяти лет, у него два сына: Андреан пяти лет, Евсигней осми недель, у него ж два пасынка: Максим осмнатцети, Родион тринатцети лет, Иван Ефимов сын Немцов дватцети семи лет, детей нет»* (Л. 3).

В случае, если описывался двор человека, не принадлежащего к посаду, то перед указанием на имя, отчество и фамилию идет указание на его должность, например, *«Во дворе архиерейского казенного приказа подьячей Михаило Семенов сын Новоторжцов дватцати лет»* (Л. 1 об.). В случаях описания дворов служащих государственных учреждений или архиерейских слуг мы имеем возможность узнать ряд деталей, связанных со службой. *«А по скаске (М.С. Новоторжцев) в подьячих с 703-го года, жалованья ему в год денег по семи рублей, хлеба всякого по десяти четвертей»*.

Следующая смысловая часть описания двора отражает его размеры, например, двор Федора Петрова сына Волочанинова был *«мерою двора и огорода длиннику тритцать шесть сажень, поперешнику поворотам восмь сажень с полусаженью, в другом конце пять сажень с третью»*, что несколько ниже среднего размера двора. В случаях, если речь шла о так называемых «беломестцах», эта часть описательной статьи сообщала о ведомственной принадлежности двора. Так дворы архиерейских сынов боярских Г.В. Быкова и Е. И. Тупицына были построены на архиерейской земле, а вот двор еще одного боярского сына архиерея Козмы Ржевского стоял на монастырской земле[12], за аренду чужой земли Козма платил оброку в монастырь по 5 алтын. в год (Л. 6 об.-7). Беломестцы иногда пользовались и посадскими землями, причем без всякого оброка, что не вызывало одобрения самих посадских. Вот что мы узнаем о недижимости уже упомянутого Ф. Малечкина *«Мерою двора и с огородом длин-нику дватцеть четыре сажень, поперечнику семнадцеть сажень, в другом конце дватцеть одна сажень. У него ж, Федора, под двором посадцкой земли, которыя дана по двору Семёну Посникову под осадной двор, мерою длиннику пятнатцеть сажень, поперечнику четыре сажени. Да против его ж, Федорова, двора через переулок под ево анбаром посадцкие земли мерою длиннику шесть сажень, поперешнику четыре сажени»* (Л. 3 об.).

В данном случае посадские, зная что дьяк пользуется их землей, не высказывали на нее претензий, а вот в случае с Козмой Евдокимовым сыном Кириловым видна другая ситуация. Сам он показал, что земля его посадская и владеет он ее по писцовой книге, однако переписчики посчитали необходимым отметить, что «каменшики сказали, что земля каменшичья». Подобных записей, свидетельствующих о неопределенности вопроса о принадлежности земли, достаточно в Переписной книге Твери за 1709 г. достаточно много.

Одна из заключительных клаузул описательной статьи сообщает, за кем числился двор по прежней переписи и о судьбах бывших владельцев (чаще всего они умерли), а также других лиц, ранее проживавших во дворе (некоторые из детей, повзрослев, купили свои дворы). Это дает возможность на основе изучения Переписной книги проводить анализ демографической ситуации в городе Твери в конце XVII-начале XVIII в. и изменений в расселении горожан. Книга явно свидетельствует о начале процесса разрушении старых сотен и слобод, формировании новых территориально-податных общностей горожан, разрушении приказной системы управления с ее особым контролем над лицами, относящими к каждому из приказов, за собственной земельной собственностью, орудиями труда и т.д. Мы можем также говорить о сокращении численности больших семей, состоящих из трех, а иногда и четырех поколей, где все взрослые дети со своими семьями живут в одном дворе, процесс отделения старших детей идет весьма интенсивно и об этом позволяют судить те части описательных статей, где говорится о правовых основания владения двором.

Следует отметить, что эти данные помещались в самом конце описательной статьи. Очень часто основанием для владения являлась запись двора по прежней переписи за эти человеком, либо за его предками по отцовской линии. В этих случаях запись формулируется следующим образом: «владеет по писцовой книге», однако стать владельцем двора можно было по купчей, по закладной, получив данную на землю из земской избы, войдя в дом жены и т.д. Именно на основании купчих грамот принадлежало огромное количество дворов лицам, отделившимся от отцов или братьев. Среди лиц, ставших владельцем двора по купчей есть и женщины, так вдова А.Я. Ворошилова купила двор, отделясь от свекра, однако при этом вела промысел вместе с ним. (Л. 170). Во многих случаях отделившиеся дети (братья) получали землю по данной грамоте из земской избы как С.С. Кожевой, который получил данную на землю, отделившись от своих братьев. Земельные участки переходили к новым владельцам за долги прежних. Так за Иваном Янковским, одним из немногих грамотных людей, значилось два пустых двора, полученных по закладным (Л.153). Исследование комплекса информации, содержащейся в этой клаузуле формуляра

описательной статьи, позволяет изучать пути и средства мобилизации земельной собственности в Твери в условиях раннего нового времени и процесс постепенного формирования единого городского земельного фонда.

Значительное место в книге занимает описание занятий владельца двора и его ближайших родственников. Указаны вид ремесла, характер торговли: стационарная или отъезжая (внутри уезда или за его пределами), наименование товаров; наличие торговых и складских помещений, правовые основания владения ими (покупка, аренда и др.). Процитируем часть текста, чтобы еще раз подчеркнуть его высокую информативность источника. Книга сообщает, что промысел у А.К. Баженова *«отъезжая во Тверском уезде, по ярмонкам торгует мелочью; имеет ремесло: льет кресты и перстни и пуговицы оловянные, и сидит во Твери в Болшом ряду в наемной полулавке и торгует мелочью; найму с той полулавки платит десять алтын в год»* (Л.192).

Значительное место в каждой из описательных статей занимает перечень видов и размер налогов и сборов, выплачиваемых различными категориями населения (десятая деньга, стрелецкие, драгунские, рекрутские и т.д.). Так о А.К. Баженове, который записался в посадские лишь в начале 1709 г., книга сообщает, что он платит *«в стрелецкие денги дватцат шесть алтын четыре денги; в десятую денгу в один побор дает тринатцат алтын две денги, драгунских жалованных шесть алтын четыре денги; рекрутом, которые поставлены на станцы, три алтына две денги; на дачю Московскаго гварнизона драгуном и салдатом четыре алтына; рекрутом по указу приказу Земских дел восми денег; на наем в Ямской приказ подвод четыре денги; работником, которые посылаютца в Санкт Питербурх в наем и на покупку хлеба тринатцат алтын //* (Л. 192 об.) *две денги; работником же, которые посланы по реке Тверце для подъему и вспроваживали суды, шесть алтын четыре денги; да по указом из розных приказов под полки и полковые припасы на наем подвод дватцат алтын»*. Детальное исследование этих записей позволит выявить принципы налогообложения в Твери, а значит, многое понять во внутренней жизни посадской общины.

Переписная книга Твери 1709 г. содержит целый комплекс интереснейшей информации о службах, которые приходилось исполнять горожанам. Тверичи издавна известны как квалифицированные кирпичники и каменщики, и в начале XVIII в. значительная часть горожан должна была подолгу жить в Петербурге и Таганроге, занимаясь там строительными работами. Судьба этой категории горожан ярко отражена в записи о Сидоре Фомине сыне Кирилове, котрому на момент переписи было 65 лет. Он сообщал о себе, что *«взят ис посаду в кирпишники. У него сын Савелей дватцати пяти лет, на Таганрогу пятый год. У Савелья сын Спиридон трех лет. ... А в службах он (Сидор – **Н.С.**) по*

высылке из Приказу каменных дел был в прошлых годех на Москве у государевых кирпичных дел в Государевых Даниловских и в Полевых и Хамовницких сараех и делал многие годы кирпич городовой и обжигал. А в деле у него было того кирпича в лети по десяти тысяч кирпичей. А кормовые денги даваны ему за тысячю по пятнатцати алтын. А в которых годех работал, того он порознь сказать не упомнит, да он же с 1696 году работал у кирпичных дел в Азове, а жалованья ему и кормовых денег ничего не давано, кормился мирским подаянием. С 1705 по нынешней 1709 год работал по высылке ис приказу Болшого дворца у кирпичных дел на Таганрогу, и в 1705 году дано ему на подъем шестнатцат алтын четыре денги, а кормовых денег давано ему у дела на Таганрогу по осми алтын по две денги на месяц, а хлеба жалованья давано ему против ево ж братьи кирпичников, а в которых годех он в высылках на Москве до 1700 году не был, и за те годы платил он за кирпичное свое мастерство по указу рублевые денги» (Л. 548).

Последняя часть описательной статьи сообщает о человеке, подписавшем содержание «скаски». Очень редко сведения подписывал тот кто сообщал их, как правило под ней стояли подписи кого-либо из грамотных горожан, а таковых было не много в Твери. Назовем нескольких из них: Елисей Попов, Иван Тетяев, Иван Янковский, Михаил Вагин, Василий Томилов, некоторые представители семей Княевых и Кармановых. Не составляет труда заметить, что именно эти люди принадлежали к самым известным современным исследователям родам: наиболее состоятельным, как Коняевы, или образованным, как Кармановы. Грамотные люди Твери начала XVIII в. – это элита недалекого будущего города, его необычайного подъема в «золотой век» Екатерины II и в первый период царствования Александра I. Это позволяет думать, что Переписная книга Твери 1709 г., даст возможность изучать не только начало XVIII в, но, благодаря латентной информации, заглянуть в будущее главного города огромного и важного для всей страны региона. Издание этого исторического источника позволило бы активизировать исследование целого ряда направлений истории Тверского края, начиная от истории семей и династий, культуры и быта, положения женщины в обществе, микротопонимики города, истории государственных учреждений, генеалогии городских сословий конца XVII - начала XVIII в. и т.д. до развития экономики и социально-экономических отношений в крае, включая процесс формирования местной элиты. Однако еще три года назад полностью закончив работу по подготовке текста к публикации, мы до сих пор не можем ее издать.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Работа осуществлялась при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Тверской области в рамках проекта № 02-01-00510а/Ц.

[1] Например, писцовые книги Тверского уезда XVI в. были изданы под редакцией Н.В. Калачева (СПб., 1878); Торопецкая книга 1540 г., подготов-ленная к печати М.Н. Тихомировым и Б.Н. Флоря, была опубликована в Археографическом ежегоднике за 1963 г. (М., 1964).

[2] Так члены Тверской ученой архивной комиссии в начале XX в. выпустили «Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подьячего Богдана Фадеева 1626 г.» (Тверь, 1901), «Выпись из Тверских писцовых книг письма и меры Федора Игнатьева да подьячего Тимофея (Стефанова) 1627-1628 гг.» (Тверь, 1916).

[3] Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1734.

[4] Сорина Х.Д. Очерк социально-экономической истории Твери в 50-60-х гг. XVIII вв. // Ученые записки Калининского гос. пед. ин-та. Калинин, 1962. Т.26. С. 88-117; Социально-экономическая история города Твери в начале 18 в. // Ученые записки Калининского гос. пед. ин-та. Калинин, 1956 Т.19. Вып.1. С. 101-124; Волков М.Я. Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в. М., 1994.

[5] Салимов А.М. Тверской кремль и история застройки его северо-западной части // Михаил Тверской. Личность. Эпоха. Наследие: Материалы международной научной конференции. Тверь, 1997; Салимов А.М. Тверской Спасо-Преображенский собор. Тверь, 1994.

[6] См.: Дианова Т.В. Филиграни XVII-XVIII вв. «Герб города Амстердама»: Каталог. М., 1998.

[7] Ф. 1409. Оп. 1. 1734. Д. 1. Л. 109-171 по современной архивной нумерации.

[8] См.: Клепиков С.А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII-XX вв. М., 1959.

[9] В скобках дано указание на листы архивной нумерации.

[10] Подробнее описание рукописи см.: Ефремова Е.Н. Переписная книга Твери 1709 года // Города Европейской России конца XV-первой половины XIX века. Материалы конференции. Тверь 2003. Часть 1. С.96-102.

[11] Данило Степанов Алмазников жил на половине усадьбы отца, в доме, построенной после составления предыдущих переписных книг (Л. 136).

[12] Какому монастырю принадлежала земля не указано.

* * *

А.В. Собисевич

Карта Олонецкого уезда Акима Клешнина 1728 г. как источник социально-экономической информации*

Картографические материалы XVIII века наряду с географическими описаниями являются ценными массовыми источниками, способными передавать информацию не только о ландшафте земной поверхности, но и об уровне социально-экономического развития показанных территорий. Таким образом, исследование, построенное на основе изучения картографического компонента, позволяет отслеживать на различных старинных картах динамику изменения системы поселенческой структуры, а также выявлять тенденции расселения, процесс колонизации и показатели экономического развития тех или иных территориально организованных людских сообществ.

В допетровское время уровень геодезических знаний не позволял создавать картографические произведения с точной привязкой к местности, что дало основание отечественной картоведческой науке называть их чертежами. Во времена Петра I с качественным расширением знаний и подготовкой картографов началась сплошная топографическая съемка территории страны. Указ об этом вышел в 1720 г., после чего организация проведения геодезических работ по картографированию империи было сконцентрировано в геодезическом ведомстве Сената. В 1726 г. к съемкам территории Олонецкого уезда приступили геодезист Аким Клешнин и его помощник Алексей Жихманов, и уже спустя два года в январе 1728 г. статс-секретарь Сената Иван Кирилов преподнес готовую карту на рассмотрение малолетнего императора Петра II. В 1730 г. карта Олонецкого уезда была гравирована Алексеем Зубовым в типографии Е. И. Киприанова и вошла в состав «Атласа Всероссийской империи» (1734 г.)[1].

Особенностью проведения съемок того времени, как отмечают исследователи картографии, в частности, Алексей Владимирович Постников, является их полуинструментальный или рекогносцировочный характер[2]. Предлагается именовать их именно таким образом, подчеркивая широкое использование расспросов местных жителей при составлении карт. Возможная геодезическая неточность подобных карт компенсировалась подробностью получаемых за короткий промежуток времени сведений.

Помимо своего рекогносцировочного характера карты того времени имели еще одну особенность: они не отличались унифицированной

Собисевич Алексей Владимирович, студент-магистрант Трансграничного Российско-Финляндского университета (Cross Border University), соискатель Исторического факультета ПетрГУ (Петрозаводск)

системой условных обозначений. Этим обусловлено нередкое применение на карте условных знаков или графических символов сходных очертаний для различных объектов. В частности, на анализируемой карте Акима Клешнина монастыри, пустыни, погосты, деревни с церквами (волостные центры) и слободы обозначены практически одним и тем же знаком, а дифференциация между ними произведена путем внесенных составителем карты подписей. Данная особенность сообщает некоторую «латентность» части отраженной на карте информации: если какое-либо из помещенных на ней условных обозначений не было подписано, приходится кроме названия объекта также выяснять его тип.

Полуинструментальный характер съемок, неточности пространственного размещения объектов, ошибки в передаче географических названий ставят перед исследователем задачу верификации карты. Ее решению в определенной мере может способствовать знание особенностей сбора данных в ходе проведения полевых работ и генерализации (обобщения) собранных данных, а также наличие сведений о квалификации составителя (отзывы современников). Однако наиболее ценный результат обещает сопоставление информации карты с данными наиболее близких ко времени ее создания картографических и других письменных источников. Так, помимо известной нам карты, озаглавленной «Положение местъ между городомъ Архангельскимъ, СанктъПетербургомъ и Вологдою» в «Атласе Всероссийской империи» 1745 г., для сопоставительного изучения подходят сведения о населенных пунктах из переписных книг начала XVIII века, материалов первой и второй общегосударственных ревизий (1720—1740-е гг.).

Для отработки методики на начальном этапе исследовательской работы проведено сопоставление названий населенных пунктов, выявленных на карте Акима Клешнина, с данными «Писцовой книги Заонежских погостов Обонежской пятины 1582/83 г»[3]. Выбор данного источника объясняется тем, что он опубликован, содержит исчерпывающий указатель географических названий и легко доступен. В дополнение к нашим собственным задачам обращение к компаративному изучению столь разных по характеру источников позволяет проследить расположение и количественную динамику населенных пунктов на значительном временном промежутке.

Сравнение названий 48-ми населенных пунктов, показанных на карте Акима Клешнина в окрестностях уездного города Олонца, с данными писцового описания выявило девять соответствий и 38 несоответствий с содержащимися в «Писцовой книге Заонежских погостов» сведениями. Однако даже подобный результат можно расценивать как значительный, учитывая то, что писцовое описание дополнилось данными о пространственном расположении части упомянутых в нем деревень.

Предпринятому сопоставлению предшествовала долгая работа по обнаружению всех без исключения отраженных изучаемой нами картой социально-экономических данных. Фактически информативное содержание составленной в 1720-е гг. карты впервые было столь подробно рассмотрено, ведь ранее исследователи просто называли количество объектов, на ней обозначенных (850)[1].

После детального изучения содержания карты Акима Клешнина стало возможным разделить перечень показанных на карте объектов на тематические группы: административное устройство, церковные объекты, промышленные объекты, объекты транспортной инфраструктуры.

Основную информацию об административно-территориальном устройстве получаем из показанных на карте государственных и уездных границ. Отличительным знаком времени ее составления является внимание к естественно-природным объектам: рекам и камням, использовавшимся для обозначения рубежей. Так, показанный на карте «камень Варецкой» был порубежным знаком на границе с территорией Кексгольмского уезда.

Обращаясь к рассмотрению населенных пунктов, обозначенных на карте Акима Клешнина, необходимо отметить, что в ее заголовке говорится только об уездном городе Олонце, погостах и деревнях. Однако изучение всего комплекса условных обозначений и их скрупулезное сопоставление позволяет расширить этот список за счет слобод и волостных центров. Схожесть условных знаков (графических символов) носит почти абсолютный характер: отличие обозначений волостных центров от обозначений погостов обнаружено нами лишь в отсутствии соответствующей буквы «П» впереди названия. Можно предположить, что наблюдаемые незначительные различия в масштабе самих условных знаков вполне могут свидетельствовать о количестве дворов и даже количестве церквей (их размерах?), стоявших в том или ином погостском либо волостном центре.

С учетом всего комплекса условных знаков на карте были найдены: уездный город Олонец, три слободы (при Кончезерском, Петровских и Повенецких заводах), 23 погоста, 99 волостных центров, 549 деревень. Таким образом, мы можем уверенно говорить о 674-х населенных пунктах, нанесенных на карту Олонецкой Карелии в 1728 г.

Помимо фиксации данных об Олонецком уезде, карта содержит ценную информацию о населенных пунктах, расположенных за его границами: один погост, шесть волостных центров и 39 деревень. Подобная информация о расположении населенных пунктов за уездными границами важна тем, что позволяет проследить транспортные коммуникации.

Обращаясь к церковным объектам, отметим, что нами на карте Акима Клешнина была найдена ценная информация о расположении

монастырей, пустыней и приходских центров в уезде, а также, возможно, о часовнях. Всего было обнаружено 20 монастырей и 6 пустыней. Помимо четко локализованных на карте монастырей: Колоостровского, Неглимозерского, Муромского, Лужандозерского, Кедринского, Вознесенского, Паданского, Яблоньского, Александровского, Габанова, Ондрусова, Сяндебского, Яшеозерского, Машезерского, Климецкого, Брусненского, Соломенского, Петропавловского, Важеостровского и Юрьегорского, показаны пустыни: Анищева, Фастова, Высокозерская, Никифорова, а также старообрядческие обители: Лескинская («Девича») и Данилова.

Кроме того, на карте присутствуют хозяйственные объекты: около Юрьегорского монастыря находился «Скотной двор», вблизи монастыря Александра Свирского «Двор монастырской», а около Никифоровой пустыни функционировала водяная мельница. В силу крайне затрудненной читаемости карты из-за плотности нанесенной на нее в ряде случаев информации перспективным представляется привлечение дополнительных источников для расширения списка ожидаемых хозяйственных объектов, принадлежавших монастырям.

Косвенно карта проясняет некоторые аспекты церковной инфраструктуры. Полагая, что в уездном городе, слободах, погостах и волостных центрах должен был быть хотя бы один приход, можно предположить, что в уезде на 1726—27 гг. количество приходов составляло в целом не менее 124-х. Эта информация важна также для определения территориальных размеров приходов того времени.

Оценивая информативность карты необходимо отметить, что часть символов, которыми обозначены на ней деревни, снабжена шпилями, иногда дополненными крестами. Предположительно, в этих деревнях могли находиться часовни. Однако подтвердить или опровергнуть эту гипотезу можно будет лишь после детального изучения всех условных знаков деревень на более качественной фотокопии карты, а также с привлечением дополнительных источников и исследовательской литературы.

Промышленное развитие края нашло отражение на карте в виде нанесенных на нее символических обозначений заводов и водяных мельниц. На карте Акима Клешнина показано шесть заводов. Часть из них легко отождествляются с широко известными предприятиями. Так, подпись «Медныя завод» уверенно связывается нами с Кончезерским заводом, три других, подписанные более определенно: Петровские, Повенецкие и Устьрецкие — это самые ранние знаменитые местные железоделательные заводы. Тем не менее, следует учитывать, что характер железорудной промышленности в крае отличался непостоянностью, многие заводы закрывались из-за исчерпания запасов железной руды. Поэтому особый интерес представляет наличие на карте еще неизвестных в исследовательской литературе малых заводов. В част-

ности, было обнаружено безымянное заводское строение в южной части уезда у деревни Ладвоозеро. Безусловно, предстоящее широкое привлечение исследовательской литературы и архивных источников должно помочь в адекватном прочтении и толковании такого рода картографической информации.

Обращаясь к рассмотрению показанных на карте водяных мельниц, отметим, что проводилось сопоставление их расположения с заводскими строениями. Учитывая факт существования различных гидравлических механизмов и пильных мельниц, действовавших на Повенецких и Петровских заводах, непоказанных на карте, можно сделать вывод, что эти объекты были включены Акимом Клешниным в состав заводских строений. Заметим также, что на карте не отражена информация о типе мельниц, поэтому для определения какие из них были «пильными», а какие «мукомольными» необходимо привлечение дополнительных источников. Можно предположить, что в местах богатых строевым лесом и находящихся вблизи верфей располагались преимущественно пильные мельницы. Подобная специализация мельниц наиболее вероятна там, где они показаны составителем карты в виде каскадов от трех единиц. Таковых обнаруживается два: один каскад, согласно карте, находился на озере Туломозере, а другой — на притоке Свири реке Ивене [современное название Ивина — *А. С.*].

Помимо населенных пунктов, монастырей и промышленных объектов на карте Акима Клешнина довольно подробно присутствует дорожная сеть, причем дороги подразделены на главную и сеть вспомогательных. Главная дорога проходила от уездного города Олонца через слободу при Петровских заводах до Бадожского завода и пристани, находившейся за южной границей уезда. То, что показанная на карте главная дорога являлась почтовым трактом, подтверждает наличие станции для смены лошадей – «Половинной подставы». Данный факт дает основание предполагать существование на всем протяжении дороги в различных населенных пунктах подобных станций для смены лошадей и отдыха путешественников, по каким-то причинам не обозначенных на карте. Учитывая, что главная дорога проходила через Петровские заводы и Бадожскую пристань, мы ставим себе задачей найти дополнительно архивные источники для выяснения характера и масштабов грузооборота по этому почтовому тракту.

Вторичные дороги, обнаруженные на карте, являлись проселочными, причем они образовывали повсеместно довольно развитую сеть, за исключением северной части уезда. Наличие данного рода дорог позволяет проследить внутриэкономические и зарубежные связи региона. В частности, на севере уезда существовала проселочная дорога, пересекавшая границу и уходившая в пределы Шведского государства. На карте есть места, где дороги очевидно пересекали водные преграды,

что дает нам основание предполагать наличие летних переправ и зимних санных путей.

Комплекс социально-экономической информации, присутствующей на карте Акима Клешнина, позволяет довольно подробно воссоздать пространственное расположение помимо объектов административного устройства, еще церковных и промышленных объектов, с очевидностью вписывавшихся в достаточно развитую транспортную инфраструктуру.

При изучении социально-экономической информации, отраженной на данной карте, перед исследователем встает проблема ее наиболее полного извлечения из этого ценнейшего источника. Использование первичной полевой документации и топонимического компонента, определение принципов генерализации карты позволяет учесть степень точности картографического произведения, выделить то, что в нем заслуживает доверия и что нуждается в перепроверке по другим источникам.

Информативная ценность карты Акима Клешнина в значительной степени определена тем, что она позволяет локализовать на местности множество объектов, известных по другим письменным источникам. Существовавшие в начале XVIII века в Олонецкой Карелии населенные пункты показаны ее составителем практически исчерпывающим образом. Это позволяет рассматривать карту как источник массовой информации, своего рода список населенных мест в картографической форме. То, что изучаемая карта явилась первым опытом картографирования всей территории Олонецкого уезда, делает ее абсолютно информативным источником и одновременно неоценимо важным вспомогательным средством для научных исследований в области истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

*Исследование осуществляется в рамках проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом, № 05-01-12123в

[1] Один из немногих дошедших до наших дней экземпляров Атласа Всероссийской империи 1734 г. хранится в Отделе картографических материалов Библиотеки Академии Наук в Санкт-Петербурге.

[2] Постников А. В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989. С. 39.

[3] Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины А. Плещеева и подьячего С. Кузьмина 1582/83 гг. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987.Т. III. С. 35-341.

[4] См.: Новлянская М. Г. И. К. Кирилов и его атлас Всероссийской империи. – М.-Л., 1958. С. 47; Пименов В., Эпштейн Е. Карелия глазами путешественников и исследователей XVIII и XIX вв. Петрозаводск, 1969. С. 21.

* * *

Н.В. Соколова

Хозяйственная документация нижегородских монастырей как исторический источник (XVII – первая половина XVIII в.)

Обращение к материалам нижегородских монастырей, прежде всего крупнейших – Вознесенского Печерского, Благовещенского, Макарьевского Желтоводского – позволяет в определенной мере восполнить пробелы в освещении многих сторон сельскохозяйственного производства применительно к такому недостаточно изученному региону, как Среднее Поволжье. Высокая степень концентрации владений данных монастырей в основном в Нижегородском Поволжье дает возможность не только охарактеризовать различные аспекты развития монастырского хозяйства, но и выявить черты общего и особенного в сравнении с другими земельными собственниками края. Являясь крупными феодалами региона, они в тоже время могут быть отнесены к разряду средних монастырей-землевладельцев в масштабе всей страны, что также увеличивало интерес к данным вотчинам, ибо в историографии предпочтение, как известно, отдавалось крупному монастырскому землевладению и хозяйству. Выбор данных монастырей позволил исследовать деятельность духовных феодалов-землевладельцев, имевших как неодинаковые природно-климатические, почвенные, наконец, материальные условия хозяйствования, так и различный опыт ведения сельскохозяйственного производства на данной территории (древние Печерский и Благовещенский монастыри и восстановленный в XVII в. Макарьевский).

Поскольку хозяйственная документация не имела в глазах монастырской администрации той безусловной ценности, которой обладали грамоты, удостоверяющие права феодала на землю, то и, как правило, не копировалась, а потому была в значительной мере утеряна при разнообразных бедствиях, например, пожарах или оползнях, в результате повторного использования в качестве черновиков и т.д. В то же время в кратко- и среднесрочной перспективе некоторые разновидности этих документов были чрезвычайно важны, как для самого монастыря, так и для крестьян. Потому, например, расписки в произведенных платежах тщательно хранились, частью в самом монастыре, частью – у крестьянских мирских старост или в церкви[1]. Больше сохранилось до наших дней документов, полученных мирскими выборными крестьянами при уплате государственных налогов с той или иной части монастырской вотчины, а также те, что подтверждали уплату государственных налогов за все владения данного феодала (независимо

Соколова Наталья Викторовна, к.и.н., МГУ (Москва)

от того, кем она была произведена – вотчинными крестьянами, подрядчиком или монастырскими слугами). Такие расписки обычно оказывались на хранении в монастырской казенной палате, где нередко включались в описи наряду с актами на землю и документами, подтверждающими права на крестьян. Отсутствие сохранившихся мирских и личных крестьянских архивов, относящихся к нижегородским монастырским вотчинам, объясняет крайне малое количество расписок, выданных монастырскими властями при уплате владельческих податей[2], а также при сборе государственных налогов с сел в монастырскую казну для дальнейшей централизованной их посылки к месту уплаты.

Следует отметить, что определенная часть монастырских хозяйственных документов была потеряна в уже XIX в., так как первичная обработка нижегородских монастырских архивов производилась в период, когда господствовал историко-юридический подход к изучению истории России и соответствующим образом производился отбор документального материала, вопросы экономической истории мало или совсем не интересовали исследователей. Наконец, некоторая часть хозяйственной документации, прежде всего проводившиеся властями описания монастырей и их вотчин, а также «ведомости», подававшиеся духовными корпорациями в XVIII в., практически сразу оказывались вне монастырских архивов, и степень сохранности корпуса подобных источников обусловлена особенностями делопроизводства соответствующего ведомства и перипетиями уже их истории.

В целом, хозяйственная документация нижегородских монастырей весьма неравномерно распределена в рассматриваемых хронологических рамках. Изучение монастырского хозяйства в XVII – первой половине XVIII в. предполагает сплошной просмотр монастырских архивов с целью выявления всей совокупности источников, основой которого являются комплекс делопроизводственной документации духовных корпораций, а также хозяйственные книги.

Наказы (наказные памяти) и позднейшие вотчинные инструкции посельским, являясь документами распорядительного вида, регулировавшими не только деятельность вотчинных управителей, но и их взаимоотношения с крестьянами и общиной, стали важными источниками для изучения не только истории земледелия и вотчинного хозяйства, но и крестьянского хозяйства и общины. Исследователям известны две наказные памяти посельским старцам и наказ замолотному старцу из архива Печерского монастыря, которые были опубликованы еще в XIX в. Наиболее ранняя наказная память старцу, направляемому на поселье в села Никольское и Рубльское, датирована 9 января 1658 г.[3] По-видимому именно она (или аналогичная более поздняя наказная память) имелась в виду в более кратком наказе от 14 июля 1674 г. старцу Печерского монастыря Иякову, отправлявшемуся в то же село Рубль-

ское: «А наказную память ему старцу Иякову взять у него старца Ефрема и по той наказной памяти о монастырских всяких делах радеть неоплошно и монастырских крестьян ведати и судити и расправа меж ими чинити и оборон давати и указные монастырские пошлины сбирати»)[4]. В памяти замолотному старцу в селе Коропово того же монастыря от 26 сентября 1679 г. предписывает быть ему «о хлебном строении радеть с посельским старцем Гаврилом и с старостою вместе»[5].

Единственная сохранившаяся нижегородская монастырская вотчинная инструкция не опубликована. Она датирована 9 ноября 1731 г. и адресована монаху Макарьевского монастыря Мартирию, определенному взамен прежнего посельского старца Германа в вотчины в верховьях и среднем течении реки Керженец (Троицкий погост, села Пятницкое, Святицы и Лыковщину). Инструкция состоит из 22 пунктов, а ее содержание в значительной степени определялось формой ренты в данной монастырской вотчине, что позволяет выявить специфику организации хозяйства и управления в оброчной деревне[6].

Реальная практика управления вотчинами и различные аспекты монастырского хозяйства отражаются во внутривотчинной переписке, в докладных посельских старцев и приказчиков, письмах московских монастырских стряпчих, «памятях» архимандрита и келаря в села вотчины по тем или иным текущим вопросам управления.

Монастырские хозяйственные книги по своему содержанию могут быть подразделены на два вида – учетно-статические и учетно-динамические. К первому относятся, в первую очередь, все описания монастырей, их вотчин и хозяйства. Так, огромную ценность представляют описные книги церковных владений, которые составлялись в связи с передачей в 1701 г. управления ими в руки вновь созданного Монастырского приказа. Описание монастырей и их вотчин в Нижегородском уезде проводил стольник Иван Борисович Вельяминов, его рукоприкладство присутствует на всех нижегородских тетрадях. На сегодняшний день выявлены описания всех наиболее значимых нижегородских монастырей, датированные 1701-1702 гг. Все четыре рукописи в 10, в кожаных переплетах, бумага содержит филиграни «Герб Амстердама» и «Голова шута» (оба типа – в нескольких вариантах).

Описная книга Нижегородского Печерского монастыря представляет собой рукопись на 643 листах. В том же переплете находятся описания села Коропово в Курмышском уезде, села Плесцо во Владимирском уезде, приписного Кидекшского монастыря и его вотчин в Суздальском уезде, выполненные другими писцами[7]. Еще в одном сборнике переплетены описания ряда других монастырей Нижнего Новгорода и уезда, например, Нижегородского Духова, Нижегородского Зачатьевского, Оранской пустыни, Троицкого Княгининского, Богородицкого Лысковского и др.[8]

Описания Благовещенского, Макарьевского и Амвросиева Дудина монастырей не были учтены в приложении к монографии И.А. Булыгина о монастырских крестьянах[9]. Макарьевская книга обнаружена автором и впервые введена в научный оборот в 1985 г. Рукопись содержит на 728 листах описание самого монастыря, а также приписных Архидьяконовской, Боговской и Богороцковской пустыней[10]. Книги по Благовещенскому монастырю сохранилась в составе сборника описаний патриарших владений и составляют бульшую его часть[11]. Рукопись содержат описания самого монастыря и его вотчин, а также приписной Медянской пустыни в Алатырском уезде. В этом же сборнике находится и книга Амвросиева Дудина монастыря[12].

И.А. Булыгин считал, что содержание рукописей достаточно различно, потому что в наказах переписчикам не было четко сформулированной программы. Однако, если рассмотреть весь комплекс нижегородских монастырских книг, то приходишь к выводу, что описания одного и того же писца – в данном случае Ивана Борисовича Вельяминова – проводились практически по единой схеме, возможно, восходящей к наказу из Монастырского приказа «за приписью дьяка Герасима Потапиева», упоминаемому в преамбуле рукописей. В нижегородских книгах подробно описаны сами монастыри: церкви, находящаяся в них церковная утварь, одежда, книги, денежная казна, жалованные грамоты и другие вотчинные крепости, монастырская ограда, башни, вооружение, хозяйственные постройки, запасы хлеба, скот, орудия труда, монахи, слуги, служебники, различные ремесленные и мастеровые люди.

Следует отметить, что в описании было зафиксировано состояние не только самого монастыря, но и монастырских вотчин, если таковые имелись. Источники содержат, в частности, описания монастырских дворов в селах, житниц и прочих хозяйственных построек в селах, перечень крестьянских и бобыльских дворов в селах и деревнях, их повинностей, оброчных статей (мельниц, рыбных ловель и перевозов). Таким образом, нижегородские монастырские книги 1701-1702 гг. дают достаточно полную картину организации монастырского хозяйства в крае. В них освещены такие важные вопросы, как землевладение монастырей, основные отрасли монастырского хозяйства, рентные отношения в монастырской деревне и пр.

Однако описания, предусматривающие полный охват всех корпоративных земельных собственников, были редки. Еще одной попыткой создать такой кадастр были так называемые «офицерские описи» накануне секуляризации. Имеющиеся в нашем распоряжении рукописи по курмышским, алатырским, симбирским, владимирским, саранским вотчинам нижегородских монастырей[13] позволяют рассматривать многие вопросы феодального хозяйства, крестьянские повинности в динамике.

Отсутствие данного источника по Нижегородскому уезду может быть компенсировано, к сожалению, лишь применительно к Печерскому монастырю. Речь идет о ведомости, поданной властями монастыря в 1763 г.[14], которая по основному кругу рассматриваемых в ней вопросов тесно примыкает к «офицерским описям». В совокупности с офицерскими описями она позволяет получить практически полную картину состояния вотчин данного феодала накануне секуляризационной реформы.

Значительно чаще причины описания монастыря носили более частный характера, например, смена архимандрита, как в случае с описью Печерского монастыря 1638 г., пожар, как при составлении книг 1718 и 1722 гг. Благовещенского монастыря, передача монастыря в ведение более крупного духовного феодала (опись приписной Архидьяконовской пустыни 1686 г.)[15]. Такие книги часто не содержат описания монастырских сел, следовательно, освещенным оказывается более узкий круг вопросов, главным образом, состояние самого монастыря, хозяйственная деятельность непосредственно у монастырских стен.

Наконец, к данной разновидности хозяйственных книг может быть отнесена документация, возникавшая в результате деятельности представителей монастырских властей в селах, в частности описания отдельных монастырских служб и целых вотчин, составленные в связи с передачей управления ими от одного посельского старца другому. Подворные описания вотчин с указанием вытного тягла (иногда с пометами о его текущих корректировках) позволяют не только выяснить степень эксплуатации в монастырской деревне, тяжесть владельческих повинностей в расчете на отдельный двор и д.м.п., обеспеченность крестьян рабочим и продуктивным скотом, но и определить основные факторы, влиявшие на «прожиточность» крестьянского хозяйства. Особый интерес представляют, например, «Росписи раскладки тягла» по отдельным дворам, составленные в 60-х гг. XVII в. в Высоковской волости Печерского монастыря, в 1694 и 1700 гг. – в алатырских владениях Макарьевского монастыря[16].

Книги учетно-динамического вида показывают монастырское хозяйство в динамике, т.е. за тот или иной промежуток времени. К этой категории относятся приходно-расходные книги, как денежные, так и хлебные, ужинно-умолотные книги, тетради отдачи крестьянам земель и других угодий на оброк, денег и хлеба в качестве ссуды, книги собираемых пошлин, вкладные книги. Поскольку подобные источники в фондах нижегородских монастырей немногочисленны и фрагментарны, приходится констатировать целесообразность использования как первичных хозяйственных книг, так и итоговых сведений из них, содержащихся в различных ведомостях и «счетных списках».

Наряду с приходно-расходными книгами самих монастырей огромный интерес представляет собой подобная документация

крестьянских общин, в которых раскрывается механизм сбора и уплаты крестьянами владельческих и государственных повинностей, их виды и размер, а также содержится информация о структуре и функциях крестьянской общины, раскрываются отдельные стороны деятельности институтов мирского самоуправления в монастырской деревне. Книги мирских старост вотчин Печерского монастыря 1635/1636 гг., которые являются наиболее ранними из известных на сегодня исследователям подобных источников, относящихся к сельской общине в Центральной России, недавно опубликованы[17]. Весьма информативны книги старост вотчин Благовещенского монастыря 1740 г. (села Мигино, Столбищи, Плотинское, Рознежье, Великовское [Архангельское], Гнилицы).[18]

Как хозяйственные документы учетно-динамического характера могут быть охарактеризованы монастырские вкладные книги. Вкладная книга Печерского монастыря привлекала внимание исследователей еще в XIX в., была опубликована в 1898 г. А.А.Титовым. Рукопись в 10, на 191 листе, написанная полууставом и скорописью, в кожаном переплете с остатками тиснения и медных застежек хранится в Нижегородском историко-архитектурном музее-заповеднике. Книга начата в 1691/1692 г. при архимандрите Епифании, но включает в себя список с более ранней Вкладной 1641 г. Данный источник позволяет изучить одну из важнейших для XVII в. статей монастырского бюджета[19].

Усиление вмешательства государства в дела монастырских вотчин в XVIII в. приводит к появлению новой группы источников хозяйственного содержания. Правительственные учреждения требуют частой присылки «ведомостей» по самым разнообразным вопросам, касающимся различных сторон деятельности монастырей, которые сформулированы в виде «пунктов». Выявлены, в частности, ведомости Благовещенского монастыря 1724, 1737, 1745 и 1753 гг., Печерского монастыря 1727, 1741, 1760, 1763 гг., Макарьевского монастыря 1725, 1727, 1741 гг.[20] Большинство ведомостей содержит общие сведения о состоянии монастырской вотчины, а также конкретную информацию о количестве десятинной пашни, высеваемых культурах и их удельном весе, общем объеме получаемого хлеба, скотоводстве и других отраслях хозяйства феодалов на момент их составления.

Отсутствие одновременных ведомостей и приходно-расходных книг не позволяет проверить достоверность и полноту подаваемых монастырями в вышестоящие инстанции данных. В этой связи показательны расхождения по целому ряду пунктов в ведомостях Благовещенского монастыря 1724 г. и книге по всем церковным владениям в Нижегородском епархии 1727 г.[21] Можно предположить, что монастырские власти, напуганные правительственными мероприятиями начала столетия в отношении церковного землевладения, стремились утаить хотя бы часть своих доходов. Поэтому к сведениям

данного вида источников следует подходить с максимальной осторожностью, учитывая возможность преуменьшения доходных статей монастырского бюджета, особенно если проверка ведомостей государством не предусматривалась.

В некоторые ведомости XVIII в. наряду с данными о состоянии монастырского хозяйства на момент их подачи включены подробные выписи из документов за предшествующие годы. Например, книга Печерского монастыря из фонда рукописей Синода РГИА[22], датированная 1721 г., содержит интереснейшие данные с 1710 г. о монастырских доходах и расходах, как хлебных, так и денежных, о населении монастырских вотчин (по переписям 1678, 1710 гг. и первой ревизии) и его повинностях, о десятинной пашне, монастырском стаде и пр. Особый интерес представляют подробные данные ужинно-умолотных книг по отдельным селам за 1710-1720 гг., которые дают уникальную возможность не только выяснить общее количество производимого хлеба, основные виды зерновых культур и соотношение посевных площадей под ними, но и определить реальную, а не усредненную урожайность на десятинной пашне разного качества за довольно длительный отрезок времени. В сочетании с данными других источников удалось проследить урожайность за 14 лет (1710-1723 гг.) по всем культурам, а по ржи – до 1726 г.[23]

Значительная часть этих источников были впервые введена в научный оборот в кандидатской диссертации на тему «Монастырское землевладение и хозяйство в Нижегородском крае в XVII – первой половине XVIII в.», защищенной в феврале 1991 г. на Историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Существенно доработанная и расширенная – прежде всего за счет источников, обнаруженных в последние годы – рукопись сейчас готовится к публикации. Несмотря на ряд неизбежных ограничений и издержек, которые влечет за собой характер документальной базы, анализ всей совокупности хозяйственной документации нижегородских монастырей из архивов Москвы, Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода позволяет получить в целом достаточно репрезентативную картину развития монастырского хозяйства в Нижегородском крае в рассматриваемый период.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Так, макарьевская инструкция посельскому старцу (1731 г.) предписывала, взяв их у старост, собрать «в особливую коробу и тое коробью держать в охранении в церкви» (Центральный архив Нижегородской области [далее – ЦАНО]. Ф. 998. Оп. 588. Д. 751а).

[2] «А в которое время платят они в монастырь какие платежи, и в тех платежах берут отпись порознь за монастырскою казенною печатью» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 54. Л. 766).

[3] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1851. № 43; ЦАНО. Д. 304.

[4] Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изданы Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1864. № 230 (XXIII).

[5] Там же. № 230 (XXVIII).

[6] ЦАНО. Ф. 998. Оп. 588. Д. 751а. Л. 97-101 об. См.: Соколова Н.В. Община и мирское самоуправление в нижегородской монастырской деревне (30-е гг. XVIII в.) // XII Чтения памяти профессора С.И. Архангельского / Материалы международной конференции. Ч. II. Нижний Новгород, 2001. С. 168-179.

[7] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 22.

[8] Там же. Д. 30.

[9] Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977. С. 311-325.

[10] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 56. Соколова Н.В. Хозяйственно-торговая деятельность Макарьевского монастыря в XVII в. // Верхнее и Среднее Поволжье в период феодализма. Горький. 1985. С. 43-49.

[11] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 54. Л. 360-885.

[12] Там же. Д. 54. Л. 71-359.

[13] РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 42, 295, 430, 630.

[14] ЦАНО. Ф. 579. Оп. 604. Д. 11.

[15] ГИМ ОР. Увар. 980б – 40 (1715); РГАДА. Ф. 281. Оп. 5. Д. 8208; РНБ ОР. Ф. 659. Оп. 951а. Д. 27; ЦАНО. Ф. 578. Оп. 1. Д. 1, 2.

[16] См.: Соколова Н.В. Окладные книги как источник для изучения социальных микроструктур нижегородской монастырской деревни 60-90-х гг. XVII в. // Лествица: Материалы научной конференции по проблемам источниковедения и историографии памяти В.П. Макарихина. Нижегородский государственный университет (22 мая 2003 г.). Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. С. 206-217

[17] Соколова Н.В. Приходо-расходная книга мирского старосты 1635/1636 годов как исторический источник // Мининские чтения: Материалы научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (29-30 октября 2004 г.). Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. С. 263-283.

[18] Книги использованы: Соколова Н.В. Община и мирское самоуправление в нижегородской монастырской деревне (30-е гг. XVIII в.) // XII Чтения памяти профессора С.И. Архангельского / Материалы международной конференции. Ч. II. Нижний Новгород, 2001. С. 168-179.

[19] Нижегородский историко-архитектурный музей-заповедник. № 13746; Вкладная книга Нижегородского Печерского монастыря. М., 1898.

[20] Описание документов и дел, хранящихся в Архиве святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1913. Т. 21. Приложение IV. С. 951-1010; РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 580; Оп. 18. Д. 341; Оп. 27. Д. 30; РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 157; РГБ ОР. Ф. 29. Оп. 1. Д. 122; ЦАНО. Ф. 578. Оп. 1. Д. 9; Ф. 579. Оп. 604. Д. 10, 11.

[21] РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 157; РГБ ОР. Ф. 29. Оп. 1. Д. 122.

[22] РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1915. Рукопись в 10, на 219 листах, переплет кожа.

[23] Соколова Н.В. Урожайность зерновых в Нижегородском крае в первой половине XVIII в. (по материалам монастырских вотчин) // Россия в средние века и новое время. Сборник статей к 70-летию чл.-корр. РАН Л.В. Милова. М., 1999. С. 216-239.

* * *

С.В. Стрельников

К изучению межевых книг Троице-Сергиева монастыря середины XVI в.*

Межевые книги Троице-Сергиева монастыря середины XVI в. – уникальный источник по истории церковно-монастырского и светского землевладения, сопоставимый по своему значению с такими документами 1550-х гг. как Тысячная книга и Дворовая тетрадь. Межевание троицких владений, охватившее 12 уездов Русского государства, позволяет определить не только границы монастырских владений, но и состояние служилого землевладения в доопричный период. Так, уже в 50-е гг. XVI в. родовое владение князей Курбских - село Курба (Курбское) – находилось в поместье за князем И.Д. Бельским.

Межевые книги как разновидность писцовой документации возникли в середине XVI в. Их предтечей в более ранний период являлись межевые, отводные и дозорные грамоты, которые после возникновения межевых книг не исчезли, а продолжали сосуществовать.

Во второй половине 50-х гг. XVI в. в Русском государстве было предпринято широкомасштабное межевание земель крупнейшего духовного феодала страны – Троице-Сергиева монастыря. Это мероприятие было осуществлено по инициативе правительства с целью урегулирования земельных споров с монастырем. Оно было проведено двумя межевыми комиссиями по всем уездам, где находились монастырские владения. Первая комиссия (кн. 20) под руководством князя Ивана Дмитриевича Ростовского и подьячего Муртозы Никитина сына Чуфарова провела межевание в 7064 (1555/56) г. и 7065 (1556/57) г. Смена руководителя межевого описания князя И.Д. Ростовского на князя Андрея Ивановича Стародубского ознаменовала деятельность комиссии (кн. 254) 7066 (1557/58) г. В том же 7066 (1557/58) г. и 7067 (1558/59) г. последнего сменил князь Петр Ромодановский.

Стрельников Сергей Витальевич, к.и.н., докторант. СПбГУ (Санкт-Петербург)

Межевые книги фонда Поместного приказа № 20 и № 254 были известны еще дореволюционным исследователям (П.И. Иванов, К.А. Неволин, И.Ф. Токмаков, С.В. Рождественский и И.Е. Герман), однако первые опыты по источниковедческому изучению межевых книг относятся к середине XX в., когда в отечественной науке особенно активно велось изучение различных сторон социально-экономической истории государства и общества.

Межевые книги Троице-Сергиева монастыря применительно к Переяславскому уезду были рассмотрены Ю.Г. Алексеевым и С.З. Черновым. Позднее В.Б. Кобрин и другие исследователи не раз обращались к межевым книгам относительно различных аспектов русской истории XV-XVI в. В 80-90-е гг. XX в. М.С. Черкасова достаточно часто привлекала межевые книги для создания общей картины складывания вотчины Троице-Сергиева монастыря. Однако историко-географическое значение межевых книг исследователями по достоинству еще не оценено.

Сопоставление троицких межевых книг середины XVI в. с другими источниками приводит к необходимости рассмотрения вопроса о степени их достоверности. В качестве примера можно привести фрагмент из межевых книг, относящийся к межеванию Ростовского уезда. Так, по троицкой межевой книге 1555/56-1556/57 гг. за князем И.Д. Бельским в поместье числилось село (сельцо) Спасское. Однако история села по актовому материалу заставляет усомниться в его владельческом статусе. Незадолго перед смертью в 1542 г. И.И. Челяднин завещал село, примыкавшее к комплексу вотчинных владений Челядниных, своей сестре Марфе и ее детям. Марфа была замужем за князем Д.Ф.Бельским. Таким образом, приданое Марфы являлось вотчинным владением, поскольку в этом статусе было передано жене князя Д.Ф.Бельского, от которого И.Д. Бельский и унаследовал село. В 1575 г. Кирилло-Белозерский монастырь получил от Ивана IV жалованную вотчинную грамоту на сельцо Спасское с деревнями по душе погибшего в майском пожаре 1571 г. князя И.Д.Бельского из его же вотчины. Следовательно, за 30 лет владение, судя по документам, дважды поменяло свой статус: от вотчины к поместью и снова к вотчине. Известны случаи, когда владельцы вотчин отписывали свои земли на государя и вновь их получали, но уже на поместном праве. Однако большие сомнения вызывает подобная мобильность земельной собственности за сравнительно небольшой срок и в рамках одной семьи. Скорее всего, мы имеем дело с неточностью или небрежностью писцов, проводивших межевание.

Являлась ли данная ошибка случайной или же была закономерной? Для решения этого вопроса необходимо обратиться к самим троицким межевым книгам. Межевые книги по Ростовскому уезду следующим образом проводят разделение владельческого статуса. При определении

земли в качестве вотчины или поместья выясняется, что в 8 случаях статус владения указан в качестве вотчины, в 9 – поместье, а в 15 случаях статус владения вовсе не определен. То есть в половине межеваний поместных и вотчинных владений их статус определен как «земля» («земля Василья Гиреева», «земля Фомы Иванова сына Третьякова» и т.д.). При этом из термина «земля» нельзя определить обозначали ли так поместье или вотчину. При межевании владений князя И.А. Булгакова и Т. Есипова их статус определен как «земля», но чуть позже встречаем уточнение «вотчина». Аналогично и с «землей» П. Зюзина, только здесь уточняется – «поместье». Подобная нейтральность прослеживается и в статусе владений черносошных и дворцовых земель. Для них характерно общее обозначение «земля царя великого князя». Вероятно, это неслучайно. Писцам, проводившим межевание троицких вотчин, был не важен владельческий статус смежных земель. Они не занимались проверкой владельческих прав соседних с Троице-Сергиевым монастырем территорий, поскольку это не входило в их компетенцию. Основной задачей межевщиков было определение «межи» и «граней», то есть границ земельных владений Троице-Сергиева монастыря.

Следует также отметить, что, помимо троицких межевых книг 50-х гг., сохранился ряд документов 20-50-х гг. XVI в., возникших в результате земельных тяжб. Эти источники (судные списки, межевые, разъезжие, указные и правые грамоты) отразили в себе межевания троицких владений (преимущественно, по Бежецкому Верху) более раннего периода. Сопоставление их с общим межеванием троицкой вотчины 50-х гг. позволяет выявить текстологическое сходство по отдельным фрагментам межеваний. Вероятно, при общем межевании 50-х гг. шла сверка с предыдущими межеваниями, но при фиксировании различных изменений («копаны ямы», «ямы старые и новые» и т.п.).

Публикация самих межевых книг Троице-Сергиева середины XVI в. позволит исследователям увидеть многие научные проблемы в новом ракурсе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Работа осуществлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-01-01378а

* * *

Е.Д. Суслова

Писцовая книга Заонежских погостов 1616–1619 гг. как источник по истории церкви в Карелии Раннего нового времени*

Писцовая книга Заонежских погостов 1616–1619 гг.[1] позволяет изучить широкий спектр вопросов, касающихся истории церкви в Карелии Раннего нового времени – от установления статуса церковной прихрамовой земли до реконструкции священнических родов. Цель исследования на данном этапе работы заключается в выявлении состояния церквей, особенностей состава низшего духовенства и его положения в Заонежских погостах после Смуты. Комплекс задач предусматривает не только определение количества церквей, дворов и келий причта, численности клира, но и выяснение особенностей процесса восстановления разрушенных, появления новых храмов и причетницких дворов, а также изменения состава низшего духовенства в минувшее лихолетье. Это обусловило привлечение к анализу помимо писцовой книги Заонежских погостов 1616–1619 гг., составленной Петром Воейковым и подьячим Иваном Льговским[2], материалов предшествующего описания 1582/83 г. Андрея Плещеева и подьячего Семейки Козьмина[3].

«Заонежскими погостами» традиционно называют территорию 17-ти погостов. Однако Выгозерский погост, в котором писцовая книга 1582/83 г. зафиксировала наличие 10 церквей[4], в описание 1616–1619 гг. не был включен. В целях корректного сопоставления информации двух массовых источников Выгозерье на данном этапе исследования из анализа исключено. В дальнейшем предполагается привлечение материалов и по данному региону. Неравномерно распределились сведения о монастырях, что связано, как представляется, с особенностями составления писцовых описаний. Если в книге 1582/83 г. имеется одиннадцать упоминаний о монашеских обителях и пустынях, стоявших в Заонежских погостах, то в 1616–1619 гг. – всего девять. В то время как в описании начала 80-х гг. XVI века отсутствует Александро-Свирский монастырь, в конце второго десятилетия XVII века писцы как-будто бы упустили из виду известные их предшественникам Ондрусовский в Ильинском, Вознесенский в Оштинском, Яшозерский и Брусненский в Остречинском погостах, а также Троицкую пустынь на Лужандаозере в Вытегорском погосте[5]. Отметим, что в 16-ти погостах за прошедшие тридцать с небольшим лет увеличилось с 43-х до 55-ти

Суслова Евгения Дмитриевна, ст. лаборант Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии ПетрГУ (Петрозаводск)

количество выставок, в которых писцом зафиксировано наличие храма или церковного места.

Писцовые книги отразили состояние края после двух опустошительных разорений – начала 80-х гг. XVI в. и второй половины 10-х гг. XVII в. Как известно, в ходе Ливонской войны (1558–1583 гг.) весной 1580 г. – летом 1581 г. территория южной и юго-западной части региона (погосты Ильинский, Олонецкий, Пиркинский, Важенский, Вытегорский) подверглась опустошению в результате разорительных походов шведских отрядов под командованием Клауса Флемминга и Горна, насчитывавших около 5 тыс. чел.[6] Агрессия на территории непосредственно Заонежских погостов прекратилась только после подписания Плюсского перемирия в 1583 г.

Еще более масштабным явилось разорение, последовавшее спустя тридцать лет. В конце 1612 – начале 1613 гг. черкасы, являвшиеся подданными польской короны, были оттеснены вооруженными отрядами земского ополчения из центральных областей на окраины. Часть из них бежала в оккупированный шведами Новгород. Нанятые «королевского величества воеводами» Якобом Делагарди и князем Иваном Одоевским два черкасских отряда общей численностью в 2 тыс. чел. под предводительством атаманов Барышпольца и Сидорка на протяжение 1613–1614 гг. разоряли Заонежские погосты[7]. Они прошли походом от южного и юго-восточного побережья Онеги до Холмогор и Архангельска, и далее от Сумского острога до острожков под Шуньгой и Толвуей. Разорению подвергалось все, что встречалось на пути. Несмотря на серьезное поражение в январе 1614 г. в столкновении у Падмозера в шести верстах от Толвуи, где черкасы потеряли около 1500 чел., их отдельные разрозненные и деморализованные отряды подобно воровским шайкам беспощадно грабили и сжигали окрестные села в различных погостах вплоть до 1619 г.[8] Особенно сильному опустошению подверглись территории Олонецкого, Ильинского и Пиркинского погостов, когда весной 1614 г. дислоцировавшийся на северо-западном побережье Ладоги шведский отряд Ганса Мунка в составе двухсот человек попытался развить наступление на Белозерье, но был остановлен под Сермаксой, расположенной южнее Олонца на реке Свирь[9].

Р. Б. Мюллер и И. А. Чернякова пришли к выводу, что разорение начала 1580-х гг. было не таким значительным и губительным, как та катастрофическая и страшная разруха, которую вызвали события начала XVII века[10]. Оценивая последствия Смуты, И. А. Чернякова указывает, что население мужского пола, насчитывавшее в 1563 г. около 7580 чел. снизилось в 1582/83 г. до 5136 чел., а в 1616–1619 гг. до 4373 чел., то есть по сравнению с 1563 г. практически вдвое. Более половины дворов в 1616–1619 гг., по ее подсчетам, были разорены дотла. Если в 1582/83 г.

их общее количество составляло около 6200, то в 1616–1619 гг. – всего лишь 4200[11]. Небывалой величины достигли размеры пустующей пашни. Как выяснила Р. Б. Мюллер, в 1582/83 г. пустовало от 45 до 81% запашки[12]. Менее чем через тридцать лет, по сведениям И.А. Черняковой, в отдельных погостах «впусте» лежало до 97%, и нигде на «черных землях» объем запустения не составлял ниже 88%[13]. Опустошение края и последовавший тяжелый экономический кризис не могли не отразиться на состоянии церквей, на положении и судьбах служившего при них духовенства и причта.

Как показывает анализ информации двух писцовых книг, несмотря на катаклизмы последней трети XVI-го и начала XVII вв., количество церквей увеличилось с 78-ми до 102-х, то есть на 9%. Отметим, что в 1582/83 г. источник упоминает о 20-ти разрушенных храмах или церковных местах, а три десятилетия спустя – лишь о 12-ти. Сравнительно низкий процент разрушенных по данным на 1616–1619 гг. храмов по сравнению с 1582 г. может вызвать недоумение в свете приведенных выше данных и выводов о катастрофической разрухе края после Смуты. Видимое впечатление снимает учет специфики условий, в которых составлялись описания. Тогда как Андрей Плещеев и подьячий Семейка Кузьмин обходили Заонежские погосты, фиксируя разрушения, непосредственно после опустошительных походов шведов 1580–1581 гг., Петр Воейков и подьячий Иван Лговской описывали Заонежские погосты спустя три-четыре года после драматических по своим последствиям событий 1613–1614 гг. Причем составление писцовой книги велось на протяжение еще четырех лет. В историографии отмечено, что уже по данным дозора Тимофея Свиблова и Сутормы Коротнева 1613/14 г. в отдельных районах наблюдалось начало процесса восстановления хозяйства, а следовательно, церквей[14]. В 1616–1619 гг. данный процесс протекал еще более интенсивно. Представляется, что состояние той или иной церкви зависело от того, как много времени прошло со времени разорения до появления писцовой комиссии. Вполне вероятно, что многие храмы, зафиксированные в 1616–1619 гг. как действующие, на самом деле могли быть разрушены, но оказались в скором времени восстановлены. Для более конкретных суждений о том, какие из храмов все-таки пострадали в период Смуты, хотя писцовая книга об этом прямо не сообщает, необходимо детальное отслеживание архитектурного облика церквей и близлежащих построек на основании тщательного анализа источников.

Отметим, что за рассматриваемое 30-летие появилось более двадцати новых церквей (21). Большая часть из них располагалась в выставках (14), монастырях и пустынях, основанных в период между писцовыми описаниями (4). Упоминая четыре вновь поставленные выставочные церкви: Св. Николая Чудотворца в деревне Потаповской (Погаченицы)

в Важенском погосте, Св. мученика Георгия в Негижме Шальского погоста, а также Преображения Христова в Пяжозере в Шимозерской волостке Оштинского погоста, писец в каждом случае указал, что они находились вблизи или на месте прежних часовен, известных еще в 1582/83 г.[15] Данный факт свидетельствует о процессе постепенного формирования новых церковных приходов на основе развития приходов часовенных. Появление еще четырех церквей было связано с основанием Соломенской пустыни «на усть реки Шуи у Онего озера на берегу на Соломяни», Вашеозерского монастыря «на острову на чорном лесу... промеж Кижсково и Шуйсково погостов», а также расширением монастыря на Машеозере в Остречинском погосте[16].

Анализ писцовой книги в сравнении с данными предшествующего описания показывает, что общее количество клириков в церквах Заонежских погостов за истекшее между описаниями время мало изменилось. И в 1582/83 г., и в 1616–1619 гг. на погостах, в выставках и в монастырях служило около 190 человек. Это создает впечатление стабильности численности духовенства в крае. Предварительный анализ состояния дворов клира тем не менее показал, что за минувшее тридцатилетие число пустых и разрушенных дворов увеличилось с 24-х до 35-ти, то есть на 4%. Однако данный факт не отображает всей глубины сложной исторической действительности и нуждается в корректировке путем выявления положения каждой группы низшего духовенства и церковных причетников.

Иереи, чей духовный сан позволял осуществлять важнейшие из церковных таинств, составляли самую большую часть местного церковного клира. Из 190 человек 75 являлись священниками в 1582/83 г., и 80 – в 1616–1619 гг. На первый взгляд может показаться, что их численность за минувшую четверть века существенно не изменилась (40–41%). Однако тщательный анализ информации о состоянии 77-ми дворов белых священников показывает каким далеким от действительного является это видимое впечатление. Очевидно, наиболее благоприятным по сравнению с прочими было положение 52-х иереев, которые проживали в собственных дворах. Еще восемь человек, служивших в выставочных церквах, жили «для пустоты» в тяглых деревнях[17]. В подобных условиях священникам приходилось нелегко. Их имущество, по всей видимости, было разграблено, и надо было начинать жизнь с отстраивания заново сожженных в лихолетье дворов. Два священника, служившие на Олонце – попы Лазарь и Парфений – нашли приют «на время по деревням в суседях у крестьян»[18], надеясь на восстановление с помощью прихожан собственных дворов на погосте у церкви. Обстоятельства жизни прочих иереев были еще более драматичными. Четверо, служившие в выставочных церквах Толвуйского, Важенского, Оштинского и Остречинского погостов, «сошли

безвестно» от разоренья[19]. Еще двое были убиты в 1613/14 г. Так, источник сообщает, что в Оштинском погосте в Щелейцах, где стоял храм Дмитрия Солунского, «во 122-м году попа убили немцы»[20]. Печальные события разыгрались в выставке Яндоба Пиркинского погоста. По свидетельству писцовой комиссии, узнавшей о случившемся от уцелевших местных жителей, «попа и дьячка и пономаря замучили казаки во 122-м, и дворы их сожгли..., а ныне те дворовые места пусты»[21]. Как зафиксировано в документе, еще пять причетницких дворов в соседних приходах пустовало от разоренья[22]. Очевидно и то, что набирал силу процесс восстановления иерейских дворов. Об этом с уверенностью можно говорить исходя из того, что четыре священника отстраивали заново не только свои разрушенные хозяйства, но и церкви[23]. В выставке Тудоозеро Андомского погоста поп Елисей, которого «в войну от литовских и немецких людей... с попадьею литва и казаки мучили и огнем жгли, и сына... убили до смерти», «пришел на старину к церкви». Благодаря личным усилиям и помощи, полученной в ответ на челобитную, он освятил «храм Ильи Пророка..., и книги, и ризы, и все церковное строенье устроил»[24]. Однако, еще четыре двора церковных причетников оставались лишь «местами дворовыми» и по-прежнему находились в состоянии, определенном писцом: «сожжены от войны». В целом анализ писцовых книг показывает, что масштабы процесса восстановления хозяйств иереев являлись незначительными: из семи разрушенных в начале 1580-х гг. лишь два были восстановлены к концу Смуты; к пяти ранее разрушенным дворам после Смуты добавилось еще двенадцать.

Об общей численности церковных дьячков, второй по значению группы клира в Заонежских погостах, можно заметить то же, что мы констатировали, говоря о священниках. На протяжение рассматриваемого тридцатилетнего периода на рубеже XVI–XVII столетий она мало изменилась, составляя около 27% (51–52 из 190 человек). Однако анализ состояния дворов дьячков свидетельствует о еще более заметном снижении уровня их жизни по сравнению с уровнем жизни священников. Если в 1582/83 г. в собственных дворах проживали 45 чел., то в 1616 г. – всего 39. Писцовые книги позволяют также оценить общий масштаб разрушения дворов данной группы причетников. Из 51-го «дворового места», которые упоминаются в писцовой книге 1616–1619 гг., почти в половине (в 35-ти) по-прежнему обитают церковные дьячки, ютясь каким-то образом на пепелищах вместе со своими семьями. Можно думать, что на протяжение периода лихолетья еще больше дворов могли быть подвергнуты разорению, но к приходу писцов уже были отстроены.

Произошло некоторое увеличение численности церковных дьячков, служивших в церквах на погостах. Если в 80-х гг. XVI в. таковых было

18, то уже к концу Смуты – 22 человека. В выставках, наоборот, их стало меньше на шесть человек (34 и 28, соответственно). Из семи пустовавших по данным за 1616–1619 гг. дворов шесть находилось в выставках[25]. Из этого следует, что процесс восстановления хозяйств церковных дьячков, возвращение их на службу к церквам раньше всего наметилось на погостах, имевших больше материальных возможностей для восстановления церковной жизни.

Численность еще одной группы церковных причетников-пономарей – практически не изменилась за изучаемое тридцатилетие. Несмотря на то, что действующих церквей стало заметно больше (мы насчитали их по писцовой книге 1582/83 г. – 78, а по писцовой книге 1616–19 гг. – 102), пономарями служили по-прежнему всего 37–38 чел., или около 19–20%. Данный факт никоим образом не может свидетельствовать о стабильном положении пономарей. Анализ информации о состоянии их дворов показывает, что и в 1582/83 г., и в 1616–1619 гг. постоянно оставались занятыми только 19 пономарских мест: при 10-ти выставочных и 9-ти погостских церквах. Отметим, что в двух выставках данная должность оказалась переданной ближайшим родственникам: в выставке Юксовичи в Остречинском погосте после пономаря Калинки его обязанности выполняет сын Игнат, а в Пудоже один из двух пономарей Семен Иванов оставил место сыну Дементию[26]. Численность пономарей особенно сильно сократилась в выставках. Из восьми пустых дворовых мест, зафиксированных писцом в 1616-1619 гг., семь находилось около выставочных церквей. Как представляется, разорение на рубеже веков довольно интенсивно усугублялось. Из семи пустых и разрушенных на начало 1580-х гг. пономарских дворов вновь были отстроены лишь три: в Видлице Ильинского погоста, Святозере Важенского погоста и в Остречинах[27]. При этом к четырем пустовавшим, согласно писцовой книге 1582/83 г., «дворовым местам» после Смуты добавилось еще четыре таких же «места»[28]. Из того же источника известно, что пономаря Фомку Яковлева в выставке Яндоба Пиркинского погоста «замучили казаки», пономарь Павлик в Каргиничах Веницкого погоста «сошел» с другими причетниками и попом «безвестно»[29]. Вероятно, сшел безвестно и пономарь Пиркинского погоста Михалко Семенов, чей двор был разрушен еще в 1582/83 г., но так и не восстановлен к 1616–1619 гг.[30]

Несмотря на очевидное уменьшение численности пономарей в выставках, на погостах вместо прежних двенадцати служило уже пятнадцать человек. Данный факт свидетельствует, что процесс восстановления церкви шел в первую очередь за счет интенсивного восстановления церковной жизни на погостах, являвшихся крупными административными центрами, и имевших, по всей видимости, большие материальные возможности для вспомоществования причетникам.

Тем не менее, наши источники свидетельствуют о крайнем снижении общего уровня жизни пономарей после Смуты по сравнению с предшествующим периодом. Если в середине 80-х гг. XVI в. практически все пономари обитали в собственных дворах, то к началу следующего века лишь 23 человека из упомянутых в этой должности писцовой книгой имели свои дворы, а еще десять ютились в кельях – вероятно, постройках, представлявших собой непритязательные избушки без всяких дворовых служб. Очевидно, священники и церковные дьячки находились в сравнительно более благополучном положении, обусловленном, как можно думать, большей значимостью их функций при отправлении разнообразных церковных служб и треб.

Проскурницы не являлись самой представительной группой среди церковных причетников – церковных дьячков и пономарей. В соответствии с писцовым описанием 1582/83 г. эту службу исполняли 22 человека из 190, или около 12%. В последующее время их число сокращается до 18 человек, или до 10% от общего числа клириков. Постоянно обитаемыми оставались и в 1582/83 г., и в 1616-1619 гг. двенадцать дворов. Из них два находились в выставках – Озерах в Веницком погосте и Великой Губе Кижского погоста, а еще 10 – на погостах.

Из восьми отмеченных как разоренные и разрушенные в 1582/83 г. дворов проскурниц, вновь были восстановлены лишь четыре. Из них два находились в выставках Важенского погоста: в Святозере появилась проскурница Марфа и на Шангоострове в Пидмозере выпекание просфор было доверено Овдотьице[31]. К четырем пустым «дворовым местам», по данным за 1616–1619 гг., прибавилось еще семь, из которых шесть находились около выставочных церквей[32]. Выявленные нами факты свидетельствуют о том, что положение проскурниц в Заонежских погостах ухудшилось. Разорение особенно сильно коснулось выставок и, несомненно, сказалось на материальном положении существовавших там приходов, которые не могли содержать большого штата причетников в первое время после Смуты. По всей видимости, обитатели Заонежских погостов вынуждены были сосредоточиться на восстановлении дворов священников и церковных дьячков, а также собственно церковных зданий. Именно поэтому, с нашей точки зрения, в выставках численность проскурниц уменьшилась почти вдвое, то есть больше, чем всех остальных причетников. Если в 1582/83 гг. здесь их насчитывалось одиннадцать человек, то в 1616–1619 гг. – всего пять.

Процесс восстановления погостских церквей и жизни при них шел, как представляется, быстрее. Поэтому и для проскурниц ситуация здесь выглядела более благоприятной. В то время как многие из дьячков имели уже свои дворы, для проскурниц вновь строились более дешевые и непритязательные кельи. В соответствии с писцовой книгой 1616–

1619 г. из 18-ти проскурниц одиннадцать проживали в кельях, и только шесть – во дворах. Напомним, что в 1582/83 г. все упомянутые писцовой комиссией 22 проскурницы проживали в собственных дворах, всегда стоявших близ церкви.

Подводя итог, заметим, что общая численность духовенства на протяжение изучаемого 30-летия существенно не изменилась. Однако это никоим образом не свидетельствует о стабильности состава клира и причта. Анализ информации о церковных дворах позволяет утверждать, что в выставках, по сравнению с погостами, происходил интенсивный процесс сокращения численности клира, что было, безусловно, следствием опустошительного разорения, преодоление которого в выставках к концу второго десятилетия XVII в. едва-едва наметилось. Как представляется, только благодаря началу восстановления церковной жизни на погостах, имевших больше возможностей для обеспечения служившего в храмах низшего духовенства и причетников, во второй половине 1610-х гг. удалось стабилизировать численность клира до уровня 1582/83 г.

Между тем, общий уровень жизни духовенства по сравнению с предшествующим периодом значительно снизился. Практически больше половины из них вынуждены были жить, хоть и временно, в кельях – непритязательных избушках без дворовых служб. Положение священников и церковных дьячков, имевших значимые функции при отправлении разнообразных служб и треб, выглядит более благополучным, чем пономарей, и особенно проскурниц, которые пострадали в период лихолетья больше, чем все прочие причетники. Представляется, что как в выставках, так и на погостах шло возрождение в первую очередь дворов иереев и церковных причетников, и не только по инициативе прихожан, но в большей степени благодаря самому духовенству, а также сотвествующим повелениям со стороны правительства «призывать попов» к церквам.

Предпринятый нами сопоставительный анализ информации писцовых книг, составленных в Заонежских погостах в начале 1580-х гг., сразу после Ливонской войны, и во второй половине 1610-х гг., вскоре после того как по региону прокатилось спровоцированное драматическими событиями начала XVII века военное разоренье, позволяет сделать вывод о том, что несмотря на разрушительные последствия тех или иных событий, практически сразу начиналось восстановление церковной жизни. Появлялись даже новые храмы, в том числе на месте прежних часовенных приходов. Продолжавшееся несмотря на драматизм десятилетиями длившейся ситуации нестабильности строительство новых церквей свидетельствует о духовном подъеме, не покидавшем местное население даже в самые трудные времена.

ПРИМЕЧАНИЯ

*Исследование осуществляется в рамках проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом, № 05-01-12123в

[1] Придерживаемся датировки данного источника, предложенной И.А. Черняковой, которой принадлежит заслуга введения в научный оборот полного текста писцовой книги Заонежских погостов Петра Воейкова и дьяка Ивана Льговского, составленной ими в 1616–1619 гг., равно как адекватное определение типа источника. До этого в историографии был известен лишь поздний список с частью писцового описания, к тому же неверно озаглавленный «Дозорная книга дворцовым землям в Заонежских погостах 1616-1617 гг.». См.: Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 49-50.

[2] Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины П. Воейкова и дьяка И. Льговского 1616–1619 гг. (поместные, митрополичьи и монастырские земли) // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 8551. 458 л. (Далее: ПК 1616–1619, кн. 8551); Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины П. Воейкова и дьяка И. Льговского 1616–1619 гг. («дворцовые земли») // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 8554. 939 л. (Далее: ПК 1616–1619 гг., кн. 8554).

[3] Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины А. Плещеева и подьячего С. Кузьмина 1582/83 гг. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Ред.: Ирина Чернякова, Киммо Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. Т. III. С. 35-341. (Далее: ПК 1582/83 г.).

[4] ПК 1582/83 г. Л. 1120-1162.

[5] ПК 1582/83 г. Л. 780 об., 1520, 934, 935, 1380 об.

[6] Очерки по истории Карелии. Часть I / Под ред. В.Н. Бернадского, И.И. Смирнова, Я.А. Балагурова. Петрозаводск, 1957. С. 105-106.

[7] Шаскольский И.П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950. С. 108.

[8] Там же. С. 109-110.

[9] Там же. С. 111-112.

[10] Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск., 1947. С. 54, 100, 105; Чернякова И. А. Указ. соч. С. 72-73.

[11] Чернякова И. А. Указ. соч. С. 72, 109 (рис. 5.6).

[12] Мюллер Р. Б. Указ. соч. С. 54, 55-57.

[13] Чернякова И. А. Указ. соч. С. 73, 79, 128.

[14] Чернякова И. А. Указ. соч. С. 50-51; Мюллер Р. Б. Указ. соч. С. 101.

[15] ПК 1582/83 г. Л. 848об., 844, 1200, 1487 об.; ПК 1616–1619 гг., кн. 8554. Л. 846, 865 (Важены), 690 (Ошта); ПК 1616–1619 гг., кн. 8551. Л. 271 (Шала).

[16] ПК 1616–1619 гг., кн. 8551. Л. 91 об. (Соломенская пустынь), 92об. (Вашеозерский мон.), 354 (Машеозерский мон.).

[17] ПК 1616–1619 гг., кн. 8554. Л. 853 (Пидмоозеро, Важены), 484 (Девятины, Вытегра), 533 об. (Кондуши, Мегра), 555об. (Палтога, Мегра), 589 (Кушт-

озеро, Мегра), 442 (Гакукса, Мегра), 735об. (Каргиничи, Веницы), 414 (Кондуши, Пиркиничи).

[18] ПК 1616–1619 гг., кн. 8554. Л. 1.

[19] ПК 1616–1619 гг., кн. 8554. Л. 255 об. (Тубоозеро, Толвуя), 866 (Лояницы, Важены), 671 (Шимоозеро, Ошта), 812 (Шокша, Остречины).

[20] ПК 1616–1619 гг., кн. 8554. Л. 655 (Щелейцы, Ошта).

[21] ПК 1616–1619 гг., кн. 8551. Л. 442 (Яндоба, Пиркиничи).

[22] ПК 1616–1619 гг., кн. 8554. Л. 889 (Каковичи, Важены), 762 (Немжа, Веницы); ПК 1616–1619 гг., кн. 8551. Л. 292 (Отоозеро, Пудож), 389 (Пиркиничи), 348 (Шелтозеро, Остречины).

[23] ПК 1616–1619 гг., кн. 8554. Л. 506 (Мегра), 570 (Коштога, Мегра), 579 (Ундозеро, Мегра), 432 (Тудоозеро, Андома).

[24] ПК 1616–1619 гг., кн. 8554. Л. 432 (Тудоозеро, Андома).

[25] ПК 1616–1619 гг., кн. 8554. Л. 255 об. (Тубоозеро, Толвуя), 671 (Шимоозеро, Ошта), 484 (Девятины, Вытегра), 812 (Шокша, Остречины), 735об. (Каргиничи, Веницы). ПК 1616–1619 гг., кн. 8551. Л. 442 (Яндоба, Пиркиничи).

[26] ПК 1616–1619 гг., кн. 8554. Л. 815 об. (Юксовичи, Остречины), 292 (Пудож).

[27] ПК 1616–1619 гг., кн. 8554. Л. 906 (Святоозеро, Важены), 788 (Остречины); ПК 1616–1619 гг., кн. 8551. Л. 45 об. (Видлица, Ильинский пог.).

[28] ПК 1616–1619 гг., кн. 8554. Л. 255 об. (Тубоозеро, Толвуя), 735об. (Каргиничи, Веницы), 671 (Шимоозеро, Ошта), 812 (Шокша, Остречины), 484 (Девятины, Вытегра), 570 (Коштога, Мегра); ПК 1616–1619 гг., кн. 8551. Л. 442 (Яндоба, Пиркиничи), 389 (Пиркиничи).

[29] ПК 1616–1619 гг., кн. 8551. Л. 442 (Яндоба, Пиркиничи); ПК 1616–1619 гг., кн. 8554. Л. 735об. (Каргиничи, Веницкий пог.)

[30] ПК 1616–1619 гг., кн. 8551. Л. 389.

[31] ПК 1616–1619 гг., кн. 8554. Л. 906 (Святоозеро, Важены), 853 (Пидмозеро, Шангоостров, Важены).

[32] ПК 1616–1619 гг., кн. 8551. Л. 45 об. (Видлица, Ильинский пог.); ПК 1616–1619 гг., кн. 8554. Л. 865 (Погаченицы, Важены), 671 (Шимоозеро, Ошта), 312 об. (Сума Кривецкая, Пудож), 735 об. (Каргиничи, Веницы), 579 (Ундозеро, Мегра).

* * *

Д.З. Фельдман

К вопросу о фиксации крещеных евреев в материалах ранних ревизий (на примере ревизских сказок Епифанского уезда Тульской провинции)

Проблема фиксации евреев, оказавшихся в Российской империи, принявших здесь христианство, слившись с окружающим населением, и проживавших в разных регионах России в период до начала польских разделов 1772–1795 гг. (когда на территории государства оказалось примерно 800 тысяч евреев), до настоящего времени остается практически не изученной. В первую очередь, сложившееся положение объясняется весьма малым количеством выкрестов, рассеявшихся по различным российским губерниям, а также довольно трудоемкой работой по просмотру ревизских материалов. Вообще до сего времени основное внимание исследователей в иудаике было сосредоточено на тематике, связанной с социально-экономическим положением еврейского (т.е. иудейского) населения России. Проблемы жизни выкрестов – евреев, порвавших связи с еврейской общиной, – остаются в отечественной историографии пока еще маргинальной областью. Поэтому так важны те немногие сведения по данному вопросу, которые выявляются из архивных источников XVIII века.

В одной из ревизских сказок Епифанского уезда 1748 г., в «Переписной книге мужского населения г. Епифани и Епифанского уезда Тульской провинции Московской губернии по 2-й ревизии», хранящейся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), обнаружена информация о нескольких записанных в дворовые люди крещеных евреях. «Причисленныя в силу указов определением Канцелярии ревизии Тулской правинции имеющияся по желанию за оною вдовою генералшею Анною Михайловною Измайловою в показанном селе Богоявленском разных нацей люди, которыя восприяли веру греческого исповедания, а имянно евреяне: умершаго Ивана Степанова сын ево, рожденной в России после прежней переписи (1-я ревизия 1719–1721 гг. – *Д.Ф.*), Филип, шести /лет/; Исай Макаров, дватцети шести /лет/...»[1] Из общего числа жителей села в 324 души мужского пола, помимо двух евреев-выкрестов, зафиксированы также «восприявшие» православие три поляка и один «турченин». К сказанному можно добавить, что раньше с. Богоявленское Клабуковского (Клобуковского) стана принадлежало генерал-лейтенанту, подполковнику лейб-гвардии Семеновского полка Ивану Васильевичу Измайлову. Дворяне Измайловы владели также и несколькими окрестными селениями.

Фельдман Дмитрий Захарович, к.и.н., гл. специалист РГАДА (Москва)

Как видно из приведенной записи, крещеные евреи обладали привилегией записываться дворовыми людьми за помещиками по своему желанию. Надо сказать, что еще с XVII в. принятие христианства для евреев означало получение весьма обширных льгот (например, личная свобода) вкупе с полным уравниванием в правах с православным населением. В первой половине XVIII в. было принято несколько законов, направленных на поощрение иноверцев за переход в православие. Так, по сенатскому указу от 9 января 1723 г. (п. 9) «выходцов из-за рубежа польской и других наций иноземцов.., которые у помещиков и вотчинников живут во дворах для услуг и питаются жалованьем, в расположение на полки не класть, а писать их только для ведома»[2]. Согласно манифесту императрицы Анны Иоанновны от 16 ноября 1737 г. (п. 5), «иноземцов разных наций, восприявших веру греческаго исповедания, не положенных в подушный оклад, в тот оклад не писать, и в службу, ежели сами не похотят, не брать»[3].

Сведения из документов РГАДА дополняют более поздние источники, хранящиеся в Государственном архиве Тульской области (ГАТО) и позволяющие проследить дальнейшую судьбу епифанских «евреян». По информации исследователя Е.Л. Каца (г. Тула), в материалах 3-й ревизии (1764 г.) с. Богоявленское Хитровка тож Клобуковского стана Епифанского уезда Тульской провинции Московской губернии, которое с 1755 г. уже являлось совместным владением братьев Михаила Львовича и Дмитрия Львовича Измайловых, в числе прочих бывших иноверцев указаны дворовые люди «еврейские»: Филип Иванов сын Евреинов, холост, 23 лет (во время 2-й ревизии – 6 лет); Исай Макаров сын Жидков, 43 лет (во время 2-й ревизии – 26 лет); его жена Марина Никифорова дочь, 41 года, того ж села; и их дети: сыновья Михайла, холост, 16 лет, Карп, 6 лет, и Аким, 2 лет; дочери Наталья, 11 лет, и Анна, 6 лет. В документах говорится о том, что при проведении 2-й ревизии, в 1747 г., село принадлежало вдове-генеральше А.М. Измайловой. Интересно, что их сыновья со своими семьями называли себя евреями и в 1802 г. требовали, чтобы власти признавали их таковыми[4].

Есть сведения, что евреи проживали также в селениях Веневского и Каширского уездов. Они женились на русских крестьянках, официально принимали православие, но они сами, их жены и дети считали себя «жидовской» нацией, что было отражено в ревизских сказках и других делопроизводственных документах различных ведомств[5]. Однако подробное исследование указанных регионов еще впереди.

Последняя же запись из материалов 3-й переписи населения Епифанского уезда предоставляет нам чрезвычайно важную информацию: за прошедшие 17 лет выкресты получили фамилии, причем обе они оказались «говорящими», т.е. указывающими на еврейское происхождение их носителей. Филип Иванов сын стал Евреиновым, а Исай

Макаров сын – Жидковым. Отметим, что эти фамилии в России были достаточно распространенными. Нам известно множество фактов, когда после крещения прозвище «Евреин» становилось фамилией «Евреинов» (или «Еврейнов»).

Так, в XVIII–XIX вв. в России получил известность дворянский род Евреиновых, к которому принадлежал, например, президент Коммерц-коллегии Я.М. Евреинов. Его основателями на российской земле явились братья «Матюшка и Федка Григорьевы», происходившие из мстиславских евреев. Сведения о них имеются в двух опубликованных переписных книгах московской Мещанской слободы 1676 и 1684 гг. Еще в 1655 г. «взяли их служилые люди и на Москве отдали Гостиной сотни Кирилу Волосатому», от которого они были «освобождены» в 1668 г. «по указу великого государя», а в 1671 г. взяты в Новомещанскую слободу. Федор Григорьев Евреин еще и в 1684 г. был тяглецом этой слободы, а его брат Матвей, будучи более предприимчивым, сначала торговал в Овощном ряду, затем служил «в мещанских старостах» и «на мещанских кружечных дворах головою», что послужило основанием для зачисления его в 1678 г. в Гостиную сотню[6]. К 1720-м гг. М.Г. Евреинов (Еврейнов), крестившись, становится крупным торговцем и промышленником, а его сын Яков дал начало дворянской линии рода.

Здесь имеет смысл привести еще один пример «приобретения» выкрестом фамилии, относящийся к петровскому времени. Хранящееся среди приказных дел новых лет «Дело по челобитной секретаря датского посланника Меллера об уходе от него нанятого человека, крещеного еврея Ивана Федорова сына и о покраже его» позволяет проследить в динамике этот делопроизводственный процесс. Как следует из прошения канцеляриста, в августе 1705 г. Иван, «родом жидовин», сбежал со двора покойного чрезвычайного посланника датского короля в Новонемецкой слободе близ Москвы. Секретарь утверждал, что беглец унес с собой «пожитков ево дватцать рублев денег да на тритцать рублев платья»[7]. По ходу следствия в Посольском приказе выяснилось, что «вольный» человек «жидовской породы» Иван Федоров выехал несколько лет назад из Польши вместе с князем И.В. Сонцовым-Засекиным, затем три года жил в г. Воронеже, где крестился в православие, после чего приехал в Москву. Со двора датского посланника Иван уехал на извозчике за Москву-реку к церкви Николы в Толмачах, где и был задержан во дворе А.И. Кирикрейского[8]. Спустя некоторое время новокрещеный иноземец принес повинную, вернув похищенные деньги в приказ. Для нас, однако, важен следующий факт: в процессе следственного дела «жидовина» Ивана Федорова сына в приказном делопроизводстве «вдруг» стали именовать «Иван Федоров сын Жидовинов»[9]. Из этого можно сделать предположение о большой вероятности того, что фамильное прозвище впоследствии так и осталось за своим носителем.

Подводя итог, в первую очередь следует отметить, что полученную из переписных источников информацию можно считать начальным этапом дальнейшей разработки большой темы о крещеных евреях в Российской империи, которая невозможна без привлечения других архивных материалов, например, ведомственной документации (Сената, коллегий, контор и т.д.). Тем не менее, уже сейчас можно сделать определенные выводы как о процессе получения выкрестами фамилий, так и собственно о местах их проживания. Комплексное изучение материалов ранних ревизий, хранящихся в РГАДА, и переписей населения конца XVIII – XIX вв. из местных архивов позволит дать более общую и цельную картину жизни российских евреев-христиан.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 963. Л. 462–462 об.

[2] Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собр. 1-е (ПСЗ–1). СПб., 1830. Т. VII. № 4139. С. 4.

[3] Там же. Т. X. № 7438. С. 351.

[4] См.: Кац Е. Из истории еврейской общины Тулы // По еврейской России... / Гл. ред. М. Лобовская. М., 2006. С. 87. Исследователь в данной статье ошибочно причисляет Филиппа Иванова к крепостным крестьянам-«иноверцам» и совсем не упоминает другого выкреста Исая Макарова и его семью.

[5] См.: там же.

[6] См.: Материалы для истории московского купечества / Сост. Н.А. Найденов. М., 1883. Т. 1. Ч. I. С. 208; М., 1886. Т. 1. Прил. 2. С. 11, 78–79, 113; Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 16, 52; Гессен Ю. Евреи в Московском государстве XV–XVII вв. // Москва еврейская: Сб. статей и материалов / Ред.-сост. К.Ю. Бурмистров. М., 2003. С. 248–249; Кунин И. Евреи в Москве во второй половине XVII века // Там же. С. 306–307.

[7] РГАДА. Ф. 158. Приказные дела новых лет. Оп. 1. 1705 г. Д. 123. Л. 1 об.

[8] Там же. Л. 1 об.–3, 7 об.

[9] Там же. Л. 3.

* * *

В.Н. Филатова

Социальная структура сел Лыскова и Павлова Нижегородского уезда по материалам писцового делопроизводства XVII века

Села Лысково* и Павлово Нижегородского уезда являлись крупными поселениями, значительная часть населения которых занималась ремеслом и торговлей. Развиваясь бурными темпами в XVII веке, в дальнейшем данные населенные пункты стали крупными центрами промышленного производства и торговли.

Социальная структура населенного пункта, как неотъемлемый элемент его общей характеристики, в основном отражает специфику его экономического развития. Исследование отдельных категорий сельского населения очень важно при изучении истории сел XVII века. При этом специфика отдельных социальных категорий населения данных сел до настоящего момента остается недостаточно изученной.

Основу настоящего исследования составляют данные материалов писцового делопроизводства: дозорной книги 1614 г.[1], списка с писцовых и межевых книг 1621–1628 гг. на села Павлово с деревнями[2], сотной грамоты 1632 г. на Лысковскую волость, составленной по писцовой книге Курмышского уезда 1622/3–1625/6 гг.[3], переписных книг Нижегородского уезда 1646 г.[4], 1678 г.[5], списка 1665 г. с описной книги села Лыскова 1664 г.[6], переписной книги Лыскова 1672 г. (копия 1727 г.)[7], писцовой книги Лыскова 1681 г.[8], отказной книги Лыскова 1700 г.[9]

В указанных источниках нами выявлены следующие социальные категории: бобыли, крестьяне, соседи, подсоседники, захребетники, крепостные и купленные дворовые люди. Каждая социальная группа обладала неким набором особых черт, которые и стали предметом настоящего исследования.

Различные социальные группы становились объектами как общих, так и специальных исследований. Наиболее разработанным можно считать вопрос о природе бобыльства[10]. Вопрос о социальной сущности других категорий сельского населения также поднимался в исторической литературе[11], но, тем не менее, данные категории можно считать практически не изученными.

Бобыли и крестьяне

Соотношение численности крестьян и бобылей в селах Павлове и Лыскове не было неизменным.

Филатова Вероника Николаевна, аспирантка ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

Таблица 1. Соотношение числа дворов различных категорий населения села Лыскова в XVII веке

	1622-6г.	1646г.	1664г.	1672г.	1678г.	1681г.	1700г.
Крестьянские дворы	20,20%	24,00%	24,10%	31,00%	27,90%	23,40%	18,50%
Бобыльские дворы	49,30%	45,00%	43,20%	52,10%	49,60%	42,70%	41,50%
Дворы, населенные другими социальными категориями	30,50%	30,90%	32,70%	0,00%	22,50%	33,90%	40,00%

Таблица 2. Соотношение числа дворов различных категорий населения села Павлова в XVII веке

	1614г.	1621-8г.	1646г.	1678г.
Крестьянские дворы	43,20%	25,50%	41,90%	15,70%
Бобыльские дворы	37,60%	62,80%	50,50%	68,30%
Дворы, населенные другими социальными категориями	19,20%	11,70%	7,70%	16,00%

Число крестьянских дворов в Лыскове колебалось от 18,5% до 31%, в Павлове оно достигало 43,2% от общей численности дворов сел. При этом число бобыльских дворов в подавляющем большинстве случаев оставалось большим, нежели крестьянских. Подобные показатели значительно выше общероссийских, приведенных в исследовании Я.Е. Водарского[12].

Для сравнения крестьян и бобылей как самостоятельных социальных групп важно проанализировать данные о людности их дворов. Во второй половине XVII века в среднем на один крестьянский двор села Павлова приходилось 2,33-4,16 человек, на бобыльский – 1,93-2,98 человек; в Лыскове на крестьянский двор – 2,82-3,98 человек, на бобыльский - 2,45-3,24 человека. Таким образом, в среднем, крестьянский двор на 20% был многолюднее.

Средняя населенность дворов как крестьян, так и бобылей со временем увеличивалась, причем это происходило со схожей динамикой.

Следует учесть, что средняя населенность, в некоторой мере, фиктивна[13]. Но, даже принимая это во внимание, все же вывод о меньшей средней населенности бобыльского двора остается в силе: слишком

велика разница (в среднем в крестьянском дворе проживало 1-4,16 человека, а в бобыльском 1,04-3,24 человека). Подобное обстоятельство свидетельствует о меньшей зависимости бобылей от числа рабочих рук, нежели крестьян.

Анализируя финансовое положение бобылей можно с уверенностью утверждать, что бобыльский оброк был ниже крестьянского. Данный факт частично подтверждает устойчивое представление о них как о беднейшем слое сельского населения.

Материалы Павлова дают более красноречивые сведения. В дозорной книге 1614 года мы встречаем четкое разграничение торговых людей, платящих государевы подати, и бобылей, которые государевых податей платить не могут, по причине отсутствия у них промыслов[14]. Такое разграничение сохранилось в 20-е годы XVII века, когда отдельно были описаны дворы беспашенных торговых и промышленных людей и бобыльские дворы, жители которых кормились своим рукоделием[15]. Таким образом, писцы четко отделяли непашенных торговцев и ремесленников от бобылей. В дальнейшем произошло слияние этих двух категорий. В переписной книге 1646 года мы встречам только крестьян и бобылей. При этом в число бобылей было включено значительное количество нищих. Если в группе крестьянских дворов было только одно упоминание о нищем, то среди бобыльских дворов их – 69[16]. В конце 70-х годов XVII века, бобыли как категория окончательно освобождаются от признаков нищеты: среди них было только двое нищих (основная же масса нищих проживала на церковной земле)[17]. При этом именно в руках бобылей в большей степени концентрируется ремесленное производство: в Лыскове более 80% ремесленников были бобылями, в Павлове их число колебалась от 63 до 81%%.

Хотя утверждать, что занятие ремеслом и торговлей исключало возможность обработки земли нельзя: подтверждение находим в переписной книге Лыскова 1672г. Среди крестьянских дворов назван двор Васьки Васильева сына Муромцева, который занимался низовым и мыльным промыслами[18].

Также факт оторванности от земли, не свидетельствует о том, что человек является бобылем: под 1626 годом в лысковских материалах встречается упоминание о крестьянах непашенных слобод[19], далее встречается упоминание о крестьянах не пашущих землю[20]. Павловские же крестьяне владели лавками на местном торгу[21]. Хотя эти факты являются скорее исключением из общей картины социального развития.

Таким образом, невозможно однозначно оценить бобылей как представителей низа или верхушки сельского населения. Однозначно то, что отличительной чертой является большая оторванность от земли и в связи с этим большая степень свободы в занятиях ремеслами и торговлей. Что же касается финансового состояния, то и среди крестьян

встречаются яркие примеры удачливых предпринимателей: такие как Муромцевы, Взрезновы (в Лыскове)[22].

Захребетники, подсоседники, соседи, купленные и крепостные дворовые люди

Наряду с крестьянами и бобылями имеются упоминания о соседях и подсоседниках, захребетниках, купленных и крепостных дворовых людях.

Соседи как категория населения в лысковских материалах встречаются только в описании 1700 г., применительно к Павлову в двух источниках 1646 и 1678 гг. Предположение, что термины «сосед» и «подсоседник» обозначали одно и тоже состояние, опровергается наличием в одном дворе и соседей, и подсоседников. Следовательно, данные термины имели в XVII столетии разное смысловое наполнение.

Впервые соседи в Павлове упоминаются в середине XVII века. Эта категория не многочисленна: во дворах крестьян проживало 10, у бобылей 8 человек. Всех их объединяло то, что они жили в отдельных избах на дворах[23], таким образом, они имели возможность вести и самостоятельное хозяйство. В 1678 году их количество увеличивается, при этом появляется категория подсоседников, которые проживали только во дворах бобылей. Среди соседей и хозяев дворов, в которых они жили, встречаются люди самые разные.

В переписной книге 1678 года описан один случай, когда сосед жил в отдельной избе[24], пять случаев, когда в соседстве жили родственники хозяина двора[25], большая же часть соседей, возможно, селилась в избах хозяевах дворов, так как в источнике не говорится обратное.

По материалам переписной книги Павлова 1678 года представляется возможным выявить некоторые источники соседства. Основной причиной можно назвать разорение. Например, Костька Зиновьев сын Пятов жил в соседях у крестьянина Ивашки Федорова сына Зуева, при этом его двор числился среди пустых крестьянских дворовых мест с 1670/1 г., после того, как он был разорен казаками[26], Емелька Костентинов сын Бурков жил в соседях у бобыля Федки Петрова сына Неверова так же по причине разорения, до 1666/7 г. он проживал в деревне Калинине (неподалеку от Павлова), но его двор сгорел и он попал в число соседей[27]. В источнике прослеживается и другая возможность попасть в категорию соседей: среди лиц, отнесенных к данной категории упомянут Гришка Зиновьев литовского полону[28]. Попав в Павлово в качестве купленного человека, через некоторое время, получив личную свободу (например, по причине смерти хозяина) и не имея возможности завести собственное хозяйство, попал в число соседей.

Бо?льшим количеством данных мы располагаем относительно подсоседников и захребетников. В писцовых материалах Павлова присутствуют обе категории: в 1646 году захребетники, в 1678 году

подсоседники. Располагая материалами только Павлова можно было бы предположить, что категории подсоседников и захребетников в данном случае имели одно и тоже смысловое наполнение, но благодаря Лысковским материалам, мы можем разграничить эти две категории.

Количественное соотношение этих двух категорий на протяжении времени изменялось. Данный факт объясняется государственной налоговой политикой. В результате налоговой реформы 1679 года все прямые сборы стали взиматься с числа лиц, проживавших во дворе. Таким образом, в состав плотильщиков податей были включены наряду с крестьянами и бобылями и захребетники и подсоседники[29].

В писцовой книге 1681 года была четко установлена сумма «захребетного» в 3алт.2ден. (гривна)[30]. Аналогичная сумма подати была установлена и для подсоседников, что следует из Описи 1680-1684 годов Балахнинской части Городца[31] **. Ранее, в 1620-е годы захребет-ники, жившие во дворах бобылей выплачивали оброк равный 4-5алт.[32]

Среди подсоседников особенно часто встречается упоминание о родственниках. Нет оснований рассматривать подсоседников как наиболее бедную часть населения села. Подтверждением этому служит факт, что подсоседники Лыскова владели лавками[33].

Вместе с этим захребетники в 2 раза чаще, чем подсоседники называются в источниках ремесленниками. Захребетники при этом чаще всего являются подмастерьями, занимаясь тем же ремеслом, что и владелец двора, а подсоседники чаще являются самостоятельными мастерами.

На основании вышеизложенных фактов, можно сделать вывод, что подсоседники были более свободны и самостоятельны в своей деятельности, захребетники же, чаще всего выступали подсобными рабочими или помощниками во дворах, где они проживали.

В середине XVII века в Лыскове появляются купленные и крепостные дворовые люди. Наибольшее их количество приходится на 1664 год: тогда в 29 дворах лысковчан было 5 русских и 53 иноплеменных купленных и дворовых людей. Среди иноплеменников были турки, литовцы, татары, большинство же поляков.

После волнений 1670 года многие бежали, в итоге у лысковчан осталось 7 русских и 25 иноплеменных дворовых людей. С течением времени ситуация практически не менялась. К 1700 году среди дворовых преобладали русские крепостные люди. К концу XVII века многие крещеные иноземцы поселились в Лыскове на правых тяглых бобылей. В 1681 году среди лысковчан-бобылей в своих дворах с семьями жили татарин Куземка Иванов, поляки Гришка и Федотко Алексеевы, немец Гришка Микифоров и другие[34].

Наличие купленных крепостных людей у крестьян и бобылей в XVII веке не уникальное явление. Известия о полонных людях заре-

гистрированы по 19 уездам. По мнению Ю.В. Готье, в 1670-х и 80-х годах полоняники были довольно заметным элементом среди холопского населения России[35]. В том числе в селе Павлове были купленные люди. Впервые упоминание о данной категории встречается в 1646 году. Тогда в селе у одного крестьянина и одного бобыля было по два крепостных человека[36]. В 1678 году данное явление стало более распространенным – всего было 2 калмыка, 11 литовского полону, 8 русских дворовых[37]. Большая их часть была сосредоточена в руках крестьян и бобылей, купленные люди были также во дворах у церковных причетников.

Таким образом, население Павлова и Лыскова представляется достаточно неоднородным. Тенденция преобладания бобыльского населения над крестьянским подтверждает переход жителей данных населенных пунктов от сельского хозяйства к преимущественно торгово-промышленным занятиям.

Крестьяне и бобыли являются самостоятельными социальными группами, генетически связанными между собой. Разделение некогда единой массы сельских жителей первоначально произошло относительно системы налогообложения. Обедневшая часть сельских жителей переводилась их владельцами на более легкий бобыльский оброк, который зачастую имел денежное выражение. В последствии бобыли, не привязанные натуральными продуктовыми повинностями к земле, в большей степени проявляют себя в ремесле и торговле. В XVII веке бобыльство оформляется как самостоятельная категория сельского населения. Отличительными чертами бобылей можно считать: практически полную оторванность от земли, малолюдность бобыльских дворов по сравнению с крестьянскими и сосредоточение в их руках ремесла и торговли. Явное увеличение удельного веса бобылей, наблюдаемое в торгово-промышленных селах Лыскове и Павлове, было прервано реформой налогообложения Петра I, унифицировавшего систему взимания налогов со всех категорий сельского населения.

Соседи являлись относительно самостоятельную категорию сельского населения, имевшую возможность вести собственное хозяйство (проживая в отдельных избах на дворах). Павловские материалы дают представление о путях формирования категории «соседей»: это либо разоренные разбойниками или стихийными бедствиями селяне, или получившие свободу прежние купленные люди. Объединяет их невозможность заведения самостоятельного хозяйства.

Максимальное распространение категорий «захребетников» и «подсоседников» происходи во второй половине XVII века. В дальнейшем их число резко сокращается, что во многом было определено изменением в налоговой политике Российского государства. При сравнении подсоседников и захребетников отчетливо видно, что первые были более свободными в своей экономической деятельности (являясь

ремесленниками, владельцами лавок). Именно среди них особенно часто родственники владельцев дворов. Захребетники чаще выступают как подмастерья при ремесленниках владельцах дворов. Для них изначально была установлена фиксированная сумма «захребетного», которая относительно подсоседников фиксируется только ближе к концу XVII века.

Крепостные и купленные люди не обладали особыми социально-экономическими характеристиками, которые могли бы найти отражение в материалах писцового делопроизводства. Нами была выявлена, что наибольшее распространение данные институты получили в середине – третьей четверти XVII века, а к концу столетия наметилось их явное угасание. При этом значительная часть купленных крещеных иноземцев впоследствии оседала, переходя в разряд бобылей, становясь полноправными членами сельского общества, заводя собственные промыслы и торги.

На примере крупных сел Лыскова и Павлова прослеживаются тенденции социального развития, характерные в большей степени для торгово-промышленных, а не собственно сельских населенных пунктов.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Село Лысково до 1645 года входило в состав Курмышского уезда, после, по прошению его владельца боярина Б.И. Морозова, было переведено в состав Нижегородского уезда.

[1] Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф.1088. Оп.10. Д.525. Л.2об.-7.

[2] РГИА. Ф.1088. Оп.10. Д.17. Л.2-21.

[3] Нижегородская городская областная универсальная научная библиотека. Рукописный отдел (далее НГОУНБ РО). Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1-121 об.

[4] НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 146-256 об., Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф.1209. Оп.1. Д.297. Л.98-146.

[5] Российская государственная библиотека. Рукописный отдел (далее РГБ РО). Ф. 178. Д. 9986, РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.7529. Л.523-596об.

[6] Государственное учреждение Центральный архив Нижегородской области (далее ГУ ЦАНО). Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 13.

[7] НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 5.

[8] НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 8.

[9] НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 7.

[10] Архангельский С.И. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII-XIX вв. Горький, 1950. С.38-39; Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России: Социально-экономические проблемы. М., 1980. С.98, 102; Веселовский С.Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1916. Т.2; Водарский Я.Е. Население России в конце XVII-начале XVIII века. М.,1977. С. 111-114

и др.; Готье Ю.В. Замосковный край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937. С.56-58.Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII в. М., 1952-54. Кн. 1-2; Дьяконов М.А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI-XVIIвв.). СПб., 1901; Сакович А.А. Соловецкая вотчина XV-XVIIвв. Пермь, 1927. С.238; Устюгов Н.В. Экономическое развитие Русского государства в XVII веке и проблема складывания всероссийского рынка. // Устюгов Н.В. Научное наследие. М., 1974; Шапиро А.Л. Бобыльство в России XVI-XVII вв. //История СССР. 1960. №3; Шапиро А.Л. Эволюция бобыльства в России в XVIII веке // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958. Таллин, 1959;

[11] Готье Ю.В. Замосковный край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937; Колеченкова В.Н. К вопросу о соседях как социальной категории //Русское государство в XVII веке: Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни: Сборник статей. М., 1961. С.201-207; Сергеевич В.И. Древности русского права. Т., 2006. Т.3. Землевладение. Тягло. Порядок обложения.

[12] Водарский Я.Е. Население России в конце XVII-начале XVIII века. М., 1977. С. 111, 114.

[13] Там же. С. 114.

[14] РГИА. Ф.1088. Оп.10. Д.525. Л.4об., 5.

[15] РГИА. Ф.1088. Оп.10. Д.17. Л.4, 7.

[16] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.297. Л.98-146.

[17] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.7529. Л.523-596об.

[18] НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 3-3об.

[19] НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л.120.

[20] НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л.16об.-18об.

[21] РГИА. Ф.1088. Оп.10. Д.525. Л.2об.-7.

[22] Филатова В.Н. История крестьянских родов XVII века (по материалам села Лыскова) // Записки краеведов. Н.Новгород, 2006. С. 76-81.

[23] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.297. Л.98-146.

[24] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.7529. Л.530об.

[25] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.7529. Л.526, 529, 532.

[26] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.7529. Л.529, 533.

[27] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.7529. Л.549. В деревне Калинине остался его брат Якушко, который также попал в категорию соседей. При описании дворов этой деревне писец отметил, что двор сгорел, а «ныне стоит впусте» - РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.7529. Л.579.

[28] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.7529. Л.550.

[29] Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005. С.285.

[30] НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л.73об.

[31] ГУ ЦАНО. Ф.2013. Оп.602-а. Д.29. Л. 38.

**Село Городец в XVII веке административно относился к Балахнинскому уезду, граничившему с Нижегородским уездом.

[32] НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л.16-28об.

[33] НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 13, 31; ГУ ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 13. Л. 386об.,420об.

[34] НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 47об., 55, 56, 61, 62об.

[35] Готье Ю.В. Замосковный край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937. С.188.

[36] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.297. Л.113, 126.

[37] РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.7529. Л.528, 532, 532об., 533-533об., 549об., 557об.

* * *

А.А. Фролов

Организация материала в древнейшей русской писцовой книге[1]

Структура писцовых книг достаточно конкретна, а в пределах одного отдельно взятого описания уезда (или группы уездов) еще и однообразна. Существование большинства элементов структуры текста любой писцовой книги хорошо объяснимо. Вместе с тем, полностью обосновать присутствие каждого информационного блока на его конкретном месте пока не удается. Такая работа ведется в настоящее время с материалами древнейшей из сохранившихся русских писцовых книг – книги Деревской пятины Новгородской земли письма 1495-1496 гг. писцов П. Скурата и П. Борисова (далее – книга Скурата)[2]. В настоящее время этот источник по степени изученности выделяется среди других новгородских писцовых книг письма рубежа XV-XVI вв.: имеется представление и о технике ведения полевых писцовых работ, и о характере переработки полевого дневника в писцовую книгу, и об исторической географии соответствующей территории, и об административном ее устройстве, и о многом другом, что дает основания приступить к более детальному изучению вопроса об организации материала в книге Скурата.

Задача статьи - дать общую характеристику организации материала в книге и акцентировать внимание на некоторых наиболее сложных моментах в ее изучении (Табл. 1). В результате работы, проделанной составителем рукописи писцовой книги, весь исходный материал был

Фролов Алексей Алексеевич, к.и.н., Новоторжская археологическая экспедиция

распределен по административным округам, предшественникам уездов XVI в. – «присудам». В Деревской пятине это были Новгородский, Деманский и Курский присуды. После их описания помещены земли, в присуды не включенные: Холмский погост с пятью волостями, великокняжеские торгово-ремесленные ряды и рядки. Земли присудов были распределены по главам, названным по тому или иному округу-погосту. Есть основания полагать, что последовательность глав книги Скурата была предопределена очередностью описания земель в полевом дневнике писцов[3]. Но порядок дневника подвергся переработке в двух направлениях: 1. составитель рукописи сгруппировал главы-погосты по административному признаку – по присудам; 2. в процессе выбеливания черновика рукописи были перепутаны местами отдельные пачки тетрадей – «статьи», которые содержали описание глав-погостов, взаимное расположение которых не имело большого значения с точки зрения отражения в писцовой книге административной организации пятины.

Внутри каждой главы-погоста составитель рукописи распределил материал по категориям землевладения: сначала оброчные земли, затем поместные, владычные, монастырские и своеземческие. Внутри каждой главы каждая категория представлена как правило несколькими земельными владениями. Главный вопрос, который требует всестороннего рассмотрения – почему эти земельные владения одной категории располагаются именно в такой последовательности.

Решение вопроса усложняется тем, что в каждой из владельческих категорий порядок расположения материала мог определяться своей причиной, а может быть даже и несколькими причинами. Наиболее доступной для обработки в этом отношении является категория оброчных земель: с одной стороны, по своему новому владельцу все они равны – земли считались великокняжескими, с другой, в прошлом они принадлежали различным новгородским вотчинникам, по принятой в историографии терминологии – «старым владельцам». Чтобы узнать, подчиняется ли расположение этих земель в каждой из глав книги какой-либо закономерности, внутри оброчной категории я выделил такие пары старых владельцев, чьи земли описаны в нескольких главах книги - всего 11 пар. Оказалось, что если в погосте А земли владельца 1 описаны перед землями владельца 2, то и в погосте Б среди оброчных земель земли владельца 1 описаны до, а не после земель владельца 2 - в 10 из 11 случаев. И хотя статистическая значимость такого наблюдения невелика, оно дает надежду на то, что удастся найти фактор, определявший порядок описания оброчных земель.

Первое, на что я обратил внимание, рассматривая чередование старых владельцев в описании оброчных земель различных глав – то, что бывшие монастырские и владычные земли обычно описаны не

Табл. 1. Организация материала в писцовой книге

Адм. деление	Податной округ	Категория владения	Старый владелец
Новгородский присуд	погост А	оброчные	владелец 1
			владелец 2
			владелец 3
		поместные	владелец 1
			владелец 2
			владелец 1
			владелец 2
		владычные	владыка
		монастырские	монастырь 1
			монастырь 2
		своеземческие	своеземец 1
			своеземец 2
	погост Б		
	погост В		
Деманский присуд			
Курский присуд			
Холмский погост и 5 волостей			
Ряды и рядки			

Деревской пятины П. Скурата и П. Борисова

Новый владелец	Объект описания	Содержание	Итоги по владению
великий князь	сельцо	топоним, имена людей	старое письмо
		данные о хозяйстве	
		данные о доходе	
	деревня	топоним, имена людей	
		данные о хозяйстве	
		данные о доходе	
	"волчие" селения	топоним, имена людей	новое письмо
		данные о хозяйстве	
		данные о доходе	
	починок	топоним, имена людей	
		данные о хозяйстве	сравнение старого и нового письма
	пустошь	топоним	
		данные о хозяйстве	
	селище	топоним	
		данные о хозяйстве	
помещик 1			
помещик 2			
владыка			
м-рь 1			
м-рь 2			
св-ц 1			
св-ц 2			

вперемешку с землями, бывшими за светскими вотчинниками, а компактно. Как обнаружилось в последнее время, почти все монастырские земли Деревской пятины оставались за их прежними владельцами вплоть до конфискации января 1499 г., упомянутой в летописи. Только часть владычных земель и некоторые владения шести новгородских монастырей-магистратов[4] стали великокняжескими ранее[5]. В книге Скурата, работа над которой шла еще в 1499 г., только что отписанные в казну земли определяются легко: как и для вотчинных монастырских и владычных, для них нет сведений о доходах.

Помимо отсутствия сведений о доходах хронологическим индикатором может служить и состав сведений о доходах – при их наличии: земли, для которых известен не только старый доход и новый оброк, но еще и старый оброк, вероятно, оказались в распоряжении великокняжеских дьяков раньше других. Ориентируясь на эти соображения, я составил список оброчных земель тех погостов, в которых представлены земли более чем одного старого владельца (21 глава книги Скурата).

В этом списке сведения о доходе отсутствуют для 31 владения из 14 глав, из них в одной главе представлены только владения без доходов. Из остальных 13 глав в девяти владения без дохода (то есть конфискованные непосредственно перед составлением книги Скурата) помещены в конце списка оброчных владений, в 4-х случаях отмечены незначительные отклонения от этого правила, пока не нашедшие объяснения.

Владения, где помимо старого дохода и нового оброка есть сведения и о старом оброке, представлены всего 11-ю случаями в 7 главах. Из них в 4-х главах именно с них начинается описание оброчных земель погоста, в остальных трех случаях такие владения находились хотя не первыми, но все же в начале списка оброчных земель.

По собранному материалу можно констатировать, что в целом земли со старым оброком упоминаются в начале списка оброчных земель, без дохода – в конце списка оброчных земель. Это позволяет предполагать (пока что в качестве основной рабочей версии), что порядок описания в книге Скурата оброчных земель исходит из хронологии конфискаций, хотя этот принцип не соблюдался неукоснительно и, вероятно, существовали и другие факторы, влиявшие на положение текста в описании. Может быть у составителя рукописи имелся единый для пятины перечень оброчных земель, дополнявшийся «в порядке живой очереди», который составитель книги распределял по погостам-главам.

Объяснить порядок описания в одной главе поместных земель сложнее. В отличие от большинства земель остальных категорий, владения одного помещика описаны только в какой-либо одной из глав – даже если они располагались в различных погостах-округах[6]. Поэтому проверить, насколько закономерно расположены земли разных помещиков по их чередованию в нескольких главах оказывается

невозможным. Ясно однако, что поместья не сортировались по размеру: ни по убыванию, ни тем более по возрастанию содержащихся в них окладных единиц. Единственной подсказкой в поиске причин является то, что центры погостских округов – погосты или одноименные села (а они описывались как правило в составе поместных земель) находятся в первом по порядку изложения поместье. Это наводит на мысль, что порядок описания поместий задавался неким пространственным фактором. Версий, которые, на мой взгляд, заслуживают дальнейшего рассмотрения, как минимум две: 1) поместья описывались писцами в 1495-1496 гг. от центра погоста к его окраинам; 2) поместья располагались в порядке конфискации у старых владельцев либо – в порядке их раздачи, причем земли центра погоста естественным образом и конфисковывались, и шли в раздачу раньше, чем окраинные земли.

По аналогии с оброчными землями, пары владений, встречающиеся в нескольких главах, были рассмотрены в монастырской и своеземческой категориях земель. На монастырских землях таких пар оказалось восемь, из которых в четырех случаях порядок не совпадает. На своеземческих землях из четырех пар порядок упоминания не совпал в трех. Таким образом, при размещении одних и тех же владений в описаниях разных округов никакой общей закономерности нет. Возможна только связь положения владельца внутри монастырской категории земель с ее пространственным положением в погосте-округе.

Описание каждого земельного массива начиналось с селения, где стояли церковь (если она была) и двор владельца (т.е. с погоста, села, сельца), продолжалось рядовыми селениями – деревнями, «вопчими» деревнями (то есть разделенными между несколькими владельцами) и починками. В конце описания помещались ненаселенные объекты обложения – пустоши и селища. Однотипные объекты обложения (например, деревни) сохранили тот порядок, в котором они были упомянуты в полевом дневнике писца.

Каждый объект описания снабжен в книге сведениями о его названии, о численности дворов и людей (если это населенный пункт), обеж, о размере запашки и покоса, дохода, взимаемого в пользу владельца (кроме владычных, монастырских и некоторых своеземческих земель, где доход не исчислялся), или оброка (для оброчных земель). Стандартным является подведение итога по владению по данным старого письма (на основе которого составлялось новое), по данным нового письма, а также сравнение этих двух показателей. Сравнивалось как число селений, дворов, людей и обеж, так и доход.

Помимо сведений, содержащихся в основном тексте рукописи, книга содержит приписки на полях: об изменениях в землевладении (об отписании на великого князя или о передаче оброчных земель помещику) и об угодьях (в основном – озерах и их долях). Данными об

угодьях снабжены далеко не все земельные владения. Причины этого пока не ясны, но самой естественной кажется то, что именно эти земли подходили близко к крупным озерам.

Для наглядности соотнесение элементов структуры книги с текстом рукописи показан на примере отрывка из описания Буховского погоста:

ТАБЛИЦА 2

<table>
<tr><th colspan="2">Элемент структуры</th><th>Текст рукописи</th></tr>
<tr><td colspan="2">Глава</td><td>Буховской погост.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Вставка в готовую рукопись</td><td>И те деревни отданы лета 7008-го Федору да Ивану да Тимофею Кропоткиным (приписка в начале по сторонам слов «Буховской погост» - А.Ф.)</td></tr>
<tr><td rowspan="6">«Текстовый блок»</td><td>Преамбула, характеризующая категорию земельного владения и его историю</td><td>В Буховском погосте великого князя деревни Федоровские Яковля Селезелева Немово.</td></tr>
<tr><td>Название деревни, подворное описание</td><td rowspan="5">Д. Королева: дв. Симаник Илейкин, зять его Еремка, дв. Федко Юхнов, сын его Офремко,
сеют ржы пол-6 коробьи, а сена косят пол-40 копен, 2 обжы;
старого дохода за хлеб и за все пошлины 2 гривны; ключнику пол-коробьи ржы, пол-коробьи овса, 2 сыра, 2 горсти лну.
Д. Дедно…
А в вопчих деревнях с Рождественским монастырем, на Федоровском четвертом жеребьи:…</td></tr>
<tr><td>Хозяйственные параметры</td></tr>
<tr><td>Сведения о доходе с деревни</td></tr>
<tr><td>Название деревни...</td></tr>
<tr><td>Сведения о «вопчих» владениях</td></tr>
<tr><td>Итоги по владению по старому и новому письму, сравнение их количественных показателей</td><td>И всех деревень по старому писму и с вопчими четыре, а дворов в них 6, а людей 6 человек, а обеж шесть. А старого дохода…; и за тот доход давали денгами оброку…И убыло пол-обжы.
И по новому писму 2 деревни, а дворов в них…А оброку положено на те деревни денгами за все старые доходы…</td></tr>
<tr><td colspan="2">Преамбула, характеризующая категорию земельного</td><td>А в Буховском ж погосте великого князя деревни, что были Рождественского манастыря, что противу Рогатици»[7]</td></tr>
</table>

Представленная характеристика структуры книги Скурата является предварительной, дающей общее представление об уже систематизированных данных и о направлениях дальнейшей работы. Не исключено, что исследование палеографии и кодикологии источника Л.В. Мошковой позволит дополнить или даже скорректировать имеющуюся картину.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Работа написана при поддержке РГНФ: грант № 07-01-00287а.

[2] РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Новгород. №1. Ч. 1,2; издана Археографической комиссией: Новгородские писцовые книги. Т. I, II. СПб., 1859-1862.

[3] Фролов А.А. Методы работы писцов в Деревской пятине Новгородской земли во время письма 1495-1496 годов и проблема реконструкции писцовых полевых записей // Исследования по истории средневековой Руси. М-СПб., 2006. С. 299-318.

[4] О монастырях-магистратах см.: Янин В.Л. Из истории высших государственных должностей в Новгороде // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. ст. к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 118-127; Он же. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 136-149; Он же. Монастыри средневекового Новгорода в структуре государственных институтов // РПЛХФСПРПН. М., 1998. С. 911-922.

[5] Фролов А.А. Конфискации вотчин новгородского владыки и монастырей в последней четверти XV века // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2004, №4(18). С. 54-62.

[6] Полагаю, что такая манера организации материала в древнейшей писцовой книге – дань еще новгородской традиции налогообложения по владениям, а не по территориальным округам. Подробнее см.: Фролов А.А. Новый взгляд на территориально-административную систему земель Господина Великого Новгорода // Новгородский исторический вестник. Вып. 11(21) – в печати.

[7] НПК. Т. I. Стб. 753-755.

* * *

Д.А. Хитров, Д.А. Черненко

Земельные кадастры XVII-XVIII вв. как источник для изучения процесса дробления дворянского землевладения[1]

Для отечественной историографии характерен особый интерес к проблемам аграрной истории России, в том числе и к вопросам землевладения. При этом изменения в феодальном землевладении, как правило, исследовались на примере отдельных (обычно крупных) владений, по которым сохранились вотчинные архивы, или же статически, на основании единовременных описаний. Основная задача при этом состояла либо в выявлении внутренней хозяйственной структуры крупной вотчины[2], либо в описании количественных параметров феодального землевладения в рамках крупных районов[3] (например, Северо-Запад России) или всего Российского государства[4]. Значительно реже ставился вопрос о преемственности структуры феодального (родового) землевладения[5].

Данная работа предполагает сплошной сопоставительный анализ разных земельных описаний и выдвигает на первый план в изучении феодальной земельной собственности в России типичное (среднее и мелкое) владение. При таком подходе исследование неизбежно имеет локальный характер, его географические рамки – Дмитровский и Суздальский уезды.

Источниками для данной работы послужили писцовые книги 1620-х гг. и Экономические примечания к Генеральному межеванию 1760-х – 1780-х гг. (по выбранным уездам[6]), являющиеся специфическими кадастрами позднефеодальной эпохи. Безусловное преимущество этих источников состоит в сплошном охвате типизированными данными больших территорий на уровне отдельных сельских поселений. Проблема сопоставления писцовых книг первой трети XVII в. и Экономических примечаний к Генеральному межеванию – крупнейших земельных описаний в истории России – еще только начинает разрабатываться. О необходимости такого сопоставления писал еще С.Б. Веселовский[7]. Однако еще до появления работ на конкретном материале А.Л. Шапиро была высказана скептическая оценка продуктивности такого подхода[8]. Ряд исследований последнего десятилетия показал, что их сопоставление может дать интересные результаты при изучении проблем историко-экономического и историко-демографического характера[9].

Хитров Дмитрий Алексеевич, к.и.н., МГУ (Москва);

Черненко Дмитрий Анатольевич, к.и.н., ВГПУ (Вологда)

При этом стоит подчеркнуть, что, в отличие от писцовых книг, Экономические примечания к Генеральному межеванию как источник по истории землевладения практически не изучены. В советской историографии интерес к Экономическим примечаниям был связан в первую очередь с дискуссией по проблеме кризиса феодальных и генезиса капиталистических отношений в России во второй половине XVIII в. Соответственно, историков более всего интересовали вопросы эволюции феодальной ренты, развития крестьянских промыслов, степень обеспеченности крестьян землей[10]. Между тем, функционально материалы Генерального межевания в целом и Экономические примечания в частности связаны в первую очередь с институтом феодальной собственности на землю. Тем не менее, в новейшем исследовании по проблемам собственности в феодальной России нет указаний на работы, написанные на основе Экономических примечаний[11]. Одна из задач данного исследования состоит в том, чтобы восполнить этот пробел.

Как известно, характерная черта дворянского землевладения XVII – XVIII вв. – нередко встречающееся совместное владение одной дачей несколькими помещиками. В исторической литературе она специально ранее не рассматривались. В настоящей статье предлагается опыт изучения этого явления в контексте известного процесса дробления дворянской земельной собственности в данный период.

Между писцовой книгой и Экономическими примечаниями есть принципиальное отличие в способе фиксации земельной собственности, особенно видное в случаях с совладениями. Структурообразующим элементом писцовой книги является описательная статья, в которой перечислялись все поселения и пустоши, принадлежавшие конкретному помещику (или вотчиннику) в данном стане. Если же они принадлежали ему не целиком, то записывались за ним в этой же статье как отдельные «жребии» с относящимся к ним населением и земельными угодьями. Остальные «половины», «трети» и т.п. аналогичным образом перечислялись уже в статьях по другим совладельцам этих поселений и пустошей. Могло быть и так, что совместная дача не разделялась на «жребии» по разным статьям, а вся целиком записывалась на нескольких владельцев (как правило, родственников), но этот вариант встречается значительно реже. Таким образом, в большинстве случаев писцовая книга дает возможность оценить характер распределения земли и крестьян между владельцами совместных дач.

Иначе обстоит дело с Экономическими примечаниями. Структурной единицей этого источника является поселение (пустошь) или группа неразмежеванных поселений (пустошей), составлявших дачу. В Экономических примечаниях указано, сколько было в такой даче дворов, ревизских душ, угодий и дан список владельцев этой дачи. Отличие от

писцовой книги состоит в том, что мы не знаем, какая часть поселения или пустоши принадлежала каждому из ее совладельцев – задача такого тщательного размежевания больше не ставилась. Это различие между источниками означает невозможность сравнительного анализа распределения ресурсов между совладельцами в XVII – XVIII вв., что вынуждает изыскивать иные способы выявления динамики этого процесса. Методы и результаты проведенного анализа совладений представлены поочередно по каждому уезду.

Дворянские совладения в Дмитровском уезде в XVII – XVIII вв.

Писцовая книга зафиксировала 402 светских дачи. В писцовой книге упомянуто 305 помещиков и вотчинников. По жеребьям расписано 48 сельских поселений (10 % от их общего числа в уезде) и 86 пустошей (3 % от их числа). Из них почти половина принадлежат людям, носящим одну фамилию. Среди остальных также могли быть родственники, поскольку у совладельцев не зафиксировано обособленных владений. Жеребьи во владении имеются у 101 владельца (37 % от общего числа), причем у 28 владения состоят полностью из жеребьев. Судя по всему, перед нами в основном те случаи, когда размежевание проводилось писцами только на бумаге. Чаще всего перед нами имение, которое расписано равными жеребьями между родственниками. Еще у 73 владельцев имеются во владении как жеребьевые, так и целые поселения и пустоши, причем последние преобладают: на 63 жеребья поселений и 90 жеребьев пустошей приходится 83 поселения и 376 пустошей в единоличном владении. Как видим, поселения оказываются разделенными относительно чаще, причем при разделе поселения нередко одни тянущие к нему пустоши оказываются в одном владении, другие – в другом, не делясь, таким образом, по жеребьям. У 24 помещиков в общем совладении находится только центральное поселение, а тянущие к нему пустоши и мелкие поселения принадлежат этим совладельцам целиком.

Итак, в XVII в. жеребьевое владение крайне мало распространено в Дмитровском уезде, в основном в совладении оказывались поселения. Судя по всему, чаще всего оно возникало вследствие разделов имения между наследниками.

Перейдем к межевому материалу. В уезде в последней трети XVIII в. имеется 332 владельца – несколько больше, чем 140 лет назад. Доля совладений также стала более заметной и составляла примерно четверть как пустых, так и населенных дач уезда. При этом жеребьи были в среднем почти вдвое мельче единоличных владений (9 дворов против 19).

Теперь нужно уточнить вопрос о праве владения угодьями. Как уже говорилось, земельные отношения внутри дачи фактически скрыты от нас принципом составления Экономических примечаний. Однако возможность осветить этот вопрос все-таки существует. В уезде отдельно

обмежеваны 403 владельческие ненаселенные дачи – пустоши и луга. Для 4 из них неизвестно, к какому поселению они тянут, еще 11 обрабатываются крестьянами соседних уездов. Рассмотрим вопрос о принадлежности остальных 388.

Из них 226 (58 %) тянут к поселению, принадлежащему единственному владельцу, и записаны за ним же. Еще у 7, тянущих к таким поселениям, обнаруживается дополнительный владелец. 32 (8 %) сдаются чужим крестьянам. Остальные 123 (36 %) принадлежат к поселениям, находящимся в совладении. Из них чуть больше половины – 69 – находятся в общем владении всех хозяев, которым принадлежит поселение. Однако остальные принадлежат не всем хозяевам поселения (чаще всего одному из них). Наиболее ярким примером является сц. Петраково (21 двор), принадлежащее семи владельцам разных фамилий. Из 8 тянущих к нему отдельно обмежеванных пустошей только одна принадлежит всем семерым, у трех по 6 хозяев, у одной – 5, у оставшихся трех по 4, причем комбинации владельцев ни разу не повторяются.

На основании приведенных данных можно сделать ряд предположений. Если в XVII в. долевое владение поселением обычно сопровождалось жесткой фиксацией владельческих прав землю за конкретными феодалами (по крайней мере, на бумаге), то спустя 140 лет подавляющая часть земель оказывается их совместным владением, а регулирование землепользования, надо думать, в значительной степени передается крестьянской общине.

Однако было бы ошибкой придавать этой закономерности абсолютный характер. По крайней мере, у части владельцев сохраняется представление об их единоличной собственности на отдельные части альменды общего поселения.

Уточним состав владений – из скольких целых населенных дач и жеребьев они состоят. Наш анализ показал, что 29 владельцев не имели в уезде крестьян – пустоши либо тянули к поселениям, находящимся в соседних уездах, либо сдавались в аренду. Из остальных большинство (216, т.е. 71%) имеют владения только в одной населенной даче, еще 63 (21 %) – в двух, и только 24 (8 %) – в трех и более. Так или иначе, связаны с системой совладения 156 владельцев, 47 % от общего их числа. Поэтому исключительное значение имеет вопрос о том, появляются ли имеющие совладения собственники в устойчивых сочетаниях или жеребьевое держание перепутано, и землевладелец может иметь жеребьи в нескольких дачах вкупе с любыми совладельцами.

На первый взгляд, картина удручающе сложна: 101 из 156 феодалов встречается более чем в одной комбинации владельцев. Однако при детальном рассмотрении выясняется, что все многообразие их сочетаний сводится к 32 комбинациям (в среднем по 3 имени в комбинации). Наиболее частый случай: крупная дача находится в совместном

владении, однако у одного или нескольких помещиков также имеются единоличные владения. Таким образом, можно вычленить 210 «составных» владельческих комплексов. Из них 171 находится в руках одного владельца, остальные 63 принадлежат нескольким. Среднее количество владельцев составляет 1,5. Следовательно, мы можем утверждать, что в XVIII в. переплетение землевладельческих прав, подчас достаточно сложное, почти всегда замыкается сравнительно небольшим кругом лиц и имений.

Для объяснения этого факта нужно произвести довольно сложную перегруппировку данных. Как было показано выше, и в XVII, и в XVIII в. за сложной картиной совладений угадывается единый хозяйственный комплекс, принадлежащий нескольким владельцам и составляющий хозяйственное целое. Вычленив такие комплексы, можно сопоставить состав поселений и пустошей, входивших в них в XVII и в XVIII вв.

Таблица 1.**«Составные» владения XVIII в., ранжированные по числу владельцев-«предшественников» в XVII в.**

Количество комплексов –«предшественников»	**Число комплексов**	**В процентах**
1	110	73
2	25	17
3	7	5
4 и более	8	5
Всего	150	100

Из таблицы прекрасно видно, что абсолютное большинство (73 %) территориальных комплексов XVIII в. восходит к одному территориальному комплексу полуторавековой давности. Перед нами своеобразные «осколки разбитого зеркала», результат длительного пути – имение делилось между наследниками, какие-то его части продавались, затем часть элементов разрозненного целого вновь оказывалась в одних руках в результате пресечения боковых ветвей рода и т.д. Совладельцы постоянно были вынуждены считаться с тем, что хозяйственный комплекс, и, прежде всего земля, не может быть разделен иначе, как чисто юридически. В сущности, раздел деревни, села или группы поселений между помещиками-совладельцами был возможен исключительно как раздел крестьянских дворов и получаемой с них ренты, а не земли.

Дворянские совладения в Суздальском уезде в XVII – XVIII вв.

В Суздальском уезде доля совладений в XVII – XVIII вв. постоянно росла. На момент межевания (1775 – 1781 гг.) в совладении находилось 60 % населенных и ненаселенных дворянских дач уезда, принадле-

жавших в среднем 4 владельцам. В таких дачах оказалось более 50 % помещичьих крестьян около 60 % помещичьих земель.

В случае с Суздальским уездом прямое сопоставление материала писцовой книги с Экономическими примечаниями (т.е. движение от XVII века к XVIII) невозможно. Административные границы уезда XVII в. сильно изменились, и обширная территория Суздальского уезда в екатерининское время делилась между 7 уездами Владимирской и Костромской губерний (включая и собственно Суздальский). Поэтому при сопоставлении материалов двух кадастров приходится идти от материала XVIII в. к материалу XVII в., отыскивая в писцовой книге пустоши, поселения и их владельцев, зафиксированные в Экономических примечаниях.

В этой связи особенно важно, что в Суздальском уезде Генеральное межевание шло фронтально – с юга на север. Анализ уездных планов и атласов показал, что при таком подходе теснота порядковых номеров дач суздальских примечаний указывает на их взаимное расположение. Так, если мы в качестве условного примера возьмем некую дачу под № 120, то дачи № 100 – 140 (т.е. 20 номеров «перед» этим поселением и 20 номеров «после») образуют вокруг нее сплошной район. Это обстоятельство позволило получить интересный результат при обращении к старой фамильной принадлежности этих дач в первой трети XVII в. (по писцовой книге).

Таблица 2. **Дачи Экономического примечания, сгруппированные по фамилиям владельцев первой трети XVII в.**

Фамилия владельца по писц. кн.	**№ дачи по Эконом. прим.**	**Тип объекта**	**Название объекта**
Ангустовы	775	пустошь	Образова
Ангустовы	782	пустошь	Тюндикова
Ангустовы	787	пустошь "с пустошми"	Крюкова
Ангустовы	789	деревня	Семьинова
Басовы	512	пустошь	Максимцова
Басовы	513	пустошь	Тупикова
Басовы	522	пустошь	Лесная
Басовы	542	две пустоши	Сосновик и Малая Репнова
Басовы	543	село	Тейково
Басовы	544	пустошь	Посникова
Болдыревы	560	пустошь	Никифорцова

Болдыревы	561	пустошь "с пустошми"	Елники
Болдыревы	562	пустошь	Векшина
Болдыревы	565	пустошь	Горки
Болотниковы	473	сельцо с пустошью	Гридино и Резаново
Болотниковы	474	две пустоши	Иванова/Агафонова и Андрейково/Агафоново
Болотниковы	475	пустошь	Ярденева/Ядрева
Болотниковы	481	пустошь	Золомиха
Болотниковы	483	пустошь	Власиха
Болотниковы	528	пустошь	Стромова
Болотниковы	531	пустошь	Дрезгун

Можно заметить, что фамильный список владельцев первой трети XVII в. обусловил группировку дач Экономических примечаний по довольно хорошо различимым «кустам». В рамках этих «кустов» разница между соседними номерами дачи всегда меньше 10, а часто номера вообще идут друг за другом по порядку. Это однозначно указывает на тесное территориальное взаиморасположение дач и дает основание считать такую группу самостоятельным комплексом. Тем более, что и структура такой группы объектов часто указывает на это.

Так, найденные в примечаниях бывшие владения Ангустовых образуют комплекс вокруг деревни Семьиновой, к которой относятся две пустоши и пустошь «с пустошми». Перед нами жилое поселение, обеспеченное резервом угодий в пустошах. Писцовые владения Басовых дают в примечаниях два близлежащих комплекса. Первый представляет собой небольшую группу пустошей (первые три объекта Басовых в таблице), а второй – крупное село Тейково, бывшее в XVII в. центром большого стана, с тремя пустошами. Владения Болдыревых проявились в примечаниях в виде солидного «куста» пустошей. Бывшие владения Болотниковых, обнаруженные в Экономических примечаниях, довольно четко распадаются на два неравных комплекса: первый и основной представлял собой сельцо с набором пустошей, а второй («периферийный») – всего лишь пару пустошей.

Очевидно, что выделенные таким образом группы объектов Экономических примечаний – это рудименты писцовых дач, зафиксированные в последней четверти XVIII в. Можно ли говорить, что эти поселения и пустоши составляли владельческие (а не только территориальные) комплексы и через полтора века? Чтобы ответить на этот вопрос, было необходимо обратиться к составу владельцев выделенных

комплексов уже по Экономическим примечаниям и сопоставить их со списком владельцев по писцовой книге.

Выяснилось, что в 80 % таких комплексов нет никакой фамильной преемственности по сравнению с писцовой книгой: в составе их владельцев на момент межевания преобладали в основном новые фамилии. Причем в большинстве случаев это были именно совладения: из 98 комплексов в единоличном владении оказалось только 11, остальными владели в среднем по 7 собственников. Но это не значит, что выделенные нами группы поселений и пустошей были едиными комплексами только в первой трети XVII в., а на момент Генерального межевания распались. Выяснилось, что среди владельцев выделенных нами комплексов встречаются представители новых, но зачастую одних и тех же фамилий.

Это новое перераспределение могло быть и «чистым» (когда представители одной или нескольких фамилий были совладельцами всех поселений и пустошей комплекса), и «смешанным» (когда им принадлежала лишь часть поселений комплекса). Преобладание того или иного варианта имеет принципиальное значение: в сущности, доминирование определенных фамилий в этих совладениях и означает устойчивость владельческих комплексов.

Перед нами 98 комплексов, в которые входили сотни поселений и пустошей, а владели ими представители около 200 фамилий. Разбор столь многочисленных примеров мало что сможет прояснить – необходимо некое обобщенное выражение дробности владения комплексом. Эту единицу можно условно назвать «полнотой охвата комплекса». Она представляет собой процент поселений/пустошей комплекса, принадлежавших представителям одной фамилии (целиком или в совладении с другими фамилиями). Полученная единица довольно специфична. Например, полнота охвата в 50 или 100 % никак не означает, что тому или иному роду принадлежали 50 или 100 % земли или крестьян в рассматриваемом комплексе. Эти 100 % указывают на то, что представители данного рода «внедрились» в состав совладельцев всех поселений/пустошей старого комплекса, или (если это фамилия XVII века) смогли все их удержать за собой. Именно это и позволяет утверждать, что комплекс первой трети XVII в. не распался и на момент межевания, а продолжал оставаться целостным объектом владельческой политики даже в ситуации совладения между абсолютно новыми фамилиями.

Наш анализ показал, что полнота охвата комплекса владельческими фамилиями могла быть самой различной. Но даже и через полтора века примерно 30 % из них на правах совладения принадлежала какой-то одной фамилии, т.е. владельческий комплекс XVII в. полностью «воспроизвелся» в XVIII. Еще примерно в 40 % комплексах одна из

фамилий была представлена как совладелец более, чем половины его поселений и пустошей, т.е. прежний комплекс был «скорее жив, чем мертв». Доля полностью распавшихся комплексов, в которых владельческие фамилии удерживали минимум объектов, составила около 10 %. С учетом полуторавековой давности, такой результат указывает на очень медленный характер дробления структуры землевладения.

Таким образом, выбранные источники позволяют через анализ состава владельцев выявить основные тенденции развития такого явления, как совладение. Подтверждается тезис о том, что в XVII – XVIII вв. шел процесс дробления дворянского землевладения, однако абсолютизировать его нельзя. Хотя совладение становилось все более распространенным и даже преобладающим типом владения, пространственная организация дворянского землевладения отличалась высокой устойчивостью. Даже на момент Генерального межевания ее ядром в значительной степени оставался владельческий комплекс, зафиксированный еще в писцовом описании 1620-х гг. Невозможность его полного раздела между новыми совладельцами означает и невозможность пространственного обособления дворянского земельного владения, формальность владельческих прав помещика как собственника именно земли.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-01-00424а).

[2] Из новейших примеров этого подхода можно отметить фундаментальное исследование М.С. Черкасовой (См.: Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина России конца XVI – XVII в. (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М., 2004.)

[3] Аграрная история северо-запада России XVII века (население, землевладение, землепользование). Л., 1989; Кузнецов В.И. Из истории феодального землевладения России (по материалам Коломенского уезда). М. 1993 и др.

[4] Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. М., 1988.

[5] Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. М., 1990.; Он же. Светские феодальные вотчины во второй половине XVII в. М., 1996.

[6] РГАДА, Ф. 1209, Кн. 627, 628, 877; Кн. 11317 (Ч. 1 – 3), 11318 (Ч. 1 – 2), 11319, 11320 (Ч. 1 – 2); Ф. 1355. Кн. 69; РГВИА. Ф. ВУА. Кн. 18859. Ч. II.

[7] Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси. М. – Л., 1936. С. 100.

[8] Шапиро А.Л. Некоторые источниковедческие вопросы истории сельского хозяйства России (О составлении описей XVII, XVII и XIX вв.) // Исследования по отечественному источниковедению. М.-Л., 1964.

[9] Пиотух Н.В. Деревня, сельцо, село: типология сельских поселений // Россия в Средние века и Новое время. М., 1999; Она же. Сельское расселение и его динамика: первая половина XVII – вторая половина XVIII в. // Особенности российского земледелия и проблемы расселения (материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы). Тамбов, 2000; Хитров Д.А. К вопросу о тенденциях в развитии крестьянского землепользования в Центральном Нечерноземье в XVII-XVIII вв.// Вестник архивиста. 2003. № 5-6; Он же. К вопросу об эволюции феодального владения в Центральном Нечерноземье в XVII-XVIII вв. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2004. № 1. Черненко Д.А. Структура сельского расселения в Центральной России в XVII – XVIII вв. и проблема демографического оптимума (на примере Суздальского уезда). // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сборник научных трудов. Москва – Сыктывкар, 2005. Вып. 3. Ч. 2.

[10] Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957.; Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию (к истории русского крестьянства и сельского хозяйство второй половины XVIII в.) М., 1965 и др.

[11] Собственность в России. Средневековье и ранее новое время. М., 2001.

* * *

М.С. Черкасова

Хозяйственные книги Николо-Коряжемского монастыря XVI – XVII вв.

В статье дается обзор хозяйственных книг Николо-Коряжемского монастыря из собрания Вологодского музея-заповедника. Основанный около 1535 г. выходцем из вологодской Павло-Обнорской обители преп. Логгином, монастырь находится в 15 км от Сольвычегодска выше по течению р. Вычегды недалеко от впадения в неё речки Коряжемки. Большая часть его актовой и делопроизводственной документации (по преимуществу отписи в уплате налогов, половничьи порядные и различные челобитные) хранится в архиве Петербургского института истории (б.ЛОИИ) и по нему имеется ценное описание М.Г. Курдюмова, насчитывающее 1446 номеров за 1548-1746 гг.[1] Документы были приобретены Археографической комиссией у сольвычегодского земского врача Н.Г. Ордина. Хозяйственных книг в этой коллекции имеется всего пять.[2] Часть хозяйственного архива данной корпорации сосредоточена в настоящее время в Секторе письменных источников Вологодского музея-заповедника и несколько источников - в собрании А.П. Гранкова в ОР РГБ.

Черкасова Марина Сергеевна, д.и.н., ВГПУ (Вологда)

В собрании Вологодского музея имеется до трех десятков хозяйственных книг Коряжемского монастыря за конец XVI-го и XVII век, главным образом приходных, расходных и приходо-расходных. Наибольшее их количество относится к 80-90-м годам XVI в. и началу XVII в. Образуя фонд 4, они сформированы по двум описям.[3] Некоторые из коряжемских хозяйственных книг 1580-1590-х гг. упомянуты в отписной книге 1609 г. из коллекции А.П. Гранкова в ОР РГБ.[4] Документы из монастырского архива, хранящиеся в Вологде и Москве, являются принадлежностью коллекции известных краеведов (отца и сына) Н.И. и И.Н. Суворовых и имеют ряд их карандашных пометок. К ним обращался и использовал в своём историческом очерке о нём младший Суворов.[5]

Массив хозяйственных книг Николо-Коряжемского монастыря возник в ходе его функционирования как общежительной обители. Деятельность ряда ведомств по монастырскому управлению (келаря, денежного казначея, плательного казначея, житника, поваренного и сушиленного старцев) оставила документальный след в виде их приходных, расходных денежных и хлебных книг, различных отписных и переписных книг. В рамках названной совокупности можно выделить две основных разновидности хозяйственных книг: 1) *сводных* приходо-расходных и 2) *отдельно* составленных приходных и расходных. Характерной особенностью делопроизводства в Николо-Коряжемском монастыре было использование малоформатной бумаги (в восьмую часть листа), небольшие объёмы рукописных текстов (порой по 6-8 и менее листов), наличие в них не только делопроизводственной скорописи, но и книжного полууставного письма, не всегда чёткая видовая отчленённость фиксируемых объектов (в плательных книгах могли записываться инструменты и другие орудия труда, в расходных денежных – траты на приобретние продуктов, товаров и предоставление ссуд крестьянам).

Наиболее ранними в делопроизводственной практике Николо-Коряжемского монастыря стали отписные (или описные, переписные) книги, поскольку уже в мае 1567 г. (вероятно, в связи с включением Соли Вычегодской в опричнину) по распоряжению вологодского архиепископа Иоасафа владычным слугой Ф.М. Тороканового была составлена одна из первых его описей. Текст «отписного списка» 1567 г. был дважды опубликован Н.В. Калачовым в XIX в. (в 1864 г. по неисправному списку,[6] в 1884 г. по оригиналу[7]), а затем переиздан также по оригиналу в 1915 г.[8] Однако и отписная книга 1567 г. не являлась самой первой, так как в ее преамбуле упоминается «прежнее письмо игумена Иоасафа Щуки». В справочнике П.М.Строева годы настоятельства Иоасафа Щуки в Коряжемском монастыре не указаны, но помещен он после 1547 г., как и следовавший за ним игумен Павел.[9] После 1567 г. казна монастыря пострадала от пожара 1582 г., а уже в 1590 г. после казначея Леонида была составлена ещё одна опись казны,

объёмом в 4 лл с об., зафиксировавшая всего пару жалованных грамот (уцелевших после пожара) и некоторые материалы, инструменты.[10]

Расходные денежные книги Николо-Коряжемского монастыря назывались *«счётные»*. На их контрольно-учетный характер указывает, например, первая запись на книге 1589 г.: «Лета 7097 мая в 22 день игумен Иосиф Коряжемского монастыря и вся братья казначея Васьяна по сем книгам росходным сочли во всем сполна и дела до него нет. Подписал монастырьской диячок Семейко».[11] Значит, по таким книгам денежные казначеи «сдавали дела», передавая исполненную должность своему преемнику. Пребывание на ней в общежительных монастырях было срочным, в течение года-двух. Уже в ноябре 1589 – феврале 1590 г. денежным казначеем Федотом была составлена своя небольшая (объёмом в 6 лл.) расходная книга. В конце её также идёт запись о том, что 16 февраля 1591 г. на чёрном соборе казначей Федот «был считан во всём сполна». Этот же факт удостоверялся скрепой настоятеля: «К сем счётным книгам игумен Герасим руку приложил и зчитаны на соборе».[12]

На ежегодное ведение приходо-расходных денежных книг указывает ремарка отписной книги 1609 г.: «пятеры книги пяти годов» (даты их не отмечены). На основе сопоставления сохранившегося корпуса делопроизводственной документации и хозяйственных книг Коряжемского монастыря 1580-х-1600-х гг. с упомянутым в отписной 1609 г. составом его крепостной казны можно утверждать значительную утрату раннего архива корпорации (см. приложение). Так, в отписной книге суммарно упомянуто свыше 300 отписей, тогда как за 1580-1600-е годы реально сохранилось максимум 60-70 отписей в уплате коряжемскими казначеями государственных налогов дьякам четвертных приказов Дружине Петелину, Елизарию Вылузгину, Семейке Сумарокову, Ивану Вахрамееву, Богдану Иванову. Сами по себе они свидетельствуют о выполнении данным монастырём соборного решения 1584 г. об отмене монастырских «тарханов», причём некоторые из них датированы уже 1583 г. Практически отсутствуют упомянутые в отписной книге 1609 г. и платёжные отписи в уплате архиерейских налогов (скорее всего, церковной дани и других церковных пошлин в казну Вологодского владыки). Нет и списков («съёмов») с них, практиковавшихся в крепостной казне обители.

В то же время некоторые сохранившиеся разновидности учётных документов в отписной книге 1609 г. не фигурируют. Это относится к так называемым *«выдачным книгам»*, фиксировавшим получение казначеями денежных сумм из монастырской казны «на росход и всякую издершку». За 1599-1600 гг. имеется выдачная книга денег казначею старцу Никону (см. иллюстрацию), за 1601-1602 гг. – старцу Феодосию.[13] Вероятно, подобные выдачные книги (правильнее их было бы

назвать *листы*) следует считать первичной учётной документаций по движению денежных сумм.

Расходные книги, в которых фиксировалась выдача плательным казначеем братии одежды и обуви, назывались «казёнными *платяными*». Их «восьмушный» формат создаёт впечатление неких записных карманных книжек. В подлиннике объёмом в 18 лл. с об. сохранилась тетрадка платяного казначея старца Ивана от 1582/83 – 1583/84 гг.[14] Фактически это две его *памяти*: 7091 и 7092 гг., в которых была учтена выдача игумену, келарю, рядовой братии, слугам одежды и обуви. Сохранились две *«платяные книги»* казначея Леонида форматом в четверку, датированные мартом 1590 г.[15] В них листы были расчерчены на две колонки, в которых учитывалась выдача наёмным казакам: в первой – обуви («статья казачья обувь»), во второй – одежды и инструмента («статья казачье платье и топоры»).[16]

За сентябрь-октябрь 1588 г. уцелела расходная денежная книга денежного казначея Васьяна покупкам на нужды монастыря.[17] В ней также учтены выплаты казакам и половникам «летнего найму». В книге любопытно употребление такой денежной единицы, как «новгоротка» и такой старинной соляной меры, как «пуз». Васьяном (уже в качестве житничного старца) 17 сентября 1592 г. были составлены *семенные* приходные и высевные расходные книги, упомянутые в отписной 1609 г. Разновидностью хлебных книг являлись также указанные в отписной *«вывозные»* и *«мучные»* книги житничных старцев Афанасия Тройника, Питирима, Даниила, Трефилия (разных годов). Зафиксированы в отписной и даты хлебных вывозных книг житника старца Филарета – 1602-1605 гг., указанные в перечне М.Г. Курдюмова. В них фиксировалась хлебная торговля монастыря в голодные годы начала 1600-х годов. Самоназвание «мучные» может указывать на учет в таких книгах смолотого хлеба на монастырских мельницах либо на количество его, вывезенного на продажу. Продажа хлебных запасов в 1602-1605 гг. в какой-то степени могла компенсировать существенные денежные изъятия из коряжемской казны весной 1605 г. на «царя Дмитрия Ивановича»[18]. Вопрос этот нуждается в дальнейшем исследовании.

Разновидностями переписной учётной документации можно считать упомянутые в 1604 г. «переписные прошлых годов книги конские и рогатому скоту и казачьи черные и сенные». Одна из сенных книг форматом в восьмушку (11 лл. с об.) сохранилась за 1604 г.[19] Судя по характеру записей, она представляет собой некую заготовку с перечнем пожен монастыря, на которых следовало указать, сколько копён сена монахи «сена собою поставили» и сколько досталось им от половников. Маленький формат также делал её удобной именно как записную книжку для учёта конкретных данных непосредственно на месте сенокошения. В то же время особенностью данной книжки является её

почерк – это отнюдь не делопроизводственная скоропись, а близкое к полууставному письмо, во многом напоминающее почерк смешанного по составу кормового-синодично-вкладного сборника Николо-Коряжемского монастыря XVI-XVII вв.[20]

Обилие небольших по объёму денежных и платяных расходных книг и их хронологическая близость подтверждают наблюдение о регулярной смене лиц, ответственных за данное ведомство. Оно возникает при обращении к подлинной форматом в «восьмушку» отписной книжке казначея Феодосия 1595 г. В ней сначала приведены описи отдельных служб (келарской палаты, погреба, сушильни, «естовальной поварни»), а затем помечены передачи этих служб в течение 1595-1601 гг.: от старого келаря Герасима новому – Арсению; от старого Арсения новому - Трефилию; от старого Трефилия новому – Варламу и т.д. Келарь Трефилий, в свою очередь, отписал в «поварне естовальной» от старого повара Поздея новому повару Васке кухонную утварь. Недостача хотя бы одного предмета взыскивалась на том, кто передавал свое ведомство преемнику: за необнаружение в ходе подобной ревизии в поварне черной сковородки келарю Питириму пришлось заплатить 2 гривны.[21]

Помимо Николо-Коряжемского, учётная документация составлялась и в приписной к нему Христофоровой Богородицкой пустыни. Сохранилась небольшая (8 лл. с об.) расходная и приходная книга её старца Савватия форматом в восьмушку за декабрь 1619 – февраль 1620 г. В ней были зафиксированы отдельные покупки продуктов, но в основном – приношения «христолюбцев», сколько они «склали в казну Пречистой»[22].

В 1631/32 г. была составлена сводная приходо-расходная книга казначея старца Антония, включающая две части – каждую со своим заголовком. Объём книги 30 лл., формат – в четвёрку. Текст в главах приводится в виде двух колонок и в хронологическом порядке от сентября 1631 г. по август 1632 г. Приходный раздел состоит из шести обозначенных литерами глав, приходный – из десяти глав. Первая глава (литера а) озаглавлена «Приход денгам вкладным и сенаничным и свечным ис пустыни и от креста». Под пустыней здесь вновь понимается приписная к Николо-Коряжемскому монастырю Христофорова пустынь. Данная глава является по сути вкладной книгой за 1631/32 г., что подтверждает сам формуляр записи: «...такого-то месяца и числа такой-то дал вкладу...» После фиксации каждого вклада от частных лиц следует припись: «и вкладная в том ему дана». Среди вкладчиков фигурируют гостиной сотни В.Ф. Гусельников, другие торговые люди, крестьяне, представители местного духовенства с добавлением катойконимов типа «родом брянченин», «вологженин», «вычегжанка», «пинеженин», «новгородец», «тетюшенин», «пачезерец», «устьненин», «литвенин». Они рисуют довольно широкую географию социальных и духовных связей Коряжемской обители.

В первой главе фиксировались также вкладные деньги, предназначенные на приобретение церковного вина и свеч, что свидетельствует об отсутствии чёткой систематизации описываемых объектов в коряжемском делопроизводстве. Здесь же следует заметить, что элементы вкладной книги отразились уже в самой ранней описи монастыря – его «отписном списке» 1567 г. Вместе с тем какая-то отдельная *вкладная* книга велась по крайней мере в 1588 г., поскольку в расходной книге этого года отмечена запись выплат казначеем Васьяном некоемому «Герасиму от письма, писал книгу *вкладную*, дал найму гривну»[23]. Интересные наблюдения о многообразии видов вкладных записей и способов их фиксации в монастырях севера и центра России приведены в статье С.В.Стрельникова, намечающей пути исследования типологии монастырских вкладных книг вообще.[24]

Во второй главе приходного раздела книги 1631/32 г. (л.5-6) был записан приход денег от хлебной продажи в монастыре и у Соли (Вычегодской. – *М.Ч.*) от котла от вари. Речь должна идти, вероятно, о доходах монастыря от соляной продажи. В третьей главе (л.6об.-7) были зафиксированы налоговые сборы внутри коряжемской вотчины («приход денгам данным и оброчным»). В четвёртой (л.7об.-10) – приход деньгам по кабалам (с любопытной формулировкой о том, что при погашении долга «кабала ему выдана *вон*»). Здесь несколько листов были оставлены чистыми, а колонки в них не заполнены (скорее всего, для последующего внесения сведений). Эта черта указывает на текущий, делопроизводственный характер данной главы.

В пятой главе отражён приход судебных пошлин («пересуд», «правый десяток» и «езд»), взимание которых отражало осуществление административно-судебных прерогатив коряжемского келаря старца Данила. Полученные деньги, как говорилось в главе, были им сданы денежному казначею старцу Антонию. Подобный раздел, несомненно, напоминает наиболее раннюю монастырскую хозяйственную книгу – Долговую – Иосифо-Волоколамского монастыря 1530-1540-х гг. С.М. Каштанов образно определил её, как памятник иммунитетного права, вышедший из-под пера самого иммуниста».[25]

Структура расходной половины книги 1631/32 г. отражает траты монастыря на приобретение материалов для богослужения (воск, мёд, темьян), выплаты крылошанам и попам; государственных налогов (в том числе и «сибирского запаса»); ссудно-подможную деятельность монастыря; его закупки рыбы и соли; сукна и холстов; белой и красной кожи; посуды; железа; оплату труда наемных работников (казаков, плотников, дровосеков).[26] Между приходным и расходным разделами книги помещена сделанная 1 сентября 1632 г. пространная запись от лица всего собора (14 чел.) о том, что казначей Антоний «считан» в его приход (1299 руб. 16 алт. 2 ден.) и расходе (571 руб. 27 алт. 4 дн.) и

остаток за расходом (721 руб. 24 алт. 5 ден.) передан новому казначею старцу Иеву на 7141 (1632/33) год.[27]

Приходную (а по сути вкладную) главу книги 1631/32 г. можно сравнить с аналогичной главой приходо-расходной книги денежного казначея старца Ферапонта 1646/47 г. Здесь записаны поминальные вклады деньгами, хлебом, скотом и даже землёй (от Строгановых). Вкладами было обусловлено внесение определённого количества имён «в литию (столько-то) и сенаник (столько-то)». В отличие от вкладной главы 1631/32 г., в книге 1646/47 г. приведены ремарки типа «Род Якова Тимофеева Божедома устюжанина». Особенностью оформления приходо-расходной книги 1646/47 г. в целом является наличие полистных скреп трёх участников монастырского собора, заверявших, что они на счёте казначея старца Ферапонта были и руку приложили. Заключительная запись о том, что Ферапонт считан в приходе (610 руб.12 алт.) и расходе (559 руб.26 алт.) датирована сентябрём 1647 г., а оставшаяся за расходом наличная сумма (50 руб.17 алт. 3 ден.) передавалась на 1647/48 г. новому казначею старцу Моисею.[28]

В приходном разделе книги 1646/47 г., как и в книге начала 1630-х годов, имелась составленная в ведомстве келаря глава, отметившая поступление административно-судебных пошлин. Помимо названных выше («ездовые деньги» по наказным памятям; «пересуд»; «правый десяток»), это ещё был учёт «*провара* от больших и малых пивных котлов». Провар здесь близок по смыслу к древнерусскому термину, обозначающему, во-первых, меру мёда или пива, а, во-вторых, пошлину «перевару» - за варку крестьянами мёда или пива.[29] Самостоятельная же келарская книга прихода подобных платежей сохранилась за 1665/66 г. и была составлена старцем Кузьмой. Её формат – восьмушка, объём 12 лл. Размер пошлины «провары» за предоставление келарем в вотчинные деревни пивных котлов составлял: с малого котла – по 8 ден. с большого – по 3 алт. Кроме того, келарь мог продавать в коряжемские деревни произведённые на монастырской поварне «пивные дробины». Всего 2 сентября 1666 г. им было сдано денежному казначею старцу Илинарху своих «зборных денег» 6 руб. 24 алт.[30] Ещё одна годовая книга сбора судебно-административных пошлин келарем Козьмой имеется за 1671/72 г.[31] Вероятно, частой сменяемости этого должностного лица в монастыре в 1660—1670-е годы, в отличие от денежных и плательных казначеев, житников, не было. Представляет также интерес одновременно (в мае-июле 1672 г.) с келарем Кузьмой составленная отдельная приходная книга келаря же Власия записи платежей за пивные дробины.[32] Эволюция института келарства в Николо-Коряжемском монастыре, как и других должностных инстанций, требует специального изучения.

Весьма любопытны и расходные *посевные* (они же *посельные*) книги из его архива. В Архиве Петербургского Института истории РАН

имеются отмеченные М.Г. Курдюмовым «посельные ржаные и яровые книги за 1631 г. А в собрании Вологодского музея-заповедника сохранились книги житника старца Архипа «посевные ржаные и яровые книги деревням и посельщикам и половникам семяна и за семяны что Бог пошлёт приполону» за 1633/34 г..33 Слово «приполон» следует понимать, как прибыль, доход.[34] Формат этих книг – восьмушка, объём 32 лл. (4 сшитых тетрадки), текст дан по трём колонкам, соответствующим посеву и «приполону» основных хлебов на трёх участках – ржи (иногда в комбинации с пшеницей), овса (в комбинации с пшеницей же или горохом) и ячменя (в комбинации с горохом же и семенем конопляным). Книга имеет литерную структуру – буквой алфавита пронумерованы конкретные домениальные деревни с поимённым указанием в них посельщика (явный аналог посельского старца в центральнорусских монастырях) и половников (одного-двух, иногда трёх). В колонках фиксировалось количество хлеба посеянного, приполонного и – в ряде случаев – оставленного на семена в деревенской житнице («сусеке»). Используемая хлебная мера называется «коробица» и ещё две более мелкие – «ковш», «решето», «перст». Иногда фигурирует определение просто «мера» - монастырская или деревенская. В отдельных случаях в колонках указывалось, какое количество данного хлеба (овса или пшеницы) повезли на продажу в Соль Вычегодскую. В книгах житника Архипа отмечалось также количество хлеба, во-первых, привезённого из коряжемских деревень и приписной к нему Христофоровой пустыни непосредственно в монастырь и на мельницу, во-вторых, оставшегося в деревенских «сусеках» и, в-третьих, вкладного, данного для поминания «христолюбцами». В конце расходной посевной книги старца Архипа была зафиксирована выдача хлебопродуктов монастырским посельщикам – муки ржаной, толокна, заспы, крупы, солода.

Следующая по времени книга житника (старца Савватия) сохранилась за 1663 г. Называлась она книгой «приполонной хлебу – вывоз из деревень». Формат её – восьмушка, объём 14 лл.[35] В начале в ней указан общий сбор («приполон») хлеба «со своей монастырской пашни трехгуменной» и его структура: 204 меры ржи, 120 мер овса, 15 мер ячменя, 3 меры пшеницы и пол-3 меры ярицы (яровой ржи). Затем эта структура раскрыта более дифференцированно на уровне каждой домениальной деревни с указанием, сколько хлеба вывезено в монастырь, а сколько – на мельницу.

Таковы некоторые предварительные наблюдения над комплексом хозяйственных книг Николо-Коряжемского монастыря из собрания Вологодского музея-заповедника.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Количественный и видовой состав финансово-хозяйственной документации Николо-Коряжемского монастыря по отписной книге 1609 г.

наименование	количество
платёжная документация	
«старые платежные и ямские отписи»	333
«съёмы с платежных отписей»	20
«платежные отписи»	17
«архиерейские отписи»	33
вотчинные хозяйственные книги	
«казённые приходные денежные»	12
«казённые расходные денежные»	12
«приходные хлебные»	2
«расходные высевные»	2
«вывозные хлебные»	6
«мучные»	3
«переписные»	6
«отписные»	4
«платяные»	7

Источник: ОР РГБ. Ф.711 (Собр. Гранкова). Оп.1. Кн.190.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Курдюмов М.Г. Описание актов, хранящихся в архиве имп.Археографической комиссии. Ч.1. Акты Коряжемского монастыря // Летопись занятий Археографической комиссии за 1910 г. Пб., 1911. Вып.23.

[2] Там же. № 77, 85, 341, 363, 431.

[3] Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель.Ч.4. Вып.3. Документы XVI – начала XX веков Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника / Под общ. ред. П.А.Колесникова. Вологда, 1998. С.120-144 (далее ВГИАиХМЗ).

[4] ОР РГБ. Ф.711. Оп.1. Кн.190. Книга упомянута в издании: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им.В.И.Ленина. Указатель. М., 1996. Т.1.Вып.3. С.411 (автор текста – Ю.В. Анхимюк). Благодарю Ю.В. Анхимюка за предоставленную мне возможность ознакомиться с фондовой описью коллекции Гранкова.

[5] Суворов И. Николаевский Коряжемский монастырь Сольвычегодского узда Вологодской губернии. Вологда, 1901 (оттиск из Вологодский епархиальных ведомостей того же года).

[6] Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т.2. СПб., 1864. № 264. Стб.632-634 (по неисправному списку из собрания Археографической комиссии);

[7] Там же.Т.3. Спб., 1884. Стб.388-397 (по точно датированному оригиналу из «портфелей» Археографической экспедиции).

[8] Русская историческая библиотека. Т.32 (Архив П.Строева. Т.1). Пгд., 1915. № 229. Стб.458-469 (без ссылки на АЮБ. Т.3).

[9] Подробнее см.: Дмитриева З.В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI-XVII вв. СПб., 2003. С.71-73

[10] Курдюмов М.Г. Описание актов ...С.1 - № 5; ВГИАиХМЗ. Инвентарная опись Вологодского областного краеведческого музея (далее ВОКМ) -26646/8.

[11] ВОКМ-26646/4.Л.1.

[12] ВОКМ-26646/5. Л.5.

[13] ВОКМ-26646/10, 26646/11.

[14] ВОКМ-26646/2.

[15] ВОКМ-2664/7.

[16] Там же. Л.6.

[17] ВОКМ-26646/3.

[18] ВОКМ-26646/14. Л.1,2об.

[19] ВОКМ-26646/12.Л.4. Этот лист по содержанию никак не связан с дальнейшими записями, Очевидно, он случайно оказался подшит к следующей за ним целостной тетрадке.

[20] Гос. архив Вологодской области. Научно-справочная библиотека. Инв. 8598.

[21] ВОКМ-26646/9. Л.6 об.

[22] ВОКМ-26646/23.

[23] ВОКМ-26646/3. Л.2об.

[24] Стрельников С.В. К вопросу о предназначении вкладных грамот и вкладных книг // Очерки феодальной России. М.-СПБ., 2006. Вып.10. С.58-74.

[25] Каштанов С.М. К проблеме происхождения феодального иммунитета // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1959. № 4. С.106-121.

[26] ВОКМ-26646/28.

[27] ВОКМ-26646/29.Л.11об.

[28] ВОКМ-266646/44.Л.12-14.

[29] Даль Вл. Словарь живого великорусского языка. Т.4. М., 1980. С.471; Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т.2.Ч.1. Стб.897; Ч.2.Стб.1512.

[30] ВОКМ-26646/50.Л.9.

[31] ВОКМ-26646/55.

[32] ВОКМ-26646/56.

[33] ВОКМ-26646/31.

[34] Словарь вологодских говоров. Вып.8. Вологда, 1998. С.58.
[35] ВОКМ-26646/48.

* * *

И. А. Чернякова

Концепция изучения традиционной крестьянской семьи в Карелии доиндустриальной эпохи по массовым источникам нового времени

Благодаря тому, что государственные чиновники, определяя формуляр кадастровых документов, каковыми в силу развития системы учета налогоплательщиков в России стали пришедшие на смену писцовым и переписным книгам материалы переписей населения, осуществлявшиеся в виде сбора так называемых «ревизских сказок», в ходе проведения третьей ревизии (1760-е гг.) предусмотрели обязательное внесение сведений о женском населении с указанием возраста, исследователь располагает верифицируемой исторической информацией массового характера для суждений о традиционно сложившихся к тому времени и бытовавших в различных регионах империи вплоть до второй половины XIX века моделях брачного поведения. Научно-исследовательский интерес к структурно-организационной стороне семейной жизни российского крестьянского социума существенно повысился в последнее время благодаря возможности использовать новейший технологический инструментарий для накопления и систематизации историко-демографической информации. Компьютерное оборудование, снабженное современным программным обеспечением, позволяет ставить и решать задачи, еще совсем недавно выглядевшие непреодолимо трудоемкими.

Актуальность представляемому исследованию сообщает акцентированное внимание общественных наук к гендерному аспекту социокультурной истории. Дискуссии о пределах индивидуальной свободы и социальной необходимости неизбежно обращаются к жизнестойкости семейных коллективов. Уже не только для Западной Европы, где едва ли не с позднесредневековых времен весьма заметной стратой в любом локально взятом сообществе были мужчины, никогда не вступавшие в

Чернякова Ирина Александровна, к. и. н., ст. н. с., доцент, руководитель Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии ПетрГУ (Петрозаводск), доцент Российской истории Факультета социальных наук и региональных исследований финского Университета Йоэнсуу (Финляндия)

брак[1], но и для России стало привычным констатировать кризис семьи и традиционных семейных ценностей[2]. И это при том, что, строго говоря, и сегодня трехпоколенная семья не такая уж редкость. Во всяком случае, никого не удивляет совместное проживание родителей и их взрослых детей, нередко не только с мужьями (женами), но уже и с детьми (внуками первой пары). Примером тому — многочисленные студенческие семьи. Понятно, что данный аспект современной демографической ситуации продуцируется внешними условиями, однако, особенно при заинтересованном отношении, его нередко связывают с внутренним тяготением общества к «большой патриархальной семье».

Понятно и то, почему спровоцированный еще в конце 1960-х гг. британским историком Джоном Хайналом (John Hajnal) сакраментальный вопрос «Где кончается Европа?» до сих пор привлекает новых и новых апологетов, готовых скрупулезно выяснять по бесчисленным базам микроданных процентные соотношения женатых (замужних) в младших и средних возрастных группах; вычислять количество одиноких среди лиц старшего возраста; сортировать домохозяйства по степени сложности состава коллективов, в них проживавших; отслеживать преобладали разделы до или после смерти главы семейства; разыскивать в необозримой массе архивных документов свидетельства в объяснение того или иного варианта наследования имущества в различных локальных сообществах к западу и востоку от все той же знаменитой «черты Хайнала»[3]. В этой, на первый взгляд кажущейся умозрительной, важной лишь для самих исследователей, и вот уже без малого полстолетия длящейся дискуссии, на самом деле присутствует нечто, будоражащее воображение, сообщающее ей культурный, даже этнический, контекст.

И точно так же, как нельзя абсолютно всерьез воспринимать линию, условно проведенную на карте между Триестом и Санкт-Петербургом (тогдашним Ленинградом) в 1969 году, как четкую разделительную границу между «европейским»[4] и «неевропейским» (или, пользуясь более корректным определением самого Дж. Хайнала, «восточноевропейским»[5]) типом семейного и брачного поведения, невозможно, как выяснилось, и игнорировать разницу, с очевидностью выявляемую в поведенческих ориентациях людских сообществ в западной и восточной частях территории, привычно именуемой Европой.

Действительно, хотя ответы на вопросы, поставленные единомышленниками и последователями развившего наблюдения Дж. Хайнала о «европейской брачной модели» Питера Ласлетта (Peter Laslett), тоже британца, профессора Кембриджского университета, в целое исследовательское направление, изучающее структуры основной ячейки доиндустриального общества — домохозяйства[6], далеко не всегда подтверждали ожидания[7], сама гипотеза, как показывает историо-

графический обзор, высокопрофессионально сделанный белорусским историком Вячеславом Носевичем, никогда не рассматривалась как несостоятельная[8].

Здесь следует заметить, что аккумулированные в восточноевропейской историографии данные не всегда поддавались сопоставительному изучению с выявленными западноевропейскими учеными моделями брачного семейного поведения. Убедительные результаты, достигнутые отечественными социальными историками еще дореволюционной поры[9], равно как наиболее часто цитируемыми представителями советской школы социально-демографических исследований: Е.Н. Баклановой (Швейковской), М.В. Биленко, И.В. Власовой, Н.А. Горской, Н.А. Миненко и О.Б. Кох[10], которая обобщила в рамках руководимого А.Л. Шапиро четырехтомного коллективного труда «Аграрной истории Северо-Запада России» первичные материалы вовлеченных в проект исследователей, в том числе, и собранные автором данных строк относительно Заонежских погостов (северной части Обонежской пятины в XVI — первой половине XVII вв.)[11], не вписывались в предложенную кембриджской школой методику изучения населенности дворов по принципу выделения шести типов домохозяйств. Наши данные были подсчитаны и сгруппированы в традиционно сложившихся в отечественной науке относительно исторических типов семьи методиках, обоснованных и убедительно представленных в начале 1980-х гг. В.А. Александровым[12]. Кроме того, в силу специфики источников и конкретных исследовательских задач, суждения о структуре домохозяйств (дворохозяйств) часто носили в советской историографии попутный характер, были отрывочными и фрагментарными. Сплошное сопоставление с данными западноевропейских исследователей на уровне итоговых цифр оказывалось невозможным. И это создавало на западе, с одной стороны, впечатление отставания восточноевропейской историографии, а с другой — формировало невероятную заинтересованность и даже убежденность, что при должном подходе «линия Хайнала» будет подкреплена конкретно-историческим содержанием.

Между тем, полученные в результате многочисленных исследований, в том числе осуществленных в соответствии с разработанным и убедительно апробированным самой авторитетной в этой области знания кембриджской группой Питера Ласлетта (Cambridge Group for the History of Population and Social Structure) методом «диагностических параметров», современные представления о преобладавших в разных частях Европы традициях брачного поведения и семейных структурах чрезвычайно далеки от того, чтобы безоговорочно подтвердить на более широком материале столь много обещавшие результаты микроисследований Питера Запа (Peter Czap)[13]. Вышедшие в начале 1980-х гг.

и сразу заслуженно признанные классическими, его статьи доказательно свидетельствовали: в последней четверти XVIII — первой половине XIX века доли сложных (многосемейных) и простых (односемейных) домохозяйств в России (исследовались владельческие имения князей Гагариных, находившиеся в Рязанской и Тверской губерниях: Мишино и Суховарово) соотносились с западноевропейскими характеристиками семейных структур с точностью до наоборот. В то время как в рамках западной модели поведения 70—85% малых (нуклеарных) семей вели хозяйство и растили детей совершенно самостоятельно, в российской глубинке доля многосемейных дворов доходила до 79.6% в 1834 г. (Суховарово) и до 81.9% в 1825 г. (Мишино)[14].

Вдогонку за постоянно цитируемыми статьями Питера Запа было предпринято немало исследовательских проектов. Результаты по-прежнему не носят всеохватывающего характера и, будучи основанными на локальных комплексах источников, территориально сконцентрированы в дополнение к уже упомянутым рязанским и тверским имениям на отдельных ареалах в составе Ярославской, Московской, Тамбовской, Воронежской, Тульской, Костромской и Минской губерний. По понятным причинам столь ожидаемые сопоставительные данные о демографическом поведении крестьянства имперской России возможны не ранее, чем с 1760-х гг. Но даже это, как выяснилось, достижимо далеко не повсеместно. В основном, хронологические рамки опубликованных исследований ограничены первой половиной XIX века. Активные последователи кембриджской школы американцы Стивен Хок (Steven Hoch), Кристина Воробек (Christine Worobec), австриец Михаэль Миттераурер (Michael Mitterаurer), француз Ален Блюм (Alain Blum), норвежка Хердис Колле (Herdis Kolle) опубликовали целый ряд добротных и авторитетных работ, основанных на российской документальной базе[15]. Одновременно, нередко в рамках совместных проектов, активизировался процесс изучения семейных структур и традиционных моделей брачного поведения отечественными исследователями[16]. Это позволило существенно расширить спектр задействованных источников. Для извлечения сопоставительных данных массового характера стали привлекать кроме ревизских сказок и исповедных ведомостей приходские метрические книги.

Одним из результативных проектов такого рода явилось совместное исследование университетских ученых Тамбова, Санкт-Петербурга, Ярославля и Петрозаводска, инициатором которого выступил Пим Кооий (Pim Kooij), профессор Гронингенского университета (Нидерланды). Два сборника научных статей, объединенных общей идеей и скоординированными в ходе нескольких внутрипроектных семинаров методиками извлечения и анализа исторической информации, увидели свет в 1998 и 2004 гг.[17] (второй из них — с активным участием автора

этих строк)[18]. Участники проекта (Владимир Дьячков, Валерий Канищев, Сергей Кащенко, Юрий Мизис, Ирина Шустрова, Geurt Collenteur, Richard Paping и их соавторы), отрабатывая методики когортного анализа, подвергли сопоставлению выявленную по метрическим книгам отдельных приходов Тамбовской, Ярославской, Олонецкой губерний и северных Нидерландских провинций (Гронинген, Брабант) динамику рождаемости, брачности и смертности во второй половине XIX – начале XX в. Относительно наиболее злободневного вопроса – о процентном соотношении простых и сложных семей – тамбовские материалы, проанализированные с использованием специально разработанной уникальной базы данных, позволяющей учитывать информацию и метрических книг, и ревизских сказок, показали наличие восточноевропейской модели: согласно микроисследованию трех сел в период с 1816 по 1858 г. доля многосемейных дворов составляла от половины до более чем 80%[19]. В то же время карельские материалы, подвергнутые анализу по возрастным группам, с очевидностью демонстрируют следование разным моделям брачного поведения в границах Олонецкой губернии (к более детальному представлению наших результатов обратимся ниже).

В целом приходится констатировать – с какой бы стороны ни подходили исследователи к интересующим всех ключевым параметрам, характеризующим традиционные модели брачного поведения и семейных структур: выявляя сравнительно-аналитические показатели, апеллируя к статистическим данным, реализуя методики когортного анализа в предпринимаемых микроисследованиях, единственно позволяющих находить верифицируемые ответы на поставленные вопросы, – углубленное изучение всегда показывает а) большую вариативность поведения локальных людских сообществ, чем ожидалось; б) абсолютную значимость поиска статистических различий (количественных характеристик), сопоставление которых, как правило, много более информативно, чем словесные описания (качественные характеристики); в) необходимость соблюдения одинаковых методик сбора и анализа (подсчета) информации.

Заметим также, что следует учитывать очевидную недоказанность древности изначально и aprіorі навязываемой российской модели брачного и семейного поведения. Как убеждает собственный исследовательский опыт, характеристики дворохозяйств в Заонежских погостах по данным 1670-х гг. (!) были близки скорее западноевропейской, чем восточноевропейской модели. Скрупулезная группировка родственных семейно-дворовых коллективов по двум карельским приходам, расположенным в разных частях региона (на северном побережье Онежского озера, и к югу от него) выявила абсолютное преобладание доли дворов, населенных однопоколенными и двухпоколенными

семьями прямого родства, то есть, одинокими (single), супругами без детей и супругами с детьми (simple family), которая составляла почти 64%. Причем, последние — малые супружеские семьи с малолетними детьми, доходя до 47% в этой доле, абсолютно превалировали (в 2.5 раза)[20]. Доля многосемейных коллективов (multiple family & extended family) (неразделенная семья, согласно принятой тогда методике типологизации) составила в свою очередь неполные 36%. Попавшие в эту категорию дворы включали: а) stem family, то есть, супругов с женатым сыном и внуками, семьи с зятем, в том числе семьи с младшими детьми, зятем и внуками, б) frereche, то есть, семьи братьев без детей, женатых братьев с детьми, младшими братьями и племянниками, женатых братьев с женатыми сыновьями и внуками, семьи с шурином, в) joint family, то есть, супругов с детьми и племянниками, супругов с женатыми сыновьями, внуками и племянниками. Большей частью сложные домохозяйства по нашим данным представляли собой братские семьи (20%), сформировавшиеся при этом не из живших в составе одного домохозяйства вместе с отцом женатых братьев, не из продолжавших делить кров после смерти отца женатых братьев, а из братьев, потерявших отца еще до того, как они успели вырасти и обзавестись собственными семьями. Это был своего рода феномен осиротевшего семейства (7.4%), естественным образом перераставшего в дворохозяйство женатого старшего брата с детьми, который помогал «встать на ноги» младшим братьям (10.7%)[21]. Таким образом, даже относительная многосемейность карельского крестьянина в последней трети XVII века носила весьма специфический характер и была спровоцирована отнюдь не патриархальными традициями, как можно было бы ожидать, а осложнением демографической ситуации привходящими обстоятельствами: навязанной государством в массовом обязательном порядке службой в пашенных солдатах; вынужденным участием в дальних походах; увечьями, и даже гибелью в ходе военных действий множества местных крестьян.

Пора наконец обратить пристальное внимание на то, что отечественная историография, по крайней мере для северо-запада России, констатирует никем не ожидаемое увеличение доли дворов сложного состава на протяжение XVII века и затем к веку XIX-му, а не наоборот[22]. Несмотря на известную лапидарность писцовых описаний в отношении обитателей крестьянских дворов, пристальный сопоставительный анализ их информации и информации переписных книг в рамках проведенного нами тогда же в 1980-е гг. исследования, очерченного территорией северо-восточного и северо-западного побережий Онежского озера также позволил уверенно констатировать процесс укрупнения населявшего двор родственного коллектива от 20-х к 70-м гг. XVII в.[23]

Не случайно акценты общеевропейской историографии в обсуждаемой проблематике к настоящему времени очевидным образом сместились. Исследователи перестали ограничиваться констатациями того, что являли собой семейные структуры в разных регионах, но настойчиво пытаются обозначить весь спектр явлений и обстоятельств, как эпизодических в масштабах истории, так и долговременных, влиявших на их формирование. И здесь нельзя не подчеркнуть: кажется, начинает преодолеваться традиционно присущее историографии исключительное внимание к факторам экономического порядка в поисках причин, воздействовавших на формирование той или иной демографической модели. Справедливо оставляя на первом месте обеспечение жизнеспособности дворового коллектива (домохозяйства), требовавшее от семьи в Западной Европе и от семьи в Восточной Европе в обсуждаемый период времени разных решений в существенно различных рыночных и хозяйственных условиях, исследователи проявляют готовность анализировать и учитывать другие факторы, влиявшие на выбор поведенческой модели неявно, будучи растворенными в культурных приоритетах и ориентациях, пусть не принципиально разных, но, конечно же, по-разному преломившихся в историческом развитии католического и православного миров, каждый из которых в свою очередь состоит из многонациональных сообществ европейских народов. В этом смысле обращает внимание перспективность подхода к проблеме с позиций обычного права, всегда имеющего некий дополнительный местный понятийный колорит, а также с учетом психоисторических и лингвистических критериев[24].

Таким образом, проблема традиционных поведенческих ориентаций в сфере брака и семьи остается одной из наиболее обсуждаемых в современной мировой историографии. Хотя больше не говорят об искомой «линии Хайнала», как некой демаркационной черте, внимание тем не менее по-прежнему приковано к территориям, в которых предполагается смещение или смешивание традиционных — западной и восточной — моделей демографического поведения, к выявлению своего рода зоны перехода. Безусловно, к таковым относится Карелия. Правда, В. Носевич, понимая под «широкой переходной зоной» предположительно Польшу, Словакию, Румынию и уверенно Балтию, Беларусь, правобережную Украину, а также Финляндию, не включает в свой перечень эту важнейшую в контексте обсуждаемых сюжетов, вплоть до XX века этнически однородную территорию, разделенную историей между двумя государствами. Тем самым он упускает из виду немаловажное обстоятельство: работы Кирси Варпула (прежняя фамилия Сирен) (Kirsi Siren, Warpula) и Элины Варис (Elina Waris), внесших немалый вклад в историографию обсуждаемой проблемы, сфокусированы на сравнительном изучении именно карельской традиционной

семьи. Подвергнутое ими анализу демографическое поведение обитателей Кюммене и Руокалахти, входивших в населенную карелами юго-восточную часть Финляндии: так называемую «Северную Карелию», и позволило им выявить искомые черты переходной зоны между восточным и западным путями развития крестьянских домохозяйств[25].

Безусловным и значительным продвижением в этом смысле является коллективная монография, увидевшая свет как результат не так давно завершенного совместного проекта, выполненного по инициативе и с лидерством Тапио Хямюнена (Tapio Hamunen), профессора университета Йоэнсуу (Финляндия)[26]. В соавторстве целым рядом финляндских (Aslak Aikio, Jukka Partanen, Matti Polla, Yury Shikalov, Elina Waris, Kirsi Warpula), российских (Сергей Кащенко, Марина Куропятник, Ирина Чернякова) и британских (Tracy Dennison, Beatrice Moring) ученых, активно и плодотворно изучающих демографические модели традиционных обществ, создана широкая палитра сопоставительных характеристик семейной структуры и брачного поведения в границах Беломорской Карелии, Олонецкой Карелии, Приграничной Карелии, Северной Карелии, волею политических судеб и обстоятельств существующих в составе двух государств, занимая широкую полосу территории от Карельского перешейка до Белого моря. В книге широко задействован компаративный подход, все выявленные в архивных документах данные анализируются с учетом последних достижений историографии вопроса, к тому же с привлечением для анализа материалов по соседней Эстонии, тоже находящейся в зоне искомого «перехода». Следование единой методике, выработанной авторитетной школой Питера Ласлетта[27] (Cambridge Group), позволяет буквально «раздвигать» рамки изученной территории с появлением каждого нового микроисторического исследования.

Объектом исследования нами выбраны пять отдельных приходов Олонецкой Карелии: в южной ее части (Ялгуба), средней (Сямозеро) и северной (Реболы); один приход в Беломорской Карелии (Панозеро) и один — в Тверской Карелии (Пятницкое). В них жили соответственно *карелы-людики*, *карелы-ливвики*, *собственно карелы* и так называемые *тверские карелы*. Всего в этих приходах-округах, в не менее чем сотне деревень проживало в последней трети XVIII столетия около шести тысяч человек, к середине XIX века их населенность возросла и составила более девяти тысяч человек обоего пола. И в смысле количественном, и в смысле качественном, будучи составленной из столь далеко отстоящих друг от друга, представляющих весьма разные по условиям существования области обитания крестьян-карелов, данная выборка достаточно репрезентативна, чтобы наши наблюдения звучали в должной мере убедительно[28].

Особую своевременность нашей работе сообщает то обстоятельство, что эта проблема — традиционное брачное и семейное поведение в локальных этнически определенных сообществах — все более активно разрабатывается не только в общеевропейской, но также в отечественной историографии доиндустриальной России[29].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] До 10% мужского населения французской глубинки в XVI веке оказывалось вне брачных уз на протяжение всей своей жизни. Позднее, в XIX веке эта доля в некоторых локальных сообществах была еще более значительной, возрастая в отдельных регионах вдвое. Подробнее см.: Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века: Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 211; Anderson M. Approaches to the history of the Western Family 1500-1914. / Ed. by T. Smout. Bristol, 1980. P. 18.

[2] См.: Косова О. Ю. Семейно-правовое регулирование отношений по предоставлению содержания членам семьи: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра юрид. наук. М., 2005.

[3] Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в перспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 14-70.

[4] Характеризуется поздним средним возрастом вступления в первый брак, основанием отдельного домохозяйства вновь сложившейся супружеской парой сразу после женитьбы, наличием периода работы по найму до женитьбы (замужества), значительной пропорцией никогда не вступавших в брак мужчин, подавляющим преобладанием нуклеарной семьи.

[5] Характеризуется ранним браком (до половины представителей соответствующей возрастной группы могли быть женаты до достижения 19 летнего возраста); начальным периодом супружеской жизни внутри патриархальной семьи (под одной крышей и с совместным ведением хозяйства с родительской парой), более чем значительной долей многосемейных дворов (домохозяйств).

[6] Первой итоговой публикацией результатов группы западноевропейских исследователей, объединенных идеей П. Ласлетта, явилось издание материалов состоявшейся в 1969 году в Кембридже конференции «Домохозяйство и семья в прошлом», скоро ставшее широко известным как коллективная монография: Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America, with further materials from Western Europe. Cambridge, 1972. Спустя десять лет увидело свет не менее значительное издание: Family Forms in Historic Europe / Ed. by R. Wall in collaboration with J. Robin and P. Laslett. Cambridge, 1983.

[7] Результаты либо не вписывались в ожидаемые характеристики, как, например, в Балтии: исследования Л. С. Ефремовой, Х. Стродса, Ю. Каххка, Х. Уйбу, Х. Э. Палли, увидевшие свет в 1980-е гг., показали столь большое своеобразие, что не укладывались в предложенную схему различного брачно-семейного поведения по западной и восточной моделям; или на Балканах, где тоже обнаружилась слишком большая вариативность брачного поведения; более

того, пристальное исследование по новой методике многопоколенного домохозяйства, широко известного как феномен задруги, до этого выглядевшего убедительно изученным, привело к пересмотру всей концепции Марией Тодоровой. См. подробнее: Носевич В. Моделирование историко-демо-графических процессов, микроистория // Персональный сайт белорусского историка Вячеслава Носевича. Электронный ресурс: http:// vn.belinter.net/ Проверено 11.02.2006.

[8] Носевич В. Еще раз о Востоке и Западе: Структуры семьи и домохозяйства в истории Европы // Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе / Труды VII конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 2001. С. 15-38.

[9] Историографический обзор и исчерпывающую библиографию см.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII - начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. Т. 1. С.-Петербург, 1999. С. 158-281.

[10] Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере: конец XVII - XVIII в. М., 1976; Биленко М. В. О мордовской семье XVII века // Советская этнография. 1979. № 1. С. 92-104; Власова И. В. Структура и численность семей русских крестьян Сибири в XVII - первой половине XIX в. // Советская этнография. 1980. № 3. С. 37-50; Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977; Кох О. Б. Крестьянская семья // Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование). Л., 1989. С. 55-62.

[11] Они составили основу раздела о структуре двора и семьи карельского крестьянства в монографии, изданной много позднее по независевшим от автора причинам: Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории Карелии XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 110-125.

[12] Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 78-96.

[13] Czap P. The perennial multiple family household, Mishino, Russia, 1782-1858 // Journal of Family History, 7 (1982). P. 5-26; Czap P. "A large family: the peasant's greatest wealth": serf households in Mishino, Russia, 1814-1858. // Family forms in Historic Europe / Ed. by R. Wall, J. Robin and P. Laslett. Cambridge, 1983. P. 105-151.

[14] Czap P. "A large family: the peasant's greatest wealth"... P. 147 (table 3.16), 129 (table 3.8) [соответственно - *И. Ч.*].

[15] Хок С. Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993; Worobec C. D. Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emansipation Period. Princeton, 1991; Mitterauer M. and Kagan A. Russian and central European family structures: a comparative view // Journal of Family History. 1982. 7. P. 103-131; Blum A., Troitskaya I., Avdeev A. Family, marriage and social control in Russia: Three villages in Moscow region // Family Structures, Demography and Population: A Comparison of Societies in Asia and Europe / Ed. by M. Neven and C. Carpon. Liege, 2000. P. 88-92; Kolle H. The Russian Post-Emansipation Household: Two villages in the Moscow Area. Bergen, 1995.

[16] Прежде всего важно упомянуть деятельность созданной в 1993 г. ассоциации «История и компьютер», в рамках которой существенно продвинулось овладение навыками создания баз данных и на их основе пополнение российской библиографии столь ожидаемыми на Западе микроисследованиями, результаты которых сопоставимы на общеевропейском уровне. См.: Кащенко С. Г. Некоторые новые тенденции в исследованиях по исторической демографии России // Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании. М., 2000. С. 153-154. См. также другие обзорные статьи профессора С. Г. Кащенко.

[17] Where the Twain meet: Dutch and Russian regional development in a comparative perspective. 1800-1917 / Ed. by P. Kooij. Groningen, 1998; Where the Twain meet again: New results of the Dutch Russian project on regional development 1780-1917 / Ed. by Pim Kooij, Richard Paping. Groningen/Wageningen, 2004.

[18] Cherniakova I. Marriage behaviour in pre-industrial Karelian rural parishes // Where the Twain meet again: New results... P. 91-129.

[19] Kanitschev V., Kontchakov R., Mizis Yu., Morozova E. The development of the family structure in the Tambov region, 1800-1917 // Where the Twain meet again: New results... P. 246-248 (Tables 5-7).

[20] Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох... С. 123 (табл. 5.9).

[21] См. подробнее: Там же. С. 121-123.

[22] См.: Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование) ... С. 56-58; Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община... С. 37-38.

[23] См. подробнее: Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох... С. 114-117.

[24] В. Носевич упоминает работы австрийских историков М. Миттераурера, анализирующего терминологию родства, существенно более внимательную в Восточной Европе к различению родственников по браку в зависимости от пола субъекта, и Карла Казера (Karl Kaser), анализирующего различия в традиционном праве наследования недвижимой собственности, выделяющего на этой основе три зоны: Средиземноморье, Западную и Восточную Европу, где отчетливо прослеживаются разные установки даже на круг наследников, коренящиеся в римском праве, единонаследии и патриархальности, соответственно.

[25] Warpula K. Eastern Finnish families on the borderland of historical family forms // The History of the Family. 2002. [Vol.] 7. P. 315-236; Waris E. The Extended Family in the Finnish Karelia. The Family System in Ruokalahti 1750-1850 // Scandinavian Journal of History. 1995. Vol. 20. P. 109-128.

[26] Family Life on the Northwestern Margins of Imperial Russia / Ed. by Tapio Hamynen, Jukka Partanen, Jury Shikalov. Joensuu, 2004.

[27] См.: Peter Laslett «Family and Household as Work Group and Kin Group: Areas of Traditional Europe Compared» // Richard Wall, ed. Family Forms in Historical Europe (Cambridge, 1983). P. 513-564; Peter Laslett "Introduction: The History of the Family" // Peter Laslett & Richard Wall, eds. Household and Family in Past Time (Cambridge, 1972). P. 28-31.

[28] Кроме уже упомянутых выше работ см.: Чернякова И. А. Сегозерье: от

Средневековья к Новому времени // Деревня Юккогуба и ее округа: страницы истории и культуры Петрозаводск, 2001. С. 39-60; Tshernjakova I. Repolan Hallinto, Asutus ja Elinkeinot // Aunuksen Repola / Toim. Heikki Tarma. Repola-Seura r.y. Joensuu, 2001. S. 28-65; Чернякова И. А. Ревизские сказки и исповедные ведомости - сравнительный анализ содержания с точки зрения достоверности и полноты информации // Массовые источники истории и культуры России XVI-XX вв.: Материалы XII Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI-XX вв.: проблемы изучения и издания», посвященной памяти В. В. Крестинина. (Архангельск, 19-23 июня 2001 г.) Архангельск, 2002. С. 366-375; Чернякова И. А. Панозеро и его обитатели: пять веков карельской истории // Панозеро: сердце Беломорской Карелии / Под ред. А. Конкка и В. Орфинского. Петрозаводск, 2003. С. 19-82; Tcherniakova I. Avioitu-miskayttaytyminen Aunuksen, Vienan ja Tverin Karjalassa 1700- ja 1800-luvuilla // Vaesto ja perhe Karjalassa / Toim. Yury Shikalov, Tapio Hamynen, Jykka Partanen. Joensuu, 2003. S. 126-132; Чернякова И. Брачное поведение в Олонецкой, Беломорской и Тверской Карелии в XVIII-XIX вв. // Там же. С. 133-143; Чернякова И. А. От рождения до смерти: локальное крестьянское сообщество в Карелии в XVIII - начале XX в. (по материалам Ялгубского прихода) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции 15-17 ноября 2005 года. Великий Новгород, 2006. С. 124-133.

[29] См. целую серию авторефератов диссертаций, успешно защищенных в самое недавнее время: Басаева К. Д. Семья и брак у бурят (вторая половина XIX-начало XX века): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. ист. н. И Новосибирск, 2002; Ларичев А. А. Крестьянская семья в истории освоения и развития Среднего Поволжья (XVIII - первая треть XIX в.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Самара, 2004; Никишина Н. В. Семья горнозаводского населения Алтая второй половины XVIII- первой половины XIX века: Автореф. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Барнаул, 2004; Глотова В. В. Крестьянская семья во второй половине XIX века (на материалах Курской губернии): Автореф. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Воронеж, 2005; Носкова А. В. Социальные изменения института семьи в доиндустриальной России: историко-социологический анализ: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра социол. наук. М., 2005; Першина Т. А. Структура крестьянской семьи Мордовского края в первой половине XIX в.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 2005.

* * *

Е.Н. Швейковская

К верификации ономастических сведений писцовых книг XVII в. (Сольвычегодский уезд)

В историографии уже установлено, что книги писцов в рамках одного описания различались подробностью сведений, хотя писцы разных областей следовали единому наказу. Отошлю читателя к коллективной монографии об аграрном развитии России в первой половине XVII в. Она содержит обстоятельнейшую историографию писцовых книг, которая складывалась на протяжении полутора веков. В книге также решаются источниковедческие задачи, прежде всего, достоверности писцовых книг XVII в., их классификации и сравнительной оценки основных сведений по трем типологически выделенным группам книг[1]. Кадастровые задачи, зафиксированные в наказах, диктовали набор содержательных сведений и форму их подачи в писцовых книгах. В каждом из описаний, и это следует подчеркнуть, четко выделяются конструктивные элементы текста, что свидетельствует о его формализации, достаточно высокой для того времени. Эта очевидная особенность позволила Л.В. Милову рассмотреть текст описания поместно-вотчинного владения как своего рода формуляр описательной статьи[2].

Присущая писцовым книгам полифункциональность обусловила разнообразие их информации. Она концентрируется вокруг фиксации и измерения земель, критериев и единиц налогообложения. Исследователи группируют данные книг в разных сочетаниях и манипулируют ими для суждений по широкому кругу аграрных, фискальных, демографических и других вопросов. Конкретно изучаются темы социально-экономической проблематики, прежде всего, землевладение и хозяйство: обеспеченность землей феодальных владений – вотчин и поместий, крестьянских дворов в разных типах владений, тяжесть обложения, поземельные платежи. При этом применяются статистическая обработка полученных данных с использованием корреляционного анализа, географо-информационной системы и других методов, ведутся разнообразные источниковедческие штудии[3]. Однако писцовые книги при общей, заданной однозначности основных сведений содержат и такие, которые выходят за рамки генеральной структуры, и за их счет расширяется информационное поле. К ним можно отнести данные, пригодные для генеалогических изысканий, а также для использования книг в ономастических целях – антропонимических, топонимических, гидронимических[4].

Обратиться к поставленной теме заставила необходимость установления межкрестьянских отношений и связей внутри северной деревни

Швейковская Елена Николаевна, д.и.н., АК РАН (Москва)

в первой половине XVII в. Один из путей для этого я вижу в сопоставлении сведений писцовых книг и актового материала. Для данной цели были использованы писцовая книга Сольвычегодского уезда за 1625/26 г. и поземельные акты крестьян разных лет того же уезда, в основном, купчие на доли деревень. Естественно, что в писцовой книге обозначены деревни и главы дворов в них, а в актах поименованы продавцы и покупатели земли, и названы деревни, бывшие объектами сделок. Отправной точкой для сопоставлений стали сведения сделочных актов, которые сравнивались с данными писцовой книги. Названные источники классификационно принадлежат к разным видам, и на первый взгляд не очень пригодны для сравнения. Однако, как известно, в обязанности писцов входило решение вопросов землеустройства в ходе проводимого описания. В рассматриваемом случае - оформление участков на льготное держание по челобитьям крестьян или фиксация угодий, запустевших или оброчных, которые уже находились в пользовании крестьян. По материалам названных источников было проведено сопоставление крестьян по именам и деревень по названиям в одной из крупных волостей уезда, именно Ратмировской[5]. При необходимости использовались также другие документы: данные грамоты писцов, оформлявшие льготу на участки, поручные грамоты по крестьянам-льготчикам, челобитные крестьян об участках, которые они брали на льготу. Проведенное сравнение показало, что информация двух источников, зависящая от их целевой направленности, не только дополняет друг друга, но и выявляет сходства и отличия в ряде идентичных сведений. Рамки статьи не позволяют привести весь материал, который имеется в распоряжении, поэтому приходится ограничиться несколькими эпизодами. Однако и они красноречиво говорят, во-первых, о жизни сольвычегодских крестьян, а во-вторых, дают добавочные суждения к источниковедению писцовых книг.

Интерес представляет ситуация, сложившаяся в д. *Чигры*. В 1629 г. Дмитрей Васильев сын Вострикова продал Богдану «да *Олексию Ивановым* дитям Есипова свою треть д. Чигры, отца благословение». Сделка была совершена через 5 лет после писцового описания. Еще одна купля-продажа состоялась в 1642 г., через 17 лет после описания. Тогда *Федор Козмин* сын Востриковых продал 1/6 часть деревни[6].

По писцовому описанию 1625 г. деревня именуется *Чигра* и находится на одноименной р. Чигре, в ней значатся 3 двора[7]. В одном из них записан как раз *Федор Кузьмин*, которого правомерно считать Федором Козминым акта 1642 г., имевшего в нем прозвание Востриков. Писцы показали, что он стал владельцем двора и земли по «подпускной памяти» 1618/19 (127) г. Из акта купли-продажи 1642 г. ясно, что шестым жеребьем, который продавал Федор Козмин, он владел как «отца и деда благословение, по своей купчей и духовной деда». Значит,

писцы включили в книгу ссылку на один из предъявленных документов, наиболее близкий по времени к моменту описания. Такую практику в деятельности писцов установила Н.П.Воскобойникова. Она изучила фрагменты чернового описания И.С.Благово и В.Архипова и обнаружила в них сведения, не включенные в текст беловика. Среди них, как раз, ссылки на несколько актов, которые предъявляли крестьяне в обоснование права на владение участками[8]. Заметим, что при продаже участка Федор Козмин сын свое прозвание обозначил как «Востриковых», употребив форму множественного числа. Тем самым он осознанно или спонтанно подчеркнул свою принадлежность к определенной родственной группе с фамильным прозванием Востриковы. Второй двор д. Чигры Дмитрейка Осипова пуст, и «тот Дмитрейков (Дмитриевской?) жеребей» писцы отдали на льготу «*Олешке Иванову* сыну Есипова» с 1625 по 1627 год, т.е. на 2 года. Третий двор – Микитка Вострикова тоже пуст, а «Микиткин жеребей» также отдан на льготу на 3 года, с 1625 по 1628 г. Симанку Юрьеву Булгакову.

Сохранились челобитные этих крестьян от последних чисел июля 1625 г., желавших получить льготу на участки д. Чигры. Олешка Иванов сын Есипов сообщал, что ее треть, «лежит пуста, не пахана и не кошена, запереложела». Он претендует на нее, так как «та, государь, деревня треть Чигры вотчина наша, деда и отца моего». Второй соискатель пустого жеребья в д. Чигры Симанко (или Симка) Юрьев сын Булгаков выразился вполне конкретно о его состоянии: «пустошь треть Лупахинския, а Цигра тож на речке на Цигре, а была изстари Никитки Вострикова»[9]. Он привел еще одно именование деревни (или ее части?) наряду с закрепившимся Чигры (Цигра) и был хорошо осведомлен о старинной принадлежности ее трети своему соволощанину. В поручных по обоим крестьянам искомые ими льготные участки обозначены как «треть деревни Чигры над речкою над Чигрою» и «пустошь треть деревни Цигры над речкою над Цигрою»[10]. Документы воспроизвели варианты произношения названия деревни с чередованием двух глухих согласных "ц" и "ч". Заметим, что владелец третьего двора в писцовой книге Микитка указан с прозвищем Востриков, и под тем же прозвищем идентифицирует себя Федор Кузмин (из первого двора писцовой книги), продавец участка в 1642 г.

Прояснить отношения между владельцами д. Чигры помогает данная писцов И.С.Благово и В. Архипова, которую получил Симанко Юрьев сын Булгаков в 1625 г.[11] Она содержит подробности, которые не вошли в текст писцовой книги. Итак, Симанко Булгаков получил 3 года льготы на «пустой жеребей Микитки Вострикова». Однако «Микитко Востриков тот свой жеребей продал в нынешнем во 133-м году ему Симанку без пожен». Причем «та *купчая* взята была на государя и отдана из казны ему Симанку. А деньги взяты по той *кабале* в государеву казну...»[12].

Ключевыми в этой части текста данной являются слова купчая и кабала, за которыми стоят соответствующие действия. Пожалуй, определяет весь смысл взаимных отношений между крестьянами понятие «кабала». Микита Востриков занял когда-то у Симана Булгакова деньги и в обеспечение займа подписал закладную кабалу на свой участок. Не вернув долг в оговоренный срок, он вынужден был продать землю. Неисполнение заемного обязательства переводило ведь сделку заклада в куплю-продажу по формуле: «ся кабала – купчая и отводная»[13].

В данной писцы приводят ссылку на приправочные книги дозора 1619/20 (128) г. Василия Самарина и подьячего Семена Осокина, по которым в д. Чигры «во дворе Микитко Васильев сын Осипов з братом Миткою да сын ево Ивашко Микитин; во дворе Федко Козмин сын Востриков»[14]. Отсюда ясно, что в 1619/20 г. в деревне было 2 жилых двора, а к 1625 г. их стало 3. В одном дворе жили братья Осиповы, и имя главы приведено в трехчленной форме – Микита (Никита) Васильев сын Осипов. В другом жил Федко Козмин с прозвищем Востриков, которое в книгах И.С.Благово опущено. Братья Никита и Дмитрий Васильевы дети к 1625 г. хозяйственно обособились в отдельные дворы. Вслед за ссылкой на приправочную книгу в данной приводятся далее сведения описания 1625 г. с деталями, опущенными в писцовой книге. Двор «Дмитрейка Осипова» значится пустым, «а Дмитрей сшол безвесно во 133-м году»[15]. Трудно установить причину, по которой он покинул деревню и свое хозяйство. Сохранился еще один документ, который рекомендовал мирским властям убрать и обмолотить хлеб с покинутых крестьянами участков. Из него следует: «И в нынешнем во 133-м году, как писали писцы Ратмеровскую волость, и наехали в деревне Чигре – збежал безвесно Митко Востриков. А после иво осталось хлеба ржи [по смете] пол третьи десятины»[16]. Писцы трижды в составляемых ими документах по-разному указали, почему Митка Востриков покинул деревню: он «сшол безвесно», «збежал безвесно» и даже «збежал на Ветлугу», якобы удавил мачеху (насколько верна эта помета о совершенном им преступлении?). Возникает вопрос, писцы принципиально не различили уход крестьянина от бегства или, если действительно было совершено уголовное преступление, они не стали превышать возложенные на них полномочия? Олеша – Иванов сын и внук Никиты Васильева Осипова получил на льготу именно участок Митки Осипова, мотивируя свое притязание на него, как говорилось выше, именно вотчинной принадлежностью его деду и отцу. Интересно, что за него поручились Никита Васильев сын Востриков, его дед, и Федор Козмин сын Востриков, его сосед и однодеревенец[17].

Относительно другого пустого двора в данной грамоте Симонку Юрьеву сыну Булгкову написано следующее: «Двор пуст *Дмитрейка* Вострикова, а *Микитко* Востриков вышол в Олексинскую деревню» и

под строкой приписано «на Федкин жеребей Кузмина». Ниже Симанку вменяется «на том пустом жеребье *Митки* Вострикова двор покреплять и пашня роспахать и поля огородить». Так какое же имя носил владелец второго пустого двора Дмитрий или Микита (Никита) Востриков, участок которого получил Симон Булгаков? Приведем именования по всем источникам. Писцовая книга – Микитка Востриков; челобитная С.Ю. Булгакова от 17 июля 1625г. – Никитка Востриков; данная писцов от 28 июля 1625 г. – Микитко Востриков (2 раза), Микитко Васильев Осипов (в ссылке на приправочную книгу 1619/20 г.), Дмитрейко/Микитко Востриков (в ссылке на текущее описание 1625 г.)[18]. Итак, имя крестьянина, несомненно, Микита (Никита), имя его отца Василий, дедичество Осипов (Есипов), а прозвание Востриков.

Интересны факты, которые обрамляют запустение двора Микиты Осипова. Во-первых, он его продал Симонку Булгакову в 1625 г., т.е. в год текущего писцового описания; во-вторых, сам Микитко Востриков вышел в иную деревню – Олексеевскую, причем, на участок своего однодеревенца по д. Чигры Федки Кузмина. Вероятно, крестьяне по каким-то соображениям совершили хозяйственную сделку, может быть обменную, ведь Ф.Кузмин обладал в д. Чигры участком по «подпускной» памяти 1618/19 г. В писцовой книге д. Олексеевскую 1625 г. находим среди деревень, которые перешли из разряда пустых в живущие, и их перечень помещен после описания основного массива черных деревень. «Деревня, что была пустошь Олексеевская» на реке Чигре, и в ее единственном дворе написан «Митка» Васильев сын Востриков с сыном Насоном и с половником Миткой Кириловым[19]. Снова имеет место смешение имени Митка – Микитко?! Он обладал землей по данной 1585/86 (7094) г. писца Афонасия Вельяминова. Примечательно, что пятый жеребей от всего участка находился за уже упоминаемым Олешкой Ивановым, внуком Микиты, причем по «подписной памяти» 1619/20 (128) г. В писцовой книге И.С.Благово фигурирует Микитка (именно так!) Востриков еще раз. Он хозяйствует на бывшей пустоши, что «была деревня Есиповская, а Воблас тож». Ее пашет наездом «Микитка Востриков из деревни Олексеевской» по данной воеводы Мирона Хлопова от 1617/18 (126) г.[20] Обращает на себя внимание одно из двух названий деревни – Есиповская, оно соименно дедичеству братьев Никиты и Дмитрия, ведь они в документах неоднократно фигурируют как Есиповы/Осиповы.

Земельный участок Дмитрия Осипова (Есипова), который получил от писцов на льготу по 1627 г. «Олешка Иванов сын Есипов» как запустевший, еще через 2 года, в 1629 г., купили как раз братья «Богдан да Олексий Ивановы дети Есипова». Вполне вероятно, что в льготные годы они также могли действовать совместно. Продавцом в этой сделке был их дядя, антропоним которого приведен в полной трехчленной

форме: Дмитрей Васильев сын Вострикова, возможно, вернувшийся из схода/бегства.

Из всего сказанного можно понять, что в д. Чигры к моменту писцового описания 1625 г. жили крестьяне с общим фамильным прозванием Востриковы. В писцовой книге 1625 г. с этим прозвищем записан, как мы помним, лишь житель одного пустого двора Микитка Востриков. Рассмотренный комплекс актового и писцового материала позволил реконструировать 4 поколения крестьян, действовавших на протяжении почти 60 лет и связанных с одной деревней. Они, имея разные дедичества, называли себя одним фамильным прозванием и ощущали себя принадлежавшими к одному семейному клану. Свое родство они использовали для сохранения земельно-хозяйственного комплекса, удерживая его в рамках коллектива, превышающего отдельную семью.

В 1631 г. состоялась продажа четверти д. *Большой Липовец Алексеем* Артемьевым сыном *Вахтинским*[21]. В писцовом описании имеется трехдворная д. *Липовицы* на р. Лузе. В первом из дворов находился Мишка Иванов, половник *Олешки Вохнинского*, а сам он приобрел жеребей по купчей 1621 г. В двух других дворах жили половники Бажена Нечаева[22]. Написание прозвища несколько отличается в обоих источниках: Вахтинский (акт) и Вохнинский (книга), что при совпадении имени не препятствует тому, чтобы считать носителя одним и тем же лицом. Названия деревни в писцовой книге и акте имеют некоторое различие. В купчей оно конкретизировано за счет прилагательного.

По соседству с д. Липовицы или Большой Липовец находилась еще деревня со сходным названием. В д. *Погорелой Липовец* Иван *Исаков* сын Филимонов в 1622 г. продал своему брату Ивану Исакову сыну Филимонову, по прозвищу Карп, свою четверть деревни[23]. В писцовой книге записана деревня с названием *Погорелое* на р. Лузе[24]. В первом из двух дворов хозяйствовала вдова Пораша *Исакова* с братом Незговоркой, которые владели участком по купчей 1584 г. Писцы, чтобы впоследствии не возникло путаницы в однозвучных топонимах двух соседних, и, скорее всего, близлежащих деревень, обозначили одну как Липовицы, а другую как Погорелое. Они опустили в одном случае определение «большой», в другом перенесли нагрузку на субстантивированное прилагательное, определяющее смысл. Два родных брата Исакова с одним именем Иван, совершившие между собой сделку купли-продажи за 3 года до писцового описания, приходились сыновьями вдове Пораше, т.е. Прасковье Исаковой. О втором дворе деревни Погорелое писцовая книга сообщает, что его четверть – за «Кормашкой Угрюмовым с Никольского погоста». Ни один из братьев Исаковых в книге не фигурирует.

С еще одним крестьянином, носящим фамильное прозвание Вахтинский, встречаемся в деревне, несколько отстоящей (судя по

писцовому описанию) от обеих липовицких деревень. Иван, по прозвищу Пучка, Ортемьев сын Вахтинских в 1628 г. продал Петру Иванову Калмыкову д. Мякинницину по своей купчей[25]. В писцовой книге обозначена однодворная д. Мякинница на речке Яковке. В ней жил Иван Ортемьев и его сыновья Петр, Тимошка, Пантелей, владевшие деревней по купчей 1615 г.[26] Акт представляет крестьянина с его крестильным именем Иван, своеобразным прозвищем Пучка и семейным прозванием Вахтинских. Такое обстоятельное именование сильно отличается от двухчастного именования, имеющегося в писцовой книге. Собственное имя продавца деревни и имя отца Артемий совпадают в обоих источниках. Писцовая книга дает дату, когда деревню приобрел Иван Ортемьев – 1615 г. Ее он опустил, оформляя продажу через 13 лет, отметив принадлежность себе деревни «по своей купчей». Алексей Артемьев сын *Вахтинский* из д. Большой Липовец и Иван Артемьев сын Вахтинский из д. Мякинница несомненно сыновья одного отца и родные братья. Ивана Вахтинского можно считать старшим братом, ибо он самостоятельно приобрел д. Мякинницу в 1615 г. и к описанию 1625 г. имел трех взрослых сыновей, внесенных в книгу. Алексей Артемьев Вахтинский приобрел жеребей позже в 1621 г. и посадил на него половника. Местом его жительства, как удалось установить по писцовой книге, была д. Вахтино, стоявшая на одноименной реке. Первый двор принадлежал как раз «Олешке Ортемьеву сыну Вахтинскому», у которого учтены сын «Ортюшка» (поименован так же как и дед) и племянник «Митка». В д. Вахтино на момент описания существовало 4 двора. Во втором из них обитал Фетка Максимов, в третьем – Иван Максимов, а в четвертом – половник Алексея Артемьева Куземка с самобытным прозвищем «Чортов»[27]. Примечательно, что Алексей Вахтинский обладал в деревне двумя дворами и соответственными им участками. Все дворы деревни владели землей по одной купчей 1621 г. Стоит обратить внимание на эту дату: в этом году Алексей Вахтинский купил участок в д. Большой Липовец и тогда же была приобретена д. Вахтино. По указанию писцовой книги на владение деревней по одной купчей нельзя понять, была ли она целиком приобретена только Алексеем Артемьевым или совместно с обозначенными во 2 и 3-м дворах Феткой и Иваном Максимовыми, которые, скорее всего, были родными братьями. Возможно, они находились в родстве и с Алексеем Артемьевым, причем допустимы 2 варианта. Братья Максимовы доводились ему либо двоюродными братьями, если допустить наличие у отца Алексея, Артемия, брата Максима, либо племянниками, сыновьями Максима, брата Алексея, один ведь племянник Митка записан у него во дворе. Прозвище братьев Алексея и Ивана Артемьевых определенно произведено от названия д. Вахтино в форме притяжательного прилагательного – Вахтинский.

Безсон Иванов сын Фадеева заложил в 1630 г. устюжанину Девятому Федорову сыну Воронину деревню «свою *Павлищево* у Ильинского погоста, отца своего благословение, по своей купчей»[28]. Писцы указали расположение этой деревни на р. Лузе и в ней 2 двора[29]. В первом из них показан Ондрей Иванов и его сыновья Панка и Митка. Их владение «по мирской данной 80 года» (1572) можно считать старинным, ему более полувека. Второй двор «вдовы Татьяны Григорьевские жены» был пуст, и его земельный участок «пашет Ондрей Иванов». Атрибутировать Безсона Иванова из закладной и Ондрея Иванова писцовой книги можно при допущении, что Безсон его второе имя-прозвище. В закладной есть ясные указания, что земля в обладании Безсона находилась, во-первых, по отцовскому благословению и, во-вторых, по его («своей») купчей. При длительности обладания землей к времени писцового описания в 53 года и заклада в 58 лет переход ее по наследству обычен. Безсон= Андрей также реализовал «деревню свою», скорее всего целиком, а не часть ее. Вероятно, имея двух сыновей, он прикупил участок вдовы, который уже пахал, что и отметили писцы. Все это позволяет считать Безсона и Андрея одним человеком, который фигурирует в закладной с неканоническим именем, а в писцовой книге с полученным при крещении.

Наблюдения, полученные при сравнении материала источников, показали, что писцовые книги дают локализацию деревень почти всегда с опорой на реки, что подтверждает их коммуникационное значение. Названия гидронимов и деревень зачастую совпадают. Во фразах актов о деревнях как объектах сделок их названия приводятся без привязки к рекам. Речь о них или их притоках заходит, когда продавец указывает межи участка и угодья, смежные с другими совладельцами. Названия деревень в актах представлены в формах, более конкретных, чем в писцовой книге. Писцам, по-видимому, существенно было учесть деревню как таковую. Крестьянам же важно подчеркнуть расположение на местности деревни-поселения и участков, конкретно находящихся в их обладании.

Идентифицировать антропонимы по обоим источникам порой затруднительно. В писцовой книге они, в основном, приведены в двухчастной форме. Ее составляли имена носителя и его отца или имя носителя и фамильное прозвание. Употребление неканонических имен чаще встречается в актах, чем в писцовой книге. Сделочные акты писались со слов крестьян, которые называли себя наиболее привычным именем. Вместе с тем, они, как правило, указывали имя отца и фамильное прозвание.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Тенденции аграрного развития России перовой половины XVII столетия. М., 1986. Гл. 1-3.

[2] Там же. С.87-89.

[3] См.: Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Указ. соч.; Павлов-Сильванский В.Б. Писцовые книги России XVI в.: Проблемы источниковедения и реконструкция текстов. М., 1991; Пиотух Н.В. О возможностях компьютерного картографирования при работе с данными писцовых книг начала XVII и материалами Генерального межевания второй половины XVIII в. // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996; Она же. Сельское расселение и его динамика: первая половина XVII-вторая половина XVIII веков // Особенности российского земледелия и проблемы расселения. Материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000.

[4] См. Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья 16-17 вв. Из истории сельских поселений. М., 1962; он же. Северорусская топонимия XV-XVIII вв.//Вопросы языкознания. 1967. № 44; Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI-XVIII вв. М.,1974; Масленникова Н.Н. Опыт изучения крестьянских переходов в XVI в. по данным топо- и антропонимии // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вып. 1. Вологда, 1976; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в 10-14 вв. М., 1984; Кобрин В.Б. Генеалогия и антропонимика (По русским материалам 15-16 вв.) // История и генеалогия. М., 1977; он же Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV-XVI вв. М., 1995; Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб, 1992.

[5] Имена крестьян и названия деревень даются в написании, как актов, так и писцовой книги.

[6] РГАДА. Ф. 141. 1646. № 113. Л. 6, 7 (далее указывается только № дела и листа).

[7] Там же. Ф. 1209. Кн. 446. Л. 315 об.-316 (далее указывается № писцовой книги и листа). Упоминаемое для удобства числительное при дворе (первый, второй, третий) соответствует порядку записи дворов деревни в писцовой книге.

[8] Воскобойникова Н.П. К истории составления писцовой книги Усольского (Сольвычегодского) уезда 1623-1626 гг. // Тезисы докладов XIV Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI-XX вв., посвященные 70-летию Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2004. С.18.

[9] Там же. 1623. № 13. Л. 27, 30.

[10] Там же. Л. 28, 33.

[11] Там же. Л. 31-32. Данная Олешке Иванову сыну Есипову отсутствует.

[12] Там же. Л. 31. Следующий текст написан неразборчиво над строкой: в государеву казну...Симанке полтрети... за по...мимо государева указа продал ту деревню бес пожен.

[13] Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997. С.124-125.

[14] РГАДА. Ф. 141. 1623. № 13. Л. 31.

[15] Там же.

[16] Там же. Л.29.

[17] Там же. Л. 28 (поручная). Кн. 446. Л. 315 об. – «Микитка Васильев сын Востриков...да Фетка Кузмин сын Востриково».

[18] Там же. Кн. 446. Л. 315 об.; 1623. № 13. Л. 30, 31-32.

[19] Там же. Кн. 446. Л. 358.

[20] Там же. Л. 352.

[21] РГАДА. № 113. Л. 15.

[22] Там же. Кн. 446. Л. 317.

[23] Там же. № 113. Л. 18.

[24] Там же. Кн. 446. Л. 317.

[25] Там же. № 113. Л. 60.

[26] Там же. Кн. 446. Л. 329 об.

[27] Там же. Кн. 446. Л. 329.

[28] Там же. № 113. Л. 27.

[29] Там же. Кн. 446. Л. 321 об.

* * *

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Абеленцева О.А. К вопросу о подготовке научно-справочного аппарата к изданию массовых источников (на примере предметно-терминологического указателя к изданию приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского монастыря конца XVI – первой трети XVII в.) 6

Аверьянов К.А. О времени возникновения писцовых книг 13

Адаменко О.Н. Крепостная казна Спасо-Каменного монастыря по описям XVII-XVIII вв. 19

Алексеев С.А. Служилые люди Белозерского уезда по писцовой книге 1626-1627 гг. 28

Алексеева О.А. Источники по истории торговли и промыслов Псковского края в XVIII в. (1725 – 1800 гг.) 32

Аракчеев В.А. Писцовые наказы как источник по истории закрепощения 39

Барсукова А.В. Коломенский рынок середины XVI в. - 20-х гг. XVII века: динамика развития по материалам массовых источников 48

Башнин Н.В. Обзор описей Дионисиево-Глушицкого монастыря XVII–начала XX в. 56

Болотина Н.Ю. История нижегородского села Лыскова в первой четверти XVIII в. по материалам ревизий и ландратских описаний ... 67

Борщик Н.Д. Опись новопостроенного города Суджи (1664 г.) как исторический источник 75

Булгаков М.Б. Переписные книги городских оброчных статей конца XVII в. 84

Власов А.С. «С ямы на яму, а в ней каменья» (практика межевания светских поместий и вотчин в Угличском уезде в 1630 годы, по материалам писцовой книги 1631/32 - 1632/33 гг.) 89

Воскобойникова Н.П. К истории составления писцовой книги Усольского (Сольвычегодского) уезда 1623-1626 гг. 95

Глазьев В.Н. Материалы переписи дворов 1648 г. в Воронежском уезде: проблема достоверности 101

Грязнов А.Л. Картографирование территории Белозерского, Вологодского и Пошехонского уездов по материалам писцовых описаний XVI-XVII вв. 107

Дадыкина М.М. Таможенные книги Тихвинского монастыря в Государст-венном архиве Стокгольма (Riksarkivet). 113

Демчук Г.В. К вопросу о церковно-монастырском землевладении в Двинском уезде. По писцовой книге Мирона Вельяминова с «товарищи» 1622-1624 гг. 123

Жуков А.Ю., Лялля Е.В. Геоинформационная модель поселенческой структуры территории Карелии на материалах писцовых книг и других массовых источников XV-XX вв. 131

Зенченко М.Ю. Приправочные комплексы XVIII века: данные из переписных книг 1678 г. в административно-управленческой практике Российского государства 137

Иванов В.И. Монастырские приходо-расходные книги XVI-XVII веков: перспективы изучения и издания 147

Иванова Г.А. Указатели к публикациям и справочникам на документы XVI-XVII вв.: проблемы русского средневекового именослова ... 154

Кадик В.А. Земельные владения иноземцев в Ростовском уезде по писцовым материалам 1629-1631 гг. 163

Комиссаренко А.И. Вятка в системе экономических и социальных связей Европейского Севера России в первой половине XVIII в. 169

Кононова А.Ю. К изучению формуляра переписных книг, составленных в приказе Большого дворца в конце 70-х-начале 80-х гг. XVII в. ... 178

Красиков А.Н. К вопросу о типологии книжных инвентарей XVI–XVII вв. 183

Ломако Е.Л. Историко-статистические и географические материалы как источники по социально-экономическому развитию Коломны второй половины XVIII века 190

Маштафаров А.В. Границы Гороховецкого уезда в XVI – XVII вв. по актам и межевым книгам 200

Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи. Две жизни одного источника 208

Мошкова Л.В. Палеографический и кодикологический анализ писцовой книги Деревской пятины конца XV века: проблемы и подходы ... 215

Мурзин-Гундоров В.В. Обзор документов из хранилищ Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря (вторая половина XVII – начало XX веков) 224

Мустафина Д.А. Книги письма и дозора 1621 года дворцовых владений в Казанском уезде как исторический источник 232

Проскурякова М.Е. Материалы «общего смотра служилому классу» 1721–1722 гг. как источник для изучения штатного состава и продвижения по службе гражданских чинов Выборгской провинции 243

Пугач И.В. Сметные списки как источник по истории русского феодального города 251

Раздорский А.И. Переписная книга Курска 1723 г. как исторический источник 261

Рыжков А.С. Опыт составления электронной базы данных по переписным книгам карельских пашенных солдат Ивана Дивова 269

Сазонова Т.В. Составление учетной документации зерновых припасов в Кирилло-Новоезерском монастыре (первая половина XVII в.) 275

Середа Н.В. Переписная книга гор. Твери 1709 г. 279

Собисевич А.В. Карта Олонецкого уезда Акима Клешнина 1728 г. как источник социально-экономической информации 289

Соколова Н.В. Хозяйственная документация нижегородских монастырей как исторический источник (XVII – первая пол. XVIII в.) ... 295

Стрельников С.В. К изучению межевых книг Троице-Сергиева монастыря середины XVI в. 303

Суслова Е.Д. Писцовая книга Заонежских погостов 1616–1619 гг. как источник по истории церкви в Карелии Раннего нового времени 306

Фельдман Д.З. К вопросу о фиксации крещеных евреев в материалах ранних ревизий (на примере ревизских сказок Епифанского уезда Тульской провинции) 316

Филатова В.Н. Социальная структура сел Лыскова и Павлова Нижегородского уезда по материалам писцового делопроизводства XVII века 320

Фролов А.А. Организация материала в древнейшей русской писцовой книге 328

Хитров Д.А., Черненко Д.А. Земельные кадастры XVII-XVIII вв. как источник для изучения процесса дробления дворянского землевладения 336

Черкасова М.С. Хозяйственные книги Николо-Коряжемского монастыря XVI – XVII вв. 345

Чернякова И.А. Концепция изучения традиционной крестьянской семьи в Карелии доиндустриальной эпохи по массовым источникам нового времени 355

Швейковская Е.Н. К верификации ономастических сведений писцовых книг XVII в. (Сольвычегодский уезд) 367

Научное издание

Материалы XV Всероссийской научной конференции
«Писцовые книги и другие массовые источники
XVI–XX веков».
К столетию со дня рождения П. А. Колесникова

Макет:
Зенченко М. Ю., Иванова Г. А.

Издательство «Древлехранилище»
Лицензия № 00226 от 11.10.99
Тел./факс.: (095) 245-30-98

Формат 60x90/16. Печ. л. 24.
Гарнитура "Петербург".
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 268.

Отп. в ЗАО «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.